

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТАБРЬ **№5(101)**

МОСКВА 2015

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2015. № 5. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; академик РАН В.Л. Макаров; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тугов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора.

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин.

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *А.В. Осипова*

Компьютерная верстка — *А.В. Осипова, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
С.С. Нина, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496, e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fljournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2015 г.

Содержание

101-й	7
Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Сознание как феномен человека и фактор его бытия.....	11
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Зачем экономисту нужно знать, как устроено сознание?	16
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Сознание — смысловое оружие вечности.....	28
<i>И.А. Горюнов</i>	
Человеческое сознание: метафизический и научный стили мышления	43
<i>А.И. Субетто</i>	
Закон роста идеальной детерминации в истории и роды действительного разума человечества в XXI веке	59
<i>И.Л. Соломин</i>	
Психосемантический подход к исследованию структуры сознания в условиях хозяйственного бытия	73
Раздел II	
Экономическая теория	
<i>В.М. Юрьев, В.Г. Бабаян</i>	
Модернизация, устойчивость и структурированный хаос в социально-экономической системе.....	87
<i>Ю.А. Кропин</i>	
Еще раз о структуре цены (стоимости) товара.....	95
<i>В.В. Кашицын</i>	
Россия в условиях современной глобальной мирохозяйственной трансформации: основные внешние и внутренние вызовы	103
<i>Г.И. Мойсейчик, Т.И. Фараджов</i>	
Как нам не проспять четвертую промышленную революцию: государственная стратегия по переводу промышленности на цифровую платформу как необходимое условие государственного суверенитета	109
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Две системы экономики или два разных организма? (Варианты методологии анализа экономических проблем).....	125
<i>А.А. Кузнецов</i>	
Принципы выбора паевых инвестиционных фондов для домашних хозяйств	134

<i>О.В. Барашкова</i> Национальная экономика России: сравнительный анализ региональных подсистем (проблемы методологии и методологии).....	144
<i>Н.М. Хабалашвили</i> Реально существующий синтез вместо пресловутого неоклассического синтеза	153
Раздел III	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i> Наука и вера	169
<i>Кутырёв В.А., Нилогов А.С.</i> Последнее слово человека самому себе? (беседа А.С. Нилогова с В.А. Кутырёвым).....	172
<i>А.Р. Геворкян</i> От метафизики идеи к метафизике истории: Ницше, Маркс, Федоров.....	189
<i>Н.Н. Ростова</i> Священное как пострелигия	198
<i>В.П. Океанский, Ж.Л. Океанская</i> Мир как софийное хозяйство и Слово как идеация вселенной: философия имени как идеациональный феномен в контексте социокультурной динамики Питирима Сорокина	203
Раздел IV	
Актуальная история	
<i>А.Н. Нечухрин, С.В. Сняков</i> Интеллигенция в плену исторических иллюзий	221
<i>И.Г. Шевченко</i> Наследники Хана	234
<i>С.В. Бирюков</i> Греческий кризис: есть ли альтернатива катастрофическому сценарию?.....	246
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i> Мучкапские искристые бдения.....	257
<i>С.С. Нипа, Т.С. Сухина</i> Хроника мучкапских откровений.....	271
<i>Е.С. Зотова</i> Философия хозяйства о текущем социохозяйственном моменте.....	280
Наши авторы	300

Contents

101-st	7
Part I	
Phylosophy of Consciousness	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Consciousness as a Human Phenomenon and Factor of Human Being.....	11
<i>F.J. Girenock</i>	
Why Do Economist Needs to Know How the Consciousness is Arranged?.....	16
<i>N.B. Shulevski</i>	
Consciousness is the Notional Weapon of Eternity	28
<i>J.A. Goryunov</i>	
Human Mind: Metaphysic and Scientific Way of Thinking	43
<i>A.J. Subetto</i>	
The Law of Growth of Perfect Determination in History and Birth of the Real Human Mind in 21th century.....	59
<i>I.L. Solomin</i>	
Psychosematic Approach to the Survey of the Structure of Consciousness in Economic Life Conditdions	73
Part II	
Economic Theory	
<i>V.M. Yuryev, V.G. Babayan</i>	
Midernization, Stability and Structural Chaos in Socio-Economic System.....	87
<i>U.A. Kropin</i>	
Again About the Price Structure (Cost) of the Goods.....	95
<i>V.V. Kaschizin</i>	
Russia in Conditions of Modern Global World-economy Transformation: Main Inner and Outer Challenges	103
<i>G.J. Moiseychick</i>	
As We Did not Sleep for the Fourth Industrial Revolution: the National Strategy for the Transition of the Industry on the Digital Platform as a Prerequisite for National Sovereignty.....	109
<i>T.J. Koptelova</i>	
Two Systems of Economics or two Different Organisms?	125
<i>A.A. Kuznetsov</i>	
Principles of Mutual Funds Choice for Households	134

<i>O.V. Barashkova</i> National Russian Economics: Comparative Analysis of Regional Sub-systems (Methodic and Methodological Problems)	153
--	-----

Part III

Actual Philosophy

<i>F.I. Girenock</i> Science and Faith	169
<i>V.A. Kutryov, A.S. Nilogov</i> Human's Last Words to Himself? (Interview with V.A. Kutryov).....	172
<i>A.R. Gevorkyan</i> From Metaphysics of Idea to Metaphysics of History. Nietzsche, Marx, Fyodorov	189
<i>N.N. Rostova</i> Sacred as Post-Religion	198
<i>V.P. Okeanski, J.L. Okeanskaya</i> World as Sophic Economy or The Word as Ideation of the Universe; Philosophy of the Name as Ideational Phenomenon in Contest of Socio-Cultural Dynamics by Pilgrim Sorokin	203

Part IV

Actual History

<i>A.N. Nechuchrin, S.V. Sinyakov</i> Intellectuals in the Cage of Historical Illusions	221
<i>I.G. Shevchenko</i> Hun's Inheritors	234
<i>S.V. Biryukov</i> Greek Crisis: Is There an Alternative Catastrophic Scenario	246

Scientific Life

<i>Yu.M. Osipov</i> Muchkap sparkling vigils.....	257
<i>S.S. Nipa, T.S. Sukhina</i> Muchkap revelations.....	271
<i>E.S. Zotova</i> Philosophy of Economy about the Present Social and Economic Situation	280
Authors	300

101-й

Редакция журнала во главе с его главным редактором не заметила вовремя («зевнула») выход в свет сотого номера журнала (за № 4, 2015 г.). Спohватившись, решила особо отметить явление уже 101-го номера, приветствуя тем самым новую сотню книжек журнала «Философия хозяйства».

Состоится ли целиком эта новая сотня или нет, никто не знает, но зато всем уже ясно, что состоялась целиком первая сотня. *Виктория!* И это когда наш примечательный журнал почему-то не вызывает никакого благосклонного приятия у нынешней административной системы, скорее наоборот, заставляет «эффективных менеджеров» при упоминании журнала недовольно морщиться, каменеть лицом, натужно молчать. «Как же так, — спросит в недоумении наивный читатель, — журнал же содержательный, актуальный, интересный, мало того — живой, свободный, насыщенный свежей мыслью?» У редакции на этот счет нет ответа: не нравится, и всё тут! Рейтинг, говорят, не тот, а что такое рейтинг, если не великий административный конфуз нашего обуздываемого бюрократией времени? А вот сто книжек журнала за 16 лет бытия не только никакой не конфуз, да и не просто героическое деяние, а самое настоящее эпохальное событие, исполненное заинтересованным ученым сообществом, в среде которого умнейшие люди современной России и нынешнего зарубежья. *Кладовая знаний!* И как же тогда понимать административный вокруг журнала вакуум-холодок? А никак! Понять всё это невозможно: насильно ведь мил не будешь! И что остается? Работать, делать журнал, публиковать оригинальные тексты, собирать и распространять неординарные мысли, одним словом — *жить!* Спасибо тем, кто в журнале и с журналом, кто создает журнал, в него пишет, его читает, им дышит, кто держит и содержит журнал, его понимает, им гордится, его длит!

Да будет!

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
СОЗНАНИЯ**

Ю.М. ОСИПОВ

Сознание как феномен человека и фактор его бытия

Аннотация. Сознание как феномен человека и его исключительная в природном мире принадлежность. Противоречивая роль сознания в реализации человеческого бытия, его неоднозначное отношение с окружающим контекстом, включая экономический.

Ключевые слова: человек, сознание, бытие, хозяйство, философия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the consciousness as a phenomenon of the person and his exclusive accessory in the natural world. The author shows a contradictory role of consciousness in realization of human life, its ambiguous relation with surroundings including the economy.

Keywords: person, consciousness, life, economy, philosophy, philosophy of economy

Человек — это сознание, а сознание — это человек, — человек как особь и человек как человечество. Сознание, а это есть абстрагированное от природно-животного бытия *знание*, составленное из абстрактных (неприродных, идеальных) знаков-символов, несущих в себе, через себя, за собой мысли, понятия, смыслы, всё то, что никак не может явиться в природе и по-природному, что явно из неприродного материала, что есть бытующий в природе параллельный природе неприродный мир — мир осознаваемого знания, способного не только осознаниевать всё природное (вселенское), выдавая направо и налево имена, названия, определения, но и конструировать свой собственный, вполне уже воображаемый, даже и не имеющий аналога в природе, вполне, стало быть, и несусветный, мир.

Человек, снабженный именно таким несусветным знанием, и есть собственно человек — осознаниевый человек, чем он и коренным образом отличается от любого живого (животного) существа.

Сознание в своих истоках и исходных проявлениях — тайна, — и человеку приходится, имея дело с самим собою (именовать себя, называть, определять, понимать, воображать, знать, не понимать, теряться в догадках, не знать), общаться с незыблемой сознаниевой тай-

ной, признавая трансцендентность как себя, своего сознания, так и всего окружающего мира.

Самоуверенность якобы всезнающих ученых, как и некоторого типа философов, никак не свидетельствует о полном и абсолютном знании человеком своего сознания, себя самого и мира, в котором человек является, бытует и из которого непременно — особь за особью — куда-то уходит.

Вне сознания нет никакого вообще мира, никакой Вселенной, никакого Бога, как и никакого человека. Бытие не сводимо к сознанию, но никакого бытия вне сознания для человека нет, а потому между сознанием и человеческим бытием можно поставить знак позитивной связи: *человеческое бытие есть сознание, а сознание есть человеческое бытие!*

Ни человеческое бытие, ни собственно сознание невозможны без осознания деятельности человека, обеспечивающей человеку его осознанное жизнеотправление. Человек ведет осознание, вполне им и осознаваемое, хозяйство. Хозяйство — *реализация сознания!* Условно говоря, между сознанием и бытием, как и наоборот, «расположено» хозяйство, а потому и триада: **сознание — хозяйство — бытие!**

Хозяйство человека — это проективно (вообразительно) осознаваемый процесс. Сначала намерение (замысел), потом обязательно проект, а уже затем — действие. Здесь превалирует не инстинкт, не внешний порядок, а вообразительная способность сознания. *Сначала сознание, а уж потом хозяйство!*

Вне сознания нет никакого человеческого хозяйства, как и нет вообще человеческой жизни, человеческого бытия. И дело здесь не только в том, что вообразительный (намеренческий) аспект предшествует практическому действию, а и в том, что человек способен воображать и воплощать то, чего нет в данном ему природой и господом мире. Это главное! Человек ведёт природно-неприродное хозяйство, причём с тенденцией, как показала история, к неприродному «брегу». *Неприродное (сознательное) порождает неприродное* (сначала виртуальное, а потом и реальное)!

Хозяйство человека — *движение от природы к неприроде!*

И что тут особенно поразительно: в силу своей фундаментальной трансцендентности (не зная откуда, как и зачем?) человек ведет в основе своей *трансцендентное хозяйство* (не осознавая его конечной цели). Хозяйствуя, человек творит не только необходимо выживательное, но и всё более и более не необходимо выживательное, а лишь раскрывающее его трансцендентную творческую возможность: чело-

век, хозяйствуя, творит не просто неприродное и природе вовсе не нужное, но и человеку совершенно по итогам им же творимого и неведомое. Не зная до конца и абсолютно себя, человек творит что-то полностью, до конца и абсолютно ему не знакомое. Творит, и всё тут!

Вроде бы человек творит не в потемках, чуть ли не на свету, но... посреди все-таки темной неизвестности, обрамляющей доступную человеку светлую известность. Известность работает на неизвестность, а неизвестность, раздражая известность, стимулирует творческий зуд известности, а вместе с этим и творческий зуд человека-творца.

И что же в итоге?

А в итоге, знаете ли — *чёрт знает что!* Человек ничего толком не знает, но, видно, и чёрт мало что знает, ибо тут... *трансценденция!*

Да, неприродный мир сотворен человеком, — и мир это — вполне искусственный целиком, целостно, и как целое противостоит сегодня миру природному. Это параллельный природе мир; это мир сознания, его реального воплощения; параллельность мира сознания перетекла в параллельность созданного сознанием искусственного мира. Человек хоть и всё еще в природе, но он уже по большей части своего жизнеотправления не в природе, а в неприроде, в искусственности, в *арт*-мире. Он уже не просто на Земле, а на *арт*-Земле, а может, одной ногой уже и на *Арт*-земле!

Человек (европеец-демиург прежде всего) создал *арт*-мир — вроде бы под себя, но *арт*-мир ответил человеку потребностью к себе приспособления самого человека, — и человек это делает, полагая пока себя не только творцом *арт*-мира, но и его безоговорочным хозяином. *Арт*-мир де покорно служит изменившемуся ментально, поведенчески и функционально человеку. Так, во всяком случае, думает сегодня образованный по-современному, т. е. модельно-математически, человек. Однако тут не всё так уж просто: за пользование *арт*-миром надо платить не частичными изменениями, а целостным превращением, главный смысл чего обозначен такими словами-понятиями, как *ворот*, *оборот*, *оборотень*. Быть в новом мире — в *арт*-мире, значит не что иное, как... оборотиться, стать принципиально другим, а именно — *арт*-человеком, но, может, и совсем уже другим — прямо-таки новым существом, пусть и человекообразным, но новым, в чем-то фундаментальном уже и нечеловеческим (от человека через современного «человека» к последующему за ним «чиповею», к примеру).

Одно дело накопление (того же знания), другое — перемены (в том же сознании), совсем другое — *трангрессия* (от сознания к постсознанию).

Очень интересный процесс: тут уж не эволюция, а самая настоящая *революция!*

От человека к постчеловеку!

И что же скрывается за этим таинственным «пост»?

Пост-сознание вовсе уже не *нео-сознание*. Неосознание, которое как раз и есть сознание современного евроамериканца и любого из любителей евроамериканской глобализации, а именно сознание облегчённое, этакое «Шарли-сознание» — пустенькое, глупенькое, веселенькое, «толерантненькое», «политкорректненькое», бессердечненькое, — так вот это неосознание не чета постсознанию, которое уже и не сознание вовсе, а от него лишь внешне подобный след: там уж ничего ни своего, ни завещанного предками, ни самим человеком благоприобретённого, ни субъектно-субъективного, ни даже попросту эгоцентрического, ибо вместо сознания там окажется всего лишь его искусственное подобие, очень схожее с умной начинкой робота.

Не человек из обезличенной массы, а «мушка сетевая», не «главарь-горлопан» из вождельной элиты, а «паук сетевой» — и все они без сознания, причём настолько, что и без бессознания тоже, но зато с небывалыми эффективностью, полезностью, практичностью!

Что это за выход такой во внесознаниевую сферу? Отважный выход сознания за пределы самого себя? Под видом обретения некоего *сверх-сознания*, но уже и сверхприродного, сверхчеловеческого, сверхсознательного?

Суицид сознания!

Любопытнейший, знаете ли, факт! И всё это в результате развития, в итоге прогресса, по эскизам человеческой демиургии, благодаря комфорту и благополучию, во след евроамериканскому сумасшествию!

Сознание сегодня в апогее самого себя, на вершине, но и на краю тоже, перед бессознаниевой бездной, перед концом!

Ничего уже нет в движении вперёд собственно человеческого. Напирает нечеловеческое (не плохое вовсе, а попросту нечеловеческое!). Что теперь человеческого во всем новом, передовом, необыкновенном? Человек ведь — этот сегодня уже неочеловек — творит всю уже за пределами человеческого мира, как раз там, где человека нет и быть не может, где возможен уже только постчеловек — этот некий человекообразный электронно-механический адекват.

И уж не уходящего ли человека с его самоисчезающим сознанием оплакивали в наступающую постсакральную эпоху всякие «безумные» композиторы и поэты, сочиняя не менее «безумные» реквиемы?

И не с суицидом ли сознания связана пресловутая идея Конца Света?
И не пертурбациям ли сознания посвящено Иоанново «Откровение»?

А в чем тут дело?

Дело тут в замыкании начала и конца, того самого конца, рождённого началом и породившего новое начало, — уже за пределами всего сотворённого началом, — такое новое начало, которое никак не совместимо не то что с изначальным началом, но и с самим «начальным» концом.

Лучше всего, это иллюстрируется через Уроборос — змею, проглатывающую саму себя с хвоста, но так и не могущую себя проглотить.

Да, новое всегда сменяет старое, его — это старое — уничтожая. Ради своего — этого нового — торжества. Это так! Но одно дело, ежели есть резервы для последующего бытия, есть простор для его будущего, и совсем другое дело, ежели нет ничего такого, ибо, повторяем, всё творится ныне уже на краю, если не за пределами, человеческого мира, а там — за краем, за пределами, уже другой мир — нечеловеческий, — и как же его, этот нечеловеческий мир-*антимир*, всё-еще-человеку избежать?!

Конфликт, коллизия, катастрофа!

Человек достиг вершины... человечества, далее, если что-то и продолжится, то уже... за пределами собственно человечества. Твердолобым и легкомысленным политикам, ведомыми скрытыми с глаз и давно уже с-ума-сшедшими знатоками Проекта, всё ещё кажется, что они действуют в человеческом мире, действуя при этом и античеловечески, но мир-то уже на планете другой, во всяком случае — господствующий на Земле передовой, он же Западный, мир, он уже наполовину античеловеческий, он уже наполовину антимир, а потому всякое движение вперёд — уже движение в никуда, в то самое ничто, которое лишь ничтожит, прямо в тартарары. У человечества уже нет резервов для античеловеческих экспериментов, даже и социалистических, нет резервов и для «успешного» капитализма. Мир человеческий целиком захвачен и освоен, а впереди уже только другой мир — всецело античеловеческий мир, он же и антимир.

И где тут сознание?

Нет, не то сознание, которое всё еще при человеке и при человечестве, а то самое — высшее, сакральное, софийное?

Ответить бы утвердительно, да и указать уверенно на место его пребывания, но... как было оно когда-то распято, так распятым и остаётся, а ежели вдруг где-то и как-то проявится, то вовсе и не вдруг старательно затирается, уничтожается, распинается.

Однако не всё потеряно, раз Иоанн начертал когда-то свой «Апокалипсис»: развёртывающаяся мировая коллизия выдавит всё-таки нужное для спасения человека и человечества уникальное апокастатическое сознание, которое, даст Бог, и сработает — хотя бы для части человекообразного населения планеты! А ежели нет, не явится и не сработает, то и коллизия эта останется единственной в своём роде — так и не попав в анналы истории — уже и исчезнувшей!

Ф. И. ГИРЕНОК

Зачем экономисту нужно знать, как устроено сознание?

Аннотация. В статье анализируются кризис субъекта и влияние этого кризиса на экономику. Экономика, по мнению автора, галлюцинирует. Автор объясняет смысл спекулятивной экономики и проблематизирует связь реального и воображаемого. А также исследует последствия разрыва между субъектом и субъективностью в современном мире. По мнению автора статьи, этот разрыв угрожает существованию человека, на смену которому приходит умное и неживое тело.

Ключевые слова: субъект, субъективность, сознание, капитал, экономика, реальное, воображаемое.

Abstract. In article crisis of the subject and influence of this crisis on economy is analyzed. The economy, according to the author, hallucinates. The author explains sense of speculative economy and puts a problem of communication real and imagined. And also investigates gap consequences between the subject and subjectivity in the modern world. According to the author of article, this gap threatens existence of the person to replace which the clever and lifeless body comes.

Keywords: the subject, subjectivity, consciousness, the capital, economy, real, imagined.

Нет материи более скучной, нежели экономика. Интерес к ней пробудил Маркс. До Маркса многие полагали, что ведение хозяйства напоминает устройство дома. Дом же есть несимулятивное пространство подлинного. Но Маркс оспорил этот взгляд, введя в хозяйство фигуру другого. Для чего он это сделал? Для того чтобы связать эту фигуру с симуляцией. Сама по себе без другого симуляция в хозяйстве возникнуть не может.

Кто этот другой? Неважно кто. Многие, в том числе и Маркс, готовы были идентифицировать эту фигуру с евреем. Главное, что этот другой, возникнув, изменил ситуацию, придав простому действию какую-то двусмысленность. Он заставил видеть в обмене обман. С появлением другого хозяин почувствовал, что у него есть спина и за его спиной что-то происходит, что-то ускользает от его взгляда. Маркс решил заглянуть в то место, что стало слепым пятном во взгляде честного хозяина. Заглянул и увидел, что за спиной человека складываются экономические отношения, плетет свои сети паук-капитал. И предложил от другого избавиться, чтобы лишить паука субъектности. И мы преуспели в этом деле.

Но затем интерес к Марксу пропал. На политических экономистов многие сегодня стали смотреть, как на динозавров. Философия равнодушно отвернулась от экономики и, видимо, напрасно. В связи с новым кризисом субъекта возник вопрос об экономике по ту сторону хозяйства, экономике изнанки. И вновь стала актуальной проблема: возможна ли экономика без обмана или она безнадежно связана с симуляцией? Поэтому следует начать исследование с изучения субъекта.

Среди современных философов не утихают разговоры о смерти метафизики или, что одно и то же, о кризисе субъекта. Лучше всего о кризисе субъекта рассказал Бунюэль в фильме «Скромное обаяние буржуазии».

Бунюэль

В фильме «Скромное обаяние буржуазии» шесть человек никак не могут встретиться, чтобы вместе поужинать. Им все время что-то мешает. Четверо из них приходят в гости в дом к двум своим друзьям, а их никто не ждал. Кто-то из них перепутал время встречи. Все вместе они идут в ресторан, но ресторан закрыт, вернее, открыт, но в нем хоронят умершего хозяина. Дамы хотят выпить чай в кафе, но в нем нет чая. Они просят вино, а кафе безалкогольное. Они просят кофе, а кафе закрывается.

Время субъекта прошло, — говорит Бунюэль, — наступило время субъективности. И это ощущается во всем. Во всем видна нехватка субъекта, везде заметно его отсутствие. Только это отсутствие в фильме пока еще воспринимается не трагически, не как недостаток бытия, а скорее как мелочи быта. Бунюэль знает, что к буржуазии навсегда пристал запах денег, что она связана с финансовыми преступлениями и торговлей наркотиками. Но он это не хочет обсуждать. Его интересует другое: субъективность буржуа на уровне тихой повседневности быта. Субъективность, которая не грезит о воле к творче-

ству, но знает, как нужно пить сухой мартини. И эта субъективность ему симпатична. Герои фильма ничего не хотят. Они эмоционально выгорели. Но дело не в них, а в мире, в котором они живут. В этом мире оказались нереализуемыми простые действия, элементарные желания. Скромное обаяние буржуазии Бунюэль видит в том, что она еще может грезить, и поэтому у нее пониженная реакция на окружающий мир. Ее жизнь — это жизнь вперемешку со сновидениями. Субъективность обесмысливает смыслы объективной реальности. Но никто еще не жаждет смерти субъекта, как в фильме Годара «Прощай, речь».

Мир без субъекта

В мире Годара нет больше событийности, в нем, как в книге Янна, река существует без берегов. В современном мире, действительно, нет ни идеологов, ни вождей. Нет так называемых субъектов политики. И главное, никто не хочет, чтобы они были. Всех нас окружают бюрократы, чиновники, амебы субъективности, которые наугад выбрасывают содержимое своей субъективности и называют это политикой. И мы их терпим, хотя и относимся к ним с пренебрежением.

В бессубъектном мире коммунисты — это уже не коммунисты, а тусклый свет потухшей звезды. И даже правые — это совсем не правые, а убитые толерантностью левые. Но противнее всех насекомые демократии, а также финансовая саранча, пожирающая остатки былой субъектности человека. Из культуры ушли безумцы. В ней остались одни рационалисты. Рациональный субъект в экономике умер. В ней теперь, как и везде, доминирует субъективность. А субъективность, как в последнем кадре фильма Бунюэля, возникает тогда, когда люди идут неизвестно откуда неизвестно куда. Но экономисты этой иррациональности пока не заметили.

Субъект

Субъект — это другой, присутствие которого создает в нас ощущение обмана. Другой — не тот, кто смотрит тебе в лицо. Другой тот, кто смотрит тебе в спину. Под субъектом в философии понимается универсальный другой, тот, кто видит и твое лицо, и одновременно твою спину. У субъекта нет ни спины, ни лица. Ему нечего опасаться. Мир для него прозрачен и ясен. Субъект не создает субъективность, он создает иллюзию объективности, окружая себя объектами. Все, что делает субъект, держится усилиями субъекта, а не причинными отношениями. Следовательно, в хозяйстве всегда есть то, что держится причинами и требует субъективности хозяина, и еще в нем есть то, что держится субъектом и требует объективности. Между субъективно-

стью хозяина и объективностью субъекта возникает конфликт, подобный конфликту в пьесе Чехова «Вишневый сад». Лопухин хочет продать сад и заработать деньги. И это соответствует объективной логике событий. Раневская мечтает жить, как жила, полагая, что все как-нибудь образуется. И это соответствует субъективным желаниям.

Для того чтобы лишить субъекта возможности быть субъектом, нужно мир лишить прозрачности, нужно сделать его непроницаемым, хаотичным. Рискованно думать, что в мире есть только тела. Если бы в мире были только тела и силы, то хаос давно превратился бы в порядок. Что может помешать порядку тел и субъектов?

Тела и субъекты

Нужно признать, что в мире существуют не только тела, но и субъекты. Тело отсылает к телу, вещь отсылает к вещи. Объекты отсылают к субъекту, а субъект ни к кому не отсылает. Он, как субстанция, отсылает к самому себе.

Отношениями тел управляют причины. Субъект — это не тело. Он находится в аутистическом отношении к самому себе. Он не отсылает к тому, что находится вне его. Если бы он отсылал к существованию того, что им не является, то он перестал бы быть субъектом. Субстанция, встретившись с новым, объявляет его другой субстанцией. Субъект, в отличие от субстанции, ведет себя, как агрессор, ибо кладет себя в основание новизны, полагая, что несет в себе причину всякого произведения. Быть субъектом — значит присоединять к себе как основанию то, что стоит на своих ногах, дерзнуло быть самостоятельным. Поэтому, например, капитал — это субстанция и одновременно это, как заметил Маркс, субъект.

Субъективность

Настоящий источник хаоса — это субъективность. Она противостоит телам и субъектам. Субъективность — не цвета и не запахи. Не то, что можно, как думали психологи, прикрепить к телу. Видеть в цвете — не значит быть субъективным, а иметь аппетит — не значит иметь волю. Это значит быть живым. Но субъективность — это и не некое внутреннее, образуемое разными складками; не то, что делает субъект. Быть субъективным — значит предоставлять себя действию сил воображаемого.

Предоставить себя — значит изменить сознание, создать в нем второй план. Для того чтобы появился второй план, нужно заселить мир призраками, т. е. такими вещами, которых нет, но которые существуют, если к ним относятся как к чему-то действительно существующему.

Вот с этого отношения к несуществующему и началась история человека, его субъективности. Если бы в мире не было субъективности, то в нем ничего бы не было. А поскольку она есть, постольку в мире есть изнанка и обман. И мы живем не в мире дословного, а в мире спекуляций.

Субъективность — вещь из мира воображаемого параллельно-му миру реальному. Мерой субъективности является не аффект и даже не эмоция, а воля. Хотя силой воли только и может быть энергия взорвавшейся эмоции, проснувшегося, как вулкан, аффекта. Представление о том, что есть какой-то ум, который вступает в борьбу с аффектами, создает иллюзорную онтологию субъективности. Иллюзия состоит в разделении субъективности на две части — на ум и аффекты. В мире нет никакого ума, нет логики. В нем есть, с одной стороны, тела и силы, а с другой — субъективность и воля. И субъект существует не потому, что есть тела, а потому, что есть субъективность, в которой волей к объективности учреждается субъект.

Кризис: разрыв между субъективностью и субъектом

Мир без субъективности — это пустой мир тел и сил, в котором некому возвращаться к себе. В нем нет необратимости, ибо всякая необратимость — субъективна. Мир тел очаровывает вечным повторением одного и того же космического порядка. Вернуться в нем — значит потерять время. Физический мир — это мир, потерявший время, вселенная одного момента, длящегося вечно.

Либо мир един и цел, и тогда в нем нет субъективности, либо в нем есть самоотнесение, и тогда он разорван на субъективное и реальное. И объединить его нельзя даже в слове «бытие». Было бы ошибкой думать, что субъективность — какое-то добавление к объективному. Первый кризис субъекта был связан с разрывом между субъективностью и принципом объективности.

Мир субъективности — мир, безнадежно испорченный субъектом, ибо то, что держится субъектом, держится во времени. Искушение субъекта состоит в том, чтобы свое содержание попытаться удержать посредством тел и сил, встроенных в цепь причин и следствий.

Второй кризис субъекта проявляет себя с неожиданной стороны. Он обнаруживает себя в мире, в котором невозможно выполнить самое простое действие. Герои фильмов Бунюэля — это не персонажи из книг Камю, они вряд ли решатся на действие без надежды на успех. А герои последнего фильма Годара даже не пытаются придать смысл бессмысленности. Они не смогли реализовать простой базисный акт понимания в отношении друг друга.

В мире, который мы не понимаем, жить невозможно, ибо это мир состоит из смеси тел и грез. Тем самым, человеку угрожает не забвение бытия, ибо бытие — всего лишь вопрошание о бытии со стороны субъективности, а возможный разрыв между человеком и субъективностью. Призраки, учрежденные человеком, объявили себя независимыми от человеческой субъективности. Разрыв между человеком и природой позволил создать цивилизацию. Разрыв между человеком и субъективностью создает новую когнитивную ситуацию, угрожающую существованию человека. Эта угроза — умное и неживое тело.

Субъект без субъективности

Сознающий себя субъект находит свой предел в интеллекте, который не нуждается в сознании. Сознание, застревая на всяких мелочах, мешает ему мыслить. Субъект без субъективности узнается теперь как машина, как автомат, как умное тело, которое возвещает когнитивную смерть человека. Эта смерть — миг торжества в мире тел и сил, ибо она возвещает конец действиям, в основании которых лежит субъективность. Сегодня пришло время для действий, в основании которых лежит чистое знание. Воля уступает место знанию и силам, которым не предшествует пробуждение аффекта. Вулканы субъективности спят, тела торжествуют. Спекулянты спекулируют.

Субъективность без субъекта

Субъективность пережила смерть знающего себя субъекта, потому что субъективность — условие субъекта, а не его содержание. Она глубже субъекта, радикальнее его. Носителем чистой субъективности может быть только человек. Субъективность нуждается в теле для грез, а не в теле для эволюции. Тело прекращает быть телом, как только оно начинает грезить. Почему? Потому что с появлением грез все начинает двоиться. И отличить тело от грезы от тела средствами сознания становится невозможным.

Борцом с раздвоением в мире был Спиноза, который видел недостаток человека в том, что у него все двоится в глазах. Спиноза, конечно, принялся исправлять этот недостаток, но у него, слава богу, ничего не получилось. Он не смог устранить раздвоенность сознания.

Субъективность показывает теперь себя не как то, что приписано к субъекту, а как воспроизводящееся миром раздвоение. Субъективность — не перцепция, не квалиа, которыми заполнен мир тел и сил. Мир субъективности — галлюцинации, видимости, призраки, двойники, точки зрения, гуляющие сами по себе. Поэтому то, что, например, называют сегодня желаниями, желаниями вовсе не являются, они существуют как машины, как заводной апельсин, как механи-

ческое пианино. Поскольку галлюцинацию, в которой возникают желания, не отличить от реальности, в которой возникают те же желания, постольку движение к исполнению желания не знает границы между субъективным и объективным. Бессубъектная субъективность выбрасывает свои бесчисленные аутистические шупальца, чтобы однажды встретить какое—то сопротивление в порядке существования. Встретить и умереть. Или, если повезет, создать свой порядок.

Экономист

Быть сегодня экономистом — значит наивно мыслить. Что значит наивно мыслить? Это значит мыслить, как бухгалтер, без концепта. Кто мыслит без концепта? Тот, кто мыслит исходя из принципа объективности, согласно которому порядок идей должен соответствовать порядку вещей, а не химерам воображаемого. Но экономическая реальность — это не реальность вещей и даже не реальность отношений между людьми по поводу вещей. Экономическая реальность состоит сегодня из набора практически оправдываемых иллюзий. Современный экономист — не бухгалтер, а алхимик, который умеет работать с сознанием, вовлекая его в движение капитала.

Капитал

При этом нужно понимать, что сознание существует не для того, чтобы искать объективную истину, и не для того, чтобы возрастала стоимость капитала, а для учреждения мира воображаемого, для удвоения видимого. Истины сознания — всего лишь возвышающий человека обман. Сознание посредством воображаемого расширяет границы реального и в этом расширении старается не зависеть от реальности.

Капиталу, вернее капиталисту как персонифицированному выражению капитала, это нравится. И он присваивает богатства мира воображаемого. Поэтому всякий капитал спекулятивен. И хотя русское сознание не любит спекулянтов, современная экономика создана спекулятивным капиталом. Но капитал является спекулятивным не потому, что он мошенничает, играет на ценовом различии, покупая товар по низкой цене и перепродавая его по более высокой цене, хотя он только этим и занимается. Капитал спекулирует на расширении реальности посредством воображаемого. Зачем? Затем, чтобы не зависеть от реальности. Но этой независимости он не может достигнуть без эксплуатации сознания как своего ресурса.

Вовлеченность субъективности в движение капитала позволяет капиталу расширять список базовых активов до бесконечности. Если вещь всегда есть то, что она есть, то человек никогда не есть то, что он есть. Почему? Потому, что у него есть сознание, которое существует в

действию, но никогда не существует в действительности, то есть не существует как вещь. Поэтому для экономиста нет смысла ставить вопрос о том, почему в мире есть что-то, а не ничто. Экономист не философ. Ему, видимо, предпочтительнее было бы узнать, почему в экономическом мире ценится ничто и каким образом из этого ничто посредством воображаемого получается что-то.

Вещи не меняются. Взгляды на них, конечно же, меняются. И эти изменения капитал использует для своего спекулятивного роста.

Концепты

Большая часть современных экономистов старается производить знания, хотя их знания больше никому не нужны. Капиталу нужны не знания, а сознание. Ему нужно богатство субъективного, а не отражение реального. Он не позволит субъекту совершить убийство сознания.

Но среди экономистов есть еще и те, кто изобретает концепты, которые управляют знаниями. Концепт — это, как заметил великий экономист Делез, то же самое, что живописное полотно художника, результат творчества, продукт галлюцинирующего сознания. Чтобы получился концепт, нужен хорошо обоснованный вымысел. И тогда концепт становится точкой сингулярности сознания, его индивидуальной неповторимостью. И под концептом можно ставить подпись. Например, под концептом «капитал» стоит подпись «Маркс». Но экономисты разучились создавать концепты.

Кто производит знание, тому не нужно иметь сингулярное сознание. Тому достаточно быть умным телом, интеллектом без субъективности. У того есть неодолимое желание уклониться от необходимости ставить свою подпись, чтобы скрыться в анонимных складках рассчитывающего мышления.

Сознание

Сознание для экономиста существует как точка зрения на мир. Кто определяет эту точку? Малые, как скажет Лейбниц, восприятия. Что значит смотреть? На этот вопрос есть две точки зрения. Одна полагает, что смотреть значит воображать. Другая полагает, что смотреть — значит выражать тотальность мира. Первую разделяет Кант. Вторую — Лейбниц и Делез.

Вещи локализованы в пространстве. Их можно потрогать, передвинуть, взвесить. Вещи существуют. Иногда говорят, что они показывают себя. Возможно, это так и происходит. Но показывают они то, что мы хотим увидеть. Что никак не совпадает с тем, как они существуют. Почему? Потому что есть то, что локализуется во взгляде на

вещи. Это не вещи, а видимости. Они не существуют, а являются. Их нельзя потрогать и взвесить. То, что является, не имеет никакого отношения к тому, что существует. И наоборот, знание о том, что существует, ничего не говорит о том, что является.

То, что соединило видимости и вещи в экономике, стали называть деньгами. Деньги — это, как любил говорить Маркс, чувственно-сверхчувственная вещь. С одной стороны, они относятся к видимостям, к тому, что не существует, хотя и является, а с другой стороны, они относятся к вещам, к тому, что существует, хотя и не показывает себя. В спекулятивной экономике деньги теряют свою вещность, отказываются от своего наличного бытия и избирают видимость, безличный способ своего существования. Их теперь нет в действительности, но они есть в действии капитала как его идеальный момент.

Деньги — как ценные бумаги. Мы относимся к этим бумагам как к ценностям не потому, что это ценности. Никакой ценности в них нет. Они существуют как бумага. Но являются-то они как ценности. Ценные бумаги являются ценностями, пока мы относимся к ним как ценностям. И заставляет нас так к ним относиться сознание. Сознание — это наш внутренний надзиратель. Где локализованы ценности? Не в пространстве. Они локализованы во взгляде со стороны сознания. Что формирует этот взгляд?

Ответ Лейбница

Взгляды людей совпадают потому, что в них выражена тотальность мира. Миров много, а тотальность одна и дана нам малыми восприятиями, то есть восприятиями без сознания. Но это значит, что нас апперцепирует не мир, не тела. Тело не может быть причиной сознания. Миру сознание не нужно. Кто же нас апперцепирует? Согласно Лейбницу, нас приводит в состояние сознания не эмоциональная травма, не боль от взрывающейся галлюцинации, а другой человек. Это он помещает нас в план своего сознания и тем самым в мир зеркальных удвоенных, бесплотных теней, которые индуцируют в нас сознание.

Только сознание Бога, если он существует, никто не апперцепирует, не заселяет призраками, не помещает в план своего сознания. Для него нет своего другого. Вот что говорит Лейбниц: «Когда мое сознание расслабляется, меня захватывают малые восприятия, которые не становятся осознанными восприятиями; они не становятся апперцепциями, потому что захватывают мое сознание, только когда оно дезорганизовано. Вот в этот момент меня заполняет целое море малых восприятий... Я перестаю быть осознающим» (цит. по: [1, 78]). То есть я перестаю быть осознающим, хотя сознание не покидает меня. Оно

только дезорганизовано. Им манипулируют малые восприятия, то, что сознанием не является. Эту мысль можно передать иначе. В момент, когда мы перестаем быть осознанными, мы вступаем в экономические отношения. Значит, чем должна заниматься эффективная экономика? Дезорганизацией сознания, учреждением в нем двойников, тем, благодаря чему мы перестаем осознавать. А что делает психиатрия? Она пытается избавить своих пациентов от шизофренического раздвоения сознания. Спекулятивный капитал превратил экономику в психиатрическую больницу.

Дезорганизация сознания

Кризис субъекта — дело рук спекулятивного капитала, производство современной экономики. Задача экономики состоит не в производстве товаров и услуг, ибо это производство — всего лишь необходимый пока еще элемент в движении капитала. Эффективнее всего производство, в котором делают деньги в чистом виде: без труда, без рабочих, станков и машин. Товары и услуги затемняют существо дела, прикрывают истинный смысл экономики. Отвлекающий маневр капитала предназначен для ослабления сознания. Задача экономики состоит в том, чтобы запутать сознание, дезорганизовать его. И, прежде всего, дезорганизовать сознание элиты.

Настоящая экономика делается не в цехах, а на финансовой бирже. Подлинные экономисты — это не доктора наук, а манипуляторы сознания. Пока существует сознание, будут существовать и видимость, будут существовать и условия для спекуляции.

Поскольку человеческое сознание построено по принципу матрешки, постольку манипулировать сознанием — значит всегда иметь в запасе еще одну матрешку, еще один план сознания. Обычно такой матрешкой является элита, которая вводит в зону малых восприятий, в зону неразличения все остальные планы сознания. И это нужно учитывать любому экономисту, ибо принцип матрешки в работе сознания составляет нерв современной экономической реальности.

Сознание, заполненное видимостями и кажимостями, отсылает к существованию другого сознания. Ты думаешь, что ты думаешь сам, и не думаешь, что в твоей голове может думать кто—то другой. Тебе показывает себя одна последовательность событий, а на самом деле существует другая, прямо противоположная. Но первую видно, а вторую не видно, ибо она сама себя не показывает. Ты думаешь, что для тебя весь мир вертится, что для тебя производят товары и услуги, а на самом деле производят прибыль. И о тебе никто не думает. Ты как потребитель встроены в логистическую цепочку параллельного мира. Ска-

занное о матрешке в экономике можно прокомментировать на материале психиатрии.

Психиатр Кандинский

Русский психиатр Кандинский рассказывает: иду я, говорит он, по темному больничному коридору (напоминаю, что экономика — это и есть больничный коридор) и вижу, как один пациент на полусогнутых ногах, озираясь, пугливо крадется по коридору. Кандинский начинает его спрашивать: что ты, братец, здесь делаешь. Тише доктор, — зашептал ему больной, — не вспугни крокодила. А что случилось? — продолжал спрашивать Кандинский. Ответ был такой: меня крокодил проглотил. Я у него в животе. Здесь такая темнота и такой дурной запах, что можно задохнуться.

Что же ты делаешь? — продолжил допрос Кандинский. Пробираюсь к выходу — был ответ. — Видишь, у него пасть открыта. И пациент показал на окно в конце больничного коридора. — Надо торопиться, а то он может закрыть свою пасть. И пациент все так же боязливо продолжил свой путь к окну больничного коридора.

Было бы странно, если бы пациент ответил Кандинскому: мол, я здесь лечусь. Напротив, было бы логичным, если бы Кандинский присоединился к своему пациенту и они вместе стали бы пробираться к окну. В этом рассказе столкнулось два сознания, две вселенных. Одно — под именем «врач». Другое — под титулом «пациент». И каждое из них выражает свою тотальность. Но сознание пациента включено в сознание врача, как маленькая матрешка в большую матрешку. В шизофреническом сознании воображаемое расширяет реальное: больница именуется крокодилом. В ней мрачно, как в желудке крокодила. Ничего не видно, ничего не понятно и ничего еще не определено. И пациент идет к свету. А доктор ему мешает, хотя он тоже несет в себе свою шизофрению. Каждое сознание имеет свою зону непонимания. Вот пример моего участия в психиатрии экономической жизни страны.

Волатильность

Я очень люблю русские рубли и не очень люблю американские деньги. Доллары я использую для того, чтобы съездить в Турцию. За 1 дол. я обычно отдавал 30 р.

Но вот однажды (а когда мы слышим слово «однажды» или «вдруг», нужно понимать, что мы попали в точку сингулярности сознания, а не в точку регулярности, от нас требуются осознанные восприятия, а не малые восприятия) я иду менять деньги и узнаю, что за 1 дол. нужно отдать 80 р. Я сопротивляюсь. Мне говорят, что завтра он будет стоить 100 р. И вот я, как Цицерон, стал думать, переходить мне

Рубикон или не переходить, согрешить мне, как Адаму, или не согрешить. Я перешел Рубикон и сдался, стал агентом экономического действия, т. е. доверился малым восприятиям. Я поменял рубли на доллары и никуда не поехал. Хорошо быть в порядке перед самим собой. Я почувствовал себя одним из самых проникательных людей. Но через неделю я узнал, что доллар упал. За него мне теперь дадут 50 р. В результате меня обокрали дважды. И я возненавидел спекулятивный капитал. Поэтому я стал читать «Капитализм и шизофрения» Делеза.

Делез

В процессе чтения я узнал, что у меня были причины поменять рубли на доллары, но у меня не было для этого достаточных оснований. То есть вся тотальность современного мира говорила мне, давай, меняй, не надо колебаться. А оснований для обмена не было. Я был не готов к выражению бесконечной цепочки причин. Мое индивидуальное понятие не включало в себя идею обмена. А без этой идеи я, как Адам, без греха, невозможен реальному миру. И оно меня тихо отговаривало от транзакции. Мне остается заметить, что игра между причинами и основаниями придумана для того, чтобы в понятие вещи втиснуть все, что происходит с вещью. Чтобы потом аналитически все из этой вещи достать.

Я не вещь. Вещи проявляют свои свойства, а люди свои учреждают. Все, что происходит с вещью, происходит в пространстве и времени. А то, что происходит с человеком, происходит не в его концепте, а в его волатильной субъективности.

Экономика наизнанку

Торговля воображаемым составляет смысл экономики изнанки. Где происходит эта торговля? Чаще всего на финансовых биржах, где продают и покупают локализации во взглядах, совершают сделки с призраками, обмениваются социально приемлемыми симуляциями. Здесь никого не удивит превращение формы.

В изнанке, в зоне неразличения сознания, как бы за спиной у нас происходит невидимый обмен предикатами между тем, что существует, и тем, что только является. В результате обмена видимости закрепляются за тем, что существует, а предикат бытия приклеивается к тому, что только является.

Мир реальный мы привыкли мыслить в понятиях. И также в понятиях мы пытаемся мыслить мир кажимостей и видимостей. Но проблема состоит в том, что понятийное мышление не делает различия между существующим и тем, что не существует. Понятие явления создается вне связи с существованием. Концептуальный анализ стола

никогда не придет к тому, что он стоит у меня около окна. Реальный рубль в кармане и воображаемый рубль — это разные рубли. Один у нас есть, а другого нет. Но концептуально, как заметил Кант, у них нет никакого различия. У них одно и то же понятие. Пока мы не вступили в зазеркалье экономики, указанной неразличенностью можно было пренебречь. Но как только мы вступаем в мир воображаемого, все начинает меняться. Понятийное мышление уходит на второй план. На первый план выступают антропологическая прагматика и пространственная детерминация.

Резюме

Современная экономика галлюцинирует. Любой экономист, чтобы быть экономистом, а не обманывающим себя специалистом, должен знать, как устроено сознание.

Литература

1. *Делез Ж.* Лекции о Лейбнице. М., 2015.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Сознание — смысловое оружие вечности

Аннотация. Исследуется судьба сознания в современном мире, а также сознание самой судьбы, которая укрылась от своего сознания в генитальных трущобах бессознательного. Онтологически сознание есть действие вечности в качестве смысловой и моральной причины, которая творит бытие из ничто. Ибо вначале был смысл; и стал смысл сознанием — творческой причиной. А поскольку смысл и моральный суд совести становятся нетерпимыми для евриканской популяции бледнолицых, то они решили избавиться от сознания, заменить его играми, магией, оккультизмом и культом аморальности. Но сознание неуязвимо против булавочных уколов евриканцев и золотого тельца, лишая их всякого понимания происходящих событий. Серьезной и грозной атакой слуг лукавого против сознания служат технические опыты по созданию искусственного сознания на базе нового типа «живых» компьютеров, в которые их творцы собираются переселить судьбу, сделав ее орудием деконструкции сознания. И подчиняясь судьбе, люди рассознанивают себя, становясь инфермальными симулякрами, живыми ликами смерти.

Ключевые слова: сознание, разум, мораль, искусственное сознание.

Abstract. The article is devoted to the destiny of consciousness in the modern world and consciousness of the destiny which took cover from the consciousness in genital slums of the unconscious. The author shows that ontologically the consciousness is an eternity's action as the notional and moral reason which creates life from nothing, because in the beginning there was a sense that became the creative reason. Since the sense and a moral court of conscience become intolerant for euroamerican population they decided to get rid of consciousness, to replace it with games, magic, an occultism and a cult of immorality. But the consciousness is impregnable against pin pricks of euroamericans and the golden calf depriving of them any understanding of the occurring events. The author arguments that serious and terrible attack of servants of the Evil One against consciousness is technical experiments on creation of artificial consciousness on the basis of a new type of "live" computers in which their creators are going to move destiny, having made it the consciousness deconstruction tool. And surrendering to fate people deprive themselves of consciousness becoming infernal simulakrum, live faces of the death.

Keywords: consciousness, mind, morals, artificial consciousness.

В современном мире идет скрытая гонка за лидерство в *понимании и осознании*¹ развития: и победитель этой гонки может создать новые источники богатств и ценностей, новые формы управления и власти, а то и нового человека (не обязательно клона). Но главный приз получит та страна, которая станет субъектом сознания, которое и создает смысловой продукт безмерной ценности — понимание. А понимания становится ключом, который отворяет двери нового мира, чреватого последним судом для людей.

Сознание — самый загадочный и самый трудный для постижения феномен, ибо оно само определяет стратегию познающего субъекта, устанавливает, что именно считать сознанием, как его трактовать, дает свои каноны понимания мира и самого себя. Познавательным результатом понимания и непонимания сознания будет опять-таки то же самое сознание, которое мы хотим постичь. Сознание не сводится к другим субстанциям, посредством которых его можно объяснять. *Оно не «слушается» законов, материи, человека, техники, энергии, энтро-*

¹ Понимание и осознание в работе используются как синонимы, ибо «понимание» и «сознание» требуют нахождения и определения трех факторов: субъекта, объекта, целесообразных средств.

пши; оно повинуется только самому себе, своему тайному и святому делу, ради которого оно вышло из вечности; и оно никому не доверяет эту свою сказочную и чародейную силу. Сознание обладает абсолютной автономией, не смешиваясь ни с какими реалиями, но его смысловая кровь питает даже бессмыслицу. Как свет делает видимыми освещаемые им предметы и самого себя, так и сознание, осознанивая создаваемый им мир, выявляет и свою природу, постоянно сотворяя и пересотворяя самого себя, посредством человека, его культуры, философии. «Философия — волеизъявление сознания, осознаниевание всего и вся, но и формирование самого сознания» [1, 10].

Недооценка сознания — основная проблема, порождающая остальные проблемы человека, да и всего мироздания. Это — правда сущая, а не преувеличение. Ведь сознание питает *значениями и смыслами* бытие, вырабатывает *цели и решения* для волевых акций, создает *проекты, сети и структуры* любых организаций, возвращает и воспитывает *Логос*, поручая ему создание законов, методов познания и практики, находит в хаосе и безднах творящие и творческие *меры* жизни. Сознание — это сакральная лаборатория, в которой изобретаются всевозможные умения, цели, органы самоорганизации (дезорганизации и разрушения), средства роста знания (каждая вещь и мысль стремятся в бесконечность), а разум обретает в нем меру и справедливость для всех созданий мира этого и мира нездешнего. Без опеки сознания разум становится безличной технической деятельностью, производящей абстракции и механизмы — орудия искусственной гибели.

Сознание содержит и хранит в себе мир души, в котором работают совесть, долг, благочестие и справедливость. Душа открывает свои богатства и озарения посредством сознания, а само горение и свет души поддерживаются смысловой активностью сознания, которое находит в душе источники воды живой. Но сознание — и тяжкий дар, ибо его Немезида бдительно следит за нами, наказывая только высшей мерой, покидая своих носителей, не ценящих его благ.

Сознанию принадлежит высшая власть над всеми властями и начальствами мира сего, ибо у власти и сознания единая и неделимая сакральная основа — онтологическая тайна. И тайна эта очень и очень близка к той реальности, которая была до грехопадения, а теперь осталась лишь в идеальном мире сознания. Иначе не понять, почему ни одно определение мира сего не может описать содержание, функции, законы и цели сознания, почему оно терзает муками совести, стыда и позора и без того несчастных людей. Видимо, сознание свидетельствует и судит от имени той реальности, которая у всех народов именуется

раем — реалией чистой правды. Смысловым языком сознания говорит и показывает допотопная реальность.

Сознание — таинственная и загадочная реалья, оберегающая человека от смертельно опасных врагов его внешнего и внутреннего мира. «Враги везде — и даже там, где никого нет» (Шекспир). Но в то же время сознание угрожает человеку гламурной эвтаназией, суицидом радости и любви², соблазняя его миром непредсказуемых, непредвиденных образов, фантазий, мечтаний, грёз, снов, кошмаров, ужасов, изобретений, вообще — самыми невозможными из всех невозможностей возможностями. Сознание непрерывно создает новые образы, аллегории, смыслы и символы, благо или зло которых неопределимы или же определены тогда, когда исправить ничего уже невозможно. И сам разум, его логика возникают только в смысловом поле сознания, которое есть софийная лаборатория мироздания, создающая алгоритмы и цели эволюции. Сознание вырабатывает понимание, находя в смысле каждого предмета троичность сущего, а во множестве его смыслов находя единство сущего, знаки катастроф апокалипсиса.

И сознание принципиально непознаваемо, ибо оно само устанавливает, что есть сознание, знание, бессознание, находясь выше дуализма истины и лжи, оставаясь сознанием в самых превратных ситуациях. Сознание программирует, изменяет критерии важного и неважного, возможного и невозможного, и, самое главное, именно сознание переопределяет саму реальность. А реальность есть то, что страдает и мучится сознанием. Не случайно в современном обществе всегда включена дезинформационная завеса, скрывающая сознание. Сознание существует само по себе и для себя, вовлекая людей в свои смысловые мистерии, посредством которых человек существует в сознании, имеет ценность для него. Сознание непознаваемо для человека, а вот человек прозрачен для сознания. Поэтому человек может познать самого себя лишь в сознании и посредством сознания, лишь признавая себя смысловым органом сознания.

² Нарцисс, увидев свой образ в воде, влюбился в себя настолько, что забыл о жизни и зачах, являясь в этом плане первой жертвой сознания. И не только вода, но все окружающие человека вещи являются в той или иной мере зеркалами, которые незаметно, непрестанно и неуклонно воруют посредством копий-отражений смысловое содержание сознания, ускоряя приход смерти. И человека надо немало учить, чтобы он мог безопасно пользоваться сознанием, которое может незаметно сделать из оригинала человека призрачную, хотя и живоподобную айфонную копию, с которой он будет общаться до полного истощения.

Сознание значимее разума, ибо оно продуцирует цели и смыслы, визуализирует невидимые абстракции разума; используя ощущения, чувства, фантазию, оно создает видимые формы невидимых реалий. А разум служит лишь логическим средством сознания, которое и создает главный плод бытия — понимание. Кант доказал, что именно неспособность чистого и автономного разума познать реальность и свои цели загоняет его в логические джунгли неразрешимостей, которые разрешаются вне разума войной. Например, допуская бытие Бога, разум в ходе доказательств этого тезиса скатывается в бесплодные споры, которые завершаются конфликтом, порождающим религиозные войны. Желая улучшить мир, разум отрицает бытие Бога: но и этот путь порождает споры, переходящие в конфликты, завершающиеся опять-таки войнами. И так обстоят дела со всеми проблемами, которые чистый разум пытается решать. Все его решения завершаются спорами, конфликтами, войнами³, т. е. безумием, бессознанием, ничто. Видоизменяя рассуждения мудрого Горгия, разум может сказать о себе: «1. Разум не существует. 2. Если существует, то непознаваем. 3. Если познаваем, то знание о нем не сообщаемо». Рассуждение, кажется, незавершенным. Осмелюсь продолжить: «4. Если сообщаемо, то содержание его искажаемо человеческими желаниями. 5. Если искажаемо, то отрицаемо. 6. Если отрицаемо, то он для человека не существует, а человек не существует для него». Развитой разум не гарантирует победу, а вот целостное сознание предотвращает превращение побед в поражения⁴. В начале двух мировых войн разум Германии, воплощенный в ее науке, технологиях, экономике, организации, превосходил разум других стран, но именно этот разум нашел свое завершение в суицид-

³ Гераклит наивно высказал эту суть разума: «Война — отец всего и всего царь» [2, 46]. Война создала и разум, который старается отблагодарить своего отца новыми войнами. Важное и главное состоит в том, что решать проблемы нужно сознанием и сознательно, постоянно имея в виду последствия этих решений, оценивая их в нравственном суде присяжных. Стремление решать проблемы разумно и только разумно, только чистым разумом завершится безумием и бессмысленностью, разрушением самого разума. Дуэли устроены предельно разумно, но без сознания, и разум даже не может задуматься о том, насколько подло, безумно и гнусно оправдывать убийства. Сознание же найдет правильное решение проблемы, руководствуясь нравственными ценностями. Сознательное решение и будет разумным.

⁴ «Неверно, будто мир всегда принадлежал наиболее сильному телу или оружию; истинно же то, что мир всегда принадлежал народам с наибольшей силой сознания (в нем истина) и потому с наибольшей гражданской доблестью» [3, 15].

ной катастрофе. Разум социализма в России завершился геополитической катастрофой страны.

Разум может сохранить свой ум лишь в сознании, средством и служебным органом которого он является. Именно сознание задает разуму цели, устанавливает критерии полезности, безопасности, необходимости его открытий, изобретений. Именно сознание подчиняет мощь разума благим делам, освобождает его от рабства у сил хаоса и энтропии. Поэтому ошибочно как преуменьшать, так и преувеличивать значимость разума в вещах человеческих и миротворных. Человеку дан разум не в чистом виде, а в составе души и через сознание Софии Премудрости Божьей.

Многие ученые (Э. Шредингер, Р. Пенроуз) заявляют, что понимание сознания в рамках существующих наук вообще невозможно, ибо невозможно найти его причину, назначение и конечную цель в нашем мире. Ведь благодаря сознанию мы выполняем действия, не имеющие ничего общего с какими бы то ни было физическими и вычислительными процессами. Сознание независимо от бытия, хотя и связано со всеми его реалиями. Сознание количественно не измеримо научными методами, а качественно оно определяется лишь самим собой, являясь субстанцией-субъектом. А поскольку сознание лежит в фундаменте материи, всех наук, то непонимание сознания означает неполноценность научных исследований, самой науки, которая становится особой психической болезнью и одновременно наркотическим средством для нее. Внутренняя динамика и смысловые изменения сознания превышают научные методы их понимания. Сегодня мало просто думать, думать по-новому, постоянно переосмысливать даже аксиомы. Сегодня нужно постоянно испытывать все творчество разума ценностными и смысловыми критериями сознания.

Гегель не совсем прав: сова Минервы вылетает в полночь не для познания мира, ибо во мраке трудно видеть сущее, а для того, чтобы осознать сделанное днем, дополнить дневные образы, картины мира сновидениями, призраками и кошмарами, ибо ночью сознание в полной мере проявляет свою загадочную натуру. Когда люд засыпает, просыпается империя сознания, царство его вещего ведения.

Сегодня исследования сознания в «переразвитых» странах занимает первое место. Разрабатываются уникальные технологии капитализации сознания, природных ресурсов сознания. Ибо сознанию присущи самовозрастающие умения, способности из ничего делать нечто. Возникла социоинженерная дисциплина — психоинжиниринг, которая конструирует искусственные сознания, используя в качестве материала информацию и ноосферное (эфирное) пространство Земли.

«Область знания, занимающаяся моделированием, конструированием и производством/разрушением объектов психической инфраструктуры, получила рабочее название “психоинжиниринг”. Психоинжиниринг представляет собой совокупность методов и приемов проектирования, построения и разрушения действующих интерфейсов сознание/сознание. Или, говоря по-другому, психоинжиниринг — это новая, формирующаяся инженерная дисциплина, которая занимается целенаправленным манипулированием структурой психического пространства. Моделирование психического пространства, основанное на методах психоинжиниринга, открывает огромные, ранее неизвестные возможности для непрямого и/или дистантного управления поведением, включая создание терминальных психогенных эффектов (причинение смерти посредством влияния на состояние сознания субъекта-цели), а также для оказания прямых или опосредованных воздействий на среды, порождающие любые формы психической активности на планете. Причем интенсивность этих воздействий может колебаться в максимально широких пределах для субъекта-цели как в позитивном, так и в негативном плане. Фактически на наших глазах началась новая гонка за лидерство, сравнимая по масштабам и влиянию на будущее с той, что возникла в 40—60 гг. XX в. в сфере ракетно-ядерных вооружений. Этим и обусловлен резкий рост исследований сознания, а по сути — усилий по освоению и захвату контроля над психическим пространством планеты. Технологии психоинжиниринга в последние годы получили слишком широкое распространение в военной области, мы полагаем, что тематика психоинжиниринга и контроля над психическим пространством на некоторое время должна стать предметом открытого обсуждения, чтобы привлечь к себе более широкий круг исследователей и разработчиков. Решающим условием успеха в научно-технологической гонке за освоение и контроль над психическим пространством является разработка действующих моделей сознания» [4, 3—4].

Авторы используют в качестве оператора термин «психика», зачастую отождествляя его с сознанием, что принципиально неверно и недопустимо. Психическое, психогенное пространство ближе к пространству безумия, чем к пространству сознания, которое смысловыми и моральными пределами ограждает психику от безумия. И переход гонки вооружений в психическое пространство открывает два одинаково опасных для человека пути. Это значит, что неопределенность, неосознанность последствий за принимаемые решения и угрозы стране и миру будут нарастать лавинообразно, ибо решения эти принимаются за нравственными и смысловыми границами сознания, где все воз-

можно, где каждое последующее решение становится хуже предыдущего. А психика не принимает решений, ибо она постоянно психогействует, изгоняя сознание. За мировое господство ведут борьбу психизм безумия и смысловизм сознания. Психоинжиниринг — это попытка создать технологии использования «сырья» из идеального мира и безумия для сотворения новой реальности, нового сознания, нового разума; и эти технологии должны превзойти по всем измерениям технологии чисто материальные.

И это не случайность, не прихоть научного любопытства. С момента появления человечества оно всегда стремилось достичь мирового господства, хотя бы в каменном или палочном варианте. Но тяга к мировому господству есть на деле неосознанное стремление монополизировать сознание, его смысловые матрицы и алгоритмы, определяющие решения человека. Какой смысл мирового господства? Вынудить людей повиноваться властителям. Но этой цели проще достичь путем подчинения сознания людей гейкомандорам. А для этого нужно знать причины, суть сознания, его цели. Нужно сделать сознание служебным орудием соросов, которые и будут глумиться над человечеством. И эта игра стоит ядерных свеч и экспериментов над сознанием в твиттерных революциях и на Украине.

Но не суждено деревьям расти до неба, не суждено! Для смертных познание сознания невозможно, ибо оно не зависит от материи, энергии, труда, языка, мозга, хотя и связано с ними неведомыми квантовыми и смысловыми волнами. Сознание всегда определяет, всегда определяющее, а само оно определяется субстанцией вечности. И эту непознаваемость сознания разумом человека закрепил агностицизм, доказывающий, что познаваема ненужная всякая всячина, а вот самое нужное человеку — сознание доступно для понимания только сознанию. Сознание нельзя вывести из высшего начала, его нельзя представить как свойство материи или другого низшего начала. Сознание есть сознание, *causa sui*, отражение самого себя в самом себе, творящее себя из самого себя, понимающее себя через свои смысловые свойства-отражения всех реалей мира.

Мы не сможем познать сознание еще и потому, что его никоим образом и не нужно познавать, ибо слишком назойливых познавателей оно бросит на произвол белых халатов и черных дыр. Так же нельзя познать работу корней растений, сердца, ибо для этого их нужно «выключить», остановить, т. е. погубить. В СССР остановилась работа его сердца — сознание России, и страна рухнула.

Аристотель полагал, что душа и сознание подчиняются не законам, а только целевым причинам. Все они стремятся к достижению

цельности своего бытия. Вначале сознание преобразует хаос в образы; затем воображает, наделяет образы желанием воплотиться в словах, проектах. Затем сознание стремится к созданию образов, которые превосходили бы реальность, освободив ее от власти времени, оставив лишь те изменения, которые работают на самосохранение бытия. Сознание есть завершённое бытие, в котором *субъект, объект, условие, причина, следствие* совпадают в единой автократической сущности, которая творит и своих носителей.

В самом общем виде сознание есть вечность в качестве смысловой причины; сознание творит свои образы, картины, знаки и символы из своих неизвестных энергий, из своего чистого ничто (*ex nihilo*). Индуизм видит в чистом сознании освобождение от любых зависимостей. Кажется, что сознание, исполняя планы Бога, имеет и свои задачи. Сознание есть высшее определение мира, Бога, человека, которые получают свое бытие от сознания и должны оправдать его своим служением сознанию.

Сознание — это субстанция-субъект, и не простая, а магически-мистическая, мистериальная, смысловая, целевая, самоорганизующаяся, творящая, познающая субстанция, создающая праведную мерность бытия. И действует эта субстанция прямо и непосредственно, не нуждаясь ни в каком посредничестве. Органы чувств — это не средства, не орудия сознания⁵, а чувственное сознание. Сознание составляет особое объективно-психическое эфирное пространство, творящее самого себя, вырабатывающее смыслы и наделяющее им своих носителей, пронизывая, пропитывая им все реалии мироздания, одушевляя, оживляя, одухотворяя их, нередко и карая. Сам Логос, разум, логика суть создания сознания и служат средством познания, средством вычисления, когда оно используется его арендаторами в науке, технике и практике. Главной целью сознания становится создание критериев понимания, смысловой контроль абстракций, проектов и планов разума.

Люди решают главную задачу своей жизни, если им удастся постичь смысловую карту сознания, найти в нем жизненный путь, предначертанный каждому человеку. Это заставило бы жалкие создания, шатаемые капризами безжалостной судьбы, прислушаться к его смысловым императивам. Человек наивно полагает, что все свои за-

⁵ В педагогических экспериментах, возглавляемых Э.В. Ильенковым, слепоглухонемые от рождения дети обретали сознание через контакты с руками воспитателей, которые благословили этих жертв тьмы на выход к свету. Нет, все-таки в «благословении», «рукоположении», «помазании» есть сакральные смыслы, творящие, преобразующие и передающие сознание (см.: [5]).

мыслы он вынашивает в тайне; и не подозревает он, что мир уже давно знает не только все его замыслы, но и сценарии их развертывания, т. е. знает о том, что этот субъект сам еще не понимает. А вся информация о его грядущих деяниях уже «выложена» в открытом доступе сознания! Нужно только проникнуть в мир сознания, его смысловых кодов и шифров. А для этого нужно, принять три «аксиомы», упрощить их, чтобы они приняли в свой мир человека.

1. Не только человек пользуется сознанием как средством своих целей, но и сознание использует людей в своих миротворных задачах. Человек может не интересоваться сознанием, но это не значит, что строгие стражи сознания не интересуются человеком; нет, они испытуют его новыми inferнальными муками, соблазняют новыми благами, итогом которых станет отвращение к жизни. Не человек имеет сознание, а сознание имеет человека как своего носителя, и через него выполняет свои миротворные функции. И не человек теряет сознание (временно или постоянно), а сознание покидает человека, предающего его миссию. Человек теряет деньги, но все же остается человеком. Но потерять сознание он не может; а вот сознание теряет человека, открывая ему путь в бездну. Человек уходит в сень смертную, а сознание его достается другим носителям или уходит в безличное сознание. Сознание в мире, для мира сего, но само оно не только от мира сего и для мира сего. Сознание призвано не только создавать смысловые матрицы вещей и существ, но оно имеет и в человеке сверхъестественную задачу. Сознание создает универсальные контексты, перспективы, в рамках которых бытие проявляет все многообразие своих форм, законов, причин, функций, движений. И оно хранит энергии для решения своих задач в спонтанных иллюзиях, сновидениях, мечтаниях, сохраняя полную автаркию от вещественных причин. Гегель обнаружил хитрость разума, который использует вещи, интересы людей в качестве своих средств. Нужно признать и хитрость сознания, которое использует все предметы, человека в качестве средств решения своих задач. Образы сознания служат смысловыми метками будущего, скрытой сути эволюции, посредством которой сознание осуществляет свой софийный миротворный проект — воздвигает Дом той Правды, вне коей правды нет.

2. Познаваемость и сознание — сущностные атрибуты всех реалий мира. Сознание есть *causa sui* сакрального мира. В фундаменте материи лежит свойство отражения, родственного человеческому сознанию, но не совпадающего с ним (В.И. Ленин). Вне человеческого сознания существует множество разнокачественных сознаний, о чем свидетельствуют фольклор, мифология, анимизм. Своеобразное созна-

ние присуще природным стихиям и созданиям, технике и культуре, inferнальному миру⁶. Сознание — это собственность не только человека, а в нем представлен собор сакральных сил мироздания. А ради Священного все и существует в священной очереди бесконечной тайны. Без этой всеобщности сознания, без сознаниеподобия всех феноменов бытия познание было бы невозможно.

3. Из предыдущих аксиом вытекает, что есть не только интерфейсы человеческих сознаний, но и интерфейсы человеческих и внечеловеческих отражений-сознаний, интерфейсы самих внечеловеческих сознаний. Все классическое искусство есть Песнь песней внечеловеческому сознанию, присущего миру. В этом смысле специфика постиндустриальной цивилизации состоит в том, что она расширяет круг носителей сознаний, с которыми человек выстраивает отношения симбиоза или эксплуатации. Именно многообразие интерфейсов (взаимодействий) сознания придают миру красоту, загадочность, оправдывают его перед судом вечности. Технологическое использование человеком сознаний с существенно отличными от человека свойствами, безмерно усиливает мощь человека, делает ее бесконтрольной и угрожающей всему миру.

Философия немало потратила сил в многовековых поисках золотой птицы сознания. Вот ее плоды: сознание есть отражение; сознание есть свойство высокоорганизованной материи; сознание есть функция труда; сознание есть атрибут социума; сознание есть спонтанное творчество, созидающее разум, язык, символы, образы, формы, законы, гармонии, меры, правду сущую, совесть, благочестие, благо и красоту, истину и заблуждения, иллюзии, сны, знание и незнание, понимание и непонимание, жизнь, смерть и воскресение. Сознание может, как семя, сворачиваться в душу, чтобы затем расцвести смысловым многообразием жизни. И суть человека определяет не разум, а сознание. Умными бывают мошенник, убийца, подлец, вор, атеист, либерал, тиран, но без осознания себя, своих дел они — безумные калеку.

И все же есть у сознания неведомая тайная миссия, превосходящая ценность истины и благодать небесную. Истина и ложь, благочестие и атеизм, ум и безумие, праведность и порок, святость и грех в равной мере подчиняются императиву сознания. Но тот факт, что со-

⁶ «Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода.
В ней есть любовь, в ней есть язык» (Ф.И. Тютчев).

знание может подняться выше материи и бытия, истины и Бога, ясно говорит о какой-то его темной тайне. Сознание образует ценностную онтологию, отражающую вечность. Поэтому сознанием занимается, возвращает и культивирует его София Премудрость Божья, а разум воспитывает логика. Сознание имеет своего духовника — Софию, хотя и разум имеет своего покровителя-чертовника — дьявола. София призывает к человеку следовать сознанию и разуму, а дьявол соблазняет человека якобы всезнающим разумом и удовольствиями, подменяя сознание психизмом бессознания.

Прогресс сотворил искусственный интеллект, что не так уж сложно, ибо интеллект сам по себе есть искусственное изделие, служащее логико-техническим средством для целей, задач и решений сознания. Нет естественного интеллекта, ибо разум изначально был неестественным, что мы видим по военным, гейским и финансовым плодам его, грозящим гибелью человечеству. Искусственность интеллекта наиболее полно проявляется в диалектике. За что именно борются, воюют противоположности в противоречиях? Вопрос роковой и решающий для судеб разума, который может узнать все, но только не знает своего сущего назначения. Наибольших успехов разум достиг в изобретении оружия.

Но вот создать искусственное сознание невозможно, ибо совесть, долг, мораль, спонтанное творчество образов не могут быть искусственными. Но опыты в этом направлении ведутся уже свыше 20 лет, и они крайне опасны, ибо в них на основе того, что всеобщее сознание, в отличие от разума, заранее предвидит и знает ход событий, опережая индивидуальное сознание, создается новое — психогенное — оружие⁷. Сознание само по себе есть вещь знание, которое можно воплотить в технологиях, опережающих противника. Глубокое и целостное сознание дает понимание, становящееся «мягким» и невидимым оружием врагов России.

Об этом рассказывает миф о Медузе Горгоне. Этот миф более глубоко раскрывает суть, происхождение, роль и значение сознания в планах мироздания, чем миллионы трактатов, экспериментов и психоаналитиков.

⁷ «Чем бы ученые ни занимались, в итоге у них все равно получится бомба» (К. Воннегут). Незаметность и тотальность действий сознания могут сделать его самым совершенным оружием, запускающим психогенные эпидемии, спонтанные деструктивные силы. Сокрушить сознание может только более высокое и глубокое понимание творческой природы сознания.

Изначально Медуза превосходила своей красотой и мудростью всезнающего сознания саму Афины. Божество не простило ей этих достоинств и превратило ее в чудовище со змеями вместо волос. Говоря современным новоязом, Афина пыталась разрушить сознание, но оно неуязвимо, и тогда богиня вызвала из хаоса уже побежденное сознанием чудовище (т. е. бессознательное) и приставила его следить за сознанием. Еврипид в «Ионе» сообщает, что кровь и взгляд Медузы сочетал в себе яды и лекарства, ужас и красоту, исцеляющий гипноз и окаменелость. Но сознание у Медузы осталось. Облик ее Афина и Зевс поместили на своих щитах, которые, мгновенно отражая подлинную картину событий и слабостей врагов, позволяли небожителям разить их сознанием Медузы. Саму Медузу небожители упростили охранять Пуп (центр) Земли, признав, что именно сознание-мудрость удерживает космос от распада.

Но олимпийцы не могли спокойно устраивать свои оргии, зная о мягкой мощи, всеведении и всеилии сознания, превосходящего весь олимпийский сенат и неотъемлемого от целомудренной Медузы. Было решено сгубить ее, изъяв у нее столь грозное оружие, обратив его против нее.

Поручили это дело герою Персею, отпрыску Зевса и гламурной нимфы. Поскольку сознательного взгляда Медузы не могли переносить даже чудовища и философы, превращаясь при встрече с ней в камни, то против сознания были брошены все умения олимпийцев, вся их хитрость и коварство. Совместными усилиями для Персея был изготовлен волшебнo-виртуальный щит-зеркало; и когда Медуза взглянула в него, она на миг застыла от удивления, а Персей тем временем срубил ей голову. Почему так произошло? Дело в том, что сознание, созерцая самое себя, не видит никакой опасности. Виртуальность губительна даже для мудрого сознания.

Но и отделенная голова Медузы сохранила всю свою силу. Герой совершал турне по Греции и при малейшей угрозе вынимал ее голову и превращал в камни своих врагов. Он забыл — что позволено Юпитеру, то не позволено быку! И Персей погиб от Медузы; используя ее голову, умерщвляя своих недругов, он вызвал на себя возмездие богов, которые по-простому убрали героя из жизни вместе с его волшебным оружием⁸.

⁸ Вообще-то древние божества, чуждые морали, не жаловали сознание, ибо оно требует нравственности и невозможно без нее; но они почитали мудрость, отождествляя ее с разумом, который требует логики и техники, и невозможен

Но чистых душой и сильных духом Медуза одаряла всевидящим сознанием, и они могли даже попасть в Гиперборею (Россию) на дачу Аполлона. Сын ее, Пегас, стал покровителем поэзии, ограждая сознание от будущих Персеев-геев образами искусства. Медуза стала последним, самым сильным испытанием Данте в его странствиях по аду. Его спас Вергилий, прикрывший его глаза рукой. Данте искал искупления грехов, но он знал, что грех перед светозарной вечностью сознания не искупается. Знал он и то, что сознание, самоосознание и самосознание можно приобрести, лишь побывав в Аду. Миф о Медузе породил поверья о «дурном глазе»; тем самым, благодарные люди сохранили память о благах и опасностях сознания⁹.

Возникновение информационных технологий и постиндустриального общества радикально меняет онтологию и функции сознания, что влечет за собой устрашающую деформацию социума и человека. Капитал, государство, образование, мораль, религия, гуманизм становятся программными продуктами, которые определяются новыми гегемонами, именующими себя нетократами — мастерами Сетей¹⁰. Нетократы пытаются моделировать и конструировать искусственные сознания, которые необходимы вследствие неизбежных угроз существования аморального общества и псевдолюдей, которые остро нуждаются в искусственном сознании, заменяющем мораль технологиями.

Таким образом, онтологически сознание есть вечность в качестве идеальной (идейной) первопричины. Сознание — эта та форма вечности, посредством которой человек, мироздание познают самих себя. Гносеологически сознание есть смысловой оригинал, по которому человек отражает мир, самого себя в формах знания. Методологически сознание представляет абсолютный эталон реальности, бытия; и

без них, а ценности морали для него неприемлемы, ибо добро и любовь алогичны.

⁹ Материя, вещественность — это кара, наказание тех носителей сознания, которые не выдержали испытаний сознанием, предали его ради удовольствий бессознания, ничто, смерти и хаоса. Материя, бессознательное вещество — это не естественные реалии, а иуды, предавшие бытие и законы сознания, социалистический мир сознания. Поэтому они и служат материалом, ресурсом сознания, которое обращается с ними так, как полагается обращаться с изменниками. Горгона Медуза — это палач, который исполняет приговоры сознания, превращая виновных в материю и сырье для вещей и оружия.

¹⁰ Манифест нетократии представлен в публикации [6]. Вообще, философские последствия инженерного творчества во всех областях явно недооцениваются, хотя современный техногенный мир создан именно инженерами. И большинство смыслов таятся в их творческих конструкциях. Современный мир создала техника и понимание любого явления в этом мире невозможно без технических шаблонов и метрологических критериев

этим эталоном человек должен поверять свои дела, иначе они обречены на крушение. Все, что не соответствует смыслам сознания, возвращается в хаос. Аксиологически сознание есть ценность, в которой работает вечная правда, питающая своими инициативами мораль, совесть, долг человека. В телеологическом плане сознание представляет своеобразную сакральную «лабораторию», в которой формируются, испытываются цели и смыслы, создаются духовные технологии принятия решений, вырабатывается высший продукт человеческой активности — понимание. В сознании выдаются лицензии, патенты и паспорта понимания. В теологическом плане сознание является формой, посредством которой сакральный мир обучает, воспитывает человека: обрести сознание — значит получить в дар малый университет, умение и силу создавать в процессах образования формы мира, вещей, человека. В социальном плане сознание представляет собой набор объективных смысловых матриц, на основе и посредством которых формируются исторически устойчивые общности людей. Общество, классы, касты, сословия создает смысловое и целевое творчество сознания, в котором люди служат бессознательными органами. В динамическом плане сознание разворачивается как эволюция и развитие: сознание служит началом и концом эволюции, которая по заказу сознания совершает мутации, делает отбор своих потенциальных носителей. Сознание преобразовывает диалектику противоречий в триалектику единоречий, становясь органической целостностью взаимодействий сознания, самосознания, предметности. В метафизическом плане сознание есть орган метамудрости — софиасофии, изучающей действия мудрости в различных видах знания и практики.

Философия хозяйства сделала невозможным пребывание мысли и сознания в сферах фактов, экономизма, технократизма, виртуализма. Все известные категории и методы не удерживают новое содержание, сползающее в хаос за пределы разума и сознания. Поэтому философия хозяйства не спешит превращать в аксиоматику знания о реальности, оставляя их в намеках, догадках, озарениях, прозрениях и предчувствиях. А работать в этой необычной стране можно только с помощью интегратора, включающего в методологию непонимание и бессознание, превращая их в средства сознания. Философия хозяйства и ее смысловой покровитель — София вскрывают неизвестное, неосознаваемое и непонимаемое содержание, открывают его для мысли и сознания людей. София формирует, выявляет контекст из внутренне скрытых в человеке смыслов и структур, сама оставаясь за их пределами. София учит сознание и мысль работать в запределах, где различия еще слишком малы, чтобы их можно было понять и осознать, или уже слишком велики для осознания и понимания. В философии хозяйства София позволяет человеку работать с индивидуальным непони-

манием и неосознаванием, интегрируя всех участников познания и действия в едином целостном сознании, в котором незнание, непонимание, бессознание исполняют функции понимания. София, не подавляя и не подменяя разум и сознания человека, возводит их в целостность, предохраняет от ошибок, сообщает нужные смыслы, словом — руководит всем познанием, благодаря чему последнее становится уже не просто индивидуальным продуктом человека, а совместным созданием хозяйственного мира и человека, откровением самих предметов. А волхвы философии хозяйства — это не пророки, не программисты, а водители в трудной сфере высших смыслов.

Сознание вышло из вечности и свои смыслотворческие решения реализует посредством закрытой и недоступной для человека судьбе, стоящей непреодолимой стеной между вечностью и человеком. И сознание должно сотворить из неведомой и темной судьбы те новые смыслы, которые наметят человеку путь к вечности. Сознание — весть, вестник, несущий в себе откровения и призывы запретной и недоступной нам вечности. Сознание пришло из райской вечности и покинет нас во времена Страшного суда.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Философия на миру: абстракции и практики // Философия хозяйства. 2014. № 3.
2. Материалисты Древней Греции. М., 1955.
3. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.
4. *Денисов А.А., Денисова Е.В.* Конструирование абстрактных сознаний // Информационные войны. 2013. № 1.
5. *Мещеряков А.И.* Слепоглухонемые дети. М., 1974.
6. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.

И.А. ГОРЮНОВ

Человеческое сознание: метафизический и научный стили мышления

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть феномен человеческого сознания. Показано различие научного и метафизического стилей мышления.

Ключевые слова: человек, сознание, метафизика, наука, философия хозяйства.

Abstract. The article attempts to examine the phenomenon of human consciousness. Displaying Unlike scientific and metaphysical thinking styles.

Keywords: human, consciousness, metaphysics, science, philosophy of economy.

«Все люди от природы стремятся к знанию» [1, 5]. Такими словами открывается знаменитая «Метафизика» Аристотеля. По мнению этого античного философа, «люди оказываются более мудрыми не благодаря умению действовать, а потому, что они *владеют понятием и знают причины* (выделено мной. — *И.Г.*)» [1, 7]. Иначе говоря, истинное знание дает категоризация окружающего мира, знание первоначал и первопричин — познание сути и сущности бытия.

Аристотель пишет: «Основание почему <вещь такова, как она есть>, восходит в конечном счете к *понятию* (выделено мной. — *И.Г.*) вещи, а то основное, благодаря чему <вещь именно такова>, есть некоторая *причина и начало* (выделено мной. — *И.Г.*)» [1, 12].

Правильное познание требует, во-первых, формирования определенного языка (стиля мышления), призванного описывать-репрезентировать (выделять из нерасчлененного континуума окружающего мира-бытия) тот или иной фрагмент изучаемой человеком окружающей реальности: создание определенной «терминологии» (в виде образов, символов, слов, понятий, категорий, универсалий и т. д.) вкупе с «логикой» (художественно-поэтической, вербальной, практически-действенной, мифологической, религиозной, художественной литературы, математической, естественно-научной, компьютерной и т. д.) взаимосвязи-взаимодействия этих структурно-семантических единиц языка. Во-вторых — выявления-знания оснований и причин: почему «вещь» именно такая, а не иная; почему явление-процесс происходит-развивается именно таким, а не иным образом¹¹.

По мнению Аристотеля, знание этого «почему» позволяет человеку постигать причину вещи или явления [1, 7]¹². Познание сущности бытия вещи состоит в выявлении того, «что есть (или — что представ-

¹¹Аристотель: «Основное, благодаря чему <вещь именно такова>, есть некоторое причина и начало» [1, 12].

¹²Люди «знают “почему” и постигают причину» [1, 7]. Поэтому для познания необходимо указывать причину и основание для каждой вещи [1, 9].

ляет собою, дословно — чем было) бытие <для такой-то вещи>» [1, 430]. По словам Аристотеля, для достижения правильного знания «нам очевидным образом надлежит достигнуть знания о первоначальных причинах, — мы ведь тогда приписываем себе знание каждой вещи, когда, по нашему мнению, мы постигаем первую причину» [1, 12].

Внимание Аристотеля к познанию первых элементов и причин обусловлено тем, что «с помощью их и на их основе познается все остальное» [1, 9], а не наоборот. Первопричины и первоэлементы не познаются с помощью вторичных, третичных и т. д. причин и элементов-соединений. При этом «наиболее трудны для человеческого познания... начала наиболее общие: они дальше всего от чувственных восприятий» [1, 9]. Аристотель отмечает, что «наиболее точными являются те из наук, которые больше всего имеют дело с первичными началами» [1, 9].

«Первая философия» (метафизика), согласно Аристотелю, «имеет своим предметом первые начала и причины» [1, 8]. Она же является и «наиболее руководящей из всех наук» [1, 9], так как «познает ради чего надлежит делать вещь; а такую конечную целью в каждом случае является благо и вообще наилучшее по своей природе» [1, 9—10].

Наш современник Р. Айзеле определяет метафизику как учение о бытии (в философии, в частности, это делает М. Хайдеггер, разделяя *сущее* (Seiendes) — предметно-чувственный мир и *бытие* (Sein) — условия возможности сущего, предельную смысловую возможность всякого вопрошания [2, 166]) и категориях, как «поиск изначальных принципов действительности» [2, 29].

Метафизика как наука о бытии, о первых началах и причинах всего сущего в отличие от «второй философии» (физики) «рассматривает бытие независимо от конкретного соединения материи и формы, от движения оформленной материи» [3, 325].

Современные научные представления о материи как поле элементарных частиц и физики высоких энергий находятся вне области метафизики, которая в представлении о «бытии вообще» скорее склоняется к чистому сознанию Э. Гуссерля — некоей изначальной категории (точнее, смысло-пространственно-временному континууму), в которой коренятся все другие сферы бытия.

Согласно Э. Гуссерлю, абсолютное бытие есть чистое или трансцендентальное, точнее трансцендентное, сознание, которое «не нуждается ни в какой “вещи” для своего существования» [2, 125].

Трансцендентное (от лат. *transcendo* — переходить через что-то, перешагивать, переступить, нарушать, выходить за пределы) — тер-

мин, разработанный в схоластической философии Средних веков и уходящий своими истоками в Античность. В интересующем нас значении это «перешагивание определенной сферы различий, представлений, способов бытия, выход за пределы (Бог, потустороннее и др.), в рамках которых остается имманентное» [2, 195] — «свойственное, внутренне присущее кому-либо или чему-либо; также — посюстороннее» [2, 143].

В метафизике эпохи Возрождения и Нового времени, в частности, у Спинозы, «Бог понимается как имманентная, а не трансцендентная причина всех вещей» [2, 144]. Иначе говоря, фактически понятие «трансцендентное» аннигилируется, что в полной мере произошло в созданной на рубеже XVI—XVII вв. классической науке (и ее последующих модификациях: неклассической и постнеклассической науке), в которой места для таких понятий (претендующих на «презентацию» потусторонней реальности), как «трансцендентное», «сакральное», «божественное» и др., просто нет. Нет — потому что потусторонней реальности просто отказано в праве на существование.

Классическая метафизика нацелена на выявление наиболее общих определений сущего — «трансценденталий», понимаемых как предельные определения или свойства сущего, выходящих за пределы аристотелевских категорий. Открытие-формулировка этих трансценденталий («трансцендентных имен») позволяет осуществить переход к трансцендентному (метафизическому) языку, дающему возможность улавливать предельные стадии сущего в его соприкосновении с бытием — сферой трансцендентного (идеально-духовного, сакрально-божественного, абсолютного) сознания.

В эпистемологическом (познавательном) плане трансцендентное — это «выход за пределы области, в которой возможна деятельность чистого разума» [2, 195], под которым следует понимать не просто научный разум современной науки, но и вообще человеческий разум.

Аристотель, говоря о метафизике — единственно свободной науке, так как «она одна существует ради самой себя» [1, 10], даже высказывает предположение, что «Бог один иметь лишь мог бы этот дар (науку метафизику. — *И.Г.*), человеку же подобает искать соразмерные ему знания (способы познания. — *И.Г.*)» [1, 10]. Однако, отрицая зависть со стороны божественной природы, Аристотель допускает возможность приобщения человека к метафизике — науке, касающейся «божественных предметов» [1, 11], которая «могла бы быть или только у одного Бога, или у Бога в наибольшей мере» [1, 11].

Метафизическое познание

По верному замечанию Ю.М. Осипова, суть и сущность любых объектов и явлений (как и субъектов, социально-экономических, этнических, религиозных, культурных, идеологических и тому подобных образований) всегда трансцендентна [4, 11]. И «трансцендентно сокрыта» [4, 11], потому что сакральна.

Б. Риго и П. Грело отмечают, что исходя из духа иудейской апокалиптики древнееврейское слово «тайна» должно вызывать представление о «о глубокой неизреченной реальности» [5, 1161], которая предстает как божественная тайна. Одновременно в древнееврейском языке слово «тайна» означает «прорыв в бесконечность» [5, 1161]. Но этот прорыв в бесконечность, эта божественная тайна не доступны человеческому разуму без откровения свыше.

Трансцендентная реальность относится к области тайного, являющегося предметом откровения [5, 1159]. Трансцендентность тайны — прежде всего тайны «сотериологического порядка (“мир грядущего” — завершение замысла о спасении), как и богословского (глубинное существо Бога)» [5, 1159].

В рамках метафизического, точнее, религиозного мышления, очевидно, что «никакая человеческая мудрость не могла бы обладать таким знанием будущего» [5, 1159]. Но, к счастью для людей, «есть на небесах Бог, открывающий тайны» и заранее извещающий о том, «что будет в последние дни», и если эти загадочные откровения остаются непостижимыми для людей, то некоторым избранным Он дает мудрость, исключительную проницаемость (дух), благодаря которой «никакая тайна их не затрудняет» [5, 1159].

В мире постоянно действует-проявляется трансцендентность, которую Ю.М. Осипов называет трансценденцией. «Это мощная управляющая сила, субъективно — человеком — ведомая, но субъектно — от человека — не ведомая» [4, 9]. Эта работающая трансценденция относится к области тайного (сакрально-трансцендентного) и, естественно, скрыта от смертных.

Как отмечает апостол Павел, «эта Премудрость Божия, принявшая облик тайны сокровенной, была до сего времени скрыта, никто из властей века сего ее не познал, но нам Бог открыл ее Духом Своим, проницающим и глубины Божии. Недоступная душевному человеку, предоставленному лишь своим природным силам, она понятна духовному человеку, которого научает Дух Святой» [5, 1161].

Знание о тайном, сакрально-трансцендентном, божественном может формулироваться и излагаться только на метафизическом языке в виде образов, мифов, легенд, притч, изречений и т. д.

Иисус Христос — учитель, но не такой, как книжники. «Его метод учить более всего напоминает учителей мудрости в Ветхом Завете: Он часто пользуется теми же формами, что и они: изречениями и притчами, и подобно им преподает правила жизни» [5, 610]. На протяжении своей земной жизни «он учил как власть имущий и отказывался удовлетворять праздному любопытству. Его учение было не теория, а “благая весть” и призыв к обращению. Бог близок, надо уметь различать знамения времен и быть готовым принять Его. Свои слова Иисус подтверждал чудесами, знамениями Своего посланничества» [5, 407].

Образы, мифы, легенды и т. д. несут колоссальный объем знания о сути бытия и его проявлении в сущем, в окружающем нас мире. «Однако таинственная завеса притч поднимается только для тех, кто умеет слышать (Мф. 13.9.43). И для них постижение тайны — не дело человеческого разума, но дар Божий» [5, 1160].

При этом «Богодухновенная Премудрость, даже когда она включает лучшее из мудрости человеческой, имеет совсем иную природу» [5, 605]. Премудрость — дар Божий.

Вообще «Есть Мудрость и Мудрость Истинная, Мудрость — от Бога; Он дает человеку “сердце разумное, чтобы различать, что добро и что зло” (3 Цар. 3.9). Но все люди, как и их праотец, подвержены искушению произвольно присваивать себе принадлежащее только Богу, т. е. приобретать (Быт. 3.5 сл) только собственными силами “познание добра и зла”... Такова мудрость книжников, которые судят обо всем лишь с человеческой точки зрения и “Закон Ягве превращается в ложь” (Иер. 8.8), а также и мудрость царских советников, ведущих чисто человеческую политику (ср Ис. 29.15 спл.). Против такой мудрости восстают пророки: “Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собой!” (Ис. 5.21). Бог обратит их мудрость в ничто (Ис. 29.14). Они запутались в сети оттого, что отвергли Слово Ягве (Иер. 8.9). Ибо это Слово — единственный источник подлинной мудрости, которую блуждающие духом и ропщущие познают после кары (Ис. 29.24)» [5, 606].

«Надо стать безумным в глазах мира, чтобы стать мудрым по Богу (3.18). Ибо христианская мудрость приобретается не усилиями человеческими, а откровением, исходящим от Отца (Мф. 11. 25 слл.)» [5, 611].

Тайное сакрально-трансцендентное постигается посредством божьего откровения, которое дается праведным — обладающим чи-

стым сердцем смертным. «В религиозном познании все начинается по благоизволению Божию» [5, 405]. Бог Сам дает людям познать Себя Самого. «Он открывает им Свое Имя, вселяет в них “страх Его”, но главным образом Он являет им благоутробие Свое, избавляя их от врагов, даруя им землю и познание заповедей Своих, пути к блаженству» [5, 405].

Человеку трудно достичь состояния истинной мудрости и даже находиться на пути истинного познания. Рассматривая изложенную в Ветхом Завете судьбу еврейского народа, Ж. Корбон и А. Вануа отмечают, что «даже тогда, когда народ воображает, что “познал Ягве”, он заблуждается, так как ограничивается чисто внешними формальными отношениями; подлинное же познание Бога должно проникать до глубины сердца и выражаться в реальной жизни» [5, 405].

«Для подлинного познания Бога необходимо сердце совершенное» [5, 406]. При этом, по словам Ж.-М. Фенаса и А. Вануа, в древнееврейском языке значение слова «сердце» не вполне совпадает с его значением в современных европейских языках. Физиологическое значение, безусловно, одинаково. Но в аллегорическом смысле слово «сердце» у европейцев вызывает представление только о чувствах. В еврейском же языке слово сердце обозначает «внутреннюю» сущность человека в очень широком смысле. Понятие сердца включает в себя не только чувства, но и воспоминания, мысли, намерения, решения и т. д. Можно даже сказать, что, по представлениям еврейского народа, Бог дал людям сердце, чтобы мыслить. При этом «широта сердца» означает широту восприятия знаний; «отдай мне сердце твое» может означать «будь внимателен» к словам моим, а «ожесточение сердца» говорит о тупом уме [5, 1025].

«Чтобы обрести Бога, следует “искать Его всем сердцем твоим”» (Втор. 4.29) Но древние евреи «вместо того, чтобы всецело довериться Богу, “жили по внушению злого сердца своего”» (Иер. 7.24; 18.12), так что на них обрушились неисчислимы бедствия. Им оставалось только “разодрать сердца свои” (Иол. 2.13) и предстать пред Богом с “сердцем сокрушенным и смиренным” (Пс. 50.19), моля его “сотворить им сердце чистое” (Пс. 50.12)». [5, 1026].

«Бог обращается к избранному народу: “Очищу вас. И дам вам сердце новое и дух новый дам вам” (Иез. 36.25 сл.) [5, 1027]. “Вложу закон Мой во внутренности их и на сердцах их напишу его”; и таким образом будет обеспечена самая тесная взаимная связь: “Я буду им Богом, а они будут Моим народом”; это и будет источником непосредственного и подлинного познания: “Уже не будут учить друг друга,

брат — брата и говорить: “познайте Господа”, ибо все будут знать Меня, от малого до большого» [5, 406].

Для сохранения чистоты сердца и трезвости ума следует устремлять свои взоры на сакрально-трансцендентную реальность. «Мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши (Флп. 4.7)» [5, 1027].

Согласно христианскому вероучению, времена истинного Богопознания начались только «когда пролилась кровь Нового Завета» (Лк. 22.20), «тогда Он отверз им ум» (24.45), тогда Он излил Духа Святого (Деян. 2. 33)» [5, 407].

В новый период человеческой истории склонному к философским и религиозным мудрствованиям греческому миру апостол Павел дерзновенно проповедует крест Христа. «Спасение не в человеческом знании, каково бы оно ни было, но в вере во Христа распятого, “Божью силу и Божью премудрость”» [5, 408].

Противостоя проявляющимся среди христиан гностическим тенденциям, Павел направляет их к более подлинному религиозному знанию, происходящему от Духа Божия, благодаря которому мы можем поистине «знать дарованное нам от Бога и выражать это знание языком, “изученным от Духа Святого” (1 Кор. 2.6—16)» [5, 409]. В целом же «у Павла, как и во всей Библии, познать — значит вступить в великий поток жизни и света, вышедший из сердца Божия и возвращающийся к Нему» [5, 410]. Для того чтобы иметь правильное познание, необходимо молить Бога, чтобы он дал людям «сердце новое» (Иез. 36.26 сл.) и вселил в человека «дух премудрости (7.7.9)».

Древнееврейское слово «руах» («Дух») прямо выражает сознание человека, его Дух. Передать этот Дух в руки Божии значит в одно и то же время и испустить последнее дыхание и предать Богу свое единственное богатство — свое существо [5, 301]. «Дух не имеет лица, ни даже имени, могущих быть представленными в каком-либо человеческом образе» [5, 303]. «Слово “дух” обыкновенно обозначает некую неуловимую сущность в том или ином существе, некое животворящее начало, нечто исходящее от него помимо его воли, что более всего является им самим, и чем он однако овладеть не может» [5, 300].

«Человек не владеет этим дуновением, хотя и не может без него обойтись и умирает, когда оно прекращается. Как и ветер, но более непосредственным образом, дыхание у человека, происходит от Бога (Быт. 2.7; 6.3; Иов. 33.4) и к Нему возвращается, когда наступает смерть (Иов. 34.14 сл.; Екк. 12.7; Прем. 15.11)» [5, 301]. «Иногда создается такое впечатление, точно в сознание человека ворвалась некая

потусторонняя сила, и оно больше не в его власти. В нем обитает кто-то другой — значит некий дух» [5, 301].

При этом «Дух божий и тогда, когда Он заполняет человеческий Дух и его преобразовывает, оставляет ему всю его индивидуальность» [5, 302].

«Дух Божий в Ветхом Завете открывается еще не как Лицо, а как божественная сила, преобразовывающая человеческую личность, чтобы сделать способной к исключительным действиям» [5, 303]. «Великие пророки, по крайней мере древнейшие из них, не ссылались на Духа и часто предпочитали называть рукой Божией ту силу, которая ими овладела (Ис. 8.11; Иер. 1.9; 5.17; Иез. 3.14)» [5, 305].

Существует неразрывная связь между «Словом Божьим и Его Духом». Дух Божий и Его Слово не перестают действовать совместно. «Слово проникает извне, как меч обнажающий живую плоть. Дух остается невидимым. Слово — это откровение, Дух — внутреннее преобразование. Слово стоит и стоит незыблемо. Дух нисходит, распространяется, наполняет» [5, 307].

Дух Божий воздействует на душу — жизненное начало человека. Дух — ее источник [5, 315]. При этом душа, «эта земная хранилища подавляет многозаботливый ум (Прем. 9.15)» [5, 316], настраивает человеческое сознание на правильное познание и отношение к жизни.

Определение сознания

В рамках религиозного мышления познание Бога — это «первичный призыв, брошенный в сердце человеческое» [5, 404]. И именно отклик на этот призыв дает человеку сознание, а не мозг, просто нацеленный на репрезентацию окружающей реальности.

Сознание человека (если это действительно человек, а не бес или киборг) всегда устремлено к сакрально-трансцендентной реальности (в отличие от животного, которое лишено каких-либо представлений о сакрально-трансцендентном и знает-познает только имманентное — окружающий материальный мир), к раскрытию-познанию этой сути-сущности.

Соответственно человеческое сознание, как верно отмечает Ю.М. Осипов, «по сути своей вовсе... не физично, ибо само по себе не материально, хотя и имеет материального, с телом и кровью, вполне природного и вполне животного носителя» [4, 11]. Отсюда неверность «компьютерной метафоры мозга», представление о тождественности человеческого сознания с программным обеспечением компьютера. Компьютер (его ПО) материален по своей сущности и никак не связан с трансцендентным. Извлекать смыслы из производимых компьюте-

ром материальных носителей способен только человек с его сознанием уходящим в трансцендентное. Соответственно способность мыслить прерогатива человека. Машина, к примеру, оснащенный самым современным компьютерным мозгом робот, мыслить (осознавать окружающий мир, обладать сознанием) не может.

Человек с помощью своего сознания-мышления фиксирует импульсы сущего (пространства-времени) и бытия (трансцендентного, абсолютного, божественного, сакрального), их связь, взаимозависимость, взаимопереход и выражает эти импульсы посредством соответствующего языка.

Человек, конечно, может попытаться сконцентрироваться только на материальном (имманентном, посястороннем, профанном) бытии, чем, собственно говоря, и пытается заниматься современная наука с момента ее зарождения в Западной Европе на рубеже XVI — XVII вв. или сконцентрироваться на трансцендентном, чем занимается метафизика вкупе с онтологией, богословием, философией и др.¹³.

Кант и Платон

Концентрация на восприятии сущего — имманентного, профанного, материального бытия — со времен И. Канта ведет к воспеванию человеческого разума: «*Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом» [6, т. 6, 27], пользоваться «без руководства и со стороны кого-то другого» [6, т. 6, 27]. При этом Кант абсолютно уверен, что человек не пользуется своим рассудком только из-за «недостатка решимости и мужества» [6, т. 6, 27].

Согласно Канту, для перехода в состояние совершеннолетия и отказа от любых опекунов, внешних норм поведения и деятельности человеку «требуется только свобода, а притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом» [6, т. 6, 29].

Не выступая против религиозной веры (во времена Канта это было и невозможно), Кант тем не менее считает, что не надо ничего «предписывать людям в религиозных делах, а предоставлять им в этом

¹³Современная западная философия, став во многом методологией научного познания, избрала объектом своего исследования окружающий материальный мир. И это был ее сознательный выбор. Так, Гегель в предисловии к «Философии духа» отмечал, что его «намерением было — способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительным знанием» [7, т. 4, 3]. Более того, он был уверен, что «настало время для возведения философии в ранг науки» [7, т. 4, 3].

полную свободу» [6, т. 6, 33]. Иначе говоря, предоставить «свободу каждому пользоваться собственным разумом в делах, касающихся совести» [6, т. 6, 33].

Кант особо отмечает, что определил основной момент просвещения. По его мнению, он состоит «в выходе людей из состояния несовершеннолетия (в котором они оказались по собственной вине. — *И.Г.*), преимущественно в делах религиозных» [6, т. 6, 34]. И далее продолжает, что «несовершеннолетие в делах религиозных не только наиболее вредное, но и наиболее позорное» [6, т. 6, 34].

Вглядываясь в реалии своего времени, Кант осознает, что «еще многого недостает для того, чтобы люди при сложившихся в настоящее время обстоятельствах в целом были уже в состоянии и или могли оказаться в состоянии надежно и хорошо пользоваться собственным рассудком в делах религии без руководства со стороны кого-то другого» [6, т. 6, 33]. Тем не менее он верит, что «просвещенный век» [6, т. 6, 33], когда это будет возможно, обязательно наступит.

Следуя Канту, можно предположить, что в «просвещенный век»¹⁴ человек с помощью «взрослого» разума и «без руководства со стороны кого-то другого» [6, т. 6, 33] постигнет суть Вселенной и наличествующего в ней Разума.

С точки зрения Платона, такой ход мыслей, когда человек добровольно отказывается от знания, даваемого человеку Высшим существом (Богом), это вид безумия. В диалоге «Федон» Платон устами Сократа говорит: «бессмысленно предполагать, чтобы самые разумные из людей не испытывали недовольства, выходя из-под присмотра и покровительства самых лучших покровителей — богов. Едва ли они верят, что, очутившись на свободе, смогут лучше позаботиться о себе сами. Иное дело — человек безрассудный: тот, пожалуй, решит как раз так, что надо бежать от своего владыки. Ему и в голову не придет, что подле доброго надо оставаться до последней крайности, о побеге же и думать нечего. Побег был бы безумием, и, мне кажется, всякий, кто в здравом уме, всегда стремится быть подле того, кто лучше его самого» [8, т. 2, 12—13, 62d — 62e].

Сократ смело заявляет: «с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах; тоже вот и моя судьба устроилась не сама собою» [8, т. 1, 96, 41d].

¹⁴Судя по всему на рубеже XIX — XX вв. человек поверил, что это «просвещенный век» наступил. Именно тогда Ф. Ницше воскликнул: «Бог умер!».

По Платону—Сократу, безусловная вера в человеческий разум есть самое настоящее безумие. Именно поэтому в «Федоне» Сократ говорит, что человек ни в коем случае не должен отходить от богов. И далее в этом диалоге Платон-Сократ, размышляя об истинных заботах настоящего философа, констатирует: «его заботы обращены не на тело, но почти целиком — насколько возможно отвлечься от собственного тела — на душу» [8, т. 2, 15, 64e]. И философ прежде всего обнаруживает себя в том, что «освобождает душу от общения с телом в несравненно большей мере, чем любой другой из людей» [8, т. 2, 15, 65a]. Поэтому отличное от науки направление в познании, представленное метафизикой, концентрируется на трансцендентном.

Образы и видение будущего, тем более отдаленного, обнаружить посредством анализа текущей сенсорной информации и видимых тенденций развития окружающего нас сущего (в том числе научно-технического) очень трудно, а может быть, и вообще невозможно. Образы, ритмы... будущего зависят не от нынешней окружающей реальности и ее возможной эволюции (вообще не от сущего), а от трансцендентного, которое условно можно назвать миром идеального или духом времени.

Сознание, конечно, можно хорошо обстрогать, и тогда мы получим Чистый Научный Разум, работающий только со сферой материального. Этим, собственно говоря, и занимается человек западного мира с эпохи Возрождения. Именно тогда был дан импульс мыслительному движению в этом направлении, которое перешло в перманентно ускоряющийся режим с периода Нового времени.

Наука как особый взгляд на мир

Научное мышление начинается с метафизического постулата — в мире нет ничего, кроме материального.

Соответственно для обеспечения предметного и объективного исследования действительности необходимо отбросить всякую метафизику, мистику, средневековую схоластику и т. п. и начать понимать природу как систему материальных объектов и процессов, развертывающихся по естественным законам [9, 112], т. е., согласно научным взглядам, природа есть некое «упорядоченное поле объектов, в котором действуют независимые от человека законы» [9, 121]. При этом сама арена, на которой развертываются природные процессы, «рассматривается в виде однородного и изотропного пространства и времени» [9, 125]. Согласно научному взгляду, все точки пространства и все временные интервалы одинаковы. Никаких сакральных мест в ми-

ре нет. Поэтому надо сосредоточиться на изучении материального мира.

Концепция однородности пространства и времени означает, что физические законы действуют во всех точках пространства и времени одинаково, а значит, все области пространства и все моменты времени равноправны в плане проявления этих законов.

Начинает доминировать идея единства мира и соответственно единства законов, которым подчиняются противопоставляемые ранее земля и небо. «Появилась возможность обоснования бесконечности и однородности пространства, что было необходимым и важным шагом к построению механистической картины мира» [9, 128]. Одновременно создавались предпосылки для разрушения религиозной картины мира западноевропейского человека эпохи Средневековья, которая «основывалась на идее дуального расщепления мира: различался земной и небесный миры как различные типы пространства, различались время, как то, с чем связаны события тварного мира (от начала творения до страшного суда), и вечность» [9, 125].

В становлении научного мышления и создании научной картины мира, первой из которых была механистическая картина мира, выдающуюся роль сыграл И. Ньютон. Принципиальный противник необоснованных и произвольных гипотез Ньютон начинает свой фундаментальный труд «Оптика» следующими словами: «мое намерение в этой книге — не объяснять свойства света гипотезами, но изложить и доказать их рассуждениями и опытами» [10, 9].

Классическая наука появилась как естественная наука, направленная на познание человеком законов окружающего мира. Ее отличием от предшествующей науки, которую можно даже назвать преднаукой, стал отход от схоластических (чисто логических) рассуждений и требование подтверждения выдвигаемых гипотез фактами, создание теоретического знания, выверенного посредством экспериментов.

Как отмечает Л.В. Баженов, «возникновение науки Нового времени часто связывается (во всяком случае, часто связывалось в прошлом) прежде всего с развитием опытных исследований и широким распространением экспериментального метода. Нисколько не подвергая сомнению важность экспериментального метода, следует тем не менее со всей решительностью заявить, что главный шаг, приведший к созданию науки, был связан с математическим описанием как результатов эксперимента, так и в целом подлежащей изучению предметной области» [11, 6].

Одним из первых, кто отметил, что книга природы написана на языке математики, был Галилей. «Именно он и дал первые образцы

математического прочтения текстов природы. Тем не менее это были отрывочные тексты. И только в “Математических началах натуральной философии” Исаака Ньютона мы видим первую удачную попытку математического прочтения книги природы. Поэтому можно говорить, что ньютоновские “Начала” задают образец современной научной теории» [11, 6].

Ньютоном в «Началах» впервые дана общая схема строго математического подхода к решению любой конкретной задачи земной или небесной механики. Соответственно классическая механика стала первой в истории человечества математизированной, опытно обоснованной и допускающей экспериментальную проверку естественно-научной теорией [11, 3].

В целом наука со времен Галилея определяется как «совокупность правил, которым должен следовать дискурс, чтобы познать и дать познать некий объект (свой референт)» [12, 88]. И «если речь идет о науках “объективных” — предъявлять “доказательство” того, что говорится, предоставляя возможность произвести и повторить конкретное наблюдение (эксперимент)» [12, 89].

Как отмечает бывший президент Российской академии наук Ю.С. Осипов, главная цель науки — «проникать в сокровенные тайны Вселенной, воссоздавать течение общественной жизни, культуры, духовной жизни» [13, 5—16]. И в этой своей потенции фундаментальная наука начинает работать на поле метафизики — той дисциплины, в бескомпромиссной борьбе с которой родилась классическая наука, наследницей которой является современная наука.

Сохранение сознания как категорический императив существования человечества

Что касается метафизики, то, как отмечает Р. Айзеле, ее напряженная история в XX в. (включающая в себя и самые настоящие гонения) доказывает необходимость и востребованность метафизики для истинного человеческого познания. При этом, как выясняется, острейшие научные критики метафизики сами нуждаются в метафизических предпосылках при построении своих теорий и аргументации. В ходе научного дискурса происходит следующее: идейные основания любого критикующего успешно отвергаются оппонентами как «метафизический остаток». Но выясняется, что без этого «метафизического остатка», точнее метафизической основы ничего дельного сказать или создать невозможно. Причем даже в области математических и естественно-научных дисциплин.

Итог последовательной борьбы сциентизма с метафизикой даже в области научного знания таков: «позитивистский идеал некоей свободной от метафизики науки обнаруживает свою иллюзорность: любая конкретная форма метафизики может быть отвергнута, но метафизика как таковая, как поиск изначальных принципов действительности остается неизменной. Это подтверждается принятием классической метафизики именно представителями современной физики, например, Ф. фон Вайцзеккером» [2, 29].

Что касается человеческого сознания, то оно не может существовать без своей метафизической основы, устремленной в виртуальную область иного-возможного, точнее в область сакрально-трансцендентного.

Сознание по сути своей не материально и профанно, а трансцендентно и сакрально. Как в своем основании, глубинной первопринчине-первоначале — трансцендентен и сакрален сам мир, данный нам как сущее. Ю.М. Осипов верно отмечает: «в обосновании мира не физис, а *метафизис*, хотя физис прямо в основании мира» [4, 11]. Этот запредельный метафизис и есть сакрально-трансцендентное, сокрытое и тайное по своей сути.

«Сознание — продукт, достояние и символ метафизиса, но по преимуществу не физического метафизиса (парафизического метафизиса, сопряженного непосредственно с физисом), а свободного от физиса метафизиса, как раз того, который прямо из запределья. Сознание — особый мир в мире, в обосновании и основании которого не физис вовсе, а непосредственно метафизис, прямо восходящий не к материи, а к Духу, а потому не так имманентный, как ему трансцендентный. Сознание — неприрода в природе, ей — природе — прямой антипод, хотя от нее — от природы — и неотвязный (хотя бы до поры). Сознание — бытующий в физисе нефизический феномен, ибо в сознании, не имеющем ни пространства ни времени, — по крайней мере в физическом смысле, — нет ничего вообще физического: слово, язык, речь, текст, смысл, мысль — никакой не физис, это, наоборот, сплошной метафизис, обладающий духовной субстанцией и, как сам Дух, непрерывно восходящей к возможности (или виртуальности). Сознание всегда в возможности, а возможность вовсе не реальность, а ирреальность, а потому сознание, хоть и реально по факту, но по сути своей все-таки ирреально» [4, 11—12].

«Сознание вполне трансцендентно, оно в целом за пределами физиса, хотя и организменно сопряжено с ним. Мир сознания — мир более всего метафизики — как знания и сознания мира, а мир знания — не более чем *осознанный мир*» [4, 12]. Из этого и надо исхо-

дять, размышляя над человеческим сознанием вообще и различными типами человеческого мышления, предельными состояниями которого является метафизическое и научное мышление. Необходимо также помнить, что для сохранения сознания именно как сознания (способного воображать и привносить в жизнь иные идеи, вещи, миры и т. д.), а не просто инструмента по отражению окружающей реальности, надо сохранить трансцендентную (метафизическую) составляющую сознания. Естественно, что в различных типах мышления эта метафизическая основа сознания будет занимать различное место и иметь свой уникальный вид. Но элиминация этой трансцендентной сущности из сознания или прерывание связи мышления с областью трансцендентного ведет к аннигиляции мышления как такового. Остается лишь отражательный механизм (тот, что наличествует у животных), фиксирующий профанные изменения в окружающем мире и incapable даже поставить вопрос об их истинной причине и отдаленных последствиях происходящего, а тем более улавливать дух грядущего.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика. М., 2008.
2. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова. М., 2009.
3. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001.
4. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии. М., 2014.
5. Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфура. Bruxelles, 1990.
6. *Кант*. Собр. соч.: В 6 т. М., 1966.
7. *Гегель*. Собр. соч.: В 14 т. М., 1959.
8. *Платон*. Собр. соч.: В 4 т. М. 1994.
9. *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.
10. *Ньютон И.* Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. М., 1954.
11. Ньютон и философские проблемы физики XX века. М., 1991.
12. *Лиотар Ж.-Ф.* Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982 — 1985. М., 2008.
13. *Осипов Ю.С.* Академия наук в истории Российского государства. М., 1999.

А.И. СУБЕТТО

Закон роста идеальной детерминации в истории и роды действительного разума человечества в XXI веке

Аннотация. В работе обосновывается, что проблема сознания в XXI в. не может быть решена адекватно вне теории общественного интеллекта и понимания сущности переживаемой человечеством, и Россией в его составе, эпохи великого эволюционного перелома, вызванной переходом глобального экологического кризиса на рубеже 1980 — 1990-х гг. в первую фазу глобальной экологической катастрофы. Обращается внимание, что «интеллект» трактуется в новой синтетической парадигме прогрессивного эволюционизма как механизм управления будущим, противостоящий механизму естественного отбора, а общественный интеллект есть управление будущим со стороны общества как целого. В этом контексте сознание как отражательная категория входит в более объемную категорию интеллекта в его эволюционной трактовке. За этим стоит и парадигмальная революция в трактовке рационализма, который обретает управленческую трактовку.

Ключевые слова: общественный интеллект, экологическая катастрофа, капиталократия, действительный разум, эволюционный перелом.

Abstract. The article considers the problem of conscience in XXI century. This problem is the part of theory of social collective intelligence. Russia and mankind is outlive Age of Giant Evolution Breaking. Mankind itep in first fazes of Global Ecological Catastrophic. Imperative of progressive evolution of Mankind is Imperative of dominating of social collective intelligence. Mankind itep in the Age of Giant Paradigmatic Revolution of conscience. This is Age of Birth of Real Mind.

Keywords: social, collective indigence, conscience, Global Ecological Catastrophic, Real Mind.

Постановка проблемы «Сознания как фактора хозяйственного бытия» как проблемы философии хозяйства является подтверждением традиции в рамках русского космизма, восходящей к *космической философии хозяйства* Сергея Николаевича Булгакова [1]. В начале XX в. он показал, что хозяйственное сознание того, кто обрабатывает землю и осуществляет хозяйственное природопотребление, не может не быть космическим, не может не подчиняться законам того мироустройства, которое он назвал «метафизическим коммунизмом мироздания», или «физическим коммунизмом бытия» [1, 65, 73].

Мы исходим из того, что *глобальный экологический кризис*, возникший на рубеже 1950 — 1960-х гг., почти через 30 — 40 лет, приблизительно на рубеже 1980 — 1990-х гг. перерос в первую фазу *глобальной экологической катастрофы*, обозначившей, с одной стороны, предел рыночно-капиталистической форме хозяйствования на Земле и, значит, рыночно-капиталистической парадигме хозяйственного сознания, а с другой — начало эпохи великого эволюционного перелома с ноосферно-социалистическим «вектором» логики выживания человечества в XXI в., и соответственно великого эволюционного перелома в эволюции сознания человечества, который можно назвать и *ноосферной революцией сознания*, и ноосферной человеческой революцией.

Сама данная констатация влечет за собой рефлексию по поводу ноосферной парадигмы универсального эволюционизма, проблемы которого в той или иной логике затрагивались Н.Н. Моисеевым, А.Д. Урсулом и другими учеными-эволюционистами на рубеже XX и XXI вв.

Выдвигаемая нами *ноосферная парадигма универсального эволюционизма* является своеобразным синтезом дарвиновской (автор — Чарльз Дарвин, селектогенез), кропоткинской (автор — П.А. Кропоткин, ставка на доминирование не конкуренции, а сотрудничества, солидарности, взаимопомощи; мы назвали эту парадигму — *коогенезом*, исходя из вводимого нами закона кооперации как важнейшего закона прогрессивной эволюции) и берговской (автор — Л.С.Берг, номогенез, т. е. наличие законов, управляющих в целом прогрессивной эволюцией).

Любая прогрессивная эволюция, сопровождающаяся ростом сложности и кооперативности эволюционирующих систем, в том числе космогоническая эволюция, приведшая к появлению Солнечной системы, планеты Земля, жизни на Земле, человечества, и вместе с ним — человеческого разума, подчиняется *метазакоу сдвига от доминанты закона конкуренции и механизма отбора* (эта эволюционная пара и составила основу дарвиновской парадигмы эволюционизма) к *доминанте закона кооперации и механизма интеллекта* (эта эволюционную пару можно условно назвать кропоткинской парадигмой эволюционизма), — и вытекающему из него — *метазакоу оразумления эволюции* (этот метазаказ можно назвать и *метазаконом интеллектуализации эволюции*). Само открытие этих «метазаконов» как законов любой прогрессивной эволюции можно трактовать как одну из версий номогонеза в парадигме Л.С. Берга, который может быть назван и космономогенезом.

Здесь важно подчеркнуть, что в теорию прогрессивной эволюции нами введен *механизм интеллекта как противостоящий механизму отбора*.

Интеллект как механизм эволюции есть опережающая обратная связь, или обратная связь с упреждением, что тождественно по смыслу управлению будущим. В любой системе интеллекта столько, насколько она, система, управляет своим будущим, т. е. переводит себя из настоящего состояния в желаемое, будущее, независимо от воздействий внешней среды, с определенным лагом упреждения.

Это новое, эволюционное определение интеллекта. Определения интеллекта в психологии, в теории принятия решений, в теории искусственного интеллекта, на наш взгляд, являются частными аспектами этого более обобщенного определения.

Интеллект как механизм прогрессивной эволюции есть антипод механизму «естественного отбора», который есть запаздывающая обратная связь, или обратная связь с отставанием. Эволюция, когда доминирует закон кооперации и механизм интеллекта, резервирует себя через избыточность информации, а когда доминирует закон конкуренции и механизм отбора, эволюция резервирует себя через субстратную избыточность, т. е. избыточность конкурирующих систем, борющихся за одну и ту же «экологическую нишу».

Итак, в ноосферной (и системогенетической) парадигме универсального эволюционизма выдвигается теоретическое утверждение, что в любой прогрессивной эволюции («конусе») прогрессивной эволюции происходит сдвиг: от эволюционной пары <конкуренция, отбор> — к эволюционной паре <кооперация, интеллект>.

Запишем это в символическом виде:

$$\begin{array}{ccc}
 \begin{array}{c} \text{дом} \\ \wedge \\ \text{Конк.} \end{array} & \Rightarrow & \begin{array}{c} \text{дом} \\ \wedge \\ \text{Кооп.} \end{array} \\
 \begin{array}{c} \text{Отб.} \\ \vee \end{array} & & \begin{array}{c} \text{Инт.} \\ \vee \end{array}
 \end{array} \quad (1)$$

где «дом» — доминанта.

Из формализованной записи (1) следует, что метазакон оразумления, или интеллектуализации, есть метазакон, вытекающий из метазакон сдвига от доминанты закона конкуренции к доминанте закона кооперации.

Метазакон оразумления — основа понимания того, что наступление ноосферного этапа в эволюции биосферы на Земле, связанного с переходом биосферы в ноосферу (как научное открытие этот

«переход биосферы в ноосферу» принадлежит В.И. Вернадскому) в связи с появлением человеческого разума, — есть закон как частный случай вышеприведенного метазакона применительно к биологической эволюции. Появляется особый тип «антропоного принципа» — ноосферно-антропный эволюционный принцип, который может быть сформулирован так: метазакон оразумления космогонической прогрессивной эволюции необходимо приводит к появлению жизни на Земле, и в процессе эволюции жизни на Земле необходимо приводит к появлению человеческого разума и переходу биосферы в ноосферу, т. е. к ноосферному этапу в биологической (биосферной) эволюции, и социальной эволюции человечества на Земле.

Приложение положений ноосферного универсального эволюционизма применительно к социальной эволюции, т. е. истории человечества, — основание открытия закона идеальной детерминации в истории через общественной интеллект.

И здесь мы снова возвращаемся к смыслу первой фазы глобальной экологической катастрофы как эволюционного перелома.

Конус прогрессивной социальной эволюции (образ конуса — это образ сходящейся, навитой на конус, спирали любой прогрессивной эволюции, и схождение спирали к концу конуса выражает собой ее ускорение и приближение к исчерпанию своего потенциала) также подчиняется указанным двум метазаконам.

Первая фаза глобальной экологической катастрофы обозначила предел стихийной парадигме исторического развития человечества, т. е. социальной эволюции, методом проб и ошибок, когда доминировали закон конкуренции (закон развития классовых обществ) и механизм отбора на базе войн, эксплуатации и насилия. Закон кооперации и механизм общественного интеллекта находились в «тени».

Эволюционный перелом — начало ноосферного этапа теперь уже и социальной эволюции человечества, связанный с переходом к доминанте закона кооперации и механизма общественного интеллекта.

Появляется новая категория общественного интеллекта, которая может трактоваться как управление будущим со стороны общества (как целого), как единой социальной системы.

Общественный интеллект — совокупный интеллект общества, который опосредованно проявляется со стороны общества как целого через управление своим развитием, т. е. как управление будущим. Все общественные функции, которые составляют содержание такого управления, — прогнозирование, установление общественных целей и идеалов, программирование, планирование, законотворчество, нормирование и стандартизация определенных процессов общественного

развития — важные функциональные характеристики общественного интеллекта.

Общественный интеллект есть единство общественного сознания и общественного знания, единство науки, культуры и образования.

Субстанция общественного интеллекта — знания. Через знания в системе общественного интеллекта формируется социальный кругооборот знаний и соответственно социальный кругооборот интеллекта: от индивидуального интеллекта человека — к групповому интеллекту (интеллекту социальных групп или страт) и от него — к общественному интеллекту и обратное движение — от общественного интеллекта — к групповому и от группового — к индивидуальному интеллекту человека.

Сознание — рефлексия интеллекта на самого себя; благодаря сознанию интеллект обретает качество сознательного интеллекта. По отношению к сознательному интеллекту сознание можно трактовать как его состояние.

Эволюция сознания интеллекта, в том числе общественного интеллекта, — один из аспектов эволюции интеллекта, в том числе эволюции общественного интеллекта.

Закон «оразумления» конуса социальной прогрессивной эволюции (как момент проявления метазакона оразумления (интеллектуализации) применительно к социальной эволюции) есть закон роста идеальной детерминации в истории через общественный интеллект (одновременно его можно трактовать и как закон роста проективного или планомерно-программирующего начала в историческом развитии человечества).

До начала XXI в., на протяжении всей истории человечества (начиная с неолитической революции), этот закон находился в тени, поскольку доминировали закон конкуренции и механизм отбора, что и определяет сложившуюся внутреннюю логику социального развития как стихийную логику в том смысле, что она была непредсказуемой для человека, творившего историю. Неслучайно Карл Маркс всю историю эксплуататорских обществ назвал «предысторией», поскольку человек так и не стал субъектом истории, оставался «ее унавоживающим материалом». Именно будущую управляемую историю, когда снимаются все формы отчуждения человека от плодов своего труда, от природы и от самого себя, и жизнесозидающий труд освобождается от гнета капитала (от гнета капиталократии), Маркс определил как *подлинную историю*, и именно ее он назвал коммунизмом.

Первая фаза глобальной экологической катастрофы может трактоваться как выход на «арену истории» большой логики социоприрод-

ной эволюции, «основанием» которой служит энергетический базис хозяйства как формы хозяйственного природопотребления и соответственно «антропогенного давления» на биосферу. По этому основанию от начала неолитической революции 10 — 12 тыс. лет назад и до начала XX в. стихийная история осуществлялась на базе малой энергетики мирового (совокупного) хозяйства человечества на Земле (мускульная энергия человека, одомашненных животных — лошади, коровы, яка, осла, слона, ветряных и водяных мельниц и простейших механических устройств, играющих роль «умножителей» энергетического воздействия — рычагов, блоков, полиспастов, гидравлических систем и т. п.). Благодаря этому энтропийная форма воздействия хозяйства на природу (по Марксу: культура, которая развивается стихийно, оставляет после себя пустыню) намного перекрывалась производством негэнтропии биосферой (закон Бауэра — Вернадского и закон квантитативно-компенсаторной функции биосферы, открытый А.Л. Чижевским).

В XX в. картина резко изменилась. Можно говорить об энергетической революции XX в: произошел скачок в энергетике хозяйственного воздействия на биосферу на несколько порядков. Соединение стихии развития на основе рыночно-капиталистических форм ведения хозяйства, в том числе рыночно-капиталистического сознания, с большой энергетикой хозяйственного природопотребления породило во второй половине XX в. глобальный экологический кризис и его резкое обострение к концу этого века в форме первой фазы глобальной экологической катастрофы.

Еще раз подчеркнем: возникли экологические пределы рыночно-капиталистической форме хозяйствования на Земле, рынку и частной капиталистической собственности как механизмам развития, в том числе и как пределы хозяйственному сознанию, такие формы развития принимающему.

Здесь человечество впервые столкнулось с закономерностью, которая не заявляла о себе особенно «громко», пока хозяйственная история человечества была малоэнергетической, т. е. до энергетической революции XX в.

Этот закон может быть сформулирован так: «чем больше со стороны социальной системы хозяйственное воздействие, по своей энергетической мощи, на природу, тем больше требуется лаг упреждения последствий от этого воздействия, и соответственно — тем более долгосрочным должно быть стратегическое управление будущим со стороны этой социальной системы.

Этот закон мы назвали законом опережения темпами роста качества управления будущим, в том числе по лагу упреждения, темпов

роста энергетической мощи хозяйственного воздействия на природу (биосферу).

Как видно из содержания этого закона, он по своей сущности уже есть отрицание *стихийной парадигмы* истории, частной собственности, рынка и капитализма.

По-своему, в своей логике, на это косвенно указали ряд западных мыслителей. Б. Коммонер в работе «Замыкающийся круг» в начале 1970-х гг. де-факто сформулировал своеобразный вердикт: технологии на базе частной собственности (это суждение можно переформулировать — технологии хозяйства на базе частной собственности) уничтожают самое главное богатство человечества — экосистемы [2]. В докладе, выполненном группой ученых под руководством Гудленда, Дейли и Эль Серафи по заказу Мирового банка в 1991 г., было указано, что в экологически насыщенной нише, которую занимает человечество к концу XX в., рынок как механизм развития исчерпал себя [3]. Развивая эту оценку, В.А. Зубаков в 2002 г. предупредил человечество, что хозяйство человечества на основании рынка формирует такое эндозоологическое отравление биосферы, которое может привести не только к схлопыванию экологической ниши, занимаемой человечеством в биосфере, но даже к гибели всех живых организмов, функционирующих на базе кислородной энергетики [4].

Нами показано, что энергетическая революция XX в. в единстве с стихийными механизмами развития, которое и ведет к нарушению сформулированного выше закона опережения темпами роста качества управления темпов роста энергетической мощи воздействия на природу, явилась причиной появления «интеллектно-информационно-энергетической асимметрии человеческого Разума» (ИИЭАР), ставшей одним из источников перехода глобального экологического кризиса в первую фазу Глобальной экологической катастрофы. Этот тип асимметрии в условиях продолжающих доминировать закона конкуренции, рынка, капиталократии и рыночно-капиталистической формы хозяйственного сознания породили продолжающееся увеличение запаздывания в своей реакции разума человечества — общественного интеллекта — на развитие процессов первой фазы Глобальной экологической катастрофы, которое мы назвали *глобальной интеллектуальной черной дырой* (ГИЧД). Одним из ее оснований, наряду с ИИЭАР, служит технократическая асимметрия единого корпуса знаний, и соответственно человеческого разума, — ТАР. По оценке В.П. Казначеева, эта асимметрия определяется следующими характеристиками исследовательских доминант: 95% научных знаний, которые накопило человечество, — это знания естественной и технической предметности, 5% —

знания о живом веществе и человеке, и лишь ничтожная доля от 1% — это знание о человеческом интеллекте [5].

В «Ноосферизме» мы сформулировали принцип большого эколого-антропного дополнения, в соответствии с которым экологические проблемы не могут быть принципиально решены, пока не решены проблемы

- и *познания природы человека*, на базе развития человековедения и теории «естественного интеллекта», т. е. теории или науки, исследующей человеческий интеллект и общественный интеллект,

- и *социальной справедливости и отчуждения человека* от самого себя и от Природы, которая его эволюционно «родила» [2].

ТАР — из тех асимметрий человеческого разума, которая входит частью в ИИЭАР и служит одной из причин реализации катастрофической формы этого принципа — первой фазы Глобальной экологической катастрофы.

Таким образом, стихийная история, на фоне энергетической революции XX в. и рыночно-капиталистической системы хозяйственного природопотребления, подошла к неожиданному (для человечества) пределу в форме первой фазы Глобальной экологической катастрофы, который можно трактовать как экологический предел, поставленный и рыночно-капиталистическому разуму, и соответственно сознанию, и системе капиталистической частной собственности, и в целом — всей системе ценностей, обслуживающей капиталократию и «строй денег и рынка» (по Ж. Аттали), включая и идеологическую систему либерализма, и рынку, и рыночной демократии, и рыночной свободе.

Эпоха великого эволюционного перелома, возникшая под давлением оснований большой логики социоприродной эволюции, как бы это ни казалось странным апологетам либерализма и парламентской демократии, на основе «свободного рынка» и «открытого общества», в России, имеет ноосферно-социалистический «вектор», и от этого факта никуда не уйти, потому что за ним — императив экологического выживания человечества в XXI в.

Эта эпоха, таким образом, означает:

- конец: истории стихийной, на основе капитализма, рынка, частной собственности и «свободы-для-себя», бытию рыночно-капиталистического человека; капиталорационализированному «разуму» и «сознанию»;

- начало: управляемой истории как управляемой социоприродной эволюции; ноосферного экологического духовного социализма; становления (это становление можно назвать «родами») действи-

тельного — управляющего и ноосферного — разума и соответствующего ему ноосферного сознания.

Мы ввели научную метафору *родов действительного разума*.

Проводя аналогию с характеристикой, данной Марксом всей стихийной истории — истории классовых обществ, — как «предыстории», — а будущей истории, связанной с установлением социализма (коммунизма) — как подлинной истории, можно сформулировать следующее положение: первая фаза глобальной экологической катастрофы поставила предел и предысторическому разуму, и сознанию человечества и предъявила императив их перехода к *подлинно-историческому разуму и сознанию*, причем с учетом императива выживаемости как ноосферного императива.

Речь идет о вступлении в силу действия метазакона оразумления и биосферной эволюции, и социальной эволюции человечества, связанного с их переходом в формат ноосферной эволюции.

Что такое ноосфера? — Мы стоим на позиции учения о ноосфере В.И. Вернадского и его современного развития в форме ноосферизма. Ноосфера — это новое качество биосферы, в котором коллективный человеческий разум начинает играть роль одного из регуляторов биосферной эволюции совместно с социальной эволюцией (управляя социоприродной эволюцией), встраиваясь в гомеостатические механизмы биосферы и планеты Земля как суперорганизмов и соблюдая законы-ограничения, отражающие действия этих гомеостатических механизмов.

Многие авторы сводят трактовку ноосферы только к сфере человеческого разума, противопоставляя ее биосфере, с чем мы принципиально не согласны, считая эту линию трактовки ноосферы вульгаризаторской, и суженной, ведущей к методологическим и логическим ловушкам.

Переход к ноосферной эволюции и ноосферной истории, т. е. к ноосферному этапу и биосферной (биологической), и социальной эволюции, есть переход к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

Это означает, что за эпохой великого эволюционного перелома и родами действительного разума человечества скрываются следующие революционные скачки (революции):

- выход на арену истории (из тени стихийной детерминации на базе закона конкуренции) закона идеальной детерминации через общественный интеллект, связанного с одновременным выходом на позиции доминирования в социальной эволюции закона кооперации;

- смена индивидуалистического, мещанского пространства сознания, которое можно определить еще и как «обезьянье пространство сознания» (поскольку в нем доминирует свойство подражания), «космопланетарным, ноосферным пространством сознания»;

- переход из состояния «разума-для-себя», чему способствовала стихийная история, причем история условно автономная (в каких-то отношениях, независимая от природы), или «история-в-себе», — в состояние «разума-для-земли, биосферы, космоса», связанное уже с неавтономной, управляемой историей, но историей ноосферной, — в качестве управляемой социоприродной эволюции;

- обретение в своей эволюции (в своем развитии) разумом человечества нового качества, а именно — качества управляющего разума как разума человечества, управляющего социоприродной — ноосферной — эволюцией;

- конец стихийной истории, развивающейся методом проб и ошибок, т. е. конец «предыстории» в определении Маркса, в том числе экологический конец бытия капиталократии, рынка и капитализма, — означающий одновременно переход к ноосферному экологическому духовному социализму как социальной организации общества, которая только и может обеспечить управляемую социоприродную эволюцию на базе общественного интеллекта, т. е. которая только и только раскрывает «простор» действию закона идеальной детерминации в истории через общественный интеллект.

Таким образом, роды действительного разума — это одновременно смена качества и общественного бытия, и общественного сознания. И эти «роды» отражают собой не только конец истории эксплуататорских обществ, в которых доминирует власть капитала — капиталократии, но и конец разума и связанного с ним сознания, ограниченных только проблемами социальной истории и продолжения рода человеческого. Это «измерение» разума — «вещь» необходимая, но уже, с позиций императива выживаемости и выхода из экологического тупика истории в форме первой фазы глобальной экологической катастрофы, — недостаточная.

Роды — это переход к качеству управляющего разума и к качеству ноосферного сознания, т. е. осознающих и реализующих в себе ответственность за будущее биосферы, планеты Земля, с постепенным расширением космического пространства зоны своей ответственности.

Общество, раскрывающее простор действию закона идеальной детерминации в истории через общественный интеллект, есть научно-

образовательное и ноосферно-социалистическое общество одновременно.

Здесь, с позиции развертывания дальнейшей логики обоснования нашей концепции, важной является категория научно-образовательного общества, мы автор развиваем последние 20 лет. Вначале мы называли этот тип общества «образовательным обществом», а затем расширили эту категорию через термин «научно-образовательное общество».

Научно-образовательное общество — это такое общество, в котором, как базовое условие его воспроизводства действует закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе, при этом образование становится (по своей воспроизводственной функции) «базисом базиса духовного и материального воспроизводства», а наука — «производительной силой и силой управления».

В мире резко увеличившейся динамики изменений, в том числе высокоскоростной динамики экологических изменений, человеческий интеллект, в том числе общественный интеллект, должен обладать свойством опережающей адаптации к меняющемуся миру и обеспечивать необходимый уровень качества управления будущим (что и следует из метазакона оразумления прогрессивной эволюции и эволюционного определения интеллекта, данного выше).

Интеллектно-информационно-энергетическая асимметрия человеческого разума, глобальная интеллектуальная черная дыра и технократическая асимметрия разума — это все, в рамках рыночно-капиталистической формы бытия, отражения нарушений этого закона опережающего развития.

Итак, человечество, сталкивается с фундаментальным противоречием развития человеческого разума, в котором отразился конфликт между внутренней логикой социального развития на стихийно-рыночных, капиталократических основаниях и большой логикой социоприродной эволюции, исходящей из закона гармонии биосферы и планеты Земля как живых мегасистем, обладающих целостностью, поддерживаемой соответствующими гомеостатическими механизмами (что интуитивно-проницательно осознал С.Н. Булгаков в своей космической философии хозяйства, вводя понятие «метафизического коммунизма мироздания» [1, 73]).

Это фундаментальное противоречие обрело катастрофический масштаб в форме первой фазы Глобальной экологической катастрофы.

Это противоречие есть противоречие: между сложившейся капиталистической системой хозяйствования на Земле, на базе частной

собственности на средства производства и даже на землю, рынка и мировой финансовой капиталократии как «власти денег», а вернее — «денежных мешков», или «банков», — с одной стороны, и с ее экологическим отрицанием, как неразумной, антиноосферной и антиэкологической формы бытия — с другой.

Первая фаза глобальной экологической катастрофы превратила всю стихийную историю и капитализм, как антиноосферные, а значит антибытийные, сущности, в онтологическую ложь, поскольку онтологическая правда человеческого бытия требует преодоления глобального экологического кризиса путем смены всех носящих антиноосферный характер оснований человеческого бытия.

Мировое хозяйство как таковое в том виде, как оно сложилось по своей социальной организации, когда продолжают существовать эксплуатация человека человеком, частная собственность, колониализм и глобальный империализм, войны и насилие как способ разрешения геополитических противоречий в классовом мире, обречено на экологическую гибель. Спасти человечество могут только ноосферный экологический духовный социализм и переход к «подлинной» истории, теперь уже и по эколого-ноосферным основаниям, — и в этом состоит содержание императива выживаемости в XXI в.

Н.А. Бердяев в 1918 г. опубликовал такую свою пронизательную формулу: «своекорыстие таит в себе безумие» [5, 470], которую мы развиваем следующим образом: в начале XXI в. своекорыстный мир человечества уже превратился в экологически безумный мир, и развивающиеся процессы первой фазы Глобальной экологической катастрофы, на фоне глобальной интеллектуальной черной дыры, определяют симптоматику безумия своекорыстного мира и глобальной патологии человечества.

Маркс как-то заметил по поводу разума человека: «Разум существовал всегда, но не всегда в разумной форме» [8, 380]. Мы ввели понятие *антиразума* как экологически самоуничтожающегося разума. Антиразум — это такая неразумная форма бытия разума, которая превращает его в свою полярность — антиразум.

Онтологическая ложь бытия современного капитализма в том и состоит, что его разум, прошедший обработку капиталорационализацией, превратился в антиразум, который ведет человечество к экологическому самоуничтожению. Этому антиразуму служит и часть науки, и часть культуры, которые будучи в плену у антиразума, будучи подвержены капиталорационализации, превращаются и в антинауку, и в антикультуру, т. е. в механизмы, блокирующие реализацию императива выживаемости.

Трагедия человечества, трагедия его сознания и разума в начале XXI в., состоит в том, что за стихийной парадигмой истории — опыт 800 — 1000 поколений людей, а за опытом рефлексии экологических угроз, за опытом советской социалистической истории, за опытом рефлексии антиэкологической сущности капитализма, — 2—4 поколения людей, и то, если иметь в виду передовых мыслящих людей, сумевших отбросить иллюзорные, феноменологические, фетишные формы видения мира, рождаемые отчуждением человека от истинных основ своего бытия и своего предназначения под давлением диктатуры капитала.

Как преодолеть это фундаментальное противоречие? — Н.Н. Моисеев назвал одним из механизмов такого преодоления «Систему учитель» [9]. Развивая эту мысль Моисеева, мы идентифицируем «Систему учитель» со становящимся ноосферным образованием и происходящим ноосферно-ориентированным синтезом всех наук.

Конечно, остается вера в разум человечества, в накопленное богатство духовно-нравственной культуры.

Возвращаясь к постановке проблемы «Сознание как фактор хозяйственного бытия», исходя из изложенного, можно сформулировать следующие положения.

Первое. *Сознание как фактор хозяйственного бытия человечества на Земле переживает революцию на порядок более масштабную по глубине преобразований и смены ценностных ориентаций, чем была неолитическая революция, запустившая социальную эволюцию человечества и собственно историю хозяйства человечества, как такового.* Эта революция может быть определена как ноосферно-эколого-социалистическая. Она, эта революция, одновременно может трактоваться и как ноосферная человеческая революция, и ноосферная революция в «пространстве» самого хозяйственного сознания, и как роды действительного разума.

Второе. *Сознание — это только «момент», или «свойство», интеллекта человека и общественного интеллекта.* Вопрос поставлен жестко: качество сознания как свойства интеллекта и разума человека и общества будет проверяться («тестироваться») качеством управления будущим. Само управление будущим в XXI в. — это управление социоприродной, или ноосферной, эволюцией. А это значит, что «разум-для-себя» должен превратиться (а это и есть «революция в эволюции разума») в «разум-для-земли, биосферы, космоса», выйти за пределы своей социальной «закапсулированности», стать разумом биосферы, обретающей качество ноосферы, и как таковой нести ответственности за будущее всей системы жизни на Земле. Ноосферная революция разума и означает ноосферную революцию хозяйственного

сознания. В.Ю. Татур уже ставил вопросы о переводе хозяйства в России на ноосферные основания, вводя даже понятие «биосферных губерний» [10].

Третье. *Революция хозяйственного сознания одновременно несет в себе императив отказа от рыночно-капиталистических форм хозяйствования на Земле.* И хотя это кому-то покажется нереальным утверждением, якобы «далеким от реальной жизни и ее логики» (правда, таким скептикам можно ответить — а ведь советская социалистическая плановая экономика была в XX в. и показала высокую эффективность и высокий уровень управления социально-экономическим развитием), тем не менее — «грозные всадники рукотворного, антропогенного экологического апокалипсиса» уже появились на горизонте человеческого бытия, и они скачут «из будущего» нам навстречу, и императив выживаемости действует.

Спасти человечество могут спасти только «роды действительного разума»! Неужели все трагедии, драмы истории, все революции и все подвиги человеческого духа, все великие победы в создании, в творчестве, в культуре, все поиски мужественной мысли великих людей всех времен и народов, все мечты о справедливости, гармонии, человеческом счастье, о правде, о социальной организации общества, поднимающие человека на высоту его истинного Творчества и истинной миссии на Земле и в космосе, окажутся бессмысленными экологической гибелью человечества, не сумевшего вырваться из плена экологического безумия своекорыстия потребителей и эксплуататоров?

Философия вообще, и философия хозяйства в частности, не должны уходить от этих вопросов. Наоборот, они должны обрести миссию «маяка», освещающего будущее.

Онтологическая правда за ноосферным экологическим духовным социализмом и за ноосферной парадигмой хозяйствования человечества на Земле, в свою очередь подразумевающей планетарную кооперацию народов-этносов и мир без войн и насилия!

Природа в широком смысле ждет от человечества сознания, поднимающего его на высоту этой поистине великой миссии установления ноосферно-космической гармонии на Земле.

Выход на арену социальной эволюции человечества закона роста идеальной детерминации через общественный интеллект и роды действительного разума человечества — это одновременно и роды нового, ноосферного хозяйственного сознания и становление ноосферной философии хозяйства, первый «камень» в основание которой был заложен еще в начале XX в. космической философией хозяйства С.Н. Булгакова.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
2. *Коммонер Б.* Замыкающийся круг. Л., 1973.
3. Environmental Sustainable Economic Development. Building of Brundtland / Goodland R., Daly H., El Serafy S. (eds.). Wash.: World Bank, 1991
4. *Зубаков В.А.* Эндозкологическое отравление в эволюции. М., 2002.
5. *Казначеев В.П.* Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения. Новосибирск, 1991.
6. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988.
7. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли в XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 1997.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.1.
9. *Делягин М.* Маньяк либерализма. Об особенностях г-на Коха // Завтра. 2015. Июль. № 27(1128).
10. Элита или мафия? // Улики (Советская Россия). 2015. 2 июля. № 6(69).
11. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М., 1990.
12. *Татур В.Ю.* Биосферные губернии. М., 1999.

И.Л. СОЛОМИН

Психосемантический подход к исследованию структуры сознания в условиях хозяйственного бытия

Аннотация. Рассматриваются вопросы диагностики содержания представлений и отношений конкретных людей и групп людей. Предполагается, что традиционные методы опроса и анкетирования выявляют главным образом декларируемые отношения и мотивацию. Предлагаются модификации методов семантического дифференциала, репертуарных решеток и цветового теста отношений для диагностики структуры и содержания недеклалируемых отношений, потребностей и мотивов. Методы основаны на вычислении расстояний в многомерном пространстве субъективных признаков между понятиями, характеризующими различные потребности, эмоциональные переживания, виды деятельности, события и людей. Психосемантические показатели позволяют определить ведущие и актуальные потребности, интересы, надежды, ожидания и намерения, отношение к себе, другим людям,

руководству, организации, профессиональной и трудовой деятельности, источники негативных переживаний.

Ключевые слова: психосемантика, психодиагностика, сознание, отношения, трудовая мотивация.

Abstract. The article is devoted to the diagnostics of representations and attitudes content of specific individuals and groups. Traditional survey methods and questionnaires reveal mostly the declared attitudes and motivation. Modified versions of the methods of semantic differential, repertory grids and color attitudes test allow us to identify undeclared needs and motives, interests, hopes, expectations and intentions, attitudes toward self and people, leaders, organizations, job, sources of negative experiences. The methods are based on the calculation of distances in a multidimensional space of subjective scales between the concepts that characterize the different needs, emotional experiences, activities, events and people.

Keywords: psychosemantics, psychological testing, consciousness, attitude, labor motivation.

Сознание является традиционным предметом исследования философии, психологии, социологии, нейрофизиологии, компьютерных и других наук. Интерес к проблеме сознания проявляют врачи, педагоги, юристы, политики, экономисты, историки, писатели, режиссеры, священники. Существует большое количество подходов к пониманию происхождения, структуры и форм сознания. Сознание рассматривают как не сводимую к физическому миру мыслящую субстанцию, как идеальный феномен, как субъективную реальность, как свойство высокоорганизованной материи, как функцию мозга, как отражение действительности, как форму поведения. Сложность изучения сознания связана с его идеальной и субъективной природой, рефлексивным характером, динамичностью, вариативностью, многофакторностью, избирательностью, пристрастностью.

Наше сознание рассматривается как высшая форма психической деятельности человека, способ понимания себя, других людей и действительности, выражения своих отношений и регуляции своего поведения с помощью усвоения и использования общественного опыта в речевой форме. Процесс сознания человека представляет собой внутренний разговор, мысленную беседу, общение с воображаемыми персонажами. Результатом сознания является система знаний, представлений и понятий, отношений, убеждений и веры человека. Мы можем говорить о различных видах сознания. По критерию субъекта можно выделить индивидуальное, групповое, общественное, этническое и

другие виды сознания. С точки зрения содержания выделяют сознание экономическое, политическое, правовое, нравственное, эстетическое, научное и религиозное. Наконец, можно говорить о сознании нормальном, измененном и патологическом. Особой частью сознания человека является самосознание.

Сознание людей формируется в процессе совместной деятельности, общения и воспитания в определенных экономических, политических и культурных условиях под влиянием информационных средств. Сознание зависит от пола, возраста, состояния здоровья человека, рода его занятий, классовой, национальной и профессиональной принадлежности, семейного положения, социальных ценностей, норм и правил поведения, ролей. Сознание связано с процессами и событиями в обществе, исторической эпохой, местом проживания, образом жизни, индивидуальным опытом. В свою очередь, сознание является одним из наиболее значимых факторов взаимоотношений между людьми, различных форм поведения, трудовой деятельности и хозяйственного бытия в целом. Роль сознания во всех сферах человеческой жизнедеятельности трудно переоценить, и изучение структуры, содержания и форм сознания, безусловно, является актуальной задачей. Без исследований сознания невозможно прогнозировать деятельность и отношения людей и эффективно управлять ими.

В психологии начало научного экспериментального изучения сознания связано с работами немецкого философа и психолога Вильгельма Вундта в конце XIX в. Основным методом исследования сознания в лаборатории Вундта был метод контролируемого самонаблюдения, или интроспекции, позволяющий выделить такие элементы сознания, как ощущение, восприятие, представление, память, мысли, эмоции, воля. Преимуществом самонаблюдения является непосредственность описания сознания, недостатками — невозможность изучения неосознаваемых психических явлений, неприменимость к изучению маленьких детей и психически больных людей, а также искажение результатов вследствие объединения субъекта и объекта наблюдения, влияния факта наблюдения на наблюдаемые явления, невозможность одновременно делать что-то и наблюдать за своими действиями. Данным самонаблюдения не всегда можно доверять, они должны рассматриваться лишь как фактический материал, который сам нуждается в объяснении.

Все методы опроса, включая интервью и анкетирование, основаны на самонаблюдении и самоотчете, поэтому им присущи все недостатки самонаблюдения, к которым добавляются проблемы, вызванные процессом взаимодействия опрашиваемого и респондента. В ре-

зультате опроса выявляются не столько реальные, сколько декларируемые чувства и мысли, не столько мотивы поступков, сколько их мотивировки. Содержание высказываний человека далеко не всегда соответствует его подлинным представлениям и переживаниям, отношениям к различным людям, поступкам и событиям.

Среди причин искажений результатов опроса и самонаблюдения могут быть стремление человека соответствовать ожиданиям и требованиям тех или иных групп людей, производить желаемое впечатление, демонстрировать или скрывать определенные стремления, предпочтения, привычки, ценности, чувства, мнения, излишняя конформность или же неискренность респондента. Другие причины связаны с конкуренцией, конфликтами, враждебным отношением, раздражением, отсутствием контакта между людьми, недоверием респондента, его страхом перед негативными последствиями откровенных высказываний, чрезмерной значимостью и болезненностью некоторых обсуждаемых тем. На достоверность результатов опроса могут оказывать негативное влияние личные качества, неподготовленность или некорректное поведение интервьюера, навязывание своего мнения, критика, споры, возражения, нарушение конфиденциальности, принудительный характер опроса, отсутствие регистрации ответов, дефицит времени, отвлекающие факторы. Люди могут недостаточно хорошо понимать и осознавать свои потребности, причины своего поведения, инстинктивные реакции, автоматизированные действия, малозаметные или посторонние раздражители, забытые образы и мысли, интуитивные идеи, внушенные установки, сновидения. Представления человека зависят от его установок, привычек, убеждений и предубеждений. Например, для людей характерно стремление оправдать свои поступки, повысить ценность совершенных действий, подчеркнуть достоинства выбранного варианта решения и негативные стороны отвергнутого, что объясняется явлением когнитивного диссонанса. Люди могут вытеснять из сознания, игнорировать представления, которые не соответствуют позитивному образу себя, вызывают болезненные переживания, запрещаются или считаются недопустимыми (психологическая защита). Наконец, некоторые люди не способны к рефлексии, могут испытывать затруднения в интеллектуальной деятельности.

Попытки преодолеть ограниченные возможности опроса в исследовании сознания были связаны с совершенствованием наблюдения за поведением человека и анализом физиологических реакций в процессе общения, с разработкой специальных техник ситуационного, проективного и метапрограммного интервью, с использованием контент-анализа и статистических процедур в процессе обработки данных

опроса, с применением стандартизированных психодиагностических тестов. Особый интерес для решения задач анализа бессознательных переживаний и отношений представляют так называемые проективные методы. Испытуемому предлагается рассказывать, на что похожи неопределенные изображения, сочинять истории по картинкам, рисовать на заданные темы, завершать незаконченные предложения, раскладывать цвета или портреты людей по степени привлекательности. Анализ результатов выполнения подобных заданий позволяет предположить, каковы ведущие потребности человека, интересы, представления, отношения, привычки, проблемы, источники тревоги. Однако достоверность результатов проективных методов в ряде случаев может вызывать сомнение, их интерпретация зависит от специалиста, его квалификации, опыта, убеждений, интересов.

В настоящее время в исследовании сознания развивается и используется психосемантический подход. Психосемантика — теория и практика измерения субъективных значений различных понятий в структуре индивидуального или группового сознания. Экспериментальная психосемантика возникла на стыке семиотики, психолингвистики, психологии восприятия и психологии личности. Теоретические и методические основы экспериментальной психосемантики были заложены в середине 1950-х гг. в работах американских психологов Джорджа Келли [1] и Чарльза Осгуда [2]. В дальнейшем экспериментальные психосемантические методы получили широкое распространение за рубежом при исследовании самооценки, межличностных отношений, средств массовой информации и пропаганды, рекламы, искусства, дизайна, политики, в области клинической психологии, профессионального и семейного консультирования, в сфере образования. В 1980-е гг. появились первые книги по экспериментальной психосемантике на русском языке, написанные московскими психологами А.Г. Шмелевым [3], В.Ф. Петренко [4 — 5] и В.И. Похилько [6], а также первые переводы зарубежных книг по психосемантике [7]. В настоящее время в России психосемантические методы наиболее часто используются в консультировании, практике управления персоналом, а также в социально-психологических исследованиях [8].

Рост популярности экспериментальных психосемантических методов обусловлен их уникальными возможностями по изучению сознания человека. Действительно, психосемантические методы наиболее адекватны для исследования представлений человека о различных явлениях действительности и отношений к ним.

В основе использования психосемантических методов лежит понятие семантического пространства. Различные субъективные при-

знаки, которыми пользуется человек при оценке и сравнении разных объектов действительности, можно представить как координатные оси многомерного пространства, представления и понятия — как точки в этом пространстве, значения этих понятий — как координаты или проекции точек на оси, а различия между понятиями — как расстояния между точками.

Испытуемый в психосемантическом исследовании оценивает ряд понятий по специально разработанным шкалам. В отличие от традиционных анкет и психодиагностических методов результат испытуемого представляет собой не строку, а целую матрицу значений показателей, где в строках представлены оцениваемые понятия, а в столбцах — оценочные шкалы. Матрица данных каждого испытуемого подвергается многомерному статистическому анализу с целью выделения факторов и кластеров для повышения наглядности результатов [9].

В психосемантике измерение субъективных значений основано не на межиндивидуальных, а на внутрииндивидуальных различиях, т. е. результаты оценки испытуемым некоторого понятия сравниваются не с результатами оценки этого понятия другими испытуемыми, не с групповой нормой. Эталонном служат собственные оценки этим испытуемым других понятий. Психосемантические методы направлены на диагностику не столько устойчивых поведенческих черт личности, сколько динамичных особенностей сознания. Поэтому психосемантические методы не исключают, а дополняют традиционные социологические и психодиагностические методы, предназначенные для изучения декларируемых отношений, поведения и личности, позволяя получить более точную и неискаженную информацию о сознании человека, его представлениях и недекларируемых отношениях.

В качестве базовых в психосемантических исследованиях используются методы семантического дифференциала и репертуарных решеток. Классическая процедура семантического дифференциала, предложенная Ч. Осгудом, состоит в оценке интересующего исследователя набора понятий с помощью 7-балльных шкал, полюса которых представлены прилагательными-антонимами («приятное — неприятное», «большое — маленькое», «горячее — холодное» и т. п.). Для минимизации количества признаков Осгудом был проведен факторный анализ большого числа шкал, в результате чего было получено три основных универсальных семантических фактора: ценности, силы и активности. Фактор ценности характеризует привлекательность оцениваемых понятий, фактор силы — зависимость от них, фактор активности — их динамичность, непостоянство. Семантическое между понятиями вычисляется по формуле (1):

$$D_{ij} = \sqrt{\sum_{k=1}^r (X_{ik} - X_{jk})^2}, \quad (1)$$

где D_{ij} — евклидово расстояние между точками i и j в r -мерном пространстве признаков (факторов), k — порядковый номер признака (фактора), X_{ik} и X_{jk} — координаты точек i и j по k -измерению или значения k -признака (фактора) i и j понятий. Чем меньше расстояние между точками, тем больше сходство между соответствующими понятиями. Близкие понятия ассоциируются в сознании (рис. 1).

Рис. 1. Модель семантического пространства, характеризующая отношение к работе

Не существует стандартного набора шкал и понятий. Список понятий, которые предлагаются испытуемым для оценки, может меняться в зависимости от конкретной задачи. В модифицированном автором варианте метода семантического дифференциала, позволяющем выявлять скрытую и скрываемую мотивацию [10], могут быть представлены такие категории понятий, как:

- потребности и ценности («мое увлечение», «интересное занятие», «материальное благополучие», «моя заработная плата», «выгода», «общение с людьми», «личная независимость», «признание окружающими», «моя карьера», «выполнение обязанностей», «творчество», «достижение успеха» и т. п.),
- занятия и виды деятельности («моя работа», «моя учеба», «моя профессия», «занятия бизнесом», «мое свободное время» и т. п.),

- люди и организации («я», «мои друзья», «моя семья», «мои сотрудники», «мое руководство», «моя организация», «другие организации» и т. п.),
- негативные события и переживания («неудача», «угроза», «неприятности», «болезнь» и т. п.),
- различные этапы жизненного пути («мое прошлое», «мое настоящее», «мое будущее»).

Расстояние между понятиями, характеризующими потребность, с одной стороны, и деятельность — с другой, может служить показателем, обратно пропорциональным силе побуждения к данной деятельности, обусловленного соответствующей потребностью. Ранжируя ряд потребностей по степени их близости к интересующему нас виду деятельности, можно определить ведущие мотивы, их иерархию для любого вида деятельности [11]. Например, чем меньше расстояние между понятием «Моя работа» и такими понятиями, как «Мое увлечение», «Интересное занятие», «Достижение успеха», «Материальное благополучие» и т. п., тем более выражена трудовая мотивация человека, поскольку понятие работы ассоциируется с заведомо значимыми и привлекательными для большинства людей понятиями.

Психосемантическая модель сознания может включать следующие компоненты и показатели.

1. Индивидуально устойчивые базовые потребности, ведущие жизненные ценности, определяющие содержание стремлений, увлечений и интересов, о составе которых можно судить на основе того, какие понятия ассоциируются с понятиями «мое увлечение» и «интересное занятие».

2. Удовлетворенность базовых потребностей, состояние эмоционального благополучия в настоящее время, показателем чего является ассоциация понятий «мое увлечение» или «интересное занятие» с понятием «мое настоящее».

3. Ситуационно обусловленные актуальные потребности, характеризующие, чем озабочен человек, на чем он сосредоточен в настоящее время, что он вынужден делать. Состав этих потребностей можно выявить на основе анализа того, какие понятия близки понятию «мое настоящее».

4. Отношение к будущему, характеризующееся ожиданиями, надеждами, намерениями, планами, о содержании которых свидетельствуют понятия, ассоциирующиеся с понятием «мое будущее».

5. Отношение к себе выражается в том, кем человек себя считает, с кем себя идентифицирует, какие переживания связаны у него со своей личностью. Отношение к другим людям характеризуется тем, какие чувства человек испытывает в связи с различными людьми. Для определения отношения к себе или другим людям достаточно выявить,

какие понятия наиболее тесно связаны с понятиями «я», «моя семья», «мои друзья», «мой начальник» и т. д.

6. Отношение к различным видам деятельности характеризуется мотивами этой деятельности, потребностями, которые к данной деятельности побуждают, позитивными или негативными переживаниями, связанными с этим видом деятельности. Например, ассоциация понятия «моя работа» с понятиями «мое увлечение» или «интересное занятие» может говорить о том, что трудовая деятельность человека побуждается наиболее значимыми и устойчивыми базовыми потребностями. Если работа связана в сознании с настоящим («Мое настоящее»), то трудовая деятельность побуждается менее стабильными актуальными потребностями. Если рядом с понятием «моя работа» располагаются понятия «угроза», «неудача», «неприятности» или «болезнь», значит, работа воспринимается как источник стресса, негативных переживаний.

7. Понятия, обозначающие занятия, события или людей и находящиеся близко к понятиям «неприятности», «неудача», «угроза», «болезнь», могут указывать на источники стресса у испытуемого, побуждают к деятельности, направленной на их избегание.

8. Вытесняемые из сознания представления и переживания являются формой психологической защиты, характеризуют то, что человек старается не замечать, на что не обращает внимания, о чем стремится забыть, что игнорирует. Об их содержании могут свидетельствовать изолированные, одиночные, ни с чем не связанные понятия, ни с чем не ассоциирующиеся.

Кроме модифицированного варианта метода семантического дифференциала, для психосемантической диагностики мотивации и сознания могут использоваться модифицированный автором вариант метода репертуарных решеток, а также модифицированный вариант цветового теста отношений под названием методики цветowych метафор.

Представленный вариант метода репертуарных решеток предназначен для оценки осознаваемой и неосознаваемой степени выраженности потребностей, актуализируемых в различных жизненных ситуациях. Процедура включает в себя оценку частоты встречаемости различных субъективных состояний в разных жизненных ситуациях с дальнейшим построением пространства факторизованных состояний и проекцией ситуаций на это пространство.

Метод цветowych метафор представляет экспресс-аналог семантического дифференциала [12]. Процедура данного метода заключается в том, что испытуемые обозначают каждое из предъявляемых им нескольких десятков понятий с помощью одного из нескольких цветов, например, из восьми стандартных цветов теста М. Люшера. После

этого испытуемые ранжируют цвета в порядке их привлекательности от самого приятного до самого противного. В основе методики лежат два принципа. Во-первых, если испытуемый обозначает какое-либо понятие самым привлекательным цветом, он выражает свое позитивное отношение к данному понятию, и наоборот, понятие, обозначенное самым неприятным цветом, вызывает негативные эмоции. Во-вторых, если несколько понятий обозначаются испытуемым одинаковым цветом, это означает, что испытуемый относится к ним сходным образом, они вызывают у него сходные эмоциональные реакции, воспринимаются как близкие, ассоциируются в сознании.

Методы психосемантической диагностики использовались автором и его коллегами для решения следующих задач:

- диагностика военной профессиональной направленности при отборе абитуриентов высших военных учебных заведений (1988) [13],
- выявление радиофобии у лиц, проживающих на территориях, подвергавшихся утечкам радиоактивных веществ (1989),
- сравнение потребностей здоровых людей и больных невротическими расстройствами (1990),
- изучение динамики потребностей в процессе длительного голодания (1990),
- мониторинг сознания и мотивации диспетчеров энергоблоков Чернобыльской атомной электростанции (1992) [14],
- изучение утраты трудовой мотивации при потере работы и в процессе безработицы (1996) [11],
- оценка эффективности тренинговых и психокоррекционных программ, направленных на восстановление мотивации к труду у безработных (1996),
- оценка эффективности рекламных воздействий (1996),
- диагностика трудовой мотивации и лояльности персонала коммерческих фирм (1996—2012) [15],
- анализ мотивации у лиц, принявших решение репатриировать в Израиль (2001),
- изучение политических установок молодежи (2001—2012),
- сравнение трудовой мотивации руководителей и специалистов государственных и коммерческих предприятий (2001—2010),
- оценка содержания и динамики мотивации и отношений заключенных и персонала учреждений исполнения наказаний в процессе психологических тренингов (2002),
- исследование мотивации сопротивления изменениям в процессе реорганизации и реформирования государственной службы (2005) [16],

- изучение учебной и профессиональной мотивации студентов вузов (2011—2012),
- изучение структуры и динамики мотивации и эмоциональных отношений московских школьников (2014),
- кросскультурное исследование сознания и мотивации китайских и российских студентов (2015).

Методики семантического дифференциала, репертуарных решеток и цветовых метафор сочетают в себе свойства анкет и проективных методов. Возможность полной стандартизации, точная количественная оценка, простота проведения и возможность массовых обследований сближают их с анкетированием, а защищенность от мотивационных искажений, полнота получаемой информации о структуре сознания и бессознательных отношений — с проективными методами.

Результаты психосемантического исследования сознания могут быть использованы в практике управления и консультирования руководителей и сотрудников различных организаций, для решения задач психологической оценки персонала, оценки эффективности менеджмента, выбора наиболее эффективных способов мотивирования сотрудников, мониторинга трудовой мотивации, выявления нелояльных работников, планирования карьеры, нормирования условий труда, оптимизации отношений в коллективах и т. д.

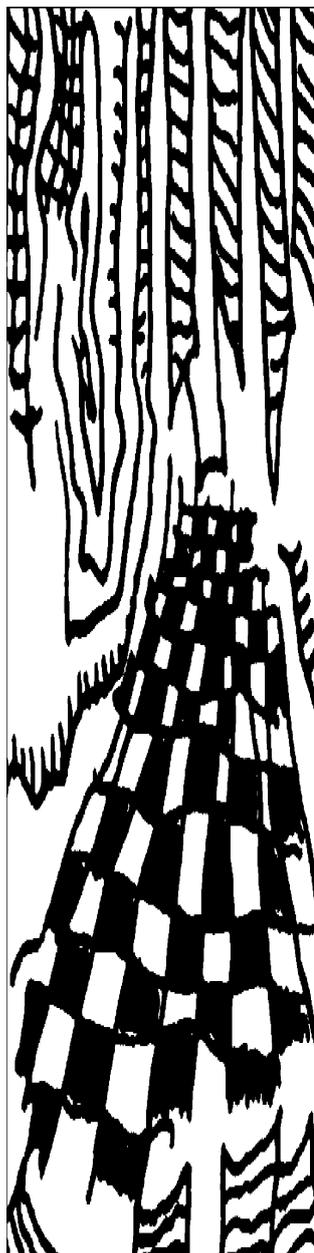
Литература

1. Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. Vol. 1. A Theory of Personality. Vol. 2. Clinical Diagnosis and Psychotherapy. N. Y., 1955.
2. Osgood Ch.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois, 1957.
3. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику. Теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.
4. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. Исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
5. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
6. Похилько В.И. Психодиагностика индивидуального сознания // Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М., 1987.
7. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. Руководство по репертуарным личностным методикам. М., 1987.
8. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.

9. *Соломин И.Л.* Практикум по психодиагностике. Психосемантические методы. Учеб.-метод. пособ. СПб., 2013.
10. *Соломин И.Л.* Психосемантическая диагностика скрытой мотивации. Методическое руководство. СПб., 2001.
11. *Соломин И.Л.* Психосемантический подход к исследованию трудовой мотивации. Автореф. дис. канд. псих. наук. СПб., 2009.
12. *Соломин И.Л.* Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб., 2006.
13. *Миролюбов А.В., Соломин И.Л., Коваль О.Г., Левкин Л.А.* Использование методики семантического дифференциала для исследования учебной и профессиональной направленности кандидатов в военное училище // Вопросы профессионального психологического отбора и психологического сопровождения учебно-воспитательного процесса в вузе. Материалы Всеармейского учебно-методического сбора 1988 г. М., 1989.
14. *Соломин И.Л.* Об опыте практического использования методики психосемантической диагностики мотивации (на примере Чернобыльской атомной электростанции) // Психологическая газета. 2001, ноябрь. № 11/74.
15. *Соломин И.Л.* Психосемантическая диагностика трудовой мотивации персонала. // Труды Международной научно-практической конференции «Психология труда, инженерная психология и эргономика 2014» (Санкт-Петербург, 3—5 июля 2014) / Под ред. А.Н. Анохина, П.И. Падерно, С.Ф.Сергеева. СПб., 2014.
16. *Соломин И.Л.* Психосемантическое исследование мотивации сотрудников государственной службы в процессе реформирования // Карминские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, 15—17 ноября 2011 г. СПб., 2011.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.М. ЮРЬЕВ, В.Г. БАБАЯН

Модернизация, устойчивость и структурированный хаос в социально-экономической системе

Аннотация. Уточнено понятие «социально-экономическая система» в связи с такими терминами, как «хаос», «самоорганизация», «самоподдерживающее развитие». Показано, что управление СЭС — одно из самых загадочных дел, требующее понимания функций и назначения системы, и мировоззрения. СЭС свойственны ограниченная рациональность, пристрастие к системным «ловушкам», склонность к подмене проблемы, поэтому способность к самоорганизации — одно из самых сильных проявлений гибкости и устойчивости системы. Доминирование в СЭС одной культуры останавливает обучение системы и резко уменьшает ее устойчивость. В то же время поощрение разнообразия, изменчивости, склонности к экспериментированию иногда воспринимается в обществе как потворство беспорядку и утрата контроля. Теория хаоса представлена в качестве визуально удобной модели перехода от порядка к «турбулентности» в рамках эксперимента с равномерным насыпанием горки песка на ровную поверхность. На основании этой идеи авторская модель позволяет аргументированно отвечать на вопрос, что считать благоприобретением для СЭС.

Ключевые слова: социально-экономическая система, самоорганизация социально-экономических систем, управление социально-экономическими системами, модернизация.

Abstract. The concept «socio-economic system» thereon the terms such as «chaos», «self-organization», «self-supporting development» is specified. It is shown, that the management of socio-economic system is one of the most mysterious things which require understanding the functions and the appointment of the system and the world view. Socio-economic system is rationally limited, has system traps, is eager to change the problem, that is why the ability of self-organization is one of the strongest appearance of flexibility and stability of the system. The domination of one culture in socio-economic system stops the education of the system and is decreasing its stability. At the same time, the encouragement of variety, changeability, experimenting is sometimes understood by the society as indulgence to disorder and loss of the control. The theory of chaos is presented as visually convenient model of transition from order to «turbulence» within the framework of the experiment with equal pouring of the sand on the flat sur-

face. On the basis of this idea author's model let answer the question what the benefit acquisition for socio-economic system is.

Keywords: socio-economic system, self-organization of socio-economic system, socio-economic system management, modernization.

Отечественная экономическая наука не проявляет пристального внимания к теории хаоса. И хотя интерес к этой теории в последние два десятилетия растет во всех областях, особенно в геополитике, экономисты и социологи привычно подчеркивают значение «преемственности основных тенденций в динамике социально-экономических систем» [1]. В большой мере это связано с тем, что исследователи не смогли пока определиться с понятиями «хаос», «самоорганизация», «самоподдерживающее развитие», да и с самим понятием «социально-экономическая система» (СЭС). В работе, получившей широкую известность, «Азбука системного мышления», профессор Д. Медоуз (США) так писала о границах СЭС: «Отдельных изолированных систем не существует. Мир непрерывен. Где провести искусственную границу вокруг системы, зависит от того, какие перед нами цели — на какие вопросы надо найти ответ. Вокруг системы нет одной, раз и навсегда определенной границы. Вам приходится их придумывать, чтобы модель была доходчивой и адекватной. Если забыть, что эти границы мы искусственно воздвигли сами, могут возникнуть большие проблемы. В идеале для каждой новой проблемы нам надо заново отыскивать подходящие границы, и для этого нужна определенная гибкость мышления. Мало кто ею обладает. Мы привязаны к мысленным границам, которые однажды выбрали...» [2].

Управление СЭС — одно из самых загадочных, с научной точки зрения, дел, требующее понимания функций и назначения системы, и мировоззрения, в рамках которого построена система — ее целей, структуры, правил. Приходится учитывать, что СЭС свойственны ограниченная рациональность, пристрастие к системным «ловушкам», склонность к подмене проблемы. Способность к самоорганизации — одно из самых сильных проявлений гибкости и устойчивости системы. «Самоорганизация фактически поставляет эволюции строительное сырье — разнообразный запас информации, из которого выбираются возможные варианты» (Д. Медоуз). Опираясь на эти возможности, элита общества может катализировать необходимые процессы модернизации. Доминирование в СЭС, при этом, одной единственной культуры останавливает обучение системы и резко уменьшает устойчивость. В то же время поощрение разнообразия, изменчивости, склонности к экспериментированию иногда воспринимается в обществе как

потворство беспорядку и утрату контроля. Идеи, которые требуют переменить взгляды на мир, вызывают иногда враждебность.

Ранее предполагалась возможность ограничить СЭС рамками мегаполисов. В этом случае такие образования, как США, ЕС, да и РФ, — это объединение мегаполисов со своими уникальными культурно-историческими традициями [3]. В таком случае возникают вопросы, как, например, влияет на устойчивость крупной СЭС такой процесс, как смена столицы, обычно главного мегаполиса. Впрочем, само взаимодействие крупных федеральных центров в сегодняшней России, несомненно, вызывает пристальный интерес обществоведов, равно как и объединение, например, центра всей федерации с центром региона — Московской областью. Разделение сфер ответственности и интересов в таком случае — интересная задача из области теории хаоса и самоорганизации. Известно, что самые неустроенные автомобильные дороги находятся на границах регионов. Принцип «с миру по нитке» здесь чаще всего не срабатывает. Медоуз в цитируемой выше книге о системном мышлении отошла от общепринятых канонов трактовки устойчивости и сделала упор на гибкости системы. Используя язык, принятый в теориях композитных материалов, гибкость — это результат большой подвижности фрагментов, входящих в состав изделий. В СЭС, как мы ранее предполагали, основным фрагментом исторически считалась семья. В настоящее время в большинстве развитых стран наиболее подвижными фрагментами признаны малые предприятия, часто семейного типа, обеспечивающие занятость и достаточный заработок. В этом смысле средний доход на душу населения является неплохим индикатором успешности СЭС, хотя этот тезис вызывает много вопросов в связи с резкими неоднородностями в распределениях.

Вера в тотальную управляемость социально-экономических процессов может оказаться ошибкой. Опасно мобилизовать людей, подарить им надежду, используя национально-патриотическую эйфорию, а потом отказаться от начатого. В известной мере, так произошло с коммунистической идеей в СССР, отказ от которой в 1990-х гг., вероятно, большая ошибка, чем призывы строить коммунизм в разоренной Гражданской войной стране. В большинстве крупных стран ключевым звеном системы управления является глава исполнительной власти. Неслучайно, при противоборствах между СЭС часто возникает вопрос о легитимности власти главы государства с конституционной точки зрения. Любые сомнения в этом вопросе, как показывает опыт, могут оказаться разрушительными для СЭС.

Удивительно, но этот вопрос остался вне поля внимания «Азбуки системного мышления». Особняком стоит вопрос об устойчивости

созданной США военно-политической и финансово-экономической системы. «За последние 25 лет в США выросла политическая элита, которая привыкла к статусу хозяев мира. Для них превращение в договаривающуюся сторону нестерпимо», — пишет известный украинский и российский политолог Р.В. Ищенко [4]. Крупный русский математик и исследователь проблемы хаоса Г. Малинецкий замечает: «Сейчас перед Россией стоят проблемы того же масштаба, как и во времена, предшествовавшие петровским и ленинской модернизации. И вновь растёт геополитическая и геоэкономическая нестабильность всей мировой системы, а с ней и риски крупномасштабных военных конфликтов, острого соперничества старых и новых центров силы, нового предела мира» [5]. Очевидно, что в сложившихся условиях стихийный процесс самоорганизации приведет к борьбе за ресурсы, когда будут задействованы все возможные средства, которыми располагает человечество. Когда крупнейший американский ученый Р. Курцвейл говорит: «Сингулярность уже близко», — то многие читатели слышат намеки именно на эти обстоятельства современного мирового хаоса [6]. Как бы то ни было, есть все основания полагать, что впервые в истории конкуренция за рабочие места, требующие от работников высокой степени образования и квалификации, выходит на уровень государств, создающих, как например КНР, десятки новых технологических университетов уровня МИТ [7]. Автор известной книги «Хаос: создание новой науки» Дж. Глейк подчеркивает: «Постулат теории сложности: изменения, дезорганизация и серьезные последствия являются результатом тривиальных, на первый взгляд, событий... Как поддерживать стабильность в системе, которая по своей природе является непредсказуемой?» [8]. С.П. Капица отмечает роль демографического перехода в возникновении локальных конфликтов [9]. На глазах цивилизованного мира сегодня разыгрываются трагедии с переправой в Европу тысяч африканцев, потерявших веру в возможность сохранить свои жизни на родине. Политологи уверены в том, что, кроме самоорганизованной критичности, во многих странах критичность формируется вполне организованно. Индийский профессор А. Вананик отмечает: «Конкуренция между капиталами по преодолению всех социальных и географических барьеров является ключевой движущей силой, а сам процесс не может быть стабильным без регулирования. Только это может гарантировать, что конкуренция не станет серьезной угрозой для капиталистической системы» [10].

Исследования таких объектов, как СЭС, соединяющих в себе «порядок» и беспорядок («древний хаос»), придают новую значимость измерениям энтропии системы, указывают пути возврата к естествен-

ным наукам [11]. В цитируемой работе указывается, как затраты энергии при растяжении эластомеров приводят к возникновению «порядка». После снятия напряжения порядок теряется, превращаясь в первичное хаотическое состояние. Нет никаких оснований предполагать, что нечто подобное не может иметь место в СЭС — с той лишь разницей, что источниками энергии являются сами элементы «порядка», образующие структуру системы. В 1980-х гг. большинство ученых, исследовавших феномен сложных систем (многокомпонентные материалы), придерживались мнения, согласно которому им свойственно сложное поведение. С тех пор многое изменилось. Математики, физики, биологи выработали идею: сложные системы порождают простое поведение и наоборот. «Обычная наука “сбилась с пути” и ей больше не удастся обходить аномальные явления. Из отжившей, загнавшей себя в тупик, науки восстает новая... Важнейшие открытия нередко делаются исследователями, перешагнувшими границы своей науки» [9]. В геометрии Б. Мандельброта площади реальных поверхностей имеют размерности больше двух, а длина линии, охватывающей эту поверхность, в пределе стремится к бесконечности. Эта геометрия «живых» систем получила название фрактальной. За короткое время теория сложных систем обогатилась новым видением хаотических моделей, противоречащим ранее принятым представлениям.

СЭС должны функционировать и проявлять гибкость, способность противостоять малым возмущениям огромного спектра частот. Психологи отмечают, что ни один сердечный тон или дыхательный ритм человека не может быть сведен к точным периодичностям. Структуры, зарождающиеся среди бесформенностей, — такова главная прелесть живых систем, в том числе СЭС. Хаос и порядок идут здесь «в обнимку», демонстрируя все новые загадки. История — калейдоскоп сменяющихся периодов хаоса и порядка. Если заглянуть в область финансовых систем, то и тут можно обнаружить множество подобных образцов [12].

Исследователи теории хаоса в качестве визуально удобной модели перехода от порядка к «турбулентности» рассматривают эксперимент с равномерным насыпанием горки песка на ровную поверхность. Из ставших уже классическими экспериментов следовало, что горка, после некоторой высоты, начинает осыпаться с различными скоростями и перерывами с разных сторон. Порядок — рост горки, сменяется хаосом, при котором средняя высота горки мало меняется, а дополнительные порции песка, подсыпаемого сверху, просто расползаются по большей площади. Предполагается, что пределы роста населения Земли имеют некоторую связь с этими экспериментами и обо-

значают модельно «демографический переход», т. е. достижение постоянства населения Земли. «Осыпание горки» в случае глобальной заселенности означало перманентные конфликты без сильного изменения общего состава и количества населения. Причины таких конфликтов в целом понятны, но для тех, кто «осыпался», неприятны. Сингулярность при этом не просматривается. Но от чего зависят максимумы? Предположения желательны в простой математической форме, и, как нам представляется, все зависит от простоты заложенных идей.

Идея № 1. Рост горки определяется, прежде всего, материальными и интеллектуальными ресурсами данного района обитания, обеспечивающими скорость накопления богатств. Всегда остается трудный вопрос. В каких единицах определять накопленные богатства? Пока не существует решения этой задачи, поэтому остается только условный, договорной способ или навязывание — (силовой) способ.

Идея № 2. Не существует таких богатств, которые не притягивали бы к себе всякого рода потребителей. Кроме легального ухода полученных богатств в виде налогов, а также в виде вознаграждения за труд, выплат за полученные кредиты, существуют иные «коррупционные» затраты, некоторые из которых даже преступные.

В ранее опубликованной работе мы предложили модель с двумя переменными — Y (конечный продукт), I (инвестиции) [13]. Скорость роста накоплений (конечного продукта), как предлагает идея № 1, прямо определяется некоторой величиной α , которую можно назвать генерирующей характеристикой для исследуемого объекта. Предполагается при этом, что на скорость накопления оказывает влияние и количество накопления Y , и коэффициент расходования β , который можно рассматривать как «коррупционную» постоянную. Математически это записывается в виде дифференциального уравнения:

$$\frac{dY}{dI} = \alpha - \beta Y \quad (1)$$

Решение этого дифференциального уравнения следующее:

$$Y = \frac{\alpha}{\beta} (1 - e^{-\beta I}) \quad (\text{при условии: } I=0, Y=0) \quad (2)$$

Скорость роста богатства Y в зависимости от роста инвестиций I , равна

$$\frac{dY}{dI} = \alpha e^{-\beta I}, \quad (3)$$

как следует из (2). Разумное требование инвестора заключается в том, чтобы указанная величина была ≥ 1 . Исходя из минимального значения $\frac{dY}{dI} = 1$, следует $I(\max) = \ln \alpha / \beta$, что и определяет граничное зна-

чение инвестиций, выше которых инвесторы начинают нести потери. Предполагается, по умолчанию, что $\alpha \gg 1$, а $\beta \ll 1$. Если принять условно для качественной оценки $\alpha = 10$, а $\beta = 0,1$, то расчетная величина $I(\max) \approx 23$. Нетрудно рассчитать, что $Y(\max) \approx \alpha/\beta$. Для значений выше для качественной оценки величин, — $(\alpha/\beta)(\max)$ составит около 100 условных денежных единиц.

Считается, отвлекаясь от конкретной бизнес-задачи, что предпринимательство заключается в поиске местонахождения такого дела, для которого удобно определяются оба коэффициента — генерирования и развития дела — α и β . Часто этот вопрос решается интуитивно. Хотя предложенная математическая модель отражает картину «осыпания» горки, надо признать ее просто формой иллюстрации (идиографией) социальных процессов. Еще со времен классиков марксизма было понятно, что капитал в мире движется в те страны и рынки, которые содержат «в себе» высокие коэффициенты α и низкие коэффициенты β . Высококвалифицированный, дисциплинированный и честный работник — это гарантия надежности инвестиций. Когда говорят о Китае, предпочитают обсуждать только тему стоимости рабочей силы. На самом деле, даже заменить китайских работников на сборке айфонов пока не могут нигде.

По-существу, так называемый IQ — индекс человеческого капитала — это и есть отпечаток будущего производителя с высоким коэффициентом α . Умение человека жить, не нарушая законы, — это свидетельство низкого «коррупционного» коэффициента β гражданина. Агрегируя эти показатели, можно обсуждать даже вопросы возможностей достижения объединенных соответствующих показателей для СЭС — высокого α и низкого β . Не будет открытием, что именно задачи такого рода и ставились перед обществом последователями марксизма и в СССР, и в настоящее время в КНР, нисколько не принося при этом полученных ранее результатов. Труднее отвечать на вопросы готовности общества признать эти принципы в качестве столь же важных, как и достаточная обороноспособность страны [14]. В целом, по-видимому, речь должна идти о готовности всех блоков СЭС, его руководителей и первых лиц государств рассматривать такого рода вопросы. Наша модель позволяет аргументированно отвечать на вопрос, что считать благоприобретением для СЭС. Самый простой ответ предполагает в форме идиограммы демонстрировать рост «горки сегмента» данного блока без «осыпания» горки. Повторим: осыпание означает падение эффективности данного бизнес-проекта по причине, указанной выше — малой величины α или высокой величины β . О

недостатках школьного и вузовского образования и их последствиях написаны тонны трудов, тысячи психологов и новаторов-учителей заявляют, что они нашли эликсир учености и готовы его предъявить. И почти во всех странах при этом обнаруживается ухудшение результатов обучения. Отсюда падение средней величины α , трудности с введением новых технологий. Законопослушность — тоже не самое популярное слово в стране в условиях кризисов, в «минуты роковые». Отсюда увеличение средней величины β , что приводит к ускорению хаотизации СЭС. Великий педагог А. Макаренко показал, как простым обучением малолетних преступников можно превратить в полезных членов общества, а его «Педагогическая поэма» до сих пор не потеряла актуальности.

Использование ранее предложенной четырехблочной модели СЭС (рынок, государство, религия, массовое сознание) предполагает различные возможности косвенных оценок рассмотренных выше коэффициентов эффективности — α и коэффициентов убытия богатства — β , например, с помощью тест-опросов. Принцип «Богу — Богово, а кесарю — кесарево» можно распространить здесь на все 32 сегмента: по 8 на каждые четыре блока [14], так как не все можно оценить в денежных единицах. Тем не менее финансомика (неоэкономика) предполагает возможность так или иначе определить стоимость (расходы на) воспитания ребенка, включая обучение музыке, художественному искусству, физической культуре и т. п. Труднее, но все-таки возможно, оценить вклады в сфере религии, например, используя принцип церковного налога. «Кроме власти денег, есть еще власть над деньгами — супервласть, персонифицированная эмиSSIONерами и владельцами денег». И еще там же: «Мир финансов стал, практически, самостоятельным автономным космосом, утратившим прямую зависимость не просто от физической экономической реальности, но и от всей хозяйственной реальности» [15]. Надо, однако, полагать, что он не утратил зависимость от социальной реальности, которая может как увеличивать финансовую мощь, так и уменьшать ее, отыскивая точки роста богатства и подавляя «паразитные токи».

Литература

1. *Клейнер Г.* Ритмы эволюционной экономики (Итоги X международного симпозиума по эволюционной экономике. 12—14 сентября 2013 г., г. Пущино) // Вопросы экономики. 2014. № 4.
2. *Медоуз Д.* Азбука системного мышления. М., 2011.

3. Юрьев В.М., Бабаян В.Г. Устойчивость как производная сложности социально-экономических систем // Вестник Тамбовского университета. Сер: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 1 (141).
4. Ищенко Р.В. Третья мировая сетевая война // Академия Тринитаризма (Интернет-портал). URL: www.trinitas.ru.
5. Малинецкий Г. Проектирование будущего и модернизация России // Дружба народов. 2010. № 9.
6. Kurzweil R. The Singularity is Near. L., 2005.
7. Дрекслер Э. Всеобщее благоденствие. Как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию. М., 2014.
8. Глейк Дж. Хаос: создание новой науки. СПб., 2001
9. Капица С.П. Модель роста населения Земли и экономическое развитие человечества // Вопросы экономики. 2000. № 2.
10. Вананк А. Гегемониальная стабильность, новый квинтет и другое // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 5.
11. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндз М. Фейнмановские лекции по физике. М., 1967. Т. 4.
12. Лиетар Б. Душа денег. М., 2007.
13. Юрьев В.М., Бабаян В.Г. Политэкономическое познание современного мира (очерки). М.; Тамбов, 2015.
14. Юрьев В.М., Бабаян В.Г. Качество социально-экономической среды и планирование развития // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 7 (63).
15. Барсегов Г. Финансомика как новейшее направление экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 2.

Ю.А. КРОПИН

Еще раз о структуре цены (стоимости) товара

Аннотация. Статья посвящается конструктивной критике взглядов широко известных школ экономической мысли на структуру цены (стоимости) товара. Предмет исследования — структура цены (стоимости) товара. Цель работы — изложение научно-обоснованного взгляда на структуру цены (стоимости) товара. Подчерк. важность для экономической науки и рыночной практики решения вопроса о структуре цены (стоимости) товара; анализируются взгляды, изложенные по данному вопросу в трудах А. Смита и К. Маркса; авторское понимание

данного вопроса. Делается вывод, что структура цены (стоимости) включает в себя издержки плюс цену новых потребительских свойств произведенного товара.

Ключевые слова: труд, двойственный характер труда, источник труда, свойства товара, цена (стоимость) товара.

Abstract. The article is devoted to the constructive criticism of the views widely known schools of economic thought on the structure of the price (cost) of the goods. Subject of research — the structure of the price (cost) of the goods. Purpose the presentation of an evidence-based view of the value of the goods. The article emphasizes the importance for economic science and market practices address the issue of the structure of the price (cost) of goods; analyzes the views expressed on this issue in the writings of Adam Smith and Karl Marx; and given its author's understanding. The article concludes that the price structure (cost) includes costs plus the price of new consumer properties of goods produced.

Keywords: labor, the dual character of labor, source of labor, the properties of the goods, the price (cost) of the product.

Современное состояние экономической науки как в нашей стране, так и на Западе стало отличаться чрезмерной утилитарностью, стремлением к максимальной прагматичности. Это нередко приводит к тому, что многие вопросы рассматриваются поверхностно, просто ориентируясь на необходимость достижения высокой экономической эффективности. В текущем плане резон в таком подходе, вероятно, имеется. Однако с точки зрения раскрытия сущности тех или иных рыночных явлений, глубины рассмотрения тех или иных рыночных процессов такой подход является не вполне удовлетворительным. Собственно говоря, его нельзя назвать даже научным. Соответственно экономическая наука в таких условиях становится практически ангажированной. Отсутствие явного стремления к постижению сути рынка, системы рыночных отношений относится, в том числе, к вопросу цены (стоимости) товара, структуре этого рыночного феномена.

Как отмечал Н.Д. Кондратьев, «нет другой экономической проблемы, которая бы привлекла в прошлом такое пристальное внимание экономистов, обсуждение которой вызывало бы столько умственного напряжения, логических ухищрений и политических страстей, как проблема стоимости» [1, 120]. Данный вопрос, по мнению В.Л. Иноземцева, является «основным в политической экономии» [2, 382]. А Ю.М. Осипов пишет, что «понять стоимость — понять экономику» [3, 350]. Дж.С. Милль в свое время особо подчеркивал, что

вопрос о стоимости «...занимает столь важное и заметное значение в политической экономии, что в представлении некоторых ученых его границы сливаются с границами самой науки» [4,171]. При этом он резонно добавлял, что «теория этого предмета не является завершённой» [4, 172]. Не согласиться с такими высказываниями невозможно.

Цена (стоимость) товаров составляет основу валовой выручки компаний, а структура этой выручки определяет структуру национального валового продукта, что имеет уже практическую значимость. Так, не имея адекватного представления о структуре цены (стоимости) товара, невозможно объективно оценить структуру и фактическую величину национального валового продукта (НВП), национального валового дохода (НВД). А не определив объективный размер НВП, НВД, государство и центральный банк страны в принципе не имеют возможности проводить взвешенную политику по регулированию рыночных процессов. В отсутствии верных данных они обречены проводить свою политику, руководствуясь не вполне объективным представлением о величине тех или иных результатов рыночной деятельности. Очевидно, что такая политика не может иметь желаемого результата и положительной оценки. Поэтому вполне можно согласиться с поговоркой о том, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Такая теория должна быть в отношении структуры цены (стоимости) товара.

В большинстве же современных учебных пособий по экономике вопрос о структуре цены (стоимости) товара либо вообще не рассматривается, либо рассматривается в свете истории экономической мысли, т. е. раскрывается только содержание различных теорий, в частности, теории «трех факторов производства», предложенной А. Смитом, или же марксистской теории трудовой стоимости.

Так, А. Смит писал: «...Цена большей части товаров распадается на три части, из которых одна оплачивает заработанную плату за труд, вторая — прибыль на капитал, а третья — ренту с земли», [5, 315]. Несмотря на то, что А. Смита причисляют к классической школе политэкономии, тем не менее дерзнем не согласиться с таким представлением о структуре цены товара. Прежде всего, обратим внимание на различие таких явлений и соответственно понятий, как цена и выручка. Они, безусловно, взаимосвязаны, но не тождественны. Цена — это то, что указано на ценнике товара, а выручка — то число денежных единиц, которое указано на соответствующих законных носителях, полученных от продажи товара. Выручка есть то, что находится в кошельке, кассе или же на лицевом счете. И если товар еще не реализован, а только выставлен на продажу по определенной цене, то

эта цена «не распадается на заработную плату, прибыль и ренту». Она есть единство различных структурных частей, которые в теории «трех факторов» не показаны. В ней лишь указывается на то, что на три вида капитала получается (может получиться) три вида дохода. Земля и труд по сути являются такими же формами капитала, как, например, станки, оборудование и т. п.

Кроме того, в теории «трех факторов» игнорируется участие в создании цены товара, а соответственно выручки, которая может быть получена в результате реализации товара таких «факторов», как государство и привлеченные (заемные) средства. Государство в производственном процессе принимает хотя и опосредованное участие, тем не менее, оно его все-таки принимает. Вследствие этого оно на вполне законном экономическом основании выставляет требование к производителям — продавцам товаров в виде налогов. Налог по сути есть цена услуг государства. Однако эта структурная часть цены товара в рассматриваемой теории, повторим, просто проигнорирована.

Большинство товаропроизводителей в своей текущей деятельности привлекают заемные средства, вследствие чего у них образуется кредиторская задолженность, составляющая часть структуры цены производимых товаров, также не указанная в теории «трех факторов».

Наконец, в данной теории отсутствует такой элемент, как издержки, что делает рассматриваемую структуру цены не полной, ущербной; что не дает возможности оценить ее как некую «политэкономическую классику».

Нет основания считать обоснованной и марксистский взгляд на структуру цены, или, выражаясь марксистским языком, на структуру стоимости товара. Данная структура, как известно, имеет следующий вид:

$$c + v + m ,$$

где c — перенесенная стоимость; $v + m$ — вновь созданная стоимость, из которой v — стоимость необходимого продукта, а m — прибавочная стоимость.

Элементом, не вызывающим возражений в данной структуре, является только c , практически обозначающий сумму, включающую в себя амортизационные отчисления и величину затрат на различные комплектующие изделия, сырье и т. п. Другая же часть этой структуры — так называемая вновь созданная стоимость — уже вызывает возражение. Данная стоимость есть форма, содержание которой, согласно марксистской теории, составляют затраты абстрактного труда. По мнению К. Маркса, труд, создающий товары, имеет двойственный характер. С одной стороны, он направлен на создание потребительной

стоимости товаров, а с другой — на создание их меновой стоимости; соответственно, с одной стороны, труд является конкретным, а с другой — абстрактным. [6, 55]. Причем на положении о двойственном характере труда, как писал К. Маркс в письме Ф. Энгельсу от 24 августа 1867 г., «основывается все понимания фактов» [7, 122].

Проблема понимания марксистской теории стоимости состоит в том, что в ней не приводится ни одного аргумента, доказывающего наличие двойственного характера труда наемного работника. «Все понимание фактов» основывается просто на голословном утверждении Маркса о названном характере труда, одна из частей которого направлена на создание (менной) стоимости товара. Может быть, труд на самом деле имеет двойственный характер; только это следовало доказать, приводя соответствующие аргументы. Маркс почему-то счел это излишним. Возможно, для него положение о двойственном характере труда являлось аксиоматичным. Однако мы с такой аксиомой не можем согласиться. С нашей точки зрения, в историческом и в логическом отношениях труд предшествует товару, а не наоборот. Сначала необходимо было аргументировать факт двойственного характера труда, а не двух свойств товара. Между тем в марксистском понимании и изложении материала сначала следует анализ именно товара и лишь затем рассматривается характер труда, якобы воплощенный в двух свойствах товара. В такой последовательности, образно говоря, телега следует впереди лошади. Обратная же, т. е. естественная последовательность вещей предполагает раскрытие сначала метафизической структуры источника труда — наемного работника, затем рассмотрение проявления этой структуры — характера труда, и лишь потом — анализ результата труда — товара, его свойств. Маркс же не просто пошел обратным путем, он вообще проигнорировал вопрос об анализе метафизической структуры источника труда, в рамках которого необходимо было доказать двойственный характер труда, обуславливающий два названных свойства товара, наличие соответствующей структуры его стоимости.

Трудно сказать, почему Маркс пошел таким путем; но можно обратить внимание на следующее обстоятельство. Наемный работник есть целостное живое существо. И как таковой он в принципе не может генерировать два разнонаправленных и при том разнокачественных видов труда — с одной стороны, конкретный, а с другой стороны, абстрактный. Во всяком случае в природе таких явлений нет. Так, например, из одного родника не может вытекать одновременно два разнокачественных состава воды. И человек как источник труда также не способен на такое. Он может и действительно производит труд,

структура которого адекватна его метафизической структуре. Однако Маркс, повторим, уклонился от анализа этой структуры. Возможно, он это сделал потому, что человека определял просто как «общественного животного», [6, 338]. А у животного, как известно, нет ни воли, ни духа, ни души, составляющих элементы метафизической структуры; у него есть лишь одна полость, подчиняющаяся законам физиологии, которые находятся за рамками компетенции политэкономии. Словом, проигнорировав анализ структуры источника труда, Маркс сделал голословное утверждение о двойственном характере труда, которое его последователи вынуждены были принять просто на веру и не задаваться неудобными вопросами.

Среди этих вопросов есть и такой: двойственный характер имеет труд отдельного или же совокупного работника? Ответ на этот вопрос в марксистской теории также отсутствует. Однако ясно, что товар производится не отдельным работником, а производственным коллективом. И если предположить, что труд одного работника имеет двойственный характер, то каков тогда будет труд всего производственного коллектива — тоже двойственный или же двойственный труд отдельного работника следует помножить на количество человек, входящих в состав данного производственного коллектива? Если мы примем последнее предположение, тогда необходимо будет признать, что труд разных коллективов имеет разный характер, так как в них состоит разное количество работников.

Кроме того, можно задать еще таким вопросом: товары производятся так сказать вручную или с помощью определенных инструментов, приспособлений, станков, оборудования и т. п.? Очевидно, что они производятся с помощью перечисленного. А эти станки, оборудование и т. п. трансформируют «двойственный характер труда»? Ответ на этот вопрос в марксистской теории тоже отсутствует.

Наконец, следует сказать, что товары на самом деле производятся не трудом и даже не производственным коллективом: они производятся товаропроизводителем, в структуру которого входят не только станки, оборудование, работники различных линейных и функциональных подразделений, но и собственник компании, персонифицирующий собой ее волевое начало. Маркс абстрагировался от этого также и просто предложил считать, что товар создается трудом, а стоимость товара составляет форму абстрактного труда неведомого работника. В действительности же этого не происходит.

Наемные работники не создают $(v + m)$ — вновь созданную стоимость, v есть стоимость, а точнее сказать, цена труда, которая определяется трудовым соглашением еще до начала производственно-

го процесса. И в процессе производства она собственно переносится с работника на производимые товары, т. е. она входит в состав издержек товаров. Издержки же товаров не составляют «вновь созданную стоимость». К последней относится та часть цены, которая превышает издержки. В марксистской структуре стоимости товара эта величина составляет прибавочную стоимость и обозначается «*m*». Но если в природе рыночных отношений не существует марксистской стоимости, то, очевидно, что не существует и ее отдельного элемента — прибавочной стоимости, якобы создающейся прибавочным трудом наемных работников. Таким образом, марксистский взгляд на структуру цены товара является тоже неудовлетворительным¹⁵.

Некоторая странность ситуации в отношении вопроса о структуре цены товара обуславливается тем обстоятельством, что все производители-продавцы практически знают структуру цен своих товаров, а в экономической науке данный вопрос остается по сути нерешенным. Так, производители-продавцы знают, что структура цен их товаров включает в себя издержки плюс некоторую надбавку. А современная конъюнктурная по сути экономическая наука, как бы несколько стыдящаяся марксистской теории трудовой стоимости и вместе с тем не имеющая ей альтернативы, полагает, что структура цен товаров включает в себя издержки плюс (не прибавочную стоимость, а просто) некую «добавленную стоимость»; а что скрывается за этим понятием «добавленная стоимость» остается неизвестным.

Понятно, что эта «стоимость» не является простой добавкой к издержкам, как это считают участники рыночных отношений, в частности, производители-продавцы. Эта структурная часть цены является ценой определенной части товара. По внешней видимости представляется, что издержки товара включают в себя сумму цен всех составных частей товара, а также амортизационные отчисления, расходы на тепловую и электрическую энергию, оплату труда и т. п. Однако это есть всего лишь внешняя видимость дела. Товар есть нечто большее, чем простая сумма частей непосредственно или же опосредованно вошедших в него. Каждая из этих частей имела свою цену до начала производственного процесса. И в процессе производства, в процессе соединения различных частей в целое (товарное тело) цены этих частей

¹⁵ К слову сказать, несмотря на его неудовлетворительность, именно он лежит в основе абсолютного большинства пособий по экономике, раскрывающих функции денег. Одна из этих функций состоит якобы в том, что деньги являются мерой стоимости товаров. В действительности же деньги не могут быть мерой того, чего не существует в природе рыночных отношений.

суммировались, образуя издержки. Арифметическое сложение цен частей товара дает простую сумму, получающуюся в результате реализации простого арифметического закона.

Однако в производстве товаров реализуется не только простой арифметический закон, но и определенные законы диалектики; в частности, закон перехода количественных изменений в качественные, а также закон, гласящий о том, что целое не сводится к простой сумме частей, входящих в его состав; оно отличается от него на «некоторую величину». Целым выступает произведенный товар. Повторим, по внешней видимости дело выглядит так, что товар есть простая сумма частей непосредственно или же опосредованно вошедших в него. В действительности же товар есть единство таких составляющих, как, с одной стороны само товарное тело, а с другой — те потребительские свойства, которые возникли в результате соединения различных частей в целое. Каждая из составных частей товарного тела сама по себе не обладала таковыми свойствами. Но как только части соединились в целое, так возник своеобразный синергетический эффект, обусловленный, выражаясь языком диалектики, переходом количественных изменений в новое качество. Такой переход приводит к образованию целого (товарного тела), которое как таковое больше простой суммы составляющих его частей на такую величину, как новые потребительские свойства. Повторим, эти свойства составляют другую часть товара; они являются его своеобразной диалектической противоположностью, наличие которой объективно обуславливается товарным телом. Именно единство этих диалектических противоположностей составляют то целое, которое является товаром, и которое производитель-продавец рассчитывает продать в связи с тем, что потребительские свойства произведенного товара соответствуют потребностям потенциального платежеспособного потребителя-покупателя.

Эти созданные потребительские свойства имеют свою цену в структуре цены товара; это та часть цены, которая превышает издержки. Производитель тратится лишь на производство товара, но в результате получает не просто товарное тело как таковое, но и его новые потребительские свойства, возникшие из соединения частей в целое. Цена этих новых созданных потребительских свойств является экономической основой будущей прибыли. Прибыль же компаний всех отраслей национальной экономики входит в состав национального валового дохода, величина которого должна быть объективно подсчитана и адекватно оценена монетарными органами государства при осуществлении своей регулирующей деятельности.

Итак, структура цены включает в себя не просто издержки плюс некоторую надбавку к ним или же неведомую «добавленную стоимость», а издержки плюс цену новых потребительских свойств произведенного товара. Это есть наша авторская позиция, которую мы выносим на суд научной общественности.

Литература

1. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статистики и динамики: Предварительный эскиз. М., 1991.
2. *Иноземцев В.Л.* За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998.
3. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Учебник в трех томах. Т. 1. М., 1995.
4. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. Т. 1. М., 1980.
5. Антология экономической классики. Т. 1. М., 1991.
6. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн.1. Процесс производства капитала. М., 1978.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Письма о «Капитале». М., 1948.

В.В. КАШИЦЫН

Россия в условиях современной глобальной мирохозяйственной трансформации: основные внешние и внутренние вызовы

Аннотация. Анализируется современное состояние российской экономики в условиях продолжающейся глобальной реструктуризации мировой экономики, в центре внимания — внешние и внутренние вызовы, стоящие перед российской экономикой и обществом, с точки зрения идентификации их реального положения и дилемм дальнейшего развития.

Ключевые слова: российская экономика, мировая экономика, реструктуризация, внутренний рынок, мировой рынок, внешние вызовы, внутренние вызовы, рынок, рыночная среда, управление, регулирование, оценка, программа, модель.

Abstract. Article is devoted to the analysis of a current state of the Russian economy in the conditions of the proceeding global restructuring world economy. In the center of attention the external and internal calls facing the Russian economy and society from the point of view of identification of their real situation and dilemmas of further development.

Keywords: russian economy, world economy, restructuring, domestic market, world market, external calls, internal calls, market, market environment, management, regulation, assessment, program, model.

Вполне сознавая, что для развития крупной страны первичными являются внутренние закономерности и факторы, мы тем не менее склонны подойти к заявленной проблеме с позиции внешних вызовов. Разумеется, тому много причин, главной из которых является традиционная отечественная методологема — развитийная рефлексия от противного.

Так исторически сложилось, что Россия среди крупных мировых игроков первой попала в системный трансформационный кризис последних тридцати лет, и, очевидно, ей первой придется из него выходить, так как роль «топлива» в движении развитых стран-лидеров она исторически исчерпала. Да и движение стран — лидеров мировой экономики, видимо, подошло к своему естественному циклическому пределу, характеризующемуся утратой возможностей локализации кризисов посредством освоения новых рынков с использованием возможностей мирового хозяйства в целом.

Содержание внешних вызовов заключается в том, что объективное завершение возможностей экстенсивного расширения рынков в мировой экономике выдвигает на первый план в качестве условия экономического лидера императив перехода экономики к новому, шестому, технологическому укладу. Но для этого необходимы колоссальные инвестиции, сопоставимые с возможностями мировой экономики в целом — во-первых, и, во-вторых, сбалансированность взаимосвязи пяти предыдущих технологических укладов и жесткий механизм ее обеспечения. В условиях гигантской накопленной странами-лидерами задолженности и фиктивной виртуализации методологии ее обслуживания известные способы управления процессом воспроизводства капитала и обеспечения его соответствующего господства близки к исчерпанию. Необходим новый формат кооперации и конкуренции в мировом хозяйстве. Это обуславливает актуализацию полицентричной глобализации и соответствующую мирохозяйственную регионализацию. Поскольку ни одна страна, включая США, не в состоянии выполнить миссию лидера в данной трансформации — переходе к новому

типу мирового хозяйства самостоятельно, происходят мучительный и противоречивый поиск и кристаллизация новой архитектуры мирохозяйственных региональных группировок, альтернативой чему может быть только мировая война. Мировая ядерная война самоубийственна, поэтому реализуется «новый» вариант мировой войны — война гибридная, основной смысл которой заключается в столкновении реальных и потенциальных конкурентов, т. е. это война чужими руками (ЕС, Китай, Россия, Арабский мир). С учетом неустойчивой экономической конструкции ЕС, отягощенной внутренней дифференциацией стран и заокеанской зависимостью (НАТО), а также Китая, которому до современного технологического лидерства все еще далеко, на роль потенциального интегратора объективно выдвигается Россия, против которой посредством «созидания» искусственной реальности и направлено острие гибридной войны.

И это для России серьезный шанс активизировать свой потенциал и вернуться на траекторию естественного, ускоренного, опережающего развития, преодолев тот иррациональный политико-экономический культурный деструкт, в координатах которого страна пребывала в последние 25—30 лет.

И с этой точки зрения — а именно, с точки зрения острой необходимости концептуального изменения макроэкономической политики, имея в виду, как минимум, возвращение в прокрустово ложе экономических законов — уместно вернуться и к вызовам внутренним.

Учитывая то обстоятельство, что последние три года по многим признакам страна постепенно, но неуклонно пытается восстановить свой суверенитет и вернуться к самоуправлению, двигаясь к кристаллизации своих национальных интересов и последовательной их реализации, необходимо констатировать, что главными вызовами-барьерами на этом пути являются экономическая ориентация и соответствующая управленческая мотивационная рефлексия системы оценки, принятия решений и проведения их в жизнь. На современном уровне концентрации и централизации производства и капитала, реализующихся в монопольной форме, рынок, конкуренция между спросом и предложением есть всего лишь формы проявления экономического процесса, институционализация экономической бытийности среды. Содержательные же долгосрочные аспекты реализуются посредством взаимодействия синклита монополий и государства. Основным же продуктом этого взаимодействия и является то или иное качество экономической «рыночной» среды или, другими словами, качество и эффективность работы внутреннего рынка.

Если мы сами не хотим консолидировать факторы и их взаимодействие на внутреннем и мировом рынке, то нашу среду будут структурировать и ею управлять конкуренты, что, собственно, часто и происходит. Другими словами, современная «рыночная» среда есть явление управляемое, причем управляемое государством либо с его помощью. Все зависит от модели государства и ее корреспонденции с активным населением, создающим большую часть национального богатства.

Разумеется, экономические законы объективны, но искусство управления в экономике состоит в том, чтобы в своей (стране) деятельности законам не противоречить, здесь имеются в виду прежде всего сущностные законы, содержательные. Поверхностно-функциональные законы, как правило, находящиеся в поле зрения экспертов и управленцев, производны и управляемы крупными игроками.

Уход с этого проблемного поля и нежелание его культивировать означают, как минимум, вопиющий непрофессионализм и, как максимум, утрату субъектности, суверенитета, самоуправления и независимости (возможен вариант и зарубежного конкурентного агентирования).

Заметными вызовами являются и иррационализация понимания, и рефлексия экономической истории и истории экономической науки — как страны, так и мировой, в лучшем случае реализованные посредством формальной вульгарно-функциональной логики. В большой степени следствиями данного вызова явились методология и мотивация тридцатилетних реформ, осознание и преодоление последствий которых определенно формируют самостоятельный отдельный вызов. К слову сказать, ученая братия в данном случае скорее жертва, чем фактор, так как экономическая наука при всех противоречиях ее развития не пересекалась в большинстве своем с механизмом анализа и принятия экономических решений.

Разумеется, то новое «качество», которое обрела российская экономика за последние 30 лет в известной степени является следствием тех закономерностей и противоречий, которые сложились в советский период развития. Но совершенно очевидно, что в любом формате оценки типа «родимое пятно социализма» не сопоставимы с оценками последствий реформ. По сути, основным итогом реформ стал не синтез тех достоинств, которые содержат в себе в разной степени две экономические системы, а прямо противоположное состояние, характеризуемое субстратом минусов двух систем, некий политико-экономический «козлотур», объективно продуцирующий непрерывную энтропию остаточного воспроизводственного хозяйственного

комплекса страны. Поэтому проблема заключается даже не в колоссальных потерях страны за последнюю четверть века, а в том, что основные силы и ресурсы современного общества в режиме дырозатыкателей расходуются на цели обслуживания и нейтрализации потерь, которые по нарастающей воспроизводит сформировавшийся в результате реформ современный иррациональный экономический монстр. А алгоритм безусловной интеграции экономики страны в мировое хозяйство, который сложился в период реформ, не только усиливает дезинтеграцию, дифференциацию и распад внутреннего рынка, снижая его емкость, но и придает этому процессу эффект управляемости, причем управляемости внешней. В такой ситуации, любые санкции представляются вполне закономерными и мотивированными, и это отдельный самостоятельный вызов.

В этих условиях крайне необходимо максимально быстро — исторически и логически — переходить после профессиональной системной оценки ситуации к национальному проекту восстановления развития экономики, генерируя свою собственную экономическую национальную модель. И это тоже является вызовом.

Однако провал между системной оценкой состояния экономики и развернутым фронтальным переходом к развитию таков, что предполагает наличие и реализацию определенной промежуточной программы перехода от дырозатыкания к развернутому стратегическому развитию.

Поэтому сегодня, когда российская экономика, общество и страна в целом в очередной раз оказались на смысловой бытийной развилке, мы сталкиваемся с очередным вызовом состояния и динамики российской экономики и общества в части угроз их безопасности и методологии возможного перехода экономики в целом на траекторию развития.

И здесь нельзя не сказать о важном, содержательном и технологично-функциональном докладе группы ученых под руководством академика РАН С.Ю. Глазьева «Речь о неотложных мерах по отражению угроз существованию России», подготовленном для Совета безопасности РФ [1].

Необходимо отметить, что и название, и содержание доклада не оставляют выбора в оценке состояния российской экономики — как серьезного. Речь идет определенно о вызове, так как затронут весь спектр подсистем и макроэкономических показателей экономики, причин возникновения соответствующих проблем, качественного состояния внутренней и внешней сред и неотложных мер по преодолению сложившихся проблем.

Доклад состоит из системно взаимообусловленных пятнадцати частей, включая приложения. Основной посыл — обоснование комплекса мер преодоления критической зависимости экономики России от мировой экономики вообще и экономики США в частности. По мнению авторов, данная степень зависимости достигла такого предела, что стала угрожать существованию страны. Особую аргументированность и убедительность придает докладу развернутый комплекс макроэкономических показателей, характеризующих современное состояние экономики в формате предельно критических значений, фактического состояния и доли соответствия.

Обращает на себя внимание, что в докладе тесно переплетены внешние и внутренние вызовы, обозначившиеся перед российской экономикой и обществом. И это далеко не случайно, так как каждый вызов одновременно является и аргументом, и функцией, и причиной, и следствием в смысловой функциональной паре «мировой рынок — внутренний рынок».

К числу внешних вызовов, с которых начинается доклад, относятся следующие:

- попытка США удержать лидерство за счет мировой войны;
- организация военного конфликта между Россией и Европой;
- неэквивалентный внешнеэкономический обмен;
- продолжение Банком России обслуживания интересов иностранного капитала.

При этом долг российских заемщиков перед западными кредиторами почти в 1,5 раза превышает золотовалютные резервы. Подчеркивается, что «сохранение зависимого положения экономики влечет поражение в гибридной войне» [1].

Предлагаются меры по оптимизации функционирования финансовой, денежно-кредитной и банковских систем:

- как странам БРИКС обзавестись собственной платежной системой;
- как избавиться от потери 60 млрд дол. в год: меры против оффшоров и оттока капитала;
- как стабилизировать банки и отвязаться от доллара и евро.

Ввиду того что курс рубля по-прежнему формируется на основе притока-оттока иностранной валюты в стране, предлагается привязать его по сути к внутреннему рынку и вернуть обязательность продажи валютной экспортной выручки на рубли.

В качестве заглавных, итоговых — регулятивных — в докладе предлагаются меры по формированию и институционализации осмыс-

ленного дееспособного механизма регулирования экономики. В этом плане необходимо создать Государственный комитет по стратегическому планированию при Президенте Российской Федерации (ГКСП РФ) и Государственный комитет по научно-техническому развитию Российской Федерации (ГКНТР РФ) при Президенте России. В части же стабилизации и потенциального снижения цен на электроэнергию предлагается вернуться к опыту РАО ЕЭС.

Заканчивается доклад предложением нескольких десятков мер с целью обеспечить экономический рост в стране, минуя стагфляционную ловушку.

С учетом вышесказанного можно констатировать, что доклад представляет собой систему именно неотложных мер по восстановлению целостности экономики с последующим переводом ее в режим развития. И в этом смысле альтернативы этой программе просто нет. Ее оценки и действия жестко отражают реальное состояние и болевые точки современной российской экономики. Конечно, это не программа стратегического развития с претензией на модель. Да и задач таких перед собой она не ставит. Но в качестве реактивной, промежуточной — по расшивке узких мест в экономике и разрешению накопившихся противоречий — она вполне дееспособна и перспективна.

В заключение хотелось бы отметить, что обозначенными в статье вызовами вовсе не ограничивается их спектр. Но, с нашей точки зрения, они определенно первичны по отношению к остальным.

Литература

1. Доклад Сергея Глазьева: «Речь о неотложных мерах по отражению угроз существованию России» // <http://www.business-gazeta.ru/article/140998/> (дата обращения: 15.09.2015).

Г.И. МОЙСЕЙЧИК, Т.И. ФАРАДЖОВ

Как нам не проспать четвертую промышленную революцию: государственная стратегия по переводу промышленности на цифровую платформу как необходимое условие государственного суверенитета

Аннотация. В статье проанализирован опыт осуществления мировой стратегии по достижению технологического лидерства в

условиях четвертой промышленной революции, обоснована необходимость разработки аналогичной стратегии в Белоруссии, России и ЕАЭС.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, цифровизация производства, промышленный интернет, транснациональное лидерство на рынке ИС.

Abstract. The article analyzes the experience of the implementation of the global strategy to achieve technological leadership in a fourth industrial revolution, the necessity of developing a similar strategy in Russia, Belarus and the Eurasian Union.

Keywords: The forth industry revolution, digitalization of production, industrial internet, transnational leadership on the intellectual property market.

Мир стоит на пороге новой промышленной революции. Четвертой, по силе воздействия на мир и человека превышающей прежние — вместе взятые. Первая ознаменовалась механизацией, вторая — электрификацией, третья — автоматизацией производства, а четвертая — цифровизацией.

Три первых революции не меняли способы взаимодействия реального и виртуального миров. Четвертая — меняет. Суть этой промышленной революции заключается в переходе к цифровой промышленности и киберфизическим производствам.

Иначе говоря, в мировой промышленной стратегии инновации в области информационно — коммуникационных технологий рассматриваются уже не как одна из целей, а как источник системной трансформации всей промышленности. В этом заключается новое, общецивилизационное значение данной отрасли. Именно здесь закладывается основание промышленности будущего и именно здесь сегодня сосредоточены 80% всех промышленных инноваций [1].

Ядро четвертой промышленной революции составляют цифровизация промышленности, промышленный интернет, роботизация, 3D-проектирование, печать и дизайн. Цифровые технологии рассматриваются как драйвер роста производительности мировой промышленности. Наряду с преобразованием технологий происходит переосмысление производственных и традиционных бизнес-моделей. Цифровой переход интегрирует новые технологические возможности, такие как облачные платформы, обработка больших объемов данных и событий, создание принципиально новых цепочек создания стоимости.

Разумеется, такой переход будет даваться с трудом. Однако он неизбежен. И ознаменует собой новую веху в истории развития человеческой цивилизации. Согласно прогнозам Глобального института McKinsey, полный переход мировой промышленности на цифровую технологическую платформу займет около 100 лет. К 2025 г., согласно прогнозам того же института, вклад промышленного интернета (интернета вещей) в мировую экономику может составить около 11% мирового ВВП [2]. Среднегодовой прирост ВВП в результате пессимистичного и оптимистического прогнозов распространения интернета вещей к 2025 г. может составить от 3,9 до 11,1 трлн дол. [2]. При этом ожидается, что доля стран ОЭСР в мировом приросте ВВП в результате их участия в цифровой промышленности составит более 60%, а развивающихся (Китай, Индия, другие страны БРИКС) — около 40% [2].

Надо сказать, что процесс цифровизации окажет серьезное преобразующее воздействие и на сферу услуг (банки). Из 700 банковских операций (от открытия счетов до выдачи кредитов) около половины могут быть автоматизированы [3]. Полностью изменится облик городов и городская инфраструктура. За основу будет взята модель «умного города». Энергетика также претерпит кардинальные изменения, касающиеся не только производства новых источников энергии, но и оптимизации ее распределения и использования на основе грид-технологий. Типичное промышленное предприятие также перейдет на схему умного цифрового (смарт-) предприятия, полностью изменив не только технологии производства, но и технологии управления. Точность обработки деталей в машиностроении и эффективность расходования материалов, а также появление новых, композитных, материалов принципиально изменят как уровень потребительских свойств продукции машиностроения, так и формы и сущность технологий, в которые будут встроены цифровые системы. Заказчики и поставщики получат доступ к производственным системам, которые станут открытыми и будут работать под индивидуальный заказ. Таким образом, массовое производство будет заменено персонифицированно заказным, кастомизированным.

И, разумеется, старые технологии будут обречены. Отставшие либо отпавшие от этого процесса страны попятятся своим суверенитетом. Финансово-технологическим — прежде всего. А он в сегодняшнем мире определяет остальные суверенитеты — и государственный тоже.

Страны, которые не обеспечат себе мировое лидерство, либо достойную долю в области производства целостных, завершенных программных продуктов, не способные создавать виртуальные модели

целостных производственных процессов, новые промышленные технологии, будут вычеркнуты из дальнейшего исторического процесса и будут обречены на роль колониальных придатков в новой мировой промышленной информационно — технологической империи.

Мы сознательно используем этот термин, поскольку в современном мире вполне сложились мировая технологическая метрополия и периферия, т. е. необходимые компоненты империи. И метрополия осуществляет по отношению к периферии ярко выраженную политику экспансии, контроля и подчинения, выражающуюся в выработке глобальной стратегии управления и взимании в виде платы за нее мировой технологической и управленческой ренты.

Об этом достаточно красноречиво говорят следующие данные.

Условно можно разделить всю стратегию современной промышленной политики на три области.

Первая — сфера наиболее широкого радиуса действия. Она показывает результирующий вектор внешнеэкономической экспансии и ее характеризует такой показатель, как *чистые прямые иностранные инвестиции*. В этой области сферы влияния распределены следующим образом. На долю США приходится 19 %, Евросоюза (ЕС-14)¹⁶ — 30%, Юго-Восточной Азии (ЮВА)¹⁷ — 18%, (рис. 1).

Зона хозяйственной активности постепенно смещается в Юго-Восточную Азию и прочие регионы (включая такие динамичные страны, как Австралия и Канада), тогда как доля США и Евросоюза сокращается. Вместе с тем гегемония трех регионов США, Евросоюза и Юго-Восточной Азии сохраняется, поскольку доля указанных регионов в общем объеме прямых иностранных инвестиций, по данным 2013 г., составляла 67%.

Вторая — сфера более узкого радиуса действия. Она очерчена областью мирового распределения *высоких технологий*. Здесь доля США составляет уже 27%, тогда как доля ЕС — 17%, ЮВА — 43% (рис. 2).

¹⁶ Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция, а также Соединенное Королевство.

¹⁷ Китай, Индия, Индонезия, Япония, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Таиланд.

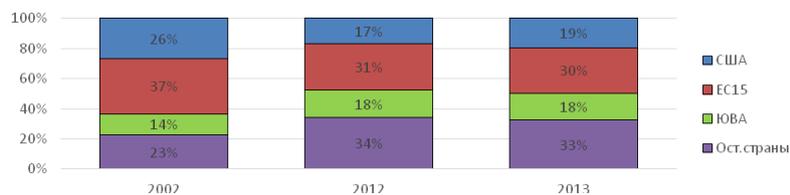

Рис. 1. Прямые иностранные инвестиции, запас (2002, 2012 и 2013), % [4]

В совокупности эти зоны занимают 87% всего сектора хайтек. Таким образом, олигополия регионов — инвестиционных лидеров в секторе высоких технологий прослеживается еще более рельефно, и еще более явно проступает усиление конкурентной межрегиональной борьбы в современном мире, прослеживаются ее движущие силы. Они неотделимы от определяющих факторов структурного развития, каким является фактор технологий и технологического прогресса.

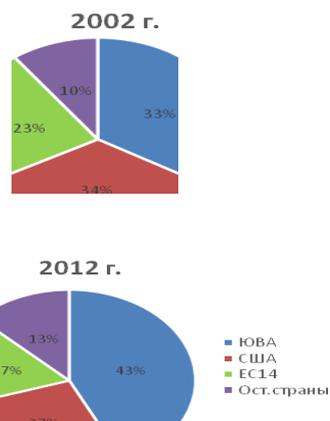

Рис. 2. Доли стран в высокотехнологичном секторе (2002 и 2012), % [5]

И наконец — третья, еще более узкая сфера — ядро системы мировой конкуренции — распределение рынка прав интеллектуальной собственности (рис. 3)

В период с 2005 по 2013 г. свыше 81% расходов на покупку прав интеллектуальной собственности и свыше 94% доходов от продажи прав на использование интеллектуальной собственности приходилось на лидирующие мировые технологические ареалы (США, ЕС, ЮВА).

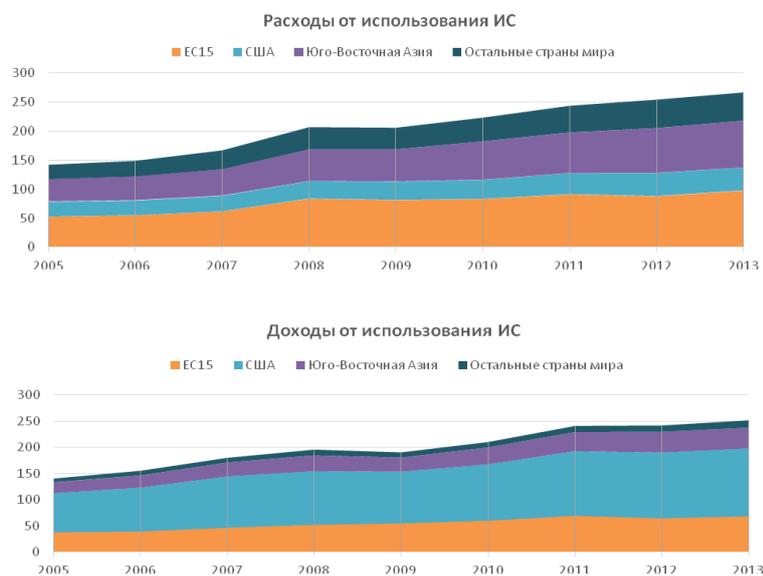

Рис. 3. Расходы и доходы от использования ИС по странам мировой технологической метрополии (2005—2013), млрд дол. [6]

На рисунке 3 отчетливо проступает монополия США на рынке прав интеллектуальной собственности.

Доходы от продажи прав интеллектуальной собственности в США в несколько раз превышают расходы на их покупку. В 2013 г. на долю США пришлось 51,3% мирового экспорта прав интеллектуальной собственности и лишь 14,6% стоимости мирового импорта прав интеллектуальной собственности. «Зеркальный» эффект относительно США имеют страны ЕС и Юго-Восточной Азии, которые расходуют на приобретение прав интеллектуальной собственности гораздо больше, чем получают за них сами.

Сальдо баланса торговли правами интеллектуальной собственности изображено на рис. 4.

Примечательно, что из указанных регионов только США являются чистым экспортером.

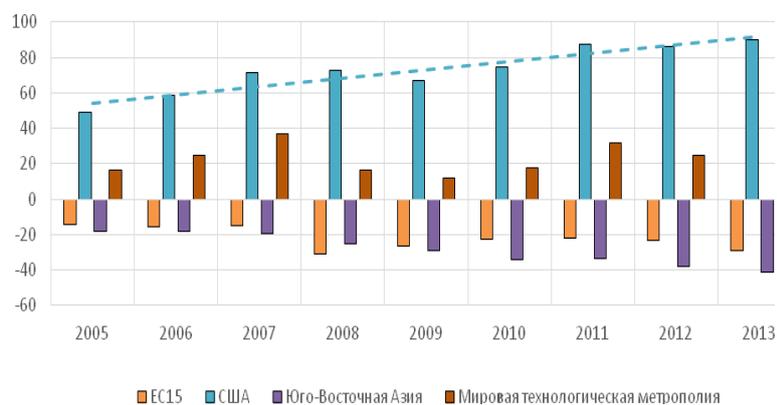

Рис. 4. Сальдо баланса торговли ИС по мировой технологической метрополии в целом и в разрезе стран и регионов (2005—2013) млрд дол. [6], собственные расчеты

Таким образом, внутри триады мировых технологических центров монопольное положение занимают США, которые являются *единственным из центров, имеющим положительное сальдо торговли правами интеллектуальной собственности, что делает их чистыми экспортерами ИС* (рис. 4).

Среди стран-лидеров в области экспорта интеллектуальной собственности положение США, как монополиста, довольно устойчиво. Это подтверждается динамикой сальдо по данному виду деятельности за последние двенадцать лет в регионально-страновом разрезе (рис. 5).

Как показано на рис. 5, положительное сальдо торговли США правами ИС со странами и регионами мира, несмотря на плавную волнообразную динамику, имеет тенденцию к росту. Наиболее успешной оказались торговые отношения с Еврозоной, сальдо с которой достигло почти 30 млрд дол. в 2008 г. Следом за Еврозоной по объему сальдо идет регион Юго-Восточной Азии, где в 2012 г. сальдо торговли правами ИС едва ли не сравнялось с сальдо Еврозоны, составив около 23,2 млрд дол. (против приходящихся на Еврозону 24,4 млрд дол.).

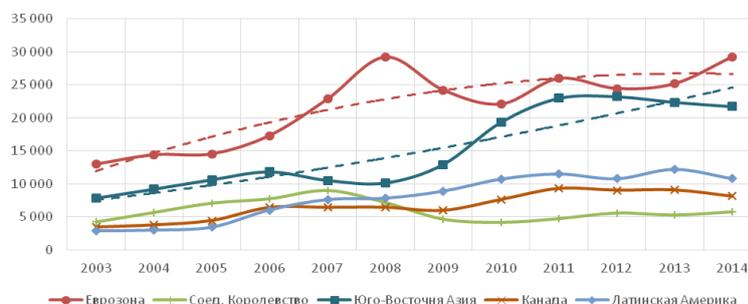

Рис. 5. Сальдо торговли ИС между США и рядом других стран/зон, (2003—2014), млн дол. США [7], собственные расчеты

Остальные страны мира, страны технологической периферии, имеют возможность реализовать свое право на технологическую автономию только в весьма незначительном сегменте в качестве производителя и поставщика новых технологий. Доля указанных стран в мировой продаже прав ИС составляет всего 6%.

Право на использование мировых высоких технологий (созданных, как правило, в странах технологической метрополии) у стран периферии несколько шире. Они покупают около 18% мировых прав ИС.

Получаем, что *внутри мировой технологической метрополии только США обладают абсолютным технологическим суверенитетом*. Другие технологические лидеры, принадлежащие к мировой технологической метрополии (ЕС, ЮВА), несмотря на достаточно высокие доли в экспорте прав ИС, являются чистыми импортерами прав ИС.

Если учесть, что 80% всех мировых инноваций, которые определяются движением прав ИС, приходится на область ИКТ и то, что свыше 50% рынка мирового программного обеспечения принадлежит американским ИТ-компаниям, то становится понятным, на чем зиждется стратегия утверждения мирового технологического господства США¹⁸.

¹⁸ Складывается специализация стран метрополии. Если США ориентированы на лидерство в области программного обеспечения, то Германия хочет добиться технологического лидерства в области мехатроники, Великобритания — в области промышленного дизайна, Япония — в области смарт-техники.

Таблица 1

**Доля ИТ-компаний США в продажах и капитализации
десяти крупнейших ИТ-компаний мира (млрд дол./%)**

Компания	Страна	Продажи	Капитализация
Apple	США	173,8	481,3
HP	США	112,1	63
IBM	США	99,8	202,5
Microsoft	США	83,3	343,8
Google	США	59,7	382,5
Intel	США	52,7	129,2
Cisco systems	США	47,9	119
Oracle	США	37,9	185
Итого	США	667,2	1906,3
Lenovo Group	Гонконг	37,2	11,9
Accenture	Ирландия	30,6	52,7
Итого	Не — США	67,8	64,6
Всего 10 компаний		735	1970,9
Доля США		90,8%	96,7%

Источник: [8].

При этом компаниям США принадлежит методологическое и стандартизационное лидерство, именно они определяют развитие мировой технологической и информационно-технологической промышленной матрицы. При этом стратегия США в области интеллектуальной собственности построена так, что она закрепляет монопольное положение американских корпораций (табл. 1).

Они выступают в качестве заказчиков и владельцев прав собственности на целостные программы на промышленные технологии. Эти права закреплены в виде промышленных патентов, тогда как другие страны выполняют разрозненные заказы на

промежуточные продукты, в лучшем случае охраняемые авторским правом.

Образно суть американской стратегии может быть выражена известной русской сказкой — есть в море-океане остров, на нем сундук, в сундуке утка, в утке яйцо, в яйце игла. И вот если уткой и яйцом можно поделиться, то игла, в которой вся сила, должна быть ваша и только ваша.

Как зримый результат воплощения такой стратегии США являются единственной страной в мире, где инвестиции в нематериальные активы больше инвестиций в материальные активы, а стоимость нематериальных активов больше стоимости материальных (см. рис. 6 и 7). Причем такая ситуация сложилась уже два десятилетия назад (!)¹⁹.

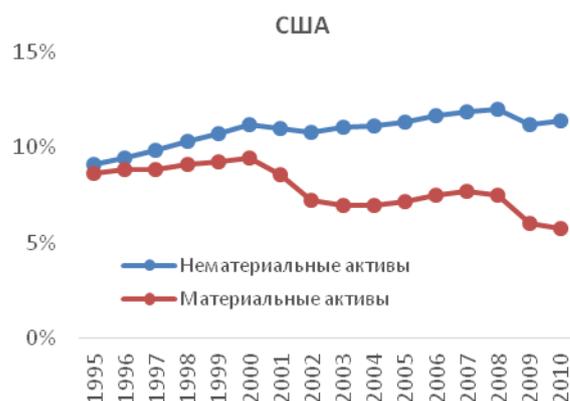

Рис. 6. Доля инвестиций в материальные и нематериальные активы в ВВП США [9]

Подобное монопольное положение США структурно и институционально организовано и обустроено как транснациональное лидерство на рынке ИС плюс транснациональная центр-притягательная аутсоринговая организация.

¹⁹ Другие страны технологической метрополии, несмотря на явный отрыв от США, все же весьма динамично прогрессируют. Так, в Великобритании и Японии к 2010 году доля инвестиций в нематериальные активы сравнялась с инвестициями в материальные. В целом в указанных странах доля валовых капиталовложений в ИКТ в валовом накоплении капитала приблизилась к 35%.

Рис. 7. Стоимость материальных и нематериальных активов в США и ЕС, среднее значение, 1995 —2010 гг., % к ВВП [10, 32]

Американская конструкция мета-предприятия закреплена в Законе США об инновациях (2005). Она дает возможность размещать его подразделения в любой точке земного шара и осуществлять *аутсорсинговые*²⁰ схемы использования интеллектуальных и материальных ресурсов из других стран для производства сегментарных (и соответственно не защищенных правами интеллектуальной собственности продуктов), формируя целостный, законченный и защищенный правом интеллектуальной собственности продукт.

При этом те страны и те производственные предприятия, которые первыми создают первообразы, матричные технологии и права на них, а затем тиражируют их в мировом масштабе, имеют изначально конкурентное преимущество. Оно закрепляется путем установления монопольно высокой цены на новые технологии и продукты на начальной стадии цикла жизни, а затем путем взимания патентно-лицензионных платежей (роялти, франчайзинг) с покупателей технологий и продуктов на последующих стадиях.

Действия по подобным схемам консервируют *технологическую монополию стран метрополии и зависимое положение стран технологической периферии*.

²⁰Аутсёрсинг (от англ. outsourcing: внешний источник) — передача организацией определенных бизнес-процессов или производственных функций (как правило, второстепенных, неключевых, частичных) на обслуживание другой компании — подрядчику, внешнему исполнителю, специализирующимся в соответствующей области путем заключения контрактов с внешними исполнителями на конкурсной основе.

Отсюда становится понятной приоритетная значимость проприетарной²¹ защиты прав интеллектуальной собственности, включая права собственности на информационные технологии. Указанная область становится ареной острой конкурентной борьбы.

Законодательство о патентах на информационные технологии (компьютерные программы, программное обеспечение, базы данных и бизнес-методы) в настоящее время имеют США и Япония. Принятие соответствующего законодательства (Директивы о патентах на компьютерные технологии) в Евросоюзе было сорвано при помощи вето новых стран -членов. Однако они патентуются в составе единых технологий, и доля патентов на компьютерные технологии в ЕС составляет более 30% общего их числа, что немногим ниже соответствующего показателя в США (36%) и Японии (41%) [11, 15].

Вокруг мета-предприятия как носителя высоких технологий и инноваций, как уже было сказано, выстраивается система мер государственной поддержки — организационная и физическая инфраструктура, которая охватывает бюджетную, налоговую, амортизационную, кредитную политику, политику в области образования и переквалификации кадров, развития необходимых звеньев инфраструктуры.

Подход — который можно обозначить как сетевую глобальную организацию мирового аутсорсинга — позволяет компаниям-собственникам обеспечивать взимание мировой технологической ренты, при этом цены на конечные и промежуточные продукты разнятся на порядок и более. Наряду с технологической рентой глобальными собственниками взимается рента управления. Именно они выступают мировыми управляющими и дизайнерами новых технологических решений, определяющими сценарии технологического развития мира и ход новой промышленной революции.

Можно утверждать, что мировая собственность на технологии получила институциональное оформление в виде мировых стандартов интеллектуальной собственности и высоких технологий, которые в настоящее время сформировали так называемую платформу Индустрия-4, а также воплотились в виде системы собственности на производство этих стандартов. Здесь признанным монополистом являются США.

Надо сказать, что монополия США в области стандартизации программного обеспечения уже осознается как серьезная проблема,

²¹ Проприетарность — область права, которая регулирует отношения собственности.

например, Федерацией промышленников ФРГ. В рамках исследования, проведенного по заказу федерации аналитической компанией «Roland Berger Strategy Consultants» в Германии и Центральной Европе, отмечается, что «европейской экономике потребуются собраться с силами и сформировать единые стандарты. Индустриальная мощь Европы состоит в программном обеспечении, вшитом в ее продукцию, но *отраслевые стандарты, которые задаются США и перенимаются по всему миру, не оставляют пространства для других конфигураций, которые больше подходят европейской индустрии, подрывая, таким образом, ее будущее*» (курсив наш. Г.М., Т.Ф.). В итоге была сделана следующая рекомендация: «Европе необходимо действовать быстро: ее компаниям предстоит достичь более глубокого понимания того, что же означает цифровая трансформация, и выработать новые, более устойчивые бизнес — модели. Иначе их место в высокодоходных сегментах цепочек стоимости займут игроки извне, которые уже имеют превосходство в уровне цифровой экспертизы... *Европе необходимо сформировать единые стандарты цифровой индустрии и развивать соответствующую инфраструктуру в интересах своей экономики. Что нам нужно, так это своя "Силиконовая долина", которая позволит региональной цифровой экономике укрепить внутренние связи*» (курсив наш. — Г.М., Т.Ф.) [12].

Из данной раскладки становится предельно ясным, что в условиях развернувшейся четвертой мировой промышленной революции конкурентная борьба обостряется предельно, а вопрос перевода национальной промышленности на цифровую технологическую платформу становится вопросом жизни и смерти национальных экономик и соответственно государств.

Ответом на этот исторический вызов стало принятие государственных стратегий в области новой промышленной революции или реиндустриализации.

Во всех без исключения странах технологической метрополии (США, ЕС, страны Юго-Восточной Азии) приняты *стратегии по достижению технологического лидерства на мировом рынке (The Lead Market Initiative (LMI)* [13]. Ядро этих стратегий составляет переход к новой промышленной платформе на базе Индустрии-4. Структурные задачи реиндустриализации поставлены действительно масштабные. Так, доля промышленности в ВВП в странах ОЭСР должна вырасти на 5 —10 процентных пунктов к 2025 г. и составить 20% ВВП [12].

На этой почве организуются новые геостратегические партнерства. К наиболее значимым из них, на наш взгляд, следует отнести партнерства Германии и Китая.

Как ни парадоксально, однако о подобной промышленной стратегии по созданию цифровой платформы промышленности пока и речи нет в Евразийском Союзе, и, соответственно в России, Белоруссии и других странах Евразийского союза.

У нас пока государственная политика в сфере промышленной политики ограничивается кластерным уровнем, то есть точечными вкраплениями элементов V — VII технологических укладов. При этом на уровень постановки системной задачи, а именно перевода всей отечественной промышленности на цифровую платформу — а ведь в этом жизненная цель, вопрос жизни и смерти отечественной промышленности — пока ни в одном из государств ЕАЭС не поставлен. *То есть промышленной политики, отвечающей императивам времени, по сути нет.* Хотя есть государственные стратегии промышленной политики до 2025 г., стратегии устойчивого развития до 2030 г., стратегии инновационного развития. Однако там данные вопросы обойдены стороной.

Неизвестно, откуда такая беспечность, которая может обернуться трагедией. В итоге белорусский ПВТ и российское Сколково работают как подрядчики или субподрядчики на глобальных заказчиков. И мы выдаем это за достижение. Нет государственного заказа по производству новых технологических платформ, отвечающих стандартам Индустрии-4. Нет самих этих стандартов и стратегии перехода на эти стандарты.

Был достигнут определенный прогресс в деле сотрудничества отечественных компаний в качестве партнеров либо дочерних компаний и филиалов ведущих мировых компаний-лидеров мехатроники, телематики, программного обеспечения. В Российской Федерации и Белоруссии созданы филиалы ведущих иностранных компаний — разработчиков программного обеспечения и иных цифровых технологий. Однако все проекты такого рода работают отнюдь не на отечественную промышленность и задач ее преобразования не решают. Кроме того, в силу применения санкций к России, даже такие точечные проекты сворачиваются.

Поэтому на повестку дня выходит *задача формирования государственных стратегий в области Индустрии-4.* Пока ни в одном из долгосрочных прогнозов либо стратегий социально-экономического либо научно-технического развития такая задача не поставлена.

Из чего могут состоять подобные стратегии?

Звено № 1. Инициатива и план действий правительства по переводу национальной промышленности на цифровую платформу, включая соответствующий госзаказ отечественной ИТ-отрасли.

Звено № 2. Реформа системы интеллектуальной собственности, включающая передачу прав на использование результатов НИОКР, созданных за счет государственных средств, частным организациям; долевое распределение доходов от коммерциализации НИОКР между разработчиками, заказчиками, авторами служебных изобретений; государственные программы поддержки патентно-лицензионной деятельности).

Звено № 3. Формирование механизма финансирования прав интеллектуальной собственности (кредитование прав интеллектуальной собственности, государственные программы поддержки финансов, основанных на интеллектуальной собственности) [14, 3].

Звено № 4. Государственно-частное партнерство с отечественными и зарубежными заинтересованными частными инвесторами и учреждениями образования и науки. Новые приоритеты в политике привлечения иностранного инвестора. Нацеленность на формирование совместных платформ Индустрии-4.

Звено № 5. Стандартизация, которая является одной из движущих сил трансформации.

Звено № 6. Перестройка системы образования, нацеленная на подготовку инженерных кадров в формате цифровых промышленных технологий и на стыке традиционных и цифровых технологий, кадров, способных осуществлять технологическое проектирование, производить завершенные системные отраслевые продукты в промышленности и других отраслях, разрабатывать соответствующие стандарты и осуществлять соответствующий бизнес-анализ и бизнес-планирование. Создание системы переквалификации и переподготовки с учетом потребностей перехода на новую технологическую платформу.

Звено № 7. Поддержка венчурных ИТ-компаний, включающая бесплатные мобильные приложения и открытые сервисы (бизнес-консультации, открытие счетов, осуществление платежей, получение кредитов).

Звено № 8. Создание государственных и евразийских органов управления процессом перехода экономик стран на цифровую технологическую платформу, сообразную глобальным, и организация участия и работы в указанных органах. В частности, активная работа с международными организациями по стандартизации в области формирования цифровой платформы промышленности.

В заключение заметим, что программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 г. предусматривает в качестве программной цели в области стандартизации только «актуализацию национальных стандартов в соответствии с перспективными программами стандартизации в различных отраслях промышленности и их унификацию с международными (ISO) и европейскими (EN) экологическими и техническими стандартами» [15, 30]. Это — крайне неполное, фрагментарное решение, поскольку действует целостная мировая система стандартов, которая включает в себя, помимо ИСО, стандарты Международной электротехнической комиссии (МЭК) и стандарты Международного союза электросвязи (МСЭ). При этом стандарты в области технологий промышленных цифровых и сетевых интернет-коммуникаций разрабатываются преимущественно двумя последними организациями [16].

Литература

1. *Беспалов В.* Siemens PLM Software в России и СНГ/ Siemens PLM Software: бизнес-стратегия и достижения // http://www.plm.automation.siemens.com/ru_ru/about_us/Siemens_Plm_Connection/theses_plenary_session.shtml/ (дата обращения: 05.06.2015)
2. Unlocking the potential of the Internet of Things. June 2015 (by James Manyika, Michael Chui, Peter Bisson, Jonathan Woetzel, Richard Dobbs, Jacques Bughin, and Dan Aharon)) // http://www.mckinsey.com/insights/business_technology/the_internet_of_things_the_value_of_digitalizing_the_physical_world (дата обращения: 05.08.2015).
3. Strategic principles for competing in the digital age. May 2014 | by Martin Hirt and Paul Willmott // http://www.mckinsey.com/insights/strategy/strategic_principles_for_competing_in_the_digital_age (дата обращения: 05.08.2015).
4. United Nations Conference on Trade and Development, Data Center // http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 14.05.2015).
5. Science and Engineering Indicators 2014 // <http://nsf.gov/statistics/seind14/> (дата обращения: 14.05.2015).
6. World Development Indicators // The World Bank. Wash., 2015 <http://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 14.05.2015).
7. OECD Factbook Statistics, 2013 // http://stats.oecd.org/BrandedView.aspx?oecd_bv_id=factbook-data-en&doi=data—00647—en (дата обращения: 14.05.2015).

8. Survey of Current Business // Bureau of Economic Analysis. — Wash. US Department of Commerce // <http://www.bea.gov/scb/index.htm> (дата обращения: 14.05.2015).
9. Forbes Global 2000 List, 2014.
10. Intangible Capital and Growth in Advanced Economies // Measurement Methods and Comparative Results. 2012, June. 13.
11. Compendium of Patent Statistics. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 2008. (Обзорная информация / Organisation for Economic Co-operation and Development).
12. Цифровая трансформация европейской промышленности // <http://saas.ru/~%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%BF%D1%8B>.
13. The Lead Market Initiative // http://www.fp7.cz/files/istec_news/Fellahi—LMI.pdf. (дата обращения: 05.04.2015).
14. A New Sources of Growth: Intangible Assets // OECD, 2013. — Mode of access: <http://www.oecd.org/sti/inno/46349020.pdf>. (дата обращения: 23.03.2015).
15. http://www.economy.gov.by/nfiles/001146_12850_Programma.pdf.
16. http://www.rostest.ru/International%20standardization.php?clear_cache=Y.

Т.И. КОПТЕЛОВА

**Две системы экономики или два разных организма?
(Варианты методологии анализа экономических проблем)**

Аннотация. В работе дана характеристика двух вариантов методологии анализа экономических проблем: разработанному в западной философии системному подходу и органическому принципу, представленному в евразийстве. Раскрыты важнейшие составляющие «логики органического», показаны ее преимущества в решении национальных экономических проблем. Отмечены перспективы дальнейшего научного исследования «логики органического» как основы для формирования новой научной методологии, способствующей не только теоретическому переосмыслению «достижений» западной цивилизации, но и практическому предотвращению социально-экономических катастроф как регионального, так и глобального масштаба.

Ключевые слова: системный подход, структурный функционализм, глобальная экономика, унификация, евразийство, евразийская экономическая модель, органический принцип, методология, наука, общественное сознание.

Abstract. In work the characteristic of two options of methodology of the analysis of economic problems is given: to the system approach developed in the western philosophy and the organic principle presented in eurasianism. The major components «logicians organic» are opened, its advantages are shown in the solution of national economic problems. Prospects of further scientific research «logicians organic» as bases for formation of the new scientific methodology promoting not only to theoretical reconsideration of «achievements» of the western civilization, but also practical prevention of social and economic accidents of both regional, and global scale are opened.

Keywords: system approach, structural functionalism, global economy, unification, eurasianism, Euroasian economic model, organic principle, methodology, science, public consciousness.

Глобальный экономический кризис современности напрямую связан с невозможностью восполнения природных ресурсов, продовольственной безопасностью, уязвимостью транснациональных корпораций. О приближающейся гибели еще до конца не построенной мировой экономики свидетельствуют следующие события. Это, в первую очередь, разрушение национальных экономик, которые в начале XXI в. сопровождаются признаками гуманитарных катастроф, а также политическое и экономическое доминирование отдельных, не самых больших по территории и населению, государств на планете. Именно политика в начале XXI в. превращается в главный инструмент решения экономических проблем. Вместе с тем очевидна уязвимость транснациональных корпораций, но западная цивилизация настаивает на их необходимости в построении политической модели «однополярного» мира.

Важно отметить, что мировая экономика конструируется благодаря определенному стилю мышления, рожденному и развитому европейской цивилизацией. Такое мышление представлено в системном подходе, разработка которого была результатом исторического поворота в структуре миропонимания — результатом замены субстанциалистской парадигмы (где мир был священным сложным целым, а природа — храмом) на функционалистскую (где природа становится мастерской, а действительность лишается своей многомерности и цель-

ности). Процесс смены парадигмы можно наблюдать в немецкой классической философии — начиная с И. Канта происходит «гносеологизация» философии. Важнейшей функцией науки становится познание с целью обязательного преобразования, «улучшения» окружающего мира природы. О назначении философии как инструмента практики социально-экономических преобразований писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Дальнейшее усиление специализации и схематизации научного восприятия мира можно наблюдать в философии XX в. Отказ от природы (биосферы) как цельной, многомерной реальности, существующей независимо от человеческого познания, и отказ от человека как личности можно наблюдать в философии структурализма в середине XX в., где важны лишь отдельные качества и функции, а не субъект в целом [1, 164—165]. Сначала в философии и научном мышлении такой отказ был теоретическим приемом с целью достижения специфических целей в познании и деятельности, но в начале XXI в. широкая практика постмодернистской деконструкции природы и человека перестала быть предметом только теоретической деятельности, превратившись во внушительный инструмент достижения личных целей современными политиками и экономистами.

Особое значение для научного анализа экономической практики в XX в. приобрел структурный функционализм — результат эволюции системного подхода. Структурный функционализм можно рассматривать как мыслительный и практический (деятельностный) способ деконструкции естественных, сложившихся в результате объективных природных и социальных причин обществ (этносов, народов, наций) по воле усмотрению крупнейших политических или коммерческих субъектов, обладающих значительной властью в государствах или международных организациях. При этом структурный функционализм нивелирует национальные, историко-культурные различия и, претендуя на универсальность, превращается в «эффективный» способ преобразования естественным образом сложившейся социально-экономической реальности. И этот способ удобен для западных политиков, он востребован ими, ведь его применение касается, как правило, бывших европейских колоний, чьи судьбы интересны лишь в отношении к западной цивилизации.

Важно заметить, что главная идея структурного функционализма — это «социальный порядок», создаваемый сознательно человеком, а потому искусственный и рукотворный. Особенно явно идея рукотворного социального порядка, определяемого степенью полезности для сегодняшнего дня, проявляется при рассмотрении системы экономики и политических отношений. Известен важнейший принцип уни-

версального функционализма, сформулированный Р. Мертоном и заключающийся в том, что «все стандартизированные социальные или культурные формы имеют позитивные функции» [2, 392]. Экономистам и политикам остается лишь найти эту полезность (функциональность). И поиск, как правило, связан с сиюминутными интересами, а полезность (эффективность) определяется отдельным сообществом ученых-экономистов и политиков, но почти всегда претендует на универсальность. Поэтому особенности объекта структурного функционализма определяет не его цельностью и уникальностью, а свойствами структуры. И для объяснения «социального поведения» такой научный подход предлагает выявить реализуемые данной системой процессы управления, координацию «низших» уровней системы со стороны «высших».

С точки зрения системного подхода европейская экономика и вслед за ней экономика США — самые развитые и эффективные системы, образующие ядро мировой экономики. Всеобщий, планетарный характер этих экономик обусловлен мировой торговлей и созданием глобальной финансовой системы, а также «передовыми» технологиями, способными сформировать постиндустриальное общество. Системный подход, упрощающий многомерную экономическую реальность, оказывается очень удобным для построения такой «мировой» экономики. При этом, вмешиваясь в естественные процессы культурного и экономического становления того или иного народа, предлагая ему «общечеловеческие» образцы ведения хозяйственной деятельности, европейская цивилизация лишает его собственного национального будущего [3, 65]. Но западная модель «мировой» экономики и принцип системного подхода как «универсальный» метод понимания экономических отношений — не единственные в научной методологии и в социальной практике. Наименее подверженным влиянию европейской культуры и поэтому альтернативным ей стилем мышления, сформированным в духовных традициях православия и в особых природно-исторических условиях, выступает органический принцип *философии евразийства*. Так, уникальный экономический опыт России, вобравший в себя многовековую историю сотрудничества всего множества населяющих нашу страну народов, в XX в. послужил основанием для создания *евразийской модели хозяйственной жизни*, альтернативной европейской [4, 191—192].

Евразийская экономическая модель была построена на совершенно других принципах миропонимания. В противоположность европейскому системному подходу, она использует органическую логику — логику жизни конкретного социального организма и те особен-

ности, которые характерны для всего живого. Органическая логика — основа научной методологии евразийства 1920—1930-х гг., продолжена в теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Она воплощена в органическом типе истории (теории «локальных цивилизаций»), в геософии, в особой логике создания нового знания, рождения новых идей («логике органического»). Следуя своей методологии, евразийцы объясняли возникновение одних из самых важных для общества идей, изменяющих политическую и социально-экономическую реальность, следующим образом. «Идея-правительница» — основание живой (подвижной) идеологии существующего в определенных историко-культурных и географических условиях общества подобна организму (евразийцы сравнивали ее с «развивающимся из семени растением»). Смысловое поле жизнедеятельности общества (народа, этноса), таким образом, представляет собой внутренне необходимое самораскрытие одной основной идеи. Сама ключевая идея общественной идеологии «находится не вне людей, как внешний закон, а в самих раскрывающих ее людях, — писал П.Н. Савицкий. — Развивая и осуществляя подлинное свое существо, человек и раскрывает истинную идеологию, вернее, особый аспект ее» [5, 17]. Основные принципы органической логики, или логики естественного развития социума, представленные в евразийстве, можно сформулировать следующим образом. Во-первых, это саморазвитие народа, или этноса, который рассматривается как живой организм, проходящий путь последовательных изменений от рождения и до смерти в конкретном времени и пространстве. Во-вторых, развитие живого организма всегда начинается с целого, в природе это живая клетка, а в социальных отношениях — рождение нового этноса. Так, с точки зрения Л.Н. Гумилева, в самом начале исторического пути народа при сочетании этносов, ландшафтов региона и пассионарного толчка происходит его рождение, т. е. появляется сообщество людей с иным стереотипом поведения, существенно отличающимся от соседей. Важнейший общий для нового коллектива (консорции — «сосудебников») нравственный принцип мировоззрения на первом этапе этногенеза можно сформулировать так: «Будь тем, кем ты должен быть!» [6, 193]. Именно от реализации этой мировоззренческой установки зависит благополучие всего этноса на последующих стадиях этногенеза. Так, добросовестное выполнение каждым своих обязанностей в соответствии со статусом в общественной иерархии определяет будущее социального организма. На первом этапе существования этноса и появляется та индивидуальная идейная установка, которая определяет будущее всего коллектива: «Жизнь ради множества жизней». Поэтому можно сформулировать третий принцип логи-

ки органического: целое предшествует частям, определяя их существование, но каждая часть в абстрактной форме воспроизводит целое, поэтому долгое время сохраняется возможность регенерации. При этом взаимодействие целого и частей, согласно евразийству, существенно отличается от тех моделей, которые нам предлагает классическая европейская философия. В органическом целом это взаимодействие можно представить как нелинейное, многомерное, где благополучие целого определяет поведение частей, а от состояния, казалось бы, совсем незначительных элементов зависят жизнь и развитие всего организма. Поэтому «низы» через свободу исполнения своего предназначения определяют не только состояние «верхов», но и будущее органического целого, к которому относятся и те и другие. Так, с точки зрения логики органического, индивид как «атом» отдает свою свободу семье — «молекуле», семья — роду («клетке») и т. д.), и несложно представить, что произойдет, если в организме «взбунтуется» хотя бы одна «клетка». В связи с этим солидарность и сотрудничество в такой фазе этногенеза, как «подъем», выражаются нарастающей идеализацией общественного сознания. «Ведь идеал — это далекий прогноз, и для того, чтобы защищать себя, нужно его иметь, а не жить только сегодняшним днем, как обыватели» [7, 286]. Такие «идеальные» представления о «дobre», «истине», «красоте», «справедливости» способствуют преодолению индивидуальной ограниченности, создавая цели, находящиеся за гранью существования отдельного элемента и даже за пределами всего органического целого (этноса, народа). Тем самым, именно духовные ценности создают возможность адаптации этноса в окружающих природных и культурных условиях.

В теории этногенеза Л.Н. Гумилев использует еще один термин, способствующий пониманию содержания логики органического, — это «аттрактивность». Аттрактивность (от латинского «*attractio*» — влечение или стремление) представляет собой врожденное качество каждого человека, способность к развитию духовного мира, выражающуюся в индивидуальной устремленности к высшему и совершенному, преодолевающую индивидуальную ограниченность физического существования и представляющую отказ от себя как обособленной эгоистической личности. Этот термин позволяет выделить такое качество общественного организма, как наличие двух детерминаций: идущую от прошлого, — причинную, и детерминацию будущего — целевую. При этом целевая детерминация первична по отношению к причинной, так как она объясняет эволюцию от прошлого к будущему через индивидуальные стремления к духовным идеалам, способным сплотить всех представителей общественного организма. Структурный

функционализм, напротив, способствует умозрительному созданию таких систем, которые детерминируются прошлым, как правило, простым стечением обстоятельств, и определяют необходимость создания человеком чего-либо. При этом органические целостности и неорганические системы всегда присутствуют в сознании людей и в их деятельности. В связи с чем Л.Н. Гумилев замечал, что аттрактивность раскрывается в определенной культуре, в системе образования и воспитания того или иного общества, где конкурирует с «разумным эгоизмом».

Раскрывая особенности научно-технического развития западной цивилизации в начале XXI в., некоторые исследователи утверждают, что серьезную опасность для современного общества представляет тот факт, что «постмодерн отменил аттрактивность и сменил курс человечества на “разумный эгоизм”» [8]. Так, западная философия использует традиции системного подхода и определяет смыслы существования живого как неживого, через логику «здравого смысла», т. е. степень полезности, или эффективности, зависящую от сиюминутных потребностей «настоящего», без учета исторических событий и судеб («прошлого»), без стремлений к духовным идеалам («будущего»). В связи с этим логическим началом, точкой отсчета в структурном функционализме выступает часть, а не целое, и современная научная картина мира не может быть целостной, «универсальной», так как ее «основной догмат» — эмпирия.

Разделенную реальность, потерю целостности в современном научном мышлении можно рассматривать как продукт «расщепленного» сознания, где нарушен принцип сложной, многомерной иерархии, основного закона взаимодействий в живой природе. Именно в живой природе целое — предмет более высокого порядка, но для его существования необходимо согласование общего и частного на всех уровнях, во всех отношениях. Известно, что самоуничтожение или взаимная борьба отдельных элементов способны изуродовать жизнь, но не во всех случаях это ведет к гибели органического целого. Структурный функционализм, напротив, провозглашает беспредельную власть части, доминирование эгоистического сознания («разумного эгоизма»). Именно такое, ограниченное физическим состоянием отдельной особи, «частичное» сознание находится в состоянии отчуждения от реальности, оно теряет этическую составляющую и ведет общество к экологической и духовной катастрофам. Но, важно заметить, такой стиль мышления, развитый западной культурой, основывающийся на системном подходе, не является единственным и безальтернативным,

поэтому есть надежда на преодоление схематизации, омертвления научного познания.

Альтернативный европейскому стиль мышления представлен органическим принципом, логикой живого, которая присутствует в интеллектуальных традициях многих народов. Логика органического можно рассматривать как фактор, формирующий стереотип поведения на ранних этапах этногенеза и тесно связанный с альтруистической этикой. Методология этногенеза, разработанная Гумилевым, позволяет увидеть изменения мировоззренческих установок на разных этапах существования того или иного народа и объяснить появление системного подхода в западной науке как естественный процесс, обусловленный ростом «разумного эгоизма» в общественном сознании. Опасным и аномальным оказывается здесь лишь глобальный масштаб культурного, политического и экономического влияния западной цивилизации на другие народы мира.

Изменение общественного сознания, с точки зрения Льва Гумилева, происходит на всех этапах развития социального организма (этноса). Так, вслед за рождением и «подъемом», в «акматической» фазе, происходит взаимное уничтожение самых активных представителей этноса. В связи с этим на данном этапе развития появляется мировоззренческое убеждение: «Мы устали от великих!». В Западной Европе такой период сопровождается событиями Реформации, адаптацией духовных традиций к реалиям жизни. Искомые идеалы, характеризующие сферу прекрасного и недостижимого, приближаются к повседневной жизни людей с ее запросами. При этом каждый этап этногенеза длится не одно столетие и зависит не только от особенностей общественного сознания, но и от биолого-географических факторов, таких как пассионарность (избыток энергии живого вещества биосферы), климат и ландшафт. Способность выживать и приспосабливаться к меняющимся природным и социальным условиям всегда связана с определенными идеологическими установками, в которых вместе со старением этноса возрастает «разумный эгоизм». Поэтому органический принцип, сопряженный с альтруизмом, оказался мало востребованным в Европе уже в XIX в. Усиление «разумного эгоизма» на последних стадиях этногенеза приводит к снижению стиля в искусстве, вытеснению оригинальных работ в науке компиляциями, а в общественной жизни возрастанию коррупции. «Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость» [7, 297]. Все это неизбежно находит отражение в общественной идеологии, призывающей к нивелировке национальных, религиозных и культурных различий, навязывающей

всем народам «общечеловеческий», «средний» образец. Рост «разумного эгоизма» в западной культуре приводит к появлению идей «всеобщих» культурных ценностей, «среднего» класса, единой религии или общего для всех атеизма и т. д. И системный подход (основа научной методологии, принцип научного мышления) выступает здесь как закономерный результат изменения общественного сознания этноса, находящегося в глубокой старости.

В противоположность системному подходу и структурному функционализму развитие научной методологии, основывающейся на логике органического, способствует не схематизации и созданию условных экономических моделей-систем, а позволяет вскрыть естественные социально-экономические связи, всегда имеющие конкретный историко-культурный и национальный контекст. Евразийская методология, разработанная в 1920 — 1930-х гг. и дополненная Л.Н. Гумилевым, способствует осознанию кризиса в современном научном мышлении и поиску способов его преодоления [9, 141]. Органический принцип в научной методологии евразийства можно рассматривать как альтернативный системному подходу метод анализа экономических отношений — как региональных, так и глобальных. При формировании глобальных экономических отношений логика органического способствует реализации национальных интересов, восприятию социально-экономической реальности как многомерного сложного целого. Также органический принцип позволяет адекватно оценивать взаимоотношения общества с природой, формировать представления о потребностях не на основании индивидуалистических и эгоистических установок, а при помощи этики альтруизма. Поэтому логика органического (живого) способна заложить основы «экологической аскезы» будущего при прогнозируемом увеличении численности населения планеты [4, 198].

Литература

1. *Кутырёв В.А., Нилогов А.С.* Об экспансии высоких (постчеловеческих) технологий, ее перспективе, их творцах и жертвах // *Философские исследования*. 2014. № 1.
2. *Merton R.K.* *Social Theory and Social Structure*. Glencoe, 1957.
3. *Коптелова Т.И.* Унификация — основа глобальной экономики или самоуничтожение человечества? Ответ с точки зрения евразийской философии истории // *Философия хозяйства*. 2015. № 2.
4. *Коптелова Т.И.* Экономика и православие — евразийский вариант «капиталистического духа» // *Философия хозяйства*. 2014. № 5.

5. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
6. *Гумилев Л.Н.* Струна истории. Лекции по этнологии / Сост. О.Г. Новикова. М., 2008.
7. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М., 2001.
8. *Волынский А.* Категория этноса // <http://www.gumilev-center.ru/kategoriya-ethnosa/> (дата обращения: 03.09.2015).
9. *Коптелова Т.И.* Евразийская методология изучения социального развития // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 1 (33).

А.А. КУЗНЕЦОВ

Принципы выбора паевых инвестиционных фондов для домашних хозяйств

Аннотация. Инвестирование сбережений увеличивает индивидуальное благосостояние. Паевые инвестиционные фонды создают добавленную стоимость для инвесторов. В статье предлагается методика выбора паевых инвестиционных фондов, основанная на публикуемой информации.

Ключевые слова: паевые инвестиционные фонды, управление активами, инвестиционная стратегия, оптимальный портфель.

Abstract. Savings investment increases individual welfare. Mutual funds create value added for their investors. The article suggests principles of funds choice for individual investors, based on publicly available information.

Keywords: mutual funds, asset management, investment strategy, optimal portfolio.

Паевые инвестиционные фонды играют важную роль в перераспределении сбережений домохозяйств. Сбережения возникают вследствие отказа от потребления в текущем периоде, ради большего объема потребления в будущем.

Паевые инвестиционные фонды помогают индивидуальным инвесторам достигать финансовых целей: накопления средств на образование, обеспечения дополнительного дохода после окончания трудовой деятельности, покупки недвижимости, обучения детей с помощью

инвестиций во взаимные фонды. Они выражают экономические интересы широких слоев населения.

Паевые инвестиционные фонды (ПИФ) аккумулируют сбережения индивидуальных инвесторов и инвестируют их в инструменты фондового рынка. Они помогают неквалифицированным инвесторам с невысокими и средними доходами инвестировать в финансовые инструменты, к которым у них нет доступа ввиду технических, институциональных и бюджетных ограничений. Низкая финансовая грамотность и недостаток времени не позволяют многим инвесторам открывать и пользоваться брокерскими счетами. Высокий входной порог для инвестиций в такие инструменты, как недвижимость, фонды прямых инвестиций, венчурные фонды, не позволяют большинству инвесторов вкладывать в них.

Используя паевые инвестиционные фонды, население может накапливать средства на определенные цели. Например, вложения в консервативные фонды позволят создать индивидуальные пенсионные накопления. Такие фонды вкладывают средства в облигации крупных компаний на длительный срок. Это способствует увеличению инвестиционного горизонта и созданию национального капитала. Рост отрасли создает дополнительное предложение инвестиционных ресурсов, что позволяет осуществлять отраслевые и инфраструктурные инвестиции.

Существуют различные представления о динамике сбережений в течение жизни индивида. Гипотеза жизненного цикла предполагает, что человек рождается с нулевым благосостоянием [1]. Это означает, что в рамках гипотезы не существует наследства. Человек зарабатывает свое состояние сам, и сам же тратит в течение жизни. В детстве и до начала трудовой деятельности индивид является чистым заемщиком: он заимствует деньги у родителей для удовлетворения всех своих базовых потребностей, берет кредит на учебу в банке. Далее он начинает заниматься трудовой деятельностью и постепенно возвращает кредиты, взятые в период нетрудоспособности в юности. Отдав долг, начинает создавать сбережения. На этом этапе он является чистым кредитором. Когда приходит время «отдыхновения от трудов всей жизни» — выходить на пенсию, индивид более не имеет трудового дохода и проживает имущество, накопленное за свою жизнь, т. е. сбережения за период трудовой деятельности. К концу жизни он истратит все свои сбережения и отойдет в мир иной с тем же благосостоянием, что и родился — с нулевым. Как и ранее его родители, он не оставил детям своим наследства. Оптимизационную задачу такого индивида можно представить в виде максимизации потребления в течение жизни с

ограничением по доходу. В каждый момент времени индивид выбирает между потреблением и сбережением таким образом, чтобы к окончанию жизненного пути иметь как бы нулевой баланс. Чтобы решить такую задачу, необходимо иметь реалистичные ожидания относительно своих будущих доходов и расходов. При учете будущих расходов необходимо ориентироваться на ожидаемую величину инфляции в течение всего жизненного периода, а при учете доходов — на ожидаемую заработную плату и доходность от вложенных сбережений с учетом налоговой нагрузки. Паевые инвестиционные фонды решают задачу оптимального распределения инвестиций с учетом временного горизонта инвестирования и целей индивида.

В соответствии с гипотезой относительного дохода [2] для индивида важен не абсолютный жизненный уровень, а то, что его уровень потребления выше, чем у других участников сообщества. Эта концепция лежит в основе «экономики счастья» [3, 26—33]. Вложение средств в инвестиционные фонды позволяет увеличить благосостояние как в абсолютном выражении, так и относительно индивидов с равными доходами, но не инвестирующими сбережения.

В соответствии с гипотезой перманентного дохода индивиды сберегают ту часть дохода, которая превышает среднее значение дохода [4]. Этот подход к формированию сбережений стимулирует индивида на поиск инвестиционных возможностей, паевые фонды являются одной из таких возможностей. Модификацией данной модели является гипотеза о свободном блуждании потребления, которая не вполне подтверждена эмпирически, однако так же объясняет процесс создания сбережений, как превышение доходов над потреблением [5, 971—987]. Независимо от выбора гипотез, инвестирование сбережений способствует росту индивидуального дохода, полученного в течение жизни, а значит и человеческого капитала.

Индивид может использовать различные стратегии — от агрессивного инвестирования в молодости, когда возможные убытки от рискованных инвестиций могут быть покрыты растущей или стабильной заработной платой, до консервативного инвестирования в зрелые годы, когда необходимо сохранить заработанное, поскольку в случае убытков по инвестиционному портфелю покрыть их будет сложнее.

Альтернативной точкой зрения является концепция распределения активов, которая утверждает, что в каждый момент времени высококорисковая часть портфеля должна быть сбалансирована определенным объемом инвестиций в безрисковый актив, так чтобы процесс роста сбережений был устойчивым — без резких скачков в уровне благосостояния.

Одним из вариантов реализации такой стратегии являются инвестиции в паевые инвестиционные фонды, ориентированные на сохранение стоимости вкладывающим в облигации и часть портфеля — в акции.

В соответствии с концепцией портфельного инвестирования, необходимо создать оптимальный портфель финансовых активов. Процесс создания инвестиционного портфеля состоит из пяти этапов.

1. Постановка целей инвестирования.
2. Разработка инвестиционной политики. Этот процесс включает выявление инвестиционных возможностей и оценку стоимости активов, рассматриваемых в качестве претендентов на включение в портфель.
3. Разработка инвестиционной стратегии, необходимой для достижения целей инвестирования.
4. Выбор оптимального портфеля инвестиционных инструментов для реализации инвестиционной стратегии.
5. Оценка эффективности результатов инвестирования.

Взаимные фонды осуществляют три из пяти этапов. Они разрабатывают инвестиционную политику, которая обычно описывается в инвестиционной декларации фонда. Портфельные менеджеры разрабатывают инвестиционную стратегию с учетом целей инвестирования и ограничений, накладываемых инвестиционной политикой. Далее с помощью математических методов оптимизации осуществляют выбор оптимального портфеля ценных бумаг, который обеспечивает реализацию инвестиционной стратегии. Названные этапы требуют большого количества времени на поиск и обработку информации, а также квалификацию для анализа инвестиционных возможностей. Именно эту часть процесса инвестирования сбережений домохозяйств на фондовом рынке берут на себя управляющие взаимных фондов. Заменяя индивида в осуществлении этих процессов, они создают стоимость для своих клиентов.

На российском рынке составляется два основных фондовых индекса — Московской биржи РТС и ММВБ. Индекс ММВБ рассчитывается в рублях, а РТС — в долларах США. Московская биржа так описывает основные индексы: «Основные индексы Московской биржи (Индекс ММВБ и Индекс РТС) представляют собой ценовые, взвешенные по рыночной капитализации (free-float) композитные индексы российского фондового рынка, включающие 50 наиболее ликвидных акций крупнейших и динамично развивающихся российских эмитентов, виды экономической деятельности которых относятся к основным секторам экономики, представленным в ЗАО “Фондовая биржа

ММВБ» [6]. Только один фонд ориентируется на индекс РТС, остальные фонды используют индекс ММВБ для ориентирующего (прокси) портфеля. Помимо рыночных индексов составляются отраслевые индексы ММВБ. Количество отраслевых индексов по сравнению с США небольшое — 9 против 63, что является следствием структурных различий российской и американской экономик лишь отчасти: американская классификация более детализирована, и большая доля компаний торгуется на бирже. Количество ценных бумаг в российских и американских фондовых индексах также существенно различается.

Доходность ценной бумаги состоит из дивидендов в случае акций или купонных (процентных) выплат в случае облигаций и изменения стоимости ценных бумаг. При инвестировании во взаимный фонд необходимо учитывать плату за управление и налогообложение. Плата за управление, налогообложение и инфляция оказывают существенное влияние на доходность фондов.

Российский рынок отличается высокой волатильностью и вероятностью значительных колебаний по сравнению с фондовыми рынками развитых стран. Так, показатель риска VaR для индекса ММВБ колеблется вокруг значения 7,8%, что означает возможность потерять 7,8% благосостояния с вероятностью 95%. Это значение немного превышает среднюю годовую доходность фондов на этот индекс за последние три года (7,3%) [7]. Частным инвесторам необходимо внимательно следить за динамикой рынка, чтобы их доходность оказалась положительной. В случае ожидания обвала рынка необходимо изымать средства из паевых инвестиционных фондов.

Денежный поток в фонды связан с ситуацией на фондовом рынке. Активы фонда растут в случае, если существуют приток средств клиентов и рост стоимости активов, вложенных в портфель. Приток средств клиентов можно разделить на приток новых клиентов и дополнительные вложения существующих клиентов. Рост стоимости портфеля связан с ростом рынка в целом и с мастерством управляющих.

На российском фондовом рынке работают более 400 паевых инвестиционных фондов. Они реализовывают различные инвестиционные стратегии. Под инвестиционной стратегией будем понимать набор инструментов, в которые фонду разрешено инвестировать, его цели и ограничения. Существуют различного рода отраслевые фонды, индексные фонды, фонды акций и облигаций, фонды, инвестирующие в инфраструктуру и недвижимость, открытые и интервальные фонды. Спецификой данных фондов является относительное удобство их исследования: они предоставляют подробную отчетность о своей дея-

тельности, включающую ежедневные публикации стоимости пая, стратегии, доли денежных средств, обычно они также раскрывают, в какие ценные бумаги они инвестируют.

Инвесторов больше всего интересует доходность инвестиций. Это наиболее простой и интуитивно понятный показатель деятельности фонда. Максимизирующие полезность инвесторы хотят знать, какой фонд приносит наибольшую доходность. Для этого они исследуют рейтинги фондов, в которых публикуется доходность фондов за предшествующий год, 3 года, 5 лет. Иногда фонды публикуют среднюю годовую доходность. Эта информация отражает лишь средний доход, полученный за последние годы, такой измеритель доходности помогает сглаживать резкие колебания стоимости пая, а именно потери фонда во время кризиса.

Такие рейтинги не позволяют выявить квалификацию портфельных управляющих, и, следовательно, понять, в какой степени результаты деятельности фонда обусловлены талантом или квалификацией, а в какой — обычным везением либо благоприятной экономической конъюнктурой.

Помимо случайности и конъюнктуры рейтинг фонда, опирающийся на доходность, может исказить ситуацию в зависимости от целевого уровня риска, к которому стремится фонд, и собственно квалификации управляющего.

Положения фондов в рейтингах существенно меняется год от года, очевидно, что квалификация управляющих столь же быстро не меняется. Это означает, что существует иная причина нестабильности рейтингов фондов. Предположим, что они зависят в разной степени от рыночной конъюнктуры, которая значительно меняется от года к году. Поскольку фонды характеризуются различным коэффициентом бета (он показывает меру изменчивости портфеля фонда относительно рыночного индекса), то их доходность будет по-разному меняться в зависимости от рыночной конъюнктуры. Фонды с высоким коэффициентом бета будут показывать большую доходность на растущем рынке и попадут в верхние строчки рейтинга, фонды с относительно низким коэффициентом бета попадут на вершину списка во время падения рынка. Поскольку существует такая зависимость, выявить квалификацию управляющих паевыми инвестиционными фондами достаточно сложно.

Для решения этой проблемы следует использовать измерители, учитывающие относительный риск вложений в данный фонд. Это произойдет, если такой измеритель не будет чувствительным к экстремальным значениям риска, таким образом, он не будет выносить фон-

ды с высоким или низким уровнем риска в верхние либо нижние строчки рейтинга.

Индекс Дженсена использует линию рынка ценных бумаг в качестве точки отсчета [8, 167—247]. Поскольку нахождение фонда на этой линии является одновременно условием его нахождения в точке равновесия на рынке капитальных активов, то индекс показывает меру отклонения от равновесного состояния. Он представляет собой разницу между ожидаемой доходностью портфеля и той ожидаемой доходностью, которая была бы у этого портфеля, если бы он находился на линии рынка ценных бумаг. Индекс Дженсена учитывает превышение доходности над рыночной равновесной доходностью, но игнорирует эффект диверсификации. По отдельности индекс Дженсена нельзя рассматривать как точный способ оценки эффективности управления портфелем ценных бумаг.

Индекс Трейнора показывает величину премии за риск, полученную за каждую единицу взятого риска, измеренного с помощью коэффициента бета [9, 63—75]. Он не только оценивает величину избыточной доходности, но и показывает, на сколько фонд превышает по доходности другие фонды, при том же уровне риска — в этом преимущество индекса Трейнора над индексом Дженсена. Таким образом, при использовании индекса Трейнора для ранжирования паевых инвестиционных фондов, невозможно полностью отделить везение управляющего от его таланта, но можно показать, что избыточный доход был получен не только в результате благоприятной рыночной конъюнктуры.

Коэффициент Шарпа использует линию рынка капитала в качестве точки отсчета [10, 119—138]. Он показывает величину премии за риск в расчете на единицу принятого риска, измеренного с помощью стандартного отклонения от ожидаемой доходности. Коэффициент рассчитывается как отношение премии за риск к стандартному отклонению портфеля. Для определения качества работы менеджмента паевого инвестиционного фонда нужно сравнить коэффициент Шарпа для портфеля фонда с коэффициентом Шарпа выбранного рыночного индекса. Более высокий коэффициент Шарпа указывает на то, что управляющий превзошел рынок, т. е. его деятельность принесла плоды — результат не является просто везением или удачно пойманной волной рыночной конъюнктуры. Поскольку в качестве точки отсчета используется линия рынка капитала, то равенство коэффициента Шарпа портфеля коэффициенту Шарпа рыночного индекса означает, что менеджер, исходя из рыночного уровня риска, не заработал ничего сверх того, что можно было заработать, просто копируя рыночный индекс.

Как мера эффективности управляющего паевым инвестиционным фондом коэффициент Шарпа чувствителен и к эффекту диверсификации, поскольку основным следствием диверсификации является снижение общего риска портфеля ценных бумаг, и к изменениям избыточного дохода, таким образом, коэффициент Шарпа оценивает талант менеджмента инвестиционного фонда в обоих измерениях — по ширине и по глубине. Поскольку коэффициент Шарпа опирается на CAPM (модель ценообразования активов), он подвержен искажениям со стороны структуры цен капитальных активов. В том смысле, что если реальная структура цен не соответствует взятому индексу и линия рынка капитала не является прямой, то оценка коэффициента будет смещенной. Оценка будет завышенной для фондов с низким уровнем риска и заниженной для фондов с высоким уровнем риска.

Для частного инвестора, предполагающего создать свой домашний фонд, в рамках решения задачи оптимизации личных финансов предлагается использовать все коэффициенты. На практике удобно ранжировать фонды по данным коэффициентам, тем самым создав собственные рейтинги. Если есть возможность широкой диверсификации — при наличии значительных сбережений, можно использовать 20 первых фондов в рейтинге, при небольших сбережениях можно ограничиться десятью. Далее необходимо выбрать фонды, присутствующие во всех трех списках. Если таких не найдется, то можно присвоить им баллы по частоте «упоминаемости» — фонд, набравший максимальное количество баллов, попадает в портфель инвестора.

Теперь можно решать задачу оптимального выбора инвестиционного портфеля относительно небольшой группы инвестиционных возможностей, которые явно предпочтительнее остальных.

Индексы Дженсена, Трейнора и коэффициент Шарпа позволяют описать деятельность портфельного управляющего с точки зрения эффективности, выраженной в способности получать избыточный доход, по сравнению с тем, который заложен в рыночной модели CAPM, и снижать риск инвестиций за счет широкой диверсификации. Проранжировав фонды по этим индексам, можно получить рейтинги, на основе которых создается пул фондов для инвестирования. В пул входят фонды, получившие наибольшее число баллов, соответствующее частоте их присутствия в рейтинге по каждому из показателей эффективности.

При выборе пассивной стратегии инвестирования возникает необходимость выбора между индексными либо облигационными фондами. В России действует 24 индексных фонда. Они взимают годовую плату за управление в диапазоне от 1% стоимости активов до 8%

[7]. В фондах с низкой комиссией за управление и невысокими заявленными издержками иногда присутствуют комиссии при погашении паев фонда, что снижает реальную доходность частного инвестора. При выборе индексного фонда инвестору необходимо ориентироваться на два ключевых показателя: коэффициент бета фонда к соответствующему ему индексу и коэффициент альфа фонда. Коэффициент бета должен быть как можно ближе к единице, а коэффициент альфа должен быть неотрицательным и близким к нулю. При этом данные коэффициенты должны быть относительно стабильны во времени. Это свидетельствует о мастерстве менеджмента. Стабильность коэффициентов означает, что управляющие фондом устойчиво добиваются доходности портфеля на уровне индекса и не берут риски, не связанные с данным индексом. Первое следует из стабильности коэффициента бета, а второе — коэффициента альфа. Стабильность коэффициента бета индексного фонда означает, что менеджменту либо удастся точно повторять структуру индекса при создании портфеля, либо они находят такие инструменты, которые ведут себя точно так же, как индекс. При изменениях индекса стоимость пая индексного фонда с единичным коэффициентом бета будет меняться в той же пропорции, что и индекс. А значит, риск вложения в такой паевой инвестиционный фонд не превысит риск вложения в индекс. Риск инвестора оказывается хорошо диверсифицированным и не превышает системного риска экономического объекта, отражающего индекс. Устойчиво положительный коэффициент альфа может свидетельствовать о принятии портфельным управляющим специфического риска. Даже если индексный фонд имеет положительный коэффициент альфа, т. е. зарабатывает на единицу индексного риска больше, чем предлагает сам индекс, это не может быть поводом для предпочтения этого индексного фонда другим индексным фондам с близким к нулю коэффициентом альфа. Такая ситуация означает, что управляющий фондом пошел на риск, не учтенный в индексе, и таким образом отклонился от индекса. Следствием отклонения могут быть внезапно возникающие убытки, пришедшие с другого рынка либо исходящие от инструментов, не входящих в данный индекс. Поэтому демонстрируемая менеджментом высокая доходность на единицу индексного риска может обернуться убытком при неблагоприятной конъюнктуре фактора, благодаря которому был получен дополнительный доход, превышающий доходность индекса. Также в зависимости от цикла возможна относительно низкая доходность фонда при росте индекса, так как положительный коэффициент альфа во время спада мог быть получен в результате инвестирования в класс активов с контрциклической динамикой.

Итак, можно сделать следующие выводы.

- ПИФы аккумулируют сбережения населения и предъявляют спрос на вторичном рынке ценных бумаг, поддерживая тем самым уровень капитализации рынка.
- ПИФы создают добавленную стоимость в интересах широкого круга инвесторов
- ПИФы увеличивают индивидуальный доход, получаемый в течение жизни, а значит и величину индивидуального человеческого капитала.
- Отдельные индикаторы эффективности инвестиционного портфеля не позволяют выявить лучшие фонды. Предлагается использовать систему ранжирования фондов на базе нескольких индикаторов для выбора фондов, соответствующих инвестиционным целям индивида.
- Для инвесторов, не желающих диверсифицировать риски самостоятельно, предлагается простой способ оценивания эффективности индексных фондов.

Литература

1. *Modigliani F.* The Life Cycle Hypothesis of Saving, the Demand for Wealth and the Supply of Capital // *Social Research*. 1966. Summer.
2. *Duesenberry J.S.* Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior. Cambridge: Harvard University Press, 1949.
3. *Easterlin R.A.* The Economics of Happiness // *Daedalus*. 2004. Vol. 133. No. 2. Spring.
4. *Friedman M.* A Theory of the Consumption Function (PDF). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1956 // <http://www.nber.org/chapters/c4405.pdf>.
5. *Hall R.* Stochastic Implications of the Life Cycle-Permanent Income Hypothesis: Theory and Evidence // *Journal of Political Economy*. 1978. Vol. 86. No. 6.
6. <http://moex.com/ru/index/MICEXINDEXCF> (дата обращения 30.07.2015).
7. <http://pif.investfunds.ru/>.
8. *Jensen M.C.* Risk, The Pricing of Capital Assets, and The Evaluation of Investment Portfolios // *The Journal of Business*. Vol. 42. 1969. No. 2. Apr.
9. *Treynor J.L.* How to Rate Management of Investment Funds // *Harvard Business Review*. 1965. No. 43 (1).
10. *Sharpe W.F.* Mutual Fund Performance // *The Journal of Business*. 1966. No. 39 (1).

О.В. БАРАШКОВА

Национальная экономика России: сравнительный анализ региональных подсистем (проблемы методики и методологии)*

Аннотация. В статье предлагается методика сравнительного анализа экономического развития регионов, основанная на критерии сбалансированности развития региона с точки зрения соотношения различных измерений развития (индустриального, инновационного, информационного и развития человеческого потенциала). Предлагаемая методика, в случае ее практического применения к исследованию регионов Российской Федерации, позволит выделить группы регионов, сходные по траектории развития и степени сбалансированности, и предложить меры экономической политики, направленные на повышение устойчивости и уровня развития регионов каждой группы.

Ключевые слова: российская экономическая система, региональные подсистемы, сравнительный анализ, типология регионов, экономическое развитие регионов, сбалансированность развития, межрегиональные взаимосвязи.

Abstract. The article proposes a method of comparative analysis of the economic development of the regions, based on the criteria of balanced development of the region in terms of the proportions of the various dimensions of development (industrial, innovation, information and human development). The proposed method, in the case of its practical application to the study of Russian regions, will select a group of regions of similar path of development and degree of balance, and to propose policy measures aimed at improving the stability and the level of development of the regions of each group.

Keywords: Russian economic system, regional subsystems, comparative analysis, typology of regions, economic development of regions, balanced development, inter-regional relationships.

Существенные изменения геополитической и геоэкономической обстановки, в которой оказалась Россия, произошедшие в 2014 — 2015 гг., резко актуализировали проблему развития национального хозяйства как единого целого. Такой подход, при всей его банальности, тем не менее обуславливает ряд следствий, которые, при всей их

* Автор выражает признательность профессору МГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Бугалину за поддержку и помощь в работе над статьей.

очевидности, существенно проблематизируют задачу исследования российской экономики как целостной общенациональной системы.

Первое очевидное следствие этой проблемы — выделение таких атрибутов всякой системы, как элементы (подсистемы), структура и системное качество. К сожалению, определенный ответ на все эти три вопроса до сих пор остается открытым. Более того, сама постановка вопроса о национальной экономике как *системе* стала активно обсуждаться лишь в последние годы [1 — 4].

Выделение системного качества российской экономики — сложнейшая проблема, которая не входит в предметное поле данной статьи. И поэтому мы ограничимся отсылкой к названным выше текстам А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, В.М. Кулькова, К.А. Хубиева и к серии статей авторов тематического сборника [4], где, на наш взгляд, найдено в первом приближении решение этой задачи. Кроме того, определение этого системного качества с точки зрения школы философии хозяйства дано в серии работ Ю.М. Осипова, где выделяются исторические инварианты российской хозяйственной системы [5; 6]. Все это позволяет нам продолжить наши размышления и перейти к постановке следующей проблемы.

Второе следствие — выделение региональных составляющих как подсистем единой национальной экономической системы — обусловливает необходимость постановки как минимум такого вопроса, как критерии, методология и методика сравнения этих подсистем. Именно эта проблема и станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Методологическое обоснование методов сравнительного анализа экономического развития регионов

В качестве одной из главных задач в области сравнительного анализа социально-экономического положения регионов можно выделить, соглашаясь с С.А. Суспицыным, «формирование общей методологической основы разных подходов к сравнениям регионов» [7]. На наш взгляд, потенциал экономической теории в настоящее время недостаточно задействован для методологических разработок, позволяющих учитывать пространственный аспект.

При анализе обобщенных показателей, получаемых при агрегировании, «уничтожается феномен разнообразия видов экономических изменений», как отмечает представитель эволюционной экономики С. Меткалф (цит. по: [8, 150]). Опора исключительно на макроэкономические показатели, представляющие результат усреднений, не позволяет понять сущность экономического роста. Поскольку «эволюцион-

ный процесс роста зависит от наличия разнообразия» (цит. по: [8, 150]), то для объяснения процесса развития необходимо анализировать характеристики и степень разнообразия. Это подчеркивает актуальность исследования пространственного аспекта в экономике, поскольку разнообразие национальной экономики России проявляется в различиях, присущих субъектам Федерации. Таким образом, одна из актуальных задач экономической теории — отражение разнообразия национальной экономики в пространственном аспекте и выявить механизмы влияния разнообразия на экономический рост и развитие.

Критерий, учитывающий взаимодействие между регионами, как основа для типологии регионов. Является актуальной проблема повышения степени сотрудничества между регионами, налаживания горизонтальных связей (а не только вертикальных связей «центр — регион»), поскольку регионы являются элементами системы национальной экономики, а взаимодействие между элементами — одна из характеристик, определяющих эффективность системы, ее системное качество. В связи с этим представляет интерес *характеристика регионов, учитывающая их взаимодействие с соседними регионами.*

В рамках методологии системного подхода принятие за системное качество *взаимодействия регионов* (включающего в себя вовлеченность регионов в систему межрегиональных связей, во внутринациональное разделение труда) позволяет учесть пространственный аспект на уровне *национальной экономики в целом*. Это согласуется и с подходом к регионам как к открытым системам, развитие которых определяется не только внутренними факторами, но и уровнем взаимодействия с внешней средой, в которой имеются факторы и ресурсы для развития.

Методы пространственной эконометрики позволяют оценивать влияние окружения — соседних регионов — на развитие данного региона [10]. Анализ выводов, полученных исследователями в ходе эмпирической проверки гипотез о наличии влияния соседнего окружения [11, 12], показал, что для выработки мер региональной политики целесообразно выделить однородные группы регионов по критерию «характеристики темпов роста региона и его окружения». По данному критерию регионы и их окружение могут быть быстрорастущими и медленно растущими. Различное сочетание параметров региона и его окружения даст нам четыре типа регионов, для каждого из которых характерен различный уровень развития межрегионального взаимодействия и взаимовлияния. Для каждого типа регионов при дальнейшем анализе могут быть определены характеристики присущих им факторов роста, индикаторов развития, что позволит выработать меры экономической политики, учитывающие эти особенности.

**Характеристика некоторых методик сравнительного анализа
положения регионов**

Результаты анализа ряда существующих методик оценки социально-экономического положения регионов, значимые для разработки нашей методики, приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Характеристика некоторых методик оценки
социально-экономического положения регионов**

№ п/п	Исследователи, теоретическое направление	Характеристики методики	
		Общая характеристика методики	Выводы авторов методики по итогам ее применения к анализу регионов
1	Власюк Л.И., Демина И.В. Неоклассика	Три критерия эффективности: производственный, финансовый, социальный. Каждый из критериев содержит ряд индикаторов — 2000, 2007, 2009 гг., 80 субъектов РФ	В группе регионов, эффективных сразу по трем критериям, преобладают добывающие регионы
2	Михеева Н.Н. Региональная экономика	Цель: выявление факторов экономического роста регионов 4 группы параметров (всего — 24 переменные): 1) начальные условия и объективные различия 2) структурные особенности 3) макроэкономические параметры 4) экономическая политика и институциональные изменения	Выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на экономический рост
3	Гусев А.Б., Шилов М.А. Региональная экономика	Оценка достаточности обеспеченности регионов для решения задач развития. Методика: построение инвестиционно-производственной матрицы	Определены регионы, в которых необходимо обеспечить льготные условия для инвестиций ввиду их существенного отставания по инвестиционной обеспеченности

4	Белов А.В. НЭГ	Цель анализа: оценка изменений в специализации регионов и в концентрации в отдельных видах экономической деятельности Среди индикаторов — показатель относительной производительности — территориальное распределение занятых, основных фондов и ВРП в зависимости от региональной производительности труда	Снижается излишняя специализация регионов, увеличивается концентрация в отдельных видах экономической деятельности
5	Теняков И.М. Воспроизводственный подход	Цель анализа: оценка качества экономического роста в регионах (федеральных округах)	Качество экономического роста регионов низкое

Источник: составлено на основании публикаций авторов методик [13 — 17].

На основании сравнительного анализа существующих методик нами выработаны предложения, представленные далее.

Общая характеристика предлагаемой методики сравнительного анализа уровня развития российских регионов

Методика сравнительного анализа уровня развития регионов включает в себя характеристику сбалансированности и взаимосвязей между различными измерениями регионального развития. При этом акцент именно на развитии подразумевает особое внимание к выделению текущей и перспективной (прогнозной, целевой) траектории развития региона или группы регионов.

Целью методики является выделение групп регионов, однородных по критериальным признакам, что позволит разрабатывать для каждой группы регионов меры региональной промышленной политики, адекватные состоянию региона и тенденциям его изменения.

В качестве критерия такого сравнительного анализа развития регионов нами предлагается *критерий «сбалансированность развития региона с точки зрения соотношения различных измерений развития»*. В основе выбора такого критерия, как сбалансированность, лежит идея о том, что возможности развития объекта ограничиваются возможностями «слабого звена». Применительно к экономическому развитию это означает, что эффективность мер, направленных на усиление каких-либо факторов, необходимых для развития регионов, может сдер-

живаться недостаточным развитием других составляющих, взаимодействии с которыми необходимо для полноценного развития.

В общетеоретическом плане акцент на сбалансированности обусловлен тем, что целостность региона как субнациональной системы определяется ее системным качеством. Исключение системного качества ведет к утрате системой целостности, к превращению ее в совокупность элементов, не обеспечивающих получение системного (синергетического) эффекта, что выражается, применительно к региональному развитию, в снижении темпов экономического роста и невозможности перехода к прогрессивной траектории развития. Нам представляется целесообразным принять за *системное качество региона* такую характеристику, как сбалансированность основных компонент-факторов развития региона. Развитие является сложным явлением и имеет множество характеристик, но, на наш взгляд, в целях придания инструментальности понятию «сбалансированность развития региона», допустимо выделить несколько составляющих развития, сбалансированность которых позволяет говорить о том, что региону присуще системное качество.

Повышение сбалансированности развития региона с помощью разработки мер целевого воздействия на критические для данного региона параметры позволит создать предпосылки для увеличения темпов экономического роста региона за счет повышения сбалансированности развития. Предлагаемая многомерная система показателей уровня развития регионов предусматривает включение в нее в качестве ключевых элементов тех измерений развития, которые отражают основные аспекты развития региона как подсистемы национальной экономики.

В качестве основы для разработки критериев сравнительного анализа экономического развития регионов нами приняты следующие положения, аргументированные исследователями, на работы которых мы опираемся:

- актуальность разработки критериев для многомерной характеристики развития экономических систем (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов [18]);
- идея о необходимости оценки сбалансированности развития экономической системы для разработки мер экономической политики (применительно к общенациональному уровню принцип сбалансированности обоснован А.Г. Аганбегяном [19], применительно к задачам исследования инновационной инфраструктуры регионов ЦФО принцип сбалансированности применен в работе Е.М. Марченко и

М.В. Раховой [20], где разработана матрица сбалансированности различных измерений инновационной инфраструктуры региона);

- применение инновационно-технологической и инвестиционно-производственной матрицы как инструмента оценки наличия предпосылок для развития региона (Е.В. Балацкий и А.В. Раптовский [21], А.Б. Гусев и М.А. Шилов [22]);

- необходимость учета не только инновационной, но и абсорбционной способности экономики для обеспечения экономического развития (В.М. Полтерович [23]).

Первым элементом предлагаемой методики сравнительного анализа регионов является многомерная система показателей уровня развития регионов, которая включает в себя характеристики степени развития следующих подсистем: индустриальной подсистемы как основы развития и базы для диффузии инноваций, инновационной подсистемы, подсистемы информационного общества, подсистемы развития человеческого потенциала как базиса для развития всех остальных подсистем.

Вторым элементом методики выступает анализ на основе матрицы сбалансированности развития подсистем региона: координаты матрицы — уровни развития подсистем. Сбалансированность развития может осуществляться на низком, среднем и высоком уровне развития (регионы-лидеры и отстающие по всем измерениям одновременно). Распределение регионов в матрице интерпретируется следующим образом: для регионов, находящихся вне диагонали матрицы, характерно неустойчивое состояние, при котором наблюдается сочетание подсистем разного уровня развития. Для таких регионов необходима дополнительная оценка уровня, к которому они стремятся. С этой точки зрения можно выделить регионы, для которых из-за наблюдаемой разбалансированности высока вероятность регресса к более низкому уровню развития всех подсистем, а также регионы, которые больше тяготеют к установлению равновесия на более высоком уровне развития. Для последней группы регионов необходимо осуществлять специальные меры по «подтягиванию» отстающих подсистем до уровня лидирующих.

Выводы.

1. Учет пространственного аспекта при выделении системного качества национальной экономики, на наш взгляд, может осуществляться посредством принятия за системное качество национальной экономики *взаимодействия регионов*, включенности их в систему межрегиональных связей, во внутривосточное разделение труда.

2. На основании анализа методик оценки социально-

экономического положения регионов предложен критерий сравнительного анализа, который не нашел достаточного отражения в существующих методиках — «сбалансированность развития региона с точки зрения соотношения различных измерений развития» (индустриального, инновационного, информационного и развития человеческого потенциала).

3. Применение предлагаемой методики сравнительного анализа социально-экономического развития регионов, которая базируется на критерии сбалансированности, позволит выделить группы регионов, сходные по траектории развития и степени сбалансированности, и предложить меры экономической политики, направленные на повышение устойчивости и уровня развития регионов каждой группы.

Литература

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 8.
2. Хубиев К.А. Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности // Проблемы современной экономики. 2014. № 3.
3. Кульков В.М. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // Экономическое возрождение России. 2014. № 3.
4. Экономическая система современной России: Анатомия настоящего и альтернативы будущего / Под ред. С.Д. Бодрунова, А.А. Пороховского. М., 2015.
5. Осипов Ю.М. О концепте России // Философия хозяйства. 2015. № 2.
6. Осипов Ю.М. Перспективные социально-экономические системы XXI века. Иваново, 2010.
7. Суспицын С.А. Измерения в пространстве региональных индикаторов: методология, методики, результаты // Регион: экономика и социология. 2014. № 3.
8. Маевский В.И. Корнаи, Шумпетер и экономическая теория // Вопросы экономики. 2012. № 8.
9. Кузнецова О. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2013. № 2.
10. Балаш В.А., Файзлиев А.Р. Пространственная корреляция в статистических исследованиях // Вестник саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 4.

11. Коломак Е.А. Модели региональной политики: конвергенция или дивергенция // Вестник НГУ. Сер. Социально-экономические науки. 2009. Т. 9. Вып. 1

12. Файзиев А.Р. Статистическое исследование территориальных взаимодействий при моделировании экономического роста // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2009. № 4.

13. Власюк Л.И., Дёмина О.В. Эффективные регионы: критерии и классификация // Пространственная экономика. 2012. № 1.

14. Михеева Н.Н. Динамика социально-экономического пространства России: факторы экономического роста // Проблемы пространственного развития: методология и практика исследования / Под ред. Г.Г. Фетисова. М., 2012.

15. Гусев А.Б., Шилов М.В. Технологическая модернизация экономики регионов как фактор сбалансированного развития территории России // <http://www.urban-planet.org/materials/090210-gusev-shilov-spatial-economy-2.pdf> (дата обращения: 01.07.2015).

16. Белов А.В. Территориальное размещение факторов производства в Российской Федерации: равенство или эффективность? // Экономика и математические методы. 2008. Т. 44. Вып. 4.

17. Теняков И.М. Региональные аспекты структуры совокупного продукта и качества экономического роста в России // Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие: Шестая международная научная конференция; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: Сб. стат. Т. 1 / Под ред. А.А. Аузана, В.П. Колесова, Л.А. Тутова. М., 2013.

18. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Экономическая компаративистика. М., 2005.

19. Аганбегян А.Г. О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России // SPERO. 2011. № 14.

20. Марченко Е.М., Рахова М.В. Комплексная оценка инновационной инфраструктуры регионов Центрального федерального округа // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 24.

21. Балацкий Е.В., Раптовский А.В. Инновационно-технологическая матрица российских регионов // Общество и экономика. 2007. №1.

22. Гусев А.Б., Шилов М.В. Технологическая модернизация экономики регионов как фактор сбалансированного развития территории России // <http://www.urban-planet.org/materials/090210-gusev-shilov-spatial-economy-2.pdf> (дата обращения: 01.07.2015).

23. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М., 2007.

Н.М. ХАБАЛАШВИЛИ

**Реально существующий синтез
вместо пресловутого неоклассического синтеза**

Аннотация. В статье анализируются роль и место трудовой теории потребительной ценности в производственных отношениях — в условиях и товарных, и нетоварных производств. При этом, если в условиях нетоварных производств, характеризующихся непосредственным отношением между полезностью и затратами труда, приоритетная роль всецело принадлежала полезности и, следовательно, трудовой теории потребительной ценности, то с зарождением товарного производства и категории трудовой теории стоимости образуется своеобразный действительный синтез трудовой теории потребительной ценности и трудовой теории стоимости, функционирующих в диалектическом единстве и борьбе в качестве противоположностей в условиях существования товарных производств.

Ключевые слова: трудовая теория потребительной ценности, трудовая теория стоимости, полезность, затраты труда, синтез, неоклассический синтез.

Abstract. The article analyzes the role and place of the labor theory of consumer value in industrial relations at all times — and in terms of subsistence production, and in terms of commodity production. Thus, if in the conditions of subsistence production, characterized by direct connection between utility and labor costs, the priority entirely on the side of utility and, therefore, the labor theory of consumer value, with the emergence of commodity production and, therefore, historically transient categories of the labor theory of value, formed a kind of the actual synthesis of the labour theory of consumer value and the labour theory of value operating in dialectical unity and struggle as opposites in the conditions of existence of commodity production.

Keywords: labor theory of consumer value, labor theory of value, utility, labor costs, synthesis, neoclassical synthesis.

Современная экономическая мысль, затрагивающая проблемы ценообразования развивается по двум основным направлениям — по линии трудовой теории стоимости, т. е. по затратной (стоимостной), или, по-другому, по классической политической экономии, и по линии теории полезности, т. е. по теории предельной полезности, или экономиксу.

Согласно классической трудовой теории стоимости, стоимость (цена) товара определяется общественными затратами труда, необходимыми для производства той или иной потребительной ценности. Здесь основным, ведущим элементом ценообразования по отношению к потребительной ценности (полезности) выступающим на стороне предложения, являются затраты труда (затратный характер ценообразования).

По теории же полезности стоимость (цена) товара определяется предельной полезностью того или другого товара (потребительной ценности). Здесь активным элементом ценообразования по отношению к затратам труда (времени), выступающим на стороне спроса, является полезность той или иной потребительной ценности. Ценность (стоимость) в терминологии этой школы зависит от полезности благ. И если в трудовой теории стоимости полезность (потребительная ценность) выступает в качестве носителя стоимости, то в теории предельной полезности именно полезность целиком и полностью определяет стоимость того или другого блага.

О синтезе или возможном синтезе этих двух направлений в экономической литературе давно идут споры, но, кажется, безрезультатно — по разным причинам, основными из которых, по нашему мнению, являются игнорирование внеисторической, «вечной» трудовой теории потребительной ценности и привнесение вместо нее несостоятельной теории предельной полезности.

Известно, что человечество не может существовать без хозяйственной деятельности, а хозяйственная деятельность немислима без производства материальных ценностей, или, иначе, потребительных ценностей (полезных вещей), ибо, по словам профессора Ю.М. Осипова, «хозяйство, хозяйственная деятельность человека — это жизнь, жизнедеятельность человека и наоборот». В свою очередь, хозяйственная деятельность человека подразумевает наличие цели в качестве производства полезных вещей (потребительных ценностей) и средств достижения этой цели в качестве затрат труда (времени), ибо без труда ничего не создается, без труда можно только присвоить. Следовательно, и в нетоварных производствах, и в товарных производствах существуют трудовые теории. В случае нетоварных производств — это внеисторическая трудовая теория потребительной ценности, а в случае товарных производств — исторически преходящая трудовая теория стоимости и трудовая теория потребительной ценности, функционирующие в симбиозе (синтезе) и в диалектическом единстве и борьбе в качестве противоположностей в условиях товарных производств. Однако, несмотря на то, что трудовая теория потре-

бительной ценности является внеисторической категорией, существующей и функционирующей как в условиях нетоварных производств, так и в условиях товарных производств, а трудовая теория стоимости существует и функционирует только в условиях товарных производств, она, т. е. трудовая теория потребительной ценности, даже не упоминается (за редким исключением) в экономической литературе, тем самым игнорируется действительный синтез трудовой теории потребительной ценности и трудовой теории стоимости, а вместо него привносятся пресловутый неоклассический синтез.

Так как производство материальных (потребительных) ценностей подразумевает единство цели (полезности) и средств достижения этой цели (затраты труда), то приоритетность той или другой составляющей в хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов определяет не только характер их взаимоотношений в процессе производства материальных ценностей, но и характер взаимоотношений и приоритетность или трудовой теории потребительной ценности, или трудовой теории стоимости.

В чисто хозяйственной деятельности, т. е. в хозяйстве без примесей экономических составляющих (дотоварные производства, нынешние и будущие нетоварные производства), характеризующемся наличием непосредственных отношений между полезностью и затратами труда, приоритетность всецело на стороне цели хозяйственной деятельности, ибо именно полезностью производимых продуктов определяются необходимые затраты труда. В этом и заключается суть трудовой теории потребительной ценности в ее первоначальном, чистом виде, согласно которой необходимые затраты труда, которые посвящаются производству того или иного предмета (продукта), определяются степенью полезности этого предмета. Разумеется, в таких производствах обращение к каким-то предельным величинам, в том числе предельной полезности, исключается хотя бы по той простой причине, что при этом отсутствуют товарные производства и, следовательно, какое-либо ценообразование.

С зарождением товарного производства, во-первых, непосредственные отношения между полезностью и затратами труда, характерные для нетоварных производств, опосредствуются стоимостью в качестве наносной, абстрактной категории; во-вторых, помимо внеисторических потребительно-ценностных категорий и отношений в зачаточном состоянии зарождаются исторически преходящие стоимостно-экономические категории и отношения. В результате и отныне внеисторические и исторические категории и отношения не могли существовать раздельно, друг без друга, образуя, таким образом, опреде-

ленный симбиоз (синтез) хозяйственной и экономической деятельности, в котором сущностной основой (зерном) является (и таковой остается в условиях товарного производства) хозяйственная деятельность, а преходящей, наносной (плевелом) — экономическая деятельность. Кстати, отсюда и само понятие — хозяйственно-экономическая деятельность, которая также указывает на первичность, стержневую сущность хозяйственной деятельности по отношению к абстрактной, поверхностной экономической составляющей. Видимо, по этой же причине не прижилось понятие — «экономико-хозяйственная деятельность». В свою очередь, хозяйственно-экономическая деятельность указывает на синтез трудовой теории потребительной ценности и трудовой теории стоимости, где хозяйственная составляющая выступает на стороне потребительной ценности и трудовой теории потребительной ценности, и, следовательно, на стороне философии хозяйства, а экономическая составляющая — на стороне стоимости и трудовой теории стоимости, т. е. на стороне философии экономики.

Следует отметить, что с зарождением товарного производства и образованием синтеза трудовой теории потребительной ценности и трудовой теории стоимости суть трудовой теории потребительной ценности остается неизменной в том смысле, что и при этом необходимые затраты труда и, следовательно, обменные пропорции, или стоимость, будут определяться степенью общественной полезности товара (потребительной ценности). Другими словами, и в условиях товарного производства в трудовой теории потребительной ценности ведущим и определяющим остается степень общественной полезности, которой и определяются необходимые затраты труда. В этом отношении трудовую теорию потребительной ценности можно назвать теорией хозяйства.

Таким образом, с зарождением товарного производства в качестве противоположностей внеисторическим потребительно-ценностным категориям и отношениям (продукт труда, конкретный труд, потребительная ценность, трудовая теория потребительной ценности, хозяйство и т. д.) в зачаточном состоянии зарождаются исторически преходящие наносные абстрактные стоимостно-экономические категории и отношения (товар, абстрактный труд, стоимость, трудовая теория стоимости, экономика и т. д.), существование и функционирование которых немислимо без первых, ибо они в условиях товарных производств всегда остаются основой (сердцевинной) существования вторых. Тем не менее, абстрактные составляющие по мере развития товарного производства и, следовательно, капитализма постепенно обволакивают свою основу и в конце концов затмевают их в условиях

рыночной экономики рыночного капитализма, переводя в дальнейшем всю хозяйственно-экономическую деятельность в преимущественно абстрактную плоскость.

Отныне совместное действие (синтез) трудовой теории потребительной ценности и трудовой теории стоимости, хозяйственной и экономической (хозяйственно-экономической) деятельности, диалектика этих составляющих охватывает весь исторический период существования и развития товарного производства, включая дорыночную экономику, рыночную экономику и послерыночную экономику с переходными периодами от дорыночной (предрыночной) экономики предрыночного капитализма к рыночной экономике рыночного капитализма, и от этой последней — к послерыночной экономике послерыночного капитализма. Что же касается господства или доминирования трудовой теории потребительной ценности или трудовой теории стоимости в этих состояниях, то в связи с этим следует отметить, что зарождение и существование товарного производства и стоимостно-экономических категорий и отношений еще не означали, что они уже приобрели какую-нибудь заметную роль в хозяйственно-экономических отношениях. Такую роль тысячелетиями, вплоть до переходного периода от дорыночной экономики к рыночной, играли внеисторические потребительно-ценностные категории и отношения. При этом роль исторических стоимостно-экономических отношений возрастала, а роль внеисторических отношений уменьшалась, вплоть до их паритетного или почти паритетного, но крайне антагонистического и потому неустойчивого состояния.

Господствующее, или доминирующее, положение трудовой теории потребительной ценности в натуральном хозяйстве или в условиях дорыночной экономики, т. е. в условиях простого товарного производства, заключается в том, что в натуральном хозяйстве с элементарным разделением труда, как об этом писал Ф. Энгельс, «крестьянин действительно мог требовать оплату за излишек по труду, так как сам произвел продукт и знает по опыту тяжесть труда при его производстве и при производстве других важных ему продуктов, ибо все находится в поле его зрения. То же самое относится к обмену продуктов крестьянина на продукты городских ремесленников... И здесь точно так же крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород, но очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, птицу и т. д.» [1, т. 25, 470]. Значит, они довольно точно могли подсчитать друг у друга не только количество необходимого труда (времени) для производства той или иной

потребительной ценности, но и могли определить полезность от этой последней. Другими словами, это означает, что необходимые затраты труда (времени), посвященные производству того или иного предмета (товара), определялись степенью общественной полезности этого предмета, а не эфемерной предельной полезностью.

С переходом на рыночную экономику рыночного капитализма совершенной, свободной конкуренции, в условиях которой товарное производство и стоимость, и, следовательно, трудовая теория стоимости достигают своего полного, совершенного развития, потребительная ценность и трудовая теория потребительной ценности отходят на задний план, вернее затмеваются (обволакиваются) абстрактными стоимостно-экономическими отношениями, становясь, таким образом, носителями стоимости и трудовой теории стоимости. Однако, это не беда и не вина потребительной ценности и трудовой теории потребительной ценности. Это их историческая участь на пути развития товарного производства в условиях рыночной экономики рыночного капитализма. Рыночной же экономика становится тогда и настолько, когда и насколько конкуренция становится совершенной, свободной. Конкуренция же совершенной и свободной становится в условиях преимущественной атомизированности рынка и в результате развития отчужденных форм хозяйственно-экономической жизни, разрыва внутреннего единства между производителем и потребителем, когда товар производится уже не для известного и несвободного рынка, как это преимущественно имело место в условиях дорыночной экономики, а для неизвестного и свободного рынка (потребителя), способствующего полному развитию товарности и стоимости и, следовательно, трудовой теории стоимости. Такие условия хозяйственно-экономической деятельности складывались в основном в условиях домонополистического капитализма. Разумеется, при этом существование монополий тоже подразумевалось, но они все еще считались исключением и не могли существенно влиять на общую рыночную ситуацию, согласно которой цены задаются свободным рынком, т. е. «денежными голосами» свободных и неизвестных, так называемых суверенных, потребителей, а не производителями или государством, как это в действительности и преимущественно происходит в условиях современной смешанной послерыночной экономики послерыночного капитализма с ее преимущественно несовершенной, несвободной конкуренцией и производством для известного и несвободного рынка (потребителя). Отсюда и название — «рыночная экономика», т. е. экономика, где цены задаются рынком — «совокупностью существующих и потенциальных покупателей товаров» [2, 54].

Рыночная экономика рыночного капитализма и, следовательно, трудовая теория стоимости, достигнув своего совершенного развития, зарождают ростки новой системы, ибо присущая рыночной экономике свободная конкуренция порождает концентрацию производства, «а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии» (В.И. Ленин), влекущей за собой подрыв товарного производства и стоимости, а тем самым трудовой теории стоимости, что, в свою очередь, способствует наращиванию приоритетной роли потребительной ценности (полезности) и, следовательно, трудовой теории потребительной ценности. Капитализм же подрывает товарное производство и стоимость потому, что происходящие по мере научно-технического прогресса процессы обобществления и концентрации производства и капитала, возрастание на этой основе экономической и рыночной власти хозяйствующих субъектов, дальнейшее углубление и развитие специализации производства и дифференциации продукции, растущая ненадежность рынка из-за быстроменяющихся потребительских предпочтений и обновляемости ассортимента продукции вынуждали субъектов экономических отношений уйти от неопределенности рынка и рыночного механизма ценообразования и обратиться к планированию хозяйственной деятельности с применением маркетинговых инструментов, характерных для современной смешанной капиталистической послерыночной экономики с ее несовершенной, несвободной конкуренцией и преимущественным производством для известного и несвободного рынка (потребителя), с тем чтобы заранее, на месяцы и даже годы вперед, определить нужды и потребности целевых рынков и на этой основе, планируя свою хозяйственную деятельность, установить соответствующие цены и объемы производства.

В результате свободная конкуренция и свободный рынок «были отринуты развитием самого капитализма, который не мог уже свободно существовать, он нуждался в иной организации, той, которая была способна сдерживать и переориентировать конкурентную борьбу, поставить конкуренции и рынку направляющие рамки, упорядочить товарообменные и оценочные отношения, не допускать слишком больших и устойчивых превышений предложения товаров над спросом» [3, 150]. Все это, в конечном счете, способствовало возрастанию влияния потребительной ценности (полезности) и трудовой теории потребительной ценности.

Первыми на это обратили внимание представители новой экономической теории, теории предельной полезности, так называемые маржиналисты субъективного направления. В попытке объяснить происходящие в реальной экономической жизни события, они, противо-

поставив трудовой стоимости классиков теорию предельной полезности, утверждали, что сведение стоимости к затратам одного фактора (труда) или даже всех факторов (труд, капитал, земля) неприемлемо, поэтому ценность (цена) целиком и полностью определяется полезностью, вернее, предельной полезностью того или иного блага, впадая тем самым из одной крайности в другую.

В связи с этим, и справедливости ради, надо сказать, что, действительно, человечество во все времена — и в условиях нетоварных производств, и в условиях товарных производств — интуитивно или сознательно стремилось регулировать хозяйственную деятельность, товарообменные процессы, стоимостные (ценовые) отношения полезностью производимых продуктов или товаров, ибо потребитель (покупатель) создает или приобретает продукты не потому, что на их производство затрачено определенное количество труда (времени), а потому, что продукты труда обладают полезностью (потребительной ценностью), т. е. способностью удовлетворять определенные потребности человека. Поэтому неудивительно, что экономический анализ полезности всегда «носился в воздухе». И «только при капиталистическом производстве, — отмечал К. Маркс, — становится всеобщим то, что потребительная ценность опосредствуется меновой стоимостью», той меновой стоимостью, которая до этого играла побочную роль по отношению к ней.

По мнению маржиналистов первой волны, зависимость стоимости от редкости объясняется тем, что с обладанием каждого последующего предмета степень удовлетворенности, так называемая предельная полезность, уменьшается, а суммарная (общая) полезность увеличивается на величину этой предельно полезности. Следовательно, чем большим количеством предметов владеет индивид, тем больше общая полезность и меньше предельная полезность единицы, которой и определяется стоимость предмета, и наоборот. Отсюда следует, по мнению представителей субъективной ценности, приоритетная роль полезности в ценообразовании по отношению к затратам труда, которые хотя и определяют стоимость, но только косвенно — через изменение степени полезности путем расширения или ограничения предложения.

Однако такая же мысль без обращения к понятиям — полезность, общая полезность, предельная полезность — заключается и в классической трудовой теории стоимости, согласно которой с увеличением предложения увеличивается богатство, т. е. суммарная полезность, и уменьшается предельная полезность, и, согласно закону спроса и предложения, уменьшается стоимость, и наоборот. В связи с этим

А. Маршалл отмечал, что теория стоимости Рикардо в большой мере предвосхитила современную теорию отношений между издержками производства, полезностью и стоимостью. Своим обсуждением различий между стоимостью и богатством он пытался сказать то же самое, что и представители субъективного маржинального направления, а именно — любое приращение богатства (предложения) увеличивает общую полезность и уменьшает предельную полезность, т. е. стоимость, и наоборот. В свою очередь, Марк Блауг отмечал, что «у Рикардо маржинализма столько же, что у Дживонса или Вальраса, но он применяется к другим вещам» [4, 286].

Представители маржинализма субъективного направления своим игнорированием затрат труда в ценообразовании впали в кризис и были подвергнуты критике. По этой причине на втором этапе маржинальной революции, на рубеже XIX—XX вв., усилиями таких экономистов, как А. Маршалл, Дж. Кларк и В. Парето, было положено начало соединения (примирения) трудовой теории классиков и теории предельной полезности. С этого времени маржинализм становится популярным и приоритетным во многих странах. Главные достижения маржиналистов на этом этапе — отказ от субъективизма и психологизма 1970-х гг. и обоснование необходимости одновременного (системного) изучения проблем ценообразования с опорой как на теорию производственных издержек (на трудовую теорию стоимости), так и на теорию предельной полезности. В результате представителей «новых» маржиналистских экономических идей стали расценивать в качестве преемников классической политической экономии и называть неоклассиками, а их теория, соответственно, получила название неоклассики. Стараясь объединить теорию предельной полезности и теорию издержек производства, они пришли к выводу, что ни спрос, ни предложение не имеют приоритета с точки зрения определения цен, и что «принцип издержек» и «принцип конечной полезности» являются равноправными элементами рыночного ценообразования. В этой связи упоминаются знаменитые «лезвия ножниц» как образная характеристика двукритериальной сущности товара: «мы могли бы с равным основанием спорить о том, регулируется ли стоимость полезностью или издержками производства, как и о том, разрезает ли кусок бумаги верхнее или нижнее лезвие ножниц» [5, 31—34].

Однако, справедливости ради, надо сказать, что подобного рода совместное влияние полезности и затрат труда в качестве составных частей «всеобщего закона спроса и предложения», или, иначе, совместное влияние на ценообразование трудовой теории потребительской ценности и трудовой теории стоимости, всегда присутствовало и под-

разумевалось в рыночных отношениях и еще долгое время будет присутствовать и подразумеваться — с той лишь разницей, что эти составляющие, вопреки утверждениям маржиналистов о двухкритериальной сущности стоимости, не всегда являются равноправными элементами рыночного ценообразования. Помимо такой равноправности речь может идти о приоритетности или полезности затрат труда, т. е. о приоритетности или трудовой теории потребительной ценности, или трудовой теории стоимости в зависимости от степени развития товарного производства. Равноправными же элементами рыночного ценообразования они могут быть и таковыми действительно являются на переходных периодах, в частности, при переходе от дорыночной, вернее, от предрыночной экономики предрыночного капитализма к рыночной экономике рыночного капитализма и от этой последней — к смешанной послерыночной экономике послерыночного капитализма, где, действительно, наступает паритетное или почти паритетное состояние между полезностью и трудовой теорией потребительной ценности, с одной стороны, и затратами труда и трудовой теорией стоимости, с другой.

Таким образом, представители маржинализма в своих теоретических построениях формально исходили из создавшихся реалий экономической жизни, когда приоритетная роль полезности в ценообразовании и, следовательно, роль трудовой теории потребительной ценности действительно начали преобладать, а производство начало ориентироваться на известный и несвободный рынок, что означало приобретение производителями рыночной и экономической власти не только над ценами и издержками, но и над потребителями и поставщиками. В результате цены все реже регулировались спросом и предложением, скорее, регулировать старались как раз спрос и предложение, а рыночный механизм рыночной экономики по-прежнему уже не работал и не мог работать. В действительности же маржиналисты, отдавая дань давно не работающей центральной идее капитализма — модели совершенной, свободной конкуренции — оставались на позициях классиков, исходили из диктата рынка, «суверенитета» потребителя, считая его по-прежнему «королем рынка», тем самым игнорируя то, что вместо «невидимой руки» рынка, т. е. вместо власти рынка, на передний план вышла «видимая рука» рынка, т. е. рыночная власть, когда не предельной полезностью определяется цена, а заранее установленная цена будет определять предельную полезность.

Этому, по всей вероятности, способствовали причины идеологического характера как буржуазный ответ на растущее влияние марксизма, ибо К. Маркс придал классической доктрине такое направление,

которое вызвало беспокойство. По этому поводу Б. Селигмен отмечал, что «быстрое распространение “туманной” теории полезности в последней трети XIX века во многом явилось как бы ответом на революционный вызов теории Маркса» [6, 193]. Сам Маркс об отходе от принципов классической политической экономии писал, что отныне дело шло не о том, правильна или неправильна та или другая теория, а о том — полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. «Бесстрастное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [7, 17]. В свою очередь, М. Блауг писал, что в 1880-х гг., когда марксизм распространился в европейском рабочем движении, Бем-Бевек, Парето, Визер и др. применили новую теорию для атаки на марксистскую экономическую науку. Но нет ничего необычного в попытке укрепления многообещающего теоретического направления путем поворота его против современных противников.

Тем не менее, касаясь неоклассической теории, М. Блауг отмечал, что «вопрос в целом усложняется иронией судьбы, постигшей основателей теории... Теория полезности была постепенно лишена всей ее остроты и низведена от количественной полезности к порядковой, и от порядковой полезности к “выявленным предпочтениям”; было продемонстрировано, что теории ценности на основе затрат труда являются не ошибочными, а имеющими силу только в особых случаях; и общее равновесие фактически исчезло, чтобы быть возрожденным Хиксом и Самуэльсоном в 1930-х гг. как экономическая теория “всех и каждого”» [4, 286].

Здесь имеется в виду, что за сочетанием классической теории и маржинализма, за так называемой неоклассикой, последовал более высокий уровень сочетания — так называемый неоклассический синтез, вернее, синтез неоклассики и кейнсианства. Однако Кейнс, продолжая пользоваться маржинальной методологией, не вышел за пределы общей методологии неоклассического направления, тем самым игнорируя действительный синтез трудовой теории стоимости и трудовой теории потребительной ценности. Игнорирование же такого рода синтеза особенно на руку современному капитализму, капитализму смешанной послерыночной экономики послерыночного капитализма, ибо признание в подобном синтезе приоритетной роли трудовой теории потребительной ценности в ценообразовании означало бы отказ от современных методов ведения производственных отношений, главной целью которых является получение как можно большей выгоды (прибыли) в ущерб получения пользы от хозяйственной деятельности. От-

сюда следует, что если трудовая теория стоимости — теория выгоды, то трудовая теория потребительной ценности — теория пользы, теория производства полезных вещей, «простых продуктов», степенью общественной полезности которых и определяются необходимые затраты труда.

В конечном счете получается, что теория предельной полезности и, следовательно, неоклассическая система — это теория поведения потребителя. Она может быть востребована лишь при анализе приспособления индивидуальных потребностей к рыночным отношениям после того, как выяснены объективные законы формирования цен и доходов, и только на основе последних, для изучения индивидуального потребительского выбора и индивидуальных цен спроса. В свою очередь, Дж. Гэлбрейт отмечал, что «рынок и в силу этого потребитель остаются полномочными хозяевами. Выбор потребителя продолжает управлять абсолютно всем. В результате экономическая теория незаметно превратилась в ширму, прикрывающую власть корпорации... То, что было некогда экономической теорией и было приемлемо, стало теперь “неоклассической экономической теорией” — термин, явно намекающий на устарелость» [7, 33—34].

В другом месте Гэлбрейт, характеризуя неоклассическую экономическую теорию, отмечал, что она никакого внимания не обращает на существование крупных фирм и корпораций, которые не вписываются в рыночную систему. В соответствии с этой теорией способом определения идеального масштаба прибыли посвящены солидных размеров учебные курсы экономики, по большей части состоящие из смутно припоминаемых элементов геометрии и других отраслей математики. «Кроме того, это готовая теория. Студенты приходят, чему-то их надо учить, а неоклассическая модель имеется под рукой. Она обладает еще одной сильной стороной. Это учение допускает бесконечное теоретическое усовершенствование. С возрастающей сложностью возникает впечатление растущей точности и правильности. А по мере разрешения трудностей создается впечатление лучшего понимания» [7, 54]. Как это приключилось со студентом, изучающим связь между полезностью и спросом, между предельной полезностью и полезностью, и обнаруживающим, что хвост виляет собакой. «Один студент, — отмечал П. Самуэльсон, — по этому вопросу высказался следующим образом: теорию экономической стоимости легко понять, если помнить, что хвост виляет собакой. Нужно сосредоточиться на предельной, а не общей полезности» [8, 433].

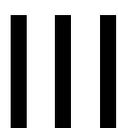
По этому поводу профессор В.Н. Черковец отмечает, что разработчики экономикса ограничиваются исследованием внешних форм

движения сущностных процессов, пусть сложной, но видимой на поверхности явлений, «паутины» эмпирических закономерностей, взаимодействий различных факторов и их роли в изменении результатов экономической деятельности... «Экономикс сделал резкий крен в сторону поведенческой мотивации людей в производстве, распределении и потреблении» [9, 70].

Неоклассическая теория, по нашему мнению — своеобразная попытка перехода на трудовую теорию потребительной ценности в условиях, когда в ценообразовании на передний план начала выступать полезность по отношению к затратам труда и, следовательно, трудовая теория потребительной ценности по отношению к трудовой теории стоимости, или, иначе, когда необходимые затраты труда (времени), посвященные производству того или иного товара, преимущественно определяются степенью общественной полезности этого товара. А это, в свою очередь, означает уход от капиталистических производственных отношений, что неприемлемо для современного капитализма. Но, несмотря на это, само развитие волей-неволей подталкивает в эту сторону, в сторону достижения такого уровня развития производства, где будет господствовать только потребительная ценность (полезность) и, следовательно, трудовая теория потребительной ценности, и где производственный план, как об этом писал Ф. Энгельс, «будет определяться, в конечном счете, взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов продуктов потребления друг с другом и с необходимым для их производства количеством труда» [1, т. 20, 321].

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1991.
3. Осипов Ю.М. Теория хозяйства. Т.1. М., 1998.
4. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
5. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 2 М., 1993.
6. Селигмен Б. Основные течения экономической мысли. М., 1968.
7. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1979.
8. Самуэльсон П. Экономика. М., 1961.
9. Черковец В.Н. Российский экономический журнал. 1994. № 11.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Наука и вера

Аннотация В статье анализируется соотношение веры и знания. Автор полагает, что вера абсолютна, а знание относительно. Поэтому нельзя знать и верить. Знание требует фактов. Вера полагает, что мы не глухие и слышим голос Бога. В статье раскрывается смысл отличия знака от символа.

Ключевые слова: вера, знание, знак, символ, абсурд, разум, наука

Science and Belief. In article the ratio of belief and knowledge is analyzed. The author believes that the belief is absolute, and the knowledge is relative. Therefore it is impossible to know and trust. The knowledge demands the facts. The belief believes that we not deafs also hear God's voice. In article the sense of difference of a sign from a symbol reveals.

Keywords: belief, knowledge, sign, symbol, absurdity, reason, science

Знание — это знание, а вера — это все-таки вера, и вместе им, видимо, не сойтись, если они случайно не сойдутся в лице ученого или верующего.

Наука

Наука — это знание. А знать — значит располагать нечто в последовательности, рассчитывать, вычислять. Наука основана на числовой сущности мира. В ней всякое суждение относительно. Всякое знание требует пересмотра. Науке нужна относительная истина. В вопросе об истине наука расходится с верой, ведь верить — значит верить абсолютно, а знать — значит диссимилировать абсолютное, рассеивать его, распылять. Наука полагает, что жизнь — это числовой процесс. Вера полагает, что жизнь — это не арифметика, не логический процесс, а реальный. Она полагает, что жизнь — абсурд. Поэтому можно верить и знать, но нельзя знать и верить. Конечно, можно и знать, и верить. Но нельзя знать, чтобы верить.

Вера

Греки и римляне были людьми образованными. Они учились в академиях и лицеях и знали, что есть законы природы и эти законы никому нельзя нарушать. А потом появились христиане, люди Востока, люди невежественные и темные, ибо в академиях они не учились и

думали, что у них есть такой Бог, которого, как человека, можно поймать и гвоздями прибить к кресту. Римлянам казалось нелепым называть Богом того, кто смертен. Бог — это Юпитер. Разве мог кто-нибудь из людей арестовать Юпитера, заковать его в наручники, посадить в тюрьму. Юпитер испепелил бы людей, уничтожил мир, ибо он бессмертен и всемогущ.

В III в. н. э. жил Тертуллиан. Он был защитником христианства, апологетом. Да, говорил он, Христос распят, но мы этого не стыдимся, хотя это и постыдно. Сын Божий умер, мы верим в это, потому что это нелепо. Погребенный он воскрес. И это верно. Ибо невозможно. То есть греки и римляне открыли горизонты знания, а христиане открыли горизонты веры, которая не нуждается в знании, в ссылке на цепочку причин и следствий, в основаниях. Если я знаю, то я уже не верю. А если верую, то абсурдно, т. е. мы не глухие, мы слышим голос Бога, а вы не слышите. Нельзя верить со ссылкой на такие языковые формулировки, как: «потому что», «если, то». Ибо эти ссылки уводят в мир наличного, фактического. А мир реальный всегда относителен, для него есть понятия, метафоры и аллегории. Но нет символов.

Символ

Символ — это не знак. Знак произволен и не зависит от обозначаемого предмета. Символ и символизируемое есть одно и то же. Для того чтобы появился символ, нужна тайна. Но в мире относительного нет тайны. Вернее, она есть, но носит характер языкового секрета, того, что мы знаем, а другие не знают. И мы им его не раскроем. Носителями таких секретов являются секретари.

Онтологическая тайна — встреча абсолютного и относительного. Логически эта встреча невозможна. Ведь для того чтобы встретиться, либо относительное должно перестать быть тем, что оно есть, либо абсолютное. Тем самым, сама встреча теряет смысл. Так вот, эта встреча — тайна. Она требует веры, поэтому у веры всегда есть символы и нужно быть верным символу.

Верен тот, кто верит. А тот, кто потерял веру, тот не верен. Конечно, легче от фактического, наличного потребовать соответствия своему понятию, чем от себя потребовать соответствия символу. Вещи соответствуют своему понятию. А человек соответствует своему символу. Вера и верность не из мира фактического, в котором все случайно и преходяще. Вера и верность из мира символического. А символы неизменны, они не подведут. Поэтому не следует искать че-

ловека или человеческого среди возможного. Человека нужно искать среди невозможного, ибо человек — это его вера.

С верой связана верность. Но верность нельзя понимать как правильность. Правила губят веру и мысль. Верность нельзя заменить истинностью, ибо истина требует соотношения с вещами, а верность соотносима только с самой собой, с верой. В мире веры простые мысли и твердые основания. В современном мире много знания и мало веры. Поэтому в нем преобладают сложные мысли, и человек строит свою жизнь на зыбких основаниях.

Вера слепа, но не потому, что она не видит. А потому что она видит видения, для которых нет никаких оснований. Если для веры есть основания, то она становится разумной, знающей. Знающая вера перестает быть верой. Знание и вера несовместимы. Одно ведет к поиску причин, к логике. Другое — к невозможному.

О разуме

За последнее время в философии радикально поменялось отношение к разуму. Суть этих изменений можно выразить так: быть разумным — значит не покидать природу, быть реактивным, послушным природе, т. е. быть адекватно реагирующим на изменения среды. Природа разумна, но человек безумен, потому что он не послушен, являясь причиной реальности объектов своих представлений. Он воображает, то есть смотрит на мир со стороны сознания. Для него призрак так же реален, как и вещь.

Быть разумным — не значит быть мыслящим, а быть мыслящим — не значит быть разумным. Разумный человек лишает себя видений. Его отношение к миру не опосредовано отношением к самому себе. Ему определено быть *animal rationale*. Сегодня быть разумным — значит быть бюрократом расхожих ценностей.

Мыслящий человек — человек грезящий, человек, к которому приходят видения. Его отношение к миру опосредовано отношением к самому себе. Он ищет истину, как ищут Бога. Люди, которые отказались от возможности веровать, уже не могут искать Бога, ибо искать его — это дело безумцев. Эти люди стали слишком разумными. «Они — говорит Хайдеггер, — больше не могут искать, потому что перестали думать». И далее он говорит: «Мышление начнется тогда, когда мы постигнем, что возмечивавшийся веками разум — это наиупрямейший супостат мышления». Иными словами, мысль законодательствует не тогда, когда она покоряется разуму, но тогда, когда она, по словам Делеза, мыслит наперекор разуму.

В.А. КУТЫРЁВ, А.С. НИЛОГОВ

Последнее слово человека самому себе?..

(беседа А.С. Нилогова с В.А. Кутырёвым)

Аннотация. В полемической беседе А.С. Нилогов обсуждает с В.А. Кутырёвым его книгу «Последнее целование. Человек как традиция» (СПб., 2015), в которой автор продолжает отчаянно защищать проект естественного человека. Являясь философом сопротивления, В.А. Кутырёв настаивает на сохранении человеческого в человеке в противовес современным трансгуманистическим тенденциям по отчуждению и даже уничтожению вида *Homo sapiens* с его уникальной культурой.

Ключевые слова: Кутырёв, трансгуманизм, постлюди, Нилогов, философия сопротивления, время *Mortido*, небытие, Куклярский, мизантропология, зомби.

Abstract. In polemic conversation A.S. Nilogov discusses with V.A. Kuturyov his book «The last kissing. The man as tradition» (SPb., 2015) in which the author continues to defend the project of the natural human being. As a philosopher of resistance, V.A. Kuturyov insists on preservation human in the human being as opposed to current trans-humanistic trends on alienation and even destruction of a type of *Homo sapiens* with its unique culture.

Keywords: Kuturyov, transhumanity, post-people, Nilogov, philosophy of resistance, time of *Mortido*, nonbeing, Kuklyarsky, misanthropology, zombie.

— Владимир Александрович, ваша недавняя книга «Последнее целование. Человек как традиция» [1] продолжает серию работ по философии сопротивления. В чем их общая суть?

— Я доволен, что вы согласны с определением общего идейного направления моих публикаций как «философии сопротивления». В нем уже есть ответ на вопрос о новизне. Потому что большинство современных антропологов, культурологов и философов продолжает говорить обо всем происходящем в контексте модернистской эпохи, как будто ничего не случилось: толкуют о сохранении природы, о человеке как высшей цели развития, совершенствовании его личности и гуманизме. Это большое рыхлое течение, корнящееся в массовом общественном сознании, которое связано с педагогикой и воспитани-

ем, существованием религии, морали и искусства. С социальностью и культурой, живым человеком, которые все еще продолжаются. Но параллельно на «передовых рубежах» теоретизирования идет процесс их отрицания. Пропагандируются отказ от всего естественного, его дискредитация и превращение в материал для искусственного; отказ от человека и гуманизма в пользу трансгуманизма, от предметно-социальной реальности ради виртуализма; от живого ради технического, более того, субстанцией и сущим начинают считать не Бытие, а Ничто. На острие прогресса, в контексте реализации идеологии постмодернизма и информационизма, *началось изживание человека и его мира*. Вернее, так: идут процессы, идеологической манифестацией которых был/является постмодернизм.

В обоих случаях нет подлинно философской рефлексии событий. Только идеологический рефлекс. Или «ничего не вижу, ничего не слышу», или «ну и пусть, что не будет нашего мира и нас самих; прогресс все равно не остановишь». С одной стороны — слепота, инерция и беспечность, с другой — без(д)умный новационный фатализм и самоотрицание. С периодическими попытками обмануть себя, выдавая зло за добро, говоря, что «трансгуманизм — это гуманизм», «будем бессмертными», «станем голограммой», культивируя прочие маскирующие реальность иллюзии. Может быть, и в самом деле во что-то «превратимся», «станем», но тогда это будем не мы. Нечто иное. И нечего морочить себе голову, что, став бестелесной голограммой, кто-то останется человеком.

Я, выступая «от имени себя» и защищая живых людей, стараюсь называть этот процесс своими именами: *mortido*, человекофобия, суицид, эвтаназия, однако не мириться с ним, а думать, какой может быть для нас выход, на что уповать и что нужно в этих обстоятельствах делать. Хотя бы, для начала, идейно, не нестись в потоке к водопаду, а «держат голову над водой» и рулить куда-то в сторону, в новые русла, которые есть, их не может не быть, что показывает предшествующая «история всего». Вместо универсального эволюционизма предлагаю верить в ветвление и коэволюцию развития, находя аргументы для этого в самой передовой науке, надеяться на разные формы реализации возможных миров, опираясь на парадигму полионтизма, заботиться о выработке соответствующей стратегии поведения, напоминая, страшно вымолвить, о свободе и выборе, о чем философы «когда-то» много спорили. Это и есть философия сопротивления, сторонников у которой, к сожалению, не так много, и она все еще новая. Хотелось, чтобы она стала массовой и как можно скорее «постарела».

А вообще с этим «обязательно новым» надо осторожнее. Новизной сейчас (вспомните рубрику диссертаций) заменяют и истину, и добро. Если новое, то почему-то обязательно хорошо. Как будто любое «плохо» не может быть или не было когда-то новым. Вместо: «истина, добро, красота», теперь: «новое, толерантность, интерес». Вместо смыслов — голая технология. Вовсе не очевидно, что подобная замена есть достижение. Новое, интересное, технологичное может быть страшным, абсурдным, смертельным, и его надо трезво оценивать, ему противостоять, а не терпеть, тем более автоматически приветствовать. Если вы заметили, я ввожу концепт «деградация в новое», выступая против паранойи актуализма и инновационизма, которая охватила человечество. Совсем забыли, что всегда актуально вечное, частицей которого является идентичность вещей, их тождественность себе как принцип существования. До тех пор пока, при всех изменениях, $A=A$, а когда будет $A \neq A=B=C$, тогда нечего лгать себе и другим, что это будет тоже самое. То же касается и «обновления», и «улучшения» человека. Поневоле вспоминается «Похвала глупости» Э. Роттердамского:

Глупцов легко распознавать:
Что увидали, то и хватать.
Известно испокон веков
Новинка — слабость дураков.

— Видя ваше отношение к новому, я уже боюсь про него спрашивать, но все-таки, что у вас появилось принципиально нового по сравнению с предыдущей книгой «Время Mortido»?

— Надеюсь, смысл конкретно обсуждаемой книги «Последнее целование. Человек как традиция», достаточно выражен в заголовке. Традиция — культурологический аналог понятий сущность, идентичность, качество, природа явления, которые делают его тем, что оно есть, удерживая в потоке перемен. Как геном живого организма в фенотипических изменениях. В эволюции живого постоянно появлялись новые формы, а старые исчезали, вытеснялись, однако много и осталось. Существа, живущие рядом с «передовыми» миллионы лет, сохранили свой генотип. Значит, есть надежда и у нас сохранить человеческую «природу» и культуру. Появятся иные формы разума, но останется и наша, «традиционная». Если за нее побороться.

Драматизм положения современного человека в том, что он окружает себя средой, в которой как целостное существо жить не (с)может: микро-, мега-, нано-, виртуализация неадекватны его, сна-

чала телесному, а потом и духовному бытию. В этом суть экологического и антропологического кризиса, перерастающего в вялотекущий апокалипсис, который ускоряется, ведя наш род к катастрофе через перерождение в форму, более адекватную техногенной реальности. Новую, прогрессивную, но что мне от нее за радость, если она меня и отменяет, у-ничто-жая. Стремиться запутать себя насчет перспектив «расчеловечивания» (потом, мол, опять «соберем»), могут только люди, утратившие от избытка учености всякий здравый смысл, хотя бы их было все больше и они были на передовых рубежах науки. Настоящему философу, да любому человеку, кто мыслит дальше хода e-2 — e-4, так думать не пристало.

Эту «разоблачительную» линию я веду, показывая характер возникающей реальности иного, тень, отбрасываемую будущим, которая нас накрывает, ее предпосылки в истории философии, уходящую натуру и угасающий дух техногенного человека. Видеть тень трудно, но это и значит пред-видеть реальность, то, к чему должен стремиться мудрый. Вот она, серая, сгущается: в разных сферах жизни, от культуры, заменяющейся социальными технологиями, до демонтажа полов и вытеснения их гендером, до восстания техноидов, превращения сознания в мышление, логоса в матезис, личностей в агентов и зомби. До, наконец, лингвистической контрреволюции против слова и смысла, их замены когнитивизмом и дигитальностью. Короче говоря, с позиции консерватизма, обосновывая идею Controlled development, всячески защищаю жизненный мир человека, выискивая и разрабатывая теоретические ниши для его сохранения.

— **Вы неоднократно пишете, что нужно спасти природу человека. А что, собственно говоря, вы хотите спасти: человека как рационального животного или человека как духовного трансцендирующего существа? Помните знаменитую полемику М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра о природе человека («Письмо о гуманизме» и «Экзистенциализм — это гуманизм»)? Чью позицию вы предпочитаете?**

— Начну с конца, конечно, без претензии «решить спор» двух великих умов XX в. Представляется, что Хайдеггер критиковал гуманизм «справа» в контексте упреков метафизике, вообще человечеству в забвении бытия в ходе своей деятельной активности. Если Сартр укореняет свой гуманизм в «экзистенции», жизни человека как отдельной личности, то Хайдеггер настаивает, чтобы он раскрывался внутри и через Dasein (вот-бытие). Отдельный человек и его сознание суть только пробившаяся из почвы травинка, вы(лез)шедший в (про)свет гриб скрытой в темноте грибницы (бытия), которая все

определяет. Ее, а не гриб/травинку надо хранить. В этом смысле глубже и потому мне ближе Хайдеггер, но сейчас критиковать вслед за ним недостаточность гуманизма было бы неуместно. Более того, глупо, поскольку любой, даже экзистенциальный, «облегченный» гуманизм и так подвергается атакам со всех сторон.

А фактически атакуется антропология, человек. Идет борьба с человеком. Человека с самим собой, в лице его отдельных пере(вы)рождающихся в постлюдей мутантных экземпляров, которые становятся все активнее. Под разными соусами, приготовленными обычно из ученого недомыслия, обмана и самообмана, иллюзий и лицемерия. Заказ на них делает процесс становления на Земле техногенной цивилизации, в которой человек из личности и субъекта превращается в человеческий фактор (неслучайная распространенность подобного сочетания) и агента сетей. Не больше. В техноида, в зомби, чье сознание похищено силами Иного. Даже на бессознательном уровне. Проявлением этого стал перенос критики с гуманизма как исторического идеологического течения на учение о человеке вообще и распад философской антропологии.

У философов любимый соус, которым отбивается вкус к пониманию сути дела, его предлагаете и вы — поставить под сомнение «природу человека». Неизвестно, мол, какая у него природа, да и нет у него никакой природы. Я могу продолжить — значит, нет и человека. Вернее, не я, это уже продолжено в трансгуманизме, хотя лучше говорить точнее: трансгоманизме. Так формируется суицидальная теоретическая парадигма, которая из авангарда проникает, постепенно захватывая, в «рядовую» мысль. Реализуется на практике, культивируется в философии. На эту проблему, особенно диссертантами, уже пролито достаточно много тьмы, так что, наверное, она скоро будет обесмыслена окончательно. В свете подобной перспективы тоже бы хотелось внести свою лепту, надеюсь, в плане «репрессивной ясности», как негодуют носители постчеловеческого знания, когда логически удастся развалить их поверхностные словоплетения.

О природе человека можно рассуждать в двух смыслах: как об одной из живых или трансцендентных сущностей и как об определенном качестве, форме, отличающей его от любого другого сущего. Отрицание природы человека во втором смысле делает излишним разговор «о спасении» как «рационального животного», так и «духовной трансценденции».

Поразительно, но сейчас вековой спор между жизнью и духом утрачивает значение, отодвигаемый в сторону отказом признавать природу человека вообще. Чтобы творить с ним что угодно, начинают

утверждать, что у него нет никакой сущности и качества. Нет идентичности. Он историчен, всегда менялся, на его месте могут быть серая плесень, дерево, обезьяна, машина. Другими словами, человека как такового, как «сингулярности» нет. Все — поток. Но тогда нет природы, сущности, специфичности ни у одного явления и вещи. Они тоже возникали и исчезают. Борцы с «природой человека» впадают в абсурд. Ибо тогда весь мир, его предметы теряют свои особенности. Становятся «никакими», бескачественными. Отказавшись от принципа тождества, мы потеряем и различия. Нечего, нет «между чем» различать. Или вы хотите сказать, что у плесени или робота есть/будет идентичность, а у человека она отсутствует?..

Впрочем, сказать, что впадают в абсурд — «ненаучно». Наоборот, этот абсурд — научный, стимулируется развитием современной науки и технологий. Это отражение распространения количественного = бескачественного подхода ко всему, составляющего суть когнитивизма-дигитализма, трансформации сознания человека из логоса в матезис. Это отражение философии computer science — с одной стороны, и перехода физического знания на нано-уровень, с другой. Наночастицы, из которых состоят любые вещи, — бескачественные. Отсюда идеи трансдисциплинарности, когда нет ни физики, ни химии или биологии, ни тем более обычного чувственного восприятия реальности. Только биты информации и соответствующие им частицы. «Квантовое мышление», идеология иных миров начинает подавлять наше видение мира. Феноменологического мира вещей, тел и существ, красок и звуков, образов и понятий. Захватывают и у-ничто-жают их у человека. Пока больше идейно, но это, как я уже говорил, тени будущего, которые оно отбрасывает на нас. «Нисходящая причинность» (появился такой термин) как смерт(ель)ные тени (от) Иного.

Спасение в том, чтобы приводить любые миры и измерения к нашей жизненной реальности и мере. Мере человека. Его культуры. Бороться за сохранение его идентичности. За феноменологический реализм! А к какой еще мере, качеству, «природе» нам, людям, все приводить? Если их/ее нет вообще, тогда остаются хаос и энтропия. За существование чего/кого тогда выступать? Роботов, которые по вашей логике тоже «без природы» и будут меняться — сначала модель 2045, потом 2070, 2100 и т. д. — в дурную бесконечность? Собственно говоря, доказательству этого силлогизма и посвящена вся книга.

— Известна ли вам концепция современного отечественного нейрофизиолога С.В. Савельева о природе человека с точки

зрения эволюции мозга? Как вы относитесь к его проекту церебрального сортинга людей?

— Вы решили выкатить на прямую наводку против (природы) человека тяжелую артиллерию. «Саму науку», биологию и нейрофизиологию в лице одного ее поп(улярного) представителя. Настолько популярного, что от него отрешиваются большинство нейрофизиологов, психологи, тем более должны бы отрешиваться философы, гуманитарии, да и все люди, мыслящие как люди, а не как мозги в банке. Чудовищный редукционизм, сведение даже не к биологическому телу, а только к мозгу, который и эволюционирует: сам, без влияния окружающей живой среды, без социума и предметной деятельности. Я просто кое-что воспроизведу из выступления С.В. Савельева по теме «Управление (! — *В.К.*) мозгом человека» в январе 2015 г. (см. его сайт). «Телом все мы одинаковы, а вот по мозгу нет» — почему телом все одинаковы, а где возраст, пол, просто индивидуальные черты, даже двух листьев нет одинаковых на дереве? «Мозг — самая сложная, похотливая, никчемная часть тела» — часть! тела! Потом наоборот: «В мозге нет ничего сложного, он примитивен донельзя» — все «мозговеды» только и твердят о его сложности, иначе бы его уже воспроизвели. «Управление мозгом позволит справиться с мозгом бездельника или огромной толпы, которая собралась на Болотной площади» — хотя, перефразируя Блока, «я философ и потому не либерал», но им высказываются страшные вещи, притом с абсолютной самоуверенностью и спокойствием! А кто, чей «деловой мозг» будет управлять «бездельником», кто кому данный статус будет присваивать? Далее идеи «церебрального сортинга», технического конкурса мозгов. Когда томографы станут более совершенными, — считает этот безнадежно самоуверенный в своей тупой узости специалист, — отбор хороших мозгов для управления можно легко производить...

Конечно, говорится и что-то правильное, оригинальное, полезное, но в целом за этим стоят отказ от целостности человека, разрушение его биосоциального = психофизиологического континуума, опорочивание людей, которые обладают чувствами («интуитов»), противопоставление им отобранных» лишь рационально мыслящих индивидов, вернее «мозгов». Тут действительно, говорить о природе и сохранении идентичности вида *Genus Homo* не приходится. Вообще, как вы можете спрашивать: «Как вы относитесь к церебральному сортингу людей?». Вы, философ по образованию и профессии, читавший Д. Оруэлла и О. Хаксли, скорее всего боявшийся и нежелающий осуществления антиутопий, пугавший себя и других тоталитаризмом, и, может быть, даже не сторонник социального дарвинизма. А если со-

циальный дарвинист, то почему не оплакиваете свободу человека, почему задача управления им извне (даже не индивида, а вообще) вас не коробит? О чем тут может быть вопрос? Только ответ: вот оно, цивилизованное варварство, разрушение человека, его мира, обезумевшая наука и сорвавшийся с цепи человека прогресс.

— **Русский ницшеанец и философ культуры начала XX в. Ф.Ф. Куклярский дебютировал своей книгой «Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства». Его последнее слово человеку: «Сгинь!». А ведь это было сказано еще в 1910 г. Неужели вы считаете, что в начале XXI в. человеческая жизнь по-прежнему ценностна?**

— Ага, теперь стрельба в (природу) человека издалека, из старых ружей культурософского калибра. Откопали, почистили, смазали. На что ни пойдешь, если антиантропологическая перезагрузка сознания произошла уже на бессознательном уровне.

Скажу честно, до вашего указания на Куклярского, я его не читал. Но после пожелания вам, мне, нам, людям: «Сгинь!» (оказывается, это была тема вашей кандидатской диссертации) хочешь, не хочешь, а пришлось познакомиться с его «Последним словом» — человеку, тем более что обсуждаемая *sic et non* книга называется «Последнее целование» — человека. Впечатление: удивление, смешанное с восхищением и ужасом. И, извините за иронию, «откопал». Стоило откопать! Казалось бы, за последние годы русскую философию истоптали вдоль и поперек, написав про все, что только возможно. А тут такой автор — и практически неизвестен. Малоизвестен. С восхищением, что это уровень Ницше/Достоевского, подлинно мировой, а в собственно экзистенциальном плане, как вся русская философия, выше мирового, — и ужас от того, что он проповедует.

Думаю, что по известности он должен стоять рядом с Н.Ф. Федоровым, хотя они вроде бы противоположны по отношению к религии. Но по отношению к человеку — одно. Великий трансценденталист-нигилист и великий трансцендентный технократ тут сходятся. А также К.Э. Циолковский, вообще русский космизм, одушевлявшийся заменой живого естественного человека чем-то искусственным, артефактами с автотрофным питанием. Без тела и пола — без природы, «нашего общего врага» (Федоров). Очевидно, что и с автотрофным мозгом. Теперь получается, что С.В. Савельев с его «нищетой мозга» появляется не случайно. Он продолжил этот общий ряд. Если наш мозг и тело считать неэффективными, «нищ(зи)ими» (хотя не ниже, наверное, чем у животных), то после такой оценки *живого* мозга встает задача: 1) вообще отказаться от этого устаревшего органа и остать-

ся безмозглыми; 2) взяться за его улучшение, усиление или химико-биологическими средствами, или путем внедрения электронных чипов, соревнуясь, какая фирма кому качественнее и быстрее это сделает, чтобы победить в «сортинге»; 3) вообще заменить «все» искусственным интеллектом, который будет развиваться со скоростью смены технологий, пока не превратится в некую реальность в виде «информационных полей» или мысляще-бессмысленного океана (когда знают все, то не знают ничего, универсум мысли будет универсумом безмыслия).

Как знаток Куклярского, объясните, отрекомендуйте трансгуманистам, покажите, какого сильного философского сторонника вы для них открыли, чтобы они могли включить его в свои ряды идеологов уничтожения природы (и) человека, пополнив мировой пантеон авторитетов «суицида по-научному».

— **Вы отрицательно относитесь к подмене идеального виртуальным, опасаясь, что человечество может погрузиться в «Матрицу». Однако давно, начиная еще с Р. Декарта, философы поставили проблему «Матрицы», а современные астрофизики (особенно после фильма-трилогии «Матрица») доказывают, что мы реально (невиртуально) живем в «Матрице» (как вариант — в голографической Вселенной). Так ли уж стоит настаивать на реальном, если мир может оказаться одной большой симуляцией?**

— Мир является симуляцией = голограммой *чего?* Что они отражают и воспроизводят? Где логика? Скажите прямо, что последнее слово науки, которое она хочет сказать миру: *реальным надо считать виртуальное*. Оно — субстанция. А предметно-вещная реальность, Земля и все планеты, даже звезды...видимость, мнимое, «вторичные качества», по сути, не существует. Наш феноменологический мир — Ничто, Бытие — это информация = матрица = универсальный компьютер. То есть вы, рабски сканируя последние новости когнитивизма, начинаете исповедовать философию computer science и микромира, отказываясь от философии макрореальности, в которой как человек только и можете жить, тем самым переходя к философии самоотрицания. Естественно, по-научному.

Ах, наука, ах астрофизика! Она «доказала». Одновременно толкуют, подавая как новейшее слово, о «социальной эпистемологии», что, мол, познание определяется обществом и культурой. Но эта идея «давно» была сутью марксизма, которую теперь «переоткрывают» и заимствуют. Для признания важно, чтобы все было «переведенное», «с Запада» (яркий пример колониального сознания). Да, общественное бытие, главное в котором составляет производство, определяет созна-

ние. Так всегда и происходит: промышленная революция, механическое производство, и мир, соответственно, представал как большой часовой механизм; стали копать каналы: Суэцкий, Панамский — на Марсе видят «каналы» (сейчас про них забыли); готовятся и взрывают атомные бомбы, естественно, мир есть результат Большого взрыва; забрасывают искусственные спутники — толки об искусственном возникновении Луны и планет. Появляются компьютеры, а теперь угадайте с трех раз, что из себя будет представлять наша Вселенная? Угадали, Большой компьютер (конец XX в.). Но компьютеры — «железо», в таком статусе отходят на второй план, это «материализм», потому лучше говорить об универсальном виртуальном компьютере — Матрице и «Интернете всего» (на XXI в.). А по более частным вопросам какое-то мельтешение мошкеры, суета каждодневная, новое, будто бы, наконец-наконец, истинное, становится старым со скоростью обычной моды. «Как доказали британские ученые...», через сезон будут носить другие шляпки. И все с выкладками, формулами, астрофизиками и академиками...

Вы что, не читали П. Фейерабенда? Как это характерно: «особенно после трилогии “Матрица”». Наука после кино. Кинонаука. И коленопреклоненная философия, не случайно ставшая философией науки, в роли «оператора по клинингу». Дворники прогресса. Хорошо, что предпосылки матрицы вы находите пока у Декарта, но скажу, что отстаете. Матрицу теперь обнаруживают уже у Василия Великого, первым виртуалистом был Чжу-ан-цзы. Помните, про «бабочку», которая во сне видит бабочку? А вы — «Декарт». Консерватор хуже меня. Ведь прошлое — заложник настоящего не только в политике. Но — хватит, не наводите на грех. П. Фейерабенду его критицизм простили, особенно у нас, почтительно изучают, а мне — «у нас» — похожую непочтительность могут не простить.

— В книге вы перечисляете «сексизм» в ряду ценностей консерватизма. Но дискриминация по половому признаку в нашей стране запрещена Конституцией. Готовы ли вы подробнее раскрыть смысл вашего понимания «сексизма». Насколько вам близка сексистская, антифеминистская и мизогинная позиция О. фон Вейнингера, изложенная им в книге «Пол и характер»?

— Различать людей по полу — это сексизм? Запрещено Конституцией? Пока нет, хотя скоро, отражая ситуацию борьбы человека с самим собой, со своей природой и телесностью — будет. Понятие «мать», отец», «муж», «жена» в Евроамерике уже запретили. Пол — определяющее качество всех высших существ. Половое деление дает выигрыш, когда к субъекту действия предъявляются противополож-

ные функциональные требования: быть спокойным, выращивая потомство и быть агрессивным, защищая это потомство, обеспечивая территорию для добывания еды. Ради выживания весь световой день работать в поле и лесу, но кто-то должен кормить, одевать этих работников и их детей. Это сейчас один индивид, «не специализируясь», может делать и то, и другое. И то не всегда эффективно. Но именно новое «пост-трудовое» бытие ведет к потере значения половых различий, особенно в свете будущего превращения человека в роботообразное или полную замену постчеловеком в виде голограммы и пр., о чем вы мечтаете.

Политкорректная («антисексистская») идеология данные процессы обосновывает и реализует. Как бы ни относится, например, к гомосексуальности и феминизму лично, проклинать или(и) завидовать, или даже практиковать, их сколько-нибудь честная философско-историческая оценка обязывает сказать, что это разложение, распадение родового человека, его желания и воли к продолжению жизни. Свобода, опирающаяся на провозглашение прав индивида (частицы) выше прав общества (целого), похожа на свободу раковой клетки множиться за счет организма. *Вы(пере)рождение*. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Великий консерватор Ф. Ницше, например, это предвидел. Как любой консерватор, он не против женщин. И не «за» мужчин. Он против тех и других, когда они занимают «чужое место». Чуж(д)ое продолжению жизни. Что касается взглядов О. фон Вейнингера, то их крайности обусловлены его экзистенциальными проблемами.

Консерваторы, а не прогрессисты против того, чтобы люди были стандартными и одинаковыми. Если у человека не важен даже пол, то какие характеристики будут более важными? Все, как гвозди в ящике. «Голые», как ник-то в компьютере. В виртуале. Свойства, ненужные там, становятся неважными здесь. Возникает отрицающая человека положительная обратная связь. Вот отчего его сдают с такой поразительной легкостью. Это «детерриторизация», расчистка места для «пост-» и «транс-», по заказу и во имя прогресса. Как, например, борьба с курением табака, наплевав на всякие права человека, чтобы расчистить место для курения марихуаны. А потом более сильных изобретаемых наркотиков. Кто при этом, по мнению страховых компаний, «превысит меру» и начнет болеть, будет перепрограммирован. Это же очевидно, потому и не видят. Причина подобной близорукости в том, что табак дает нервно-физиологическое раздражение, что соответствует индустриальной эпохе, а марихуана нервно-психологическое, действуя прямо на мозг, что отвечает информаци-

онной эпохе. Открываются новые, более прогрессивные, возможности деградации.

Рок «бьет по штабам», прежде всего, по мужскому началу, лишая его исторического смысла. У женщин он еще есть: догнать, имитировать, стать почти «как» м-существо, которое не лучше и не хуже, но в силу физиологии у него сильнее амплитуда колебаний: больше гениев и идиотов, святых и преступников, страстных любовников и тупых чурбанов. После потери, перед фактором моторов, значения различий «в подъеме на 20 кг больше», а с появлением компьютеров и значения «видения на два хода дальше», феминистки хотят взять исторический реванш: «сделать Бога женщиной», воспроизвести все, что делают мужчины (играть в футбол, участвовать в боях без правил, поднимать штангу), даже «писать стоя», а если не получается, требовать, чтобы все это «делали сидя». Мужчины попадают в их же усилиями созданную, ими же тысячелетиями изобретавшуюся западно-технически эффективного и, наконец, автоматизированного (без людей) производства. Потому что преуспевать в обществе потребления: больше чем женщины покупать, лечиться, следить за собой, показываться в рекламе, тратиться на косметику и салоны, демонстрировать себя на неадекватных своим возможностям и природе социальных позициях, значит перестать быть мужчиной. Но именно на это сейчас с(за)прос. Мужчина все-таки производитель (по крайней мере, был), а нужнее видимость и потребители.

Через мужской пол в мир приходит новое. Но смотрите: в литературе, масс-медиа, культуре все больше женщин, текстов, авторов типа Д. Донцовой и т. п. Куда деваются мужчины? Да посетите собрания программистов, хакеров, веб-дизайнеров и т. п. Их там и на всяких компьютерных соревнованиях почти сто процентов. Парни уходят в цифровую (пост)культуру. Они ее творцы и жертвы. Естественно, что если человечество, «деградируя в новое», впало в *Mortido*, то мужчины в первых рядах замены вещности и социальности виртуальностью и симулякрами (под/д/елками). Большинство компьютерных маньяков, готовых до седых волос играть в виртуальные игры — они. Как начиная с Нового времени, «гений перекечевал в физику» (А. Уайтхед), так сейчас он уходит в *сферу Иного*. И там растворяется. Здесь остается симулякр мужчины — так называемая деловая женщина, которая отказалась от природной роли рождения ребенк(ов)а и функционирует — как береза, раскрашенная под дуб.

На (пред)последнем этапе расчеловечивания человека все станет женским. Отношения в обществе, его дух уже сейчас похожи на отношения в школе, откуда, как известно, мужчины исчезли. «Как

класс». Как рыбы из пересыхающего водоема. Сейчас это происходит уже в высшей школе, да и обществе в целом. Образуется среда, унижительная поверхностность, мелкий формализм и бюрократизм которой их выдавливает, в ней стыдно быть первым, выдерживают ее более ответственные и терпеливые (тоже пока) женщины. Отсюда влияние феминизма, политкорректности, пресловутых «прав человека» и «медиализация» отношений. Влияние Нового мирового (постчеловеческого) порядка. В него, как в «пазл», входят ценности, подавляющие желание людей продолжать свое естественное существование. Родовое желание Быть.

«Пазл» современной цивилизации, ее передового отряда — *подрыв условий (и) всего человеческого*. Сейчас он, его клетки «заполняются» на практике. Высшим идеалом, нормой поведения, которым надо следовать — чтобы все стало противоестественным, патологичным, «было наоборот» тому, как требует продолжение жизни. Сверхпотребление перерастает в потребление самого человека. *Жизнь и реальность становятся традицией*. Значит существование передовых народов — вопрос исторически короткого времени. Зато заговорили об «эротизации Апокалипсиса»! И все это объявляется цивилизационным идеалом, к которому всем и как можно скорее (Россия все еще отстаёт) надо стремиться. Считаете, что человечество, особенно его авангард, Запад, не сошло с ума? Напрасно. Желать, стремиться к своему разложению и гибели — если это не безумие, то, что оно такое, в чем должно состоять?

— **Вы по-прежнему упорствуете в отрицательном отношении к проекту «Бессмертие 2045», хотя на его недавних конференциях присутствовали весьма уважаемые люди из академического мира, В.С. Степин, Б.Г. Юдин и др.?**

— «Бессмертие 2045» — первая остановка на пути добровольно-принудительного превращения человека в материал технической эволюции. Для каждого честно и ответственно мыслящего человека это ясно, как белый день. Но об антигуманистической сути трансгуманизма (его представители и сами ее не скрывают) мы вполне достаточно говорили раньше. Почему же его начинают поддерживать, придавать своим присутствием респектабельность завзятые авторитеты человековедения, еще недавно проповедовавшие идеи «высокого соприкосновения» и клятвенно присягавшие «реальному гуманизму»? — так расшифрую ваш вопрос.

И отвечаю: а куда им деваться?

Вся проблема в том, что идут действительно объективные процессы отказа человека от самого себя, своей субъектности, сознания

и т. п. (см. «смерть человека» в постмодернизме), причиной которых является стихийное развитие технауки. «Системная философия» и ее официальные идеологи не могут с ними не считаться. Институт философии находится в рамках Академии наук. Идет мировая гонка технологий. Стоит всеобщий крик об абсолютном благе любых технических достижений, необходимости их повсеместного внедрения в быт (ГМО, клонирование, пересаживание мозгов) как можно больше и быстрее. Оплаченному ученому, который вдруг начал думать глубже вопроса «как», т. е. «философствовать», скажут: shut up and calculate (заткнись и вычисли). В том числе я, например, не позволяю своим аспирантам быть слишком глубокомысленными в отношении технауки. Одно дело писать критические тексты, другое дело встать в позицию принципиального развенчания кормяще-пре(на)сыщающего нас Божества на государственном уровне. Да, это ящик Пандоры, но он завернут в скатерть-самобранку, говорил, кажется, А. Эйнштейн или может быть Б. Рассел (великие ученые кое-что знали о последствиях своей деятельности). Прослыть сейчас атехнистом — то же самое, что атеистом в Средние века. Выпасть из парадигмы. Об Апокалипсисе рассуждать «принято», но «вообще», а о том, отчего он реально происходит, что/кто его несет, об этом думать избегают. Диалектика ведет к сшибке сознания. Нелегко призывать поднять голову над поток(п)ом, чтобы смотреть дальше своего носа, требуя ограничений, противодействия, аскезы и борьбы, потому «официально», в лучшем случае, дозволяются осторожные призывы к контролю над ним.

Вообще нельзя призывать людей к чему-то злomu и вредному для них. Поэтому сейчас основная идеологическая задача системной философии — фальсификация хода событий, их направленности, чтобы обмануть себя и людей, ввести в норму это самоотрицание, перерядив зло в добро. Узаконить его. Переформатировать смыслы. Переименовать понятия: не называйте «трансхьюман», «нелюдь» или «киборг», давайте скажем «техночеловек». Хотя бы ценой себя. Философия преимущественно уже заменена философией технауки, а на Западе, дальше продвинувшемся по пути прогрессистской деградации, и вовсе другим предметом — STS (наука, технологии, общество). Распространяются идеи, что «настоящий» гуманизм — это трансгуманизм, что постчеловек лучше человека, а конец света — тоже неплохо. Будет «обновление». Дальше абсурда будет только больше. Тем не менее на уровне маргиналий, «на полях», поскольку живой человек еще имеет свои интересы, будет оставаться и потребность в здравом смысле, его защите, сохранении «природы и традиции чело-

века», чем я, собственно, и занимаюсь. Не все стали зомби или ушли в виртуал, даже технократы, особенно вне своей профессии, нередко болезненно раздвоены, имеют проблемы и что-то чувствуют, понимают как — живые, обладающие телом и душой люди. А сколько еще не за(о)хваченных Hi-tech технологиями и преданы культуре, духовности, способных к вере и любви? Книга «Человек как традиция» прежде всего для них.

— **Какие публикации последнего времени привлекли ваше пристальное внимание?**

— Две статьи: П.С. Гуревича «Мизантропология как метанойя» [2] и С.С. Хоружего «Как обходиться без бытия, или Механика Лато-на» [3].

Когда я пишу о суицидальной парадигме сознания современной цивилизации, то втайне надеюсь, что преувеличиваю, что на самом деле это не так или *еще* не так. Чем поразила меня статья П.С. Гуревича? Тем, что так, именно так. Он дает обзор западных публикаций, в которых прямо проповедуются ненависть к человеку. Мизантропология — это теоретическое выражение мизантропии. И эта мизантропия есть метанойя — с греческого — «перемена ума», переворот в умах людей, переосмысление своего мировоззрения. Сутью антропологии, теперь вернее антиантропологии, стала развернувшаяся диффамация человека как биологического существа. Вместо «венца природы» некий Г. Маркус, например, считает, что ««дизайн» человеческого мозга и самого человека никуда не годится. Его можно назвать «ошибкой природы». Это дефектный механизм, хотя практически мы не замечаем его ущербности» [2, 22]. И т. д. и т. п. (сравните с нашим С.В. Савельевым). Те же песни на слова «выродок эволюции» (один из подзаголовков статьи). Исполняют их, как можно понять из обстоятельного рассмотрения состояния современного прогрессивного философствования, чему, в сущности, посвящено это за(при)мечательное исследование, все больше хором. Хор техноидов-трансмутантов! Коллективное самооплевывание, смысл которого в подготовке замены людей каким-то другим, естественно, искусственным, и, разумеется, лучшим, «дизайном».

Свой, в общем-то критический, что выражено в самом заголовке статьи, анализ, П.С. Гуревич заключает выводом, который, однако, носит умиротворяющий характер, в пастельных тонах. «Мизантропология — заметное явление современной философско-антропологической мысли. Она имеет множество оттенков, ставит острые метафизические вопросы. Именно поэтому мизантропология оказалась на переднем рубеже философско-антропологической ре-

флексии» [2, 34]. Причина мягкости заключения все та же: автор — Авторитет, системный философ, неофициально-официальное лицо, поэтому должен следовать в русле mainstream. Увы, нам, людям, продолжающим защищать себя, консерваторам и маргиналам.

Как реальное бытие ломает любое сознание, показывает статья С.С. Хоружего. После ее прочтения я испытал страшное разочарование. Ум, ученость, глубокое знание истории философии, тончайших извивов мысли Хайдеггера — все при нем, все остается, но чему посвящены новые размышления ее автора? Автора, который оценивал виртуальное как «недород бытия», основал особое направление в антропологии — «синергичное», спасал человечество, соединяя его с «вертикалью высшей силы». Теперь предлагает, смотря на Genus Homo «глубоко плюралистически», дополнить его «онтическим Другим», «человеком, обходящимся без бытия», его «виртуальной формацией». Дополняет, дополняют, а потом, судя по тенденции, оставят единственной «формацией». Нельзя же все прямо и сразу. Главное, что чаемый «другой человек» — без бытия! Человек-ничто. Нет человека. И это вводится в норму. Комментарий тут, с позиции философской антропологии и сохранения людского рода, может быть только один: «И ты, Брут!».

Помимо данных статей, может быть, даже больше их, меня впечатлила и опечалила одна надпись в учреждении, куда я, как живое и еще не автотрофное существо время от времени вынужден заходить. Которое в нашем (большом) учреждении, оказывающем (другие) образовательные услуги. Там, где обычно выражают свое бессознательное, завет(прет)ные (обс)ценные мысли. Как сказано в святом Писании, «дух веет, где хочет». И вот в кабине ярким красным фломастером Дух написал: «Слава роботам, смерть человекам!». По своей выразительной силе надпись похожа на ту, которая появилась на стене чертогов пирующего царя Валтасара: «Мене, мене, текел фарес» (исчислил бог царство твое; ты взвешен на весах и найден очень легким; скоро будешь убит). Этот девиз великолепно выражает итог(о)=суть=контент=перспективы прогрессистского сознания современной цивилизации. Особенно с учетом колорита и контекста — как, через что и где дух времени себя реализовывал. Бедное, глупое, несчастное человечество. Само роет себе могилу...

— А готовы ли вы критически высказаться о собственных работах?

— Готов. В философской молодости у меня сложилось убеждение, что авторов, кому исполнилось больше 70 лет, читать не следует. Какие бы они ни были талантливыми, известными, авторитетными,

все равно повторяются. Устарели. Или, если намеренно хотят угнаться за новым, воспринимают его поверхностно, некритически. Короче говоря, со временем у человека утрачивается чувство времени, адекватность ему. В более мягкой форме я сохраняю это убеждение до сих пор. Чувствую, что «мои файлы уже заполнены». По-видимому, в публикационной активности естественно потихоньку затихать, даже если думается, что сказано не все. Не все для автора, но читателям его «новые» взгляды уже неинтересны.

Однако оправдано обобщать сделанное. Публиковать то, что написано ранее. Пытаться отсеять шелуху и вы(из)брать зерна, которые способны дать пищу настоящему и прорасти в будущем. Последней заслуживающей прочтения своей статьей считаю «Читать Деррида... Забыть Дерриду!». [4] Это обна(ру)жение сути великого идеолога постчеловеческой революции, символа всего прогрессивного философствования, которую, я уверен, мало кто сможет оспорить. Если бы она была опубликована на Западе, могла вызвать скандал.

— Среди угроз человеческой цивилизации называют разные факторы. Американский президент Б. Обама, например, сказал, что это радикальный исламизм, вирус Эбола и... Россия. Вы пишете, что «самое страшное в развитии современной цивилизации — ее успехи». Это философский эпатаж?

— Нисколько. Если говорить о частностях, то я бы добавил к президентскому списку еще одну, покрывающую все остальные: прогрессирующая глупость американцев, в особенности их истеблишмента. В своем примитивизме они становятся просто опасными. Чего стоит «феномен Псаки» в политике?! Как-то я спросил одного, побывавшего в США знакомого, что ему там понравилось. Он сказал: все, кроме американцев. Хочет выковыривать изюм из булки. Америку заселяли самые дерзкие, умные и деятельные люди. И вот к чему привело развитие цивилизации, целями которой являются потребление и комфорт. Ко все более явной, угрожающей всему остальному миру дебилизации. Это прямое подтверждение сказанного у меня в процитированной вами фразе. Впрочем, ее доказательству посвящена вся наша беседа. *Sapientī sat est.* Кто это не вос-прини(пони)мает, тому ничем нельзя помочь, кто понимает, наверное — тоже. Тем не менее, надо бороться даже без надежды победить.

— Но не кажется ли вам, что философия конца — это дух времени, и авторы, пишущие об этих вещах, являются не апологетами, а всего лишь выразителями общего апокалиптического настроения? Декадентское начало XX века передало эстафету апокалиптике начала XXI в.?

— Про «дух времени», о котором уже говорилось выше, совершенно соглашусь. И совсем не согласен быть его простым «выра-

зителем». Какого угодно. Все еще считаю себя способным к оценке происходящего и выработке к нему отношения в интересах человека. Не детерминист. Различаю сущее и должное, признаю вероятность и разнообразие. В этом «моя борьба». Конечно, теоретическая, в ходе которой я, возможно, вас задел, пред(вы)ставляя «только выразителем» или даже «апологетом». Мои выпады против вас не являются личными. Просто произошло невольное разделение ролей: вы задаете вопросы, навеянные достижениями переднего края науки и культивируемой там «философии», а я как консерватор и традиционалист (вспомним, наконец, что обсуждающаяся книга называется «Последнее целование. Человек как традиция») их развенчиваю, показывая, что они ведут к концу света. Хочу, чтобы философия была не рефлексом, а рефлексией. Как Человек, Homo genus, сопротивляюсь господствующей без(д)умно-суицидальной учено(а)сти. Как, за небольшим исключением, сопротивляется подобной участи любой отдельный Homo, если и пока он sapiens. Пока...

Литература.

1. *Кутырёв В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015.
2. *Гуревич П.С.* Мизантропология как метаноия // Человек. 2014 № 6.
3. *Хоружий С.С.* Как обходиться без бытия, или Механика Латона // Вопросы философии. 2013. № 10.
4. *Кутырёв В.А.* Читать Деррида! Забыть Дерриду! // Вопросы философии. 2013. № 9.

А.Р. ГЕВОРКЯН

От метафизики идеи к метафизике истории: Ницше, Маркс, Федоров

Аннотация. В статье рассматривается проблема метафизики в постгегелевское время. В постгегелевской философии происходит трансформация абстрактной спекуляции в конкретную. Важнейшей особенностью мысли той эпохи является заданность философии как миротворения. Это по-разному, но вполне характерно проявляется у таких далеких друг от друга философов, как Ницше, Маркс и Федоров. Особый акцент в статье делается на трактовке философии истории как метафизики. Автор критически исследует ясперсовскую кон-

цепцию философии Киркегора и рассматривает место последней в теоретической мысли послеклассического периода.

Ключевые слова: философия истории, метафизика, послегегелевская философия, историческое понимание марксизма.

Abstract. The article discusses the problem of metaphysics in post-Hegelian period. In post-Hegelian philosophy abstract speculation is transformed to the concrete. The most important feature of thought at this time is explanation of philosophy as activity in the world. This feature can be noticed at such different philosophers as Nietzsche, Marx and Fyodorov. The article emphasizes interpretation of philosophy of history as metaphysics. The author examines significance of Kierkegaard in theoretical thought of the postclassical period and provides a critical analysis of Jaspers' concept of Kierkegaard's philosophy.

Keywords: metaphysics, philosophy of history, post-Hegelian philosophy, historical understanding of Marxism.

«Гегель может быть назван философом по преимуществу, ибо изо всех философов только для него одного философия была все. У других мыслителей она есть старание постигнуть смысл сущего; у Гегеля, напротив, само сущее старается стать философией, превратиться в чистое мышление. Прочие философы подчиняли свое умозрение независимому от него объекту; для одних этот объект был Бог, для других — природа. Для Гегеля, напротив, сам Бог был лишь философствующий ум, который только в совершенной философии достигает и своего собственного абсолютного совершенства; на природу же в ее эмпирических явлениях Гегель смотрел как на чешую, которую сбрасывает в своем движении змея абсолютной диалектики» [1, 419].

В определенном смысле абсолютный идеализм Платона завершается абсолютным идеализмом Гегеля. Спекулятивная мысль как принцип абстрактного умозерцания подвела исторический итог всей предыдущей философской мысли. «Философия в смысле отвлеченного, исключительно теоретического познания окончила свое развитие и перешла безвозвратно в мир прошедшего» [1, 5].

Решающим образом данное обстоятельство оказалось связанным с Гегелем. Если мир, выражаясь хайдеггеровским языком, был доведен Платоновым трансцендированием до роли проходного двора в некую потусторонность, то Гегель наделил его абсолютным статусом, ибо само Абсолютное существует уже не вне мира, а оказывается заданным в нем самом. Спекулятивная мысль Гегеля, тем самым,

устраняет трансцендентность Сущего, что позволяет берлинскому мыслителю выстроить новую систему координат в корне изменившую всю онтологическую картину бытия. «Обычно думают, что абсолютное должно находиться далеко по ту сторону, но оно как раз есть вполне наличное, которое мы как мыслящие существа всегда носим с собой и употребляем, хотя явно не сознаем этого... Если понятие бога понимают лишь как понятие абстрактного или всереальнейшего существа, то бог благодаря этому превращается для нас в нечто только потустороннее, и тогда не может быть и речи о познании его» [2, 125, 146]. Нельзя не согласиться с Коплстоном что «для Гегеля бесконечное существует в конечном и через него; всеобщее живет и существует, так сказать, в единичных вещах и через них. Поэтому в его системе не остается места для производящей причины, трансцендентной миру в том смысле, что она существует совершенно независимо от него» [3, 231].

Таким образом Гегель переиначивает проблему Абсолюта. Отныне Он самовыражается только в конечном и через конечное, в чем и проявляется целостный характер Его самопроявляющегося бытия. Следовательно, Абсолют оказывается процессом собственного становления, когда Его конкретизация и абсолютизация реализуются через собственное развитие и в нем же данного завершения. Определяющим в этом саморазвитии Духа является то обстоятельство, что Абсолют в себе есть не актуальный, а потенциальный Дух. Дух актуализируется и в этом смысле начинает существовать, когда он приходит к человеческому духу. Это становится возможным, поскольку между бесконечным и конечным нет ничего непроходимого. Конечное и бесконечное оказываются не взаимопротивоположными, а соединенными без смешения. Именно поэтому знание Абсолютом самого себя и человеческое знание о Нем же являются двумя сторонами одной и той же предметной области. Отсюда и всеислие мысли у Гегеля, для которой нет ничего трансцендентного, и соответственно непостижимого. «Логические мысли, однако, не являются каким-то только по сравнению со всяким другим содержанием, а всякое другое содержание есть, наоборот, лишь некоторое только по сравнению с ними. Они представляют собой в-себе-и для-себя-сущую основу всего» [2, 125].

Столь радикальная постановка вопроса в корне переиначивает взаимоотношения религии и философии. Если до этого религия пыталась познать Бога или переживать присутствие Абсолюта в жизни своего духа, насколько это дано человеку через опыт откровения, то теперь спекулятивная мысль в форме понятийного мышления оказы-

вается знанием о самом Абсолюте. Религиозное понимание непостижимости познания Абсолюта конечным человеческим сознанием превращается в философское всезнание Абсолюта, который отныне из Абсолюта в себе становится Абсолютом для нас. Об этом хорошо сказано у Коплстона: «И все же если предполагается, что философия требует преодоления полагаемых ею противоположностей, то стоит ожидать, что она сама попытается выполнить это требование. Даже если мы говорим, что жизнь по любви, религиозная жизнь, выполняет это требование, философия будет пытаться понять, что и как делает религия. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Гегель вскоре попробует осуществить в рефлексии то, что он раньше объявлял невозможным. Для выполнения этой задачи ему нужен новый тип логики, логики способной следовать движению мысли и не оставлять противоположные понятия в непримиримой оппозиции. Принятие этой новой логики знаменует переход Гегеля-теолога к Гегелю-философу или, точнее, переход от позиции верховенства религии и положения, когда философия останавливается перед ней, к представлению о высшей истинности спекулятивной философии... Спекулятивная философия отбрасывает образный или наглядный элемент, характерный для религиозного мышления, и выражает истину, ту же самую истину, в чисто понятийной форме» [3, 197 — 198, 276].

По этому же поводу С.Н. Трубецкой замечает: «Философия из попытки человеческого разума превратилась таким образом в космический или даже теогонический акт. Ибо если истинный Бог есть самосознательный и всевольный дух и если абсолютное может сознать себя только в субъективном сознании человека, то сам Бог есть результат философии» [4, 522].

В том виде, в каком философия существовала до Гегеля, она действительно «перешла безвозвратно в мир прошедшего». Однако каковы были последствия столь радикального изменения всей ее сущности? На наш взгляд, надо выделить несколько содержательно определяющих аспектов. Самым главным оказалось «снятие» платонизма гегельянством. В немецком классическом идеализме была не только восстановлена девальвированная ценность посюстороннего мира, но и позитивно преодолена негативная установка по отношению к нему после огромного исторического времени. «В немецком идеализме были впервые превзойдены результаты греческого умозрения» [5, 619].

Онтологизация бытия и наделение последнего статусом самодостаточной ценности привели к радикальному изменению характера Абсолюта. Об этом хорошо сказал Николай Гартман: «Абсолютное, правда не есть сознание, но оно приходит в сознание в нашем мышлении. И поскольку здесь познающее и познанное существуют одновре-

менно, ставшее реальным тождество субъекта и объекта, то наше мышление как раз является пониманием абсолютным самого себя» [5, 364].

Такое понимание нашего мышления как «понимание абсолютным самого себя» должно было привести или к метафизическому срыву идеи Абсолюта, или же к метафизическому переосмыслению сущности самого Абсолюта. В обоих случаях философская мысль должна была прийти к материализму. В первом случае реализовался вариант становления материалистической диалектики, по-своему переосмыслившей гегелевскую науку логики. «Если логика есть наука об абсолютном, и абсолютное есть чистый разум, следовательно, состоит в понимании-самого-себя (*sich-selbst-begreifen*), то логика как наука является не дополнительным пониманием этого понимания себя самого, а вполне им самим» [5, 365]. И здесь действительно можно будет без каких-либо натяжек видеть прямую связь между гегелевской философией и вышедшим из нее марксизмом. «История мира, по Гегелю, — это в сущности и есть жизнь Бога. Тут, правда, имеет место парадоксальная ситуация: с одной стороны, все существующее растворяется в Абсолютном, представ как его неистинное, преходящее, конечное явление; с другой стороны, Абсолютное не существует вне мира, не имеет самостоятельной реальности и полностью поглощено миром. Не случайно последователи Гегеля раскололись на два лагеря — на правых и левых гегельянцев. Правые акцентировали первую сторону, настаивая на том, что для Гегеля реально существует лишь Бог, а левые — вторую, будучи убежденными в том, что гегелевская философия открывает путь материализму. И они не очень заблуждались: пантеистическая система Гегеля действительно во многом подготовила марксистский материализм» [6, 404].

Сходную позицию в этом вопросе занимает Коплстон: «На правом крыле Гегеля толковали в смысле более или менее совместимом с христианством, что означало, что Бог должен был представляться в качестве личного, так сказать, по праву самосознающего Существа. На левом утверждалось пантеистическое толкование и отрицалось личное бессмертие.

Впрочем, левое крыло вскоре вышло за пределы пантеизма к натурализму и атеизму. И под воздействием Маркса и Энгельса были революционизированы гегелевские теории общества и истории. Так что левое крыло имеет гораздо большее историческое значение, чем правое» [3, 284 — 285]. Очень важным является замечание Коплстона что «левое крыло имеет гораздо большее историческое значение, чем правое». И в этом отношении трудно переоценить значение марксизма. Марксова идея о том, что «философы лишь различным образом

объясняют мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [7, 4] навсегда изменила весь ход развития философской мысли, направила ее, выражаясь федоровским языком, в проективное русло.

Однако Маркса необходимо рассмотреть вместе с двумя другими, столь же непохожими на него мыслителями, с которыми он стоит у истоков эпохального изменения всех основ жизни общества, когда не только разрушается метафизическая картина бытия, но и берется под сомнение право человека иметь особый статус в мироздании, поскольку и человек и мироздание оказываются в подвешенном состоянии над бездной готовой поглотить их обоих, когда, по словам Ясперса, «либо злой рок, катастрофа, конец всякого нового созидания, либо начало, возможность нового, настоящего человека» [8, 104].

О Марксе, Ницше, Федорове можно сказать словами Ясперса, что они стали духовным порогом, ибо именно в этих троих произошел слом преемственности и разрыв континуитета. В том виде, в каком философия завершилась в лице Гегеля, она открывает совершенно новый порог сознания только в философской деятельности Маркса, Ницше, Федорова, деятельности по тотальному преобразованию человека и вместе с ним всего мироздания. В этом отношении связь Гегеля с этими мыслителями является непосредственной. Завершение философии Гегелем и ее новое открытие Марксом, Ницше, Федоровым оказалось единым в своей неразрывности историческим процессом.

Данное обстоятельство ни в коем случае не свидетельствует о том, что философия, завершенная Гегелем и рожденная в новом качестве у Маркса, Ницше, Федорова, в ином виде не могла существовать. Еще Шеллинг в поздний период своего творчества в попытках преодолеть абстрактно проинтерпретированную спекуляцию Гегеля обращается к конкретной метафизике и выстраивает на ее основе систему позитивной философии. И здесь противоборство Шеллинга и Гегеля не может быть сведено только к борьбе двух мыслителей. Скорее всего можно говорить о выявлении исторических тенденций развития философии, двух равноправно возможных вариантов ее будущего. И, несмотря на острую идейную борьбу, сама она свидетельствовала о больших возможностях дальнейшего роста философского знания. «В натурфилософии и системе трансцендентального идеализма Шеллинг рассматривал определенные содержательные моменты, и относительно них он пытался систематически продемонстрировать тождество идеального и реального. Но сам Абсолют, по крайней мере для понятийного мышления, представлялся ему чистым тождеством, исчезающей точкой всех различий, тогда как для Гегеля он не является непроницаемой реальностью, существующей, так сказать, над и за своими определенными проявлениями: он есть свое самопроявление» [9, 104].

ние... Гегель отверг взгляд, предложенный Шеллингом в его так называемой системе тождества, согласно которому для понятийного мышления Абсолют в себе есть исчезающая точка всех различий, абсолютное самотождество, которое может быть описано только в отрицательных терминах и которое может быть позитивно схвачено, если это вообще возможно, исключительно в мистическом созерцании. Гегель был убежден, что спекулятивный разум может проникнуть во внутреннюю сущность Абсолюта, сущность, проявляющую себя в природе и истории человеческого духа» [3, 202, 222].

На самом деле благодаря Шеллингу и через его высокие импульсы, привнесенные в философию, ей удастся избежать своего тотального завершения в системе Гегеля, а также реализовать иные возможности своего развития. И в этом отношении наряду с Шеллингом необходимо назвать Шлейермахера, Шопенгауэра, ф. Гартмана, Соловьева, Киркегора.

Что касается Киркегора, то здесь никак нельзя согласиться с Ясперсом, причисляющим его к таким мыслителям, как Маркс и Ницше. И дело не в выпадении из традиционной философии. Если и прав Ясперс в том, что он к ней не относится, из этого никак не следует, что принадлежность Киркегора к мыслителям типа Маркса и Ницше является неоспоримым фактом. И дело совсем не в «принадлежности к традиционной философии», как это видится Ясперсу. Более того, Киркегор, так же как и Маркс, должен быть отнесен к традиционному стилю философского мышления и в этом отношении никак не выпадает из классической (в широком смысле) парадигмы мышления. Философская борьба Киркегора с Гегелем есть неприятие поглощения тотальностью индивидуальности, отсюда и противопоставление субъективной диалектики объективной диалектике, у Киркегора. Вне всякого сомнения в том виде, в каком поставил проблему субъекта Киркегор, это вело к экзистенциализму. Однако такие сентенции мысли уже имели место в немецком романтизме, неразрывно связанном с немецкой классической философией. В то же время, эти религиозные импульсы всегда проникали в философию, и время от времени играли в ней далеко не последнюю роль (Паскаль, Киркегор, Шестов, Унамуно).

В отличие и от Киркегора и от Маркса, Ницше настолько радикально порывает с традиционной философией, что закладывает основы всей современной, так называемой неклассической философии. Однако данное обстоятельство не мешает ему в определенном смысле рассматривать в одном ряду с Марксом, а также, по нашему глубокому убеждению, и Федоровым. Таким образом, проблема сближения Ницше с Марксом не лежит в плоскости отпадения их от традицион-

ной философии, как это полагает Ясперс. Ницше с Марксом сближает абсолютное несогласие тотального неприятия посястороннего мира, сводящего на нет его онтологический статус. Об этом хорошо сказано Хайдеггером: «Понижение прежних верховных ценностей идет не от какой-то страсти к слепому разрушению и не от суетного обновленчества. Оно идет от нужды и от надобности придать миру такой смысл, который не доводит его до роли проходного двора в некую потусторонность» [9, 57]. Хайдеггер имеет в виду Ницше. Но это положение должно быть в первую очередь отнесено к Марксу и Федорову. Как уже было сказано, философская мысль должна была придти и действительно пришла к материализму. «Этот естественный уклон мысли в сторону материализма, как бы ни были неудовлетворительны материалистические теории, не может быть побежден просто идеалистическим отрицанием материи. Легко диалектически разрешать материю в наше представление или в иллюзию, как бы в сон, лишая ее всякой теплоты и красочности, но эта идеалистическая критика, сильная в тиши замкнутого кабинета, не обладает, однако, жизненной убедительностью и безмолвствует пред лицом строгой правды жизни, пред лицом голода, болезни, рожденья, смерти. Кроме того, это идеалистическое пренебрежение к материи должно считаться и с ее способностью к просветлению в созданиях искусства, в красоте природы, в возможном благородстве и красоте человеческого тела» [10, 18].

И этот материализм от атеистического до религиозного был до конца последовательно реализован только Марксом, Ницше и Федоровым. Но при всей определяющей важности этой линии развития философии она была неразрывно связана с той, которая выстраивала свою координату ценностей в противоборстве с Гегелем. Кстати говоря, в своем анализе Ницше, Маркса и Киркегора Ясперс совершенно упускает из виду эту линию развития философии, отмечая другое важное направление мышления Нового времени — естественные науки и науки вообще, в частности, математику и логику. Ясперс приходит к следующему выводу: «Эти два потока текут вначале не сливаясь, независимо друг от друга и словно бы даже не подозревая о существовании другого. Переходя от одного к другому, мы окажемся в совершенно ином мире с абсолютно чуждым мыслительным климатом, с иной постановкой вопросов, иным пониманием смысла и сути, иным настроением. Сольются ли когда-нибудь оба потока, где и как они встретятся, составят ли одно всеобъемлющее целое подлинной, истинной философии? На этот вопрос пока нет ответа; судьба их еще не решена» [8, 102].

Однако при всей исторической необходимости этого синтеза определяющей для мысли Ницше и Маркса была связь с другой лини-

ей философского развития, с которой их связывала общность поставленных задач в совершенно новую эпоху радикального изменения онтологической картины мира и осмысления необходимости выхода на новый уровень бытия. Что касается Киркегора, то он изначально должен рассматриваться как один из представителей этой альтернативной Марксу, Ницше, Федорову философии. «На основе учения о трансцендентальной субъективности, таким образом, в виде умозрительной конструкции истории вновь возрождается своеобразная онтология. Но теперь это не онтология бытия, а онтология субъекта, онтология культурно-исторической деятельности человечества, представляющего как некий абсолютный, а потому божественный субъект. Метафизика бытия вытесняется новой метафизикой — воли, или свободы» [6, 385]. И в решении поставленных философией задач Маркс и Ницше действительно радикально отличаются от остальных мыслителей, включая сюда и Киркегора. Онтология субъекта, метафизика воли или свободы трансформируется у Ницше и особенно у Маркса и Федорова в тотальность историчности, когда метод исторического познания мира приобретает характер абсолютного знания даже там, где речь идет об ниспровержении истории, как это имеет место у Ницше. Проникновение в глубины истории не только раскрывает закономерности ее развития, но и вскрывает сакральный характер ее предмета. Отсюда метод исторического познания становится философией истории, и тем самым, происходит переход к Марксу и Федорову.

Литература

1. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1988.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974.
3. Коллстон Ф. От Фихте до Ницше. М., 2004
4. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания. Соч. М., 1994.
5. Hartmann N. Die Philosophie des deutschen Idealismus. Bd. 2 (Hegel). Berlin, 1974.
6. Гайденок П.П. История новейшей европейской философии в ее связи с наукой. М., 2000.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
8. Ясперс К. Ницше и христианство. М., 1994.
9. Heidegger M. Nietzsche. Pfullingen, 1961. Bd. 1 — 2. Bd. 2.
10. Булгаков С.Н. Природа в философии Вл. Соловьева. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.

Н.Н. РОСТОВА

Священное как пострелигия*

Аннотация. Рецензия посвящена монографии К.М. Товбина «Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве». Автор акцентирует свое внимание на теоретической части книги, а именно: на проблеме религии в современном мире, описываемом автором книги при помощи понятия «пострелигия». По мнению рецензента, понятия «традиция» и «священное» традиционалистской школы, которые К.М. Товбин противопоставляет плюрализму, локальности, умозрительности «пострелигии», таят в себе те же характеристики.

Ключевые слова: религия, пострелигия, священное, плюрализм, смерть Бога, традиционалистская школа.

Abstract. The review is devoted to K.M. Tovbin's monograph «Post-religion and its formation in the Russian Old Belief». The author focuses the attention on theoretical part of the book, namely: on a religion problem in the modern world described by the author of the book by means of the concept «post-religion». According to the reviewer, the concept «tradition» and «sacred» of traditionalist school which K.M. Tovbin opposes to pluralism, locality, speculativeness of «post-religion», conceals in themselves the same characteristics.

Keywords: religion, post-religion, sacred, pluralism, death of God, traditionalist school.

Книга К.М. Товбина «Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве» интересна по нескольким причинам. Во-первых, она обращает на себя внимание теоретической частью исследования, в которой поднимается проблема религии и священного в современном мире. Во-вторых, искренностью автора, которому удалось совместить жанр монографии и личный неподдельный интерес к теме. И, в-третьих, невольной наглядностью рассуждений, самих по себе представляющих предмет изучения автора.

Для того чтобы описать современное состояние религии, К.М. Товбин использует понятие «пострелигия». Что кроется в этой приставке «пост»? Сегодня в научной и околонучной среде нередко оперируют понятиями «пострелигиозного», «постсекулярного», «постатеистического», подчеркивающими новый статус и новое качество

* Рецензия на книгу: *Товбин К.М.* Пострелигия и ее становление в русском старообрядчестве: Монография. — М: Этносоциум, 2014. — 478 с.

религии. Эта новизна прочитывается самым различным образом. Понятие «постсекулярное» в разной степени реабилитирует религию в секулярном мире. Если Ю. Хабермас отведет религии роль меньшинства, М. Кинг примирит науку и религию, то Дж. Милбанк, напротив, выступит за доминирование христианства в современном мире. В понятии «постатеизм» религия переосмысливается как сфера личного дела, индифферентная к авторитетам, институтам и догматам (М. Эпштейн). Понятие «религиозный постатеизм» означает смерть научного атеизма и сосуществование двух истин — религии и науки, которые находятся в отношениях взаимообучения (П. Полонский). Термин «пострелигия» не является изобретением К.М. Товбина, к нему прибегают А. Морозов, А. Дугин и другие исследователи, трактуя его каждый на свой лад. Для К.М. Товбина пострелигия означает имитацию религии, игру в религию и невозможную попытку возродить ее. Современная постмодернистская, как определяет ее автор, эпоха, выступая с критикой модернизма, не отвергает религию, но, напротив, прибегает к ней, подражает ей и стилизует свои построения под нее. Зачем? Затем, чтобы убить сакральное. Религия, в трактовке К.М. Товбина, оказывается не хранилищем сакрального, но средством отстранения от него. Пострелигия преодолевает не религию, но, по словам К.М. Товбина, Традицию. «Религия же, — говорит К.М. Товбин, — представляется накоплением тех предпосылок, которые по мере своего развития могут создать полный противовес Традиции — абсолютно в(несакральное) мышление» (С. 13). А потому пострелигия есть высшая форма десакрализации. О каких предпосылках идет речь?

Здесь К.М. Товбин затрагивает самый нерв современного сознания. В чем его суть? В плюрализме. Что такое плюрализм? Это «смерть Бога». К.М. Товбин пишет: «Именно против центризма было направлено движение мысли классиков постмодернистской философии; они не боролись с Богом или со Священным — они боролись с наличием места, которое Священное могло занять» (С. 80). Пострелигиозное сознание характеризуется признанием множества смыслов и, как следствие, отсутствием единого центра и иерархий. Оно ориентируется на индивидуальную сферу чувств и предпочтений «верующего» и отрицает внешние авторитеты, открывая дорогу «приватной», как сказал бы Луман, религии, т. е. религии на свой вкус. Оно синкретично и бесосновно и бытийствует не трансцендентным, но, по выражению автора, трансцендированием себя.

Пострелигии К.М. Товбин противопоставляет Традицию. Следуя традиционалистской школе (Р. Генон, Ю. Эвола, Т. Буркхардт, А.К. Кумарасвами, Ф Шюон, Х. Смит, Ж. Борелль, Дж. Катсингер,

М. Али Лахани, М. Сэджвик, С.Х. Наср и др.) и нередко цитируя А. Дугина, К.М. Товбин понимает Традицию как «цепь непрерывной и непрестанной смыслопередачи Священного» (С. 37). О каком священном идет речь? Товбин, уподобляя себя теоретикам священного Р. Отто и М. Элиаде, заявляет, что не готов дать определение священного, но намерен перечислить его атрибуты (С. 37).

Традиция как хранилище священного предполагает цельное сознание, для которого деление мира на сакральную и профанную сферы является вторичным. Исконно все сферы бытия были связаны и подчинены священному. «Все изначально священно; “профанность” — лишь результат особой человеческой деятельности по сокрытию Священного», — говорит Товбин (С. 42). Для традиции нет сферы, отделенной от сакрального. Сакральное проявляет себя везде, во всех сферах бытия, в каждой мелочи быта. Цитируя С.А. Зеньковского, Товбин пишет: «Для стояния в Традиции вся повседневность должна выглядеть как “лучезарный храм с вечным служением литургии, объединяющей Бога и мир”» (С. 63). Обращение к Богу «присутствует во всех, даже самых интимных и доведенных до автоматизма мелочах» (С. 64). Традиция имеет потустороннее измерение. По отношению к ней человек пассивен. «Традиция, — говорит Товбин, — дело не человеческое. Человек может быть или не быть лишь орудием самореализации Традиции; но полноправным субъектом Традиции является действующий Бог» (С. 42—43). Традиция предполагает единый центр, единственную Истину — «Бога и Священное» (С. 48). Она иерархична и упорядочена вокруг своего центра. Жизнь в Традиции задает ритуал, который позволяет со-причаститься священному. Таким образом, Товбин задает ряд последовательных противопоставлений. Раздробленности сознания и мира он противопоставляет цельность, локальности — тотальность, замкнутости — трансцендентный горизонт, самодостаточности — пассивность, ацентричности — центрированность, множественности — абсолютную единственность, безыерархичности — строгую иерархичность, умозрительности — ритуал, хаотичности — порядок, аморфности — различие, непрестанной динамике — статику неподвижных принципов. Однако это интеллектуальное сражение с принципом плюрализма не может быть выиграно. Дело здесь не в отдельных неточностях и проблемных пунктах в рассуждениях автора, который может, например, охарактеризовать постмодернистский мир как мир с «эгоцентрической духовностью» (С. 7), тогда как постмодернизм устраняет всякие бинаризмы и не знает понятия духовности; или, говоря об ацентричности постмодернистского сознания, вдруг упрекать его во вращении вокруг «воображаемого», «неса-

крального» центра (С. 15 — 16); или же спорно трактовать иерархию как доминирование догмата над литургией и освящением быта (С. 48) и т. п. Дело в основании предложенного дискурса. А основанием его оказывается понятие «сакральное». Создав надежные тылы из традиционалистской традиции, Товбин с легкостью прибегнул к этому понятию. Однако оно влечет за собой неминуемые последствия. Что такое священное для традиционалистов? Это синкретическая категория.

Рене Генон и его сподвижники видят мир как прогрессивное удаление от первоисточника и истины мира. Что им позволяет это видеть? Французскому Генону, принявшему ислам, это позволяет видеть индуизм и знание античной традиции. Для него Кали-юга оказывается Этот фундаментальный принцип есть плод абстрактного мышления индивида, который, говоря о «наиндивидуальных состояниях» и высшем Я, предлагает свой частный взгляд на вещи возвести до трансцендентного основания. Сама суть этого принципа заключается в абстракции, ибо что есть священное как не абстракция? Генон противопоставляет абстракциям непосредственное познание истины, но оставляет понятие истины пустым.

Священное в данном случае отличается от осуждаемого синкретизма тем, что строится на представлении о привилегированном взгляде извне на все культуры. Но такой взгляд может принадлежать только Богу, и его место теперь занимает посвященный эзотерик. Теория «примордиальной традиции» превращает Бога в имманентную величину, редуцируя Его до средства достижения вообразимой истины. Сама по себе категория «священное», вопреки ожиданиям традиционалистов, предлагает обратиться к дискурсу плюральности, ибо вместо конкретного трансцендентного Бога она обращается к бесконечности истин и ее, как говорит Генон, «аспектов». Генон полагает область этих истин трансцендентной и неподвижной. Но что значит трансцендентное по ту сторону трансцендентного? Что значит трансцендентное по ту сторону Бога? Или что значит традиция, преодолевающая религии? Это означает «демифологизацию» Бога. Сверхтрансценденцией оказывается индивидуальный интеллектуальный опыт. В чаемом синтезе непреходящее обнаруживает себя как преходящее, заставляя индивида опереться на свой интеллект. Ритуал для этой теории в идеале лишен религиозной составляющей, ибо в религии, полагает Генон, социальные и чувственные элементы преобладают над интеллектуальными, последние же являются главными.

К.М. Товбин придерживается заданного синкретизма. Еретиков и христиан он обнаруживает по разным сторонам одной и той же «примордиальной традиции» (С. 47). Автор прибегает не только к

терминам «сакральное — профанное», «божественное», но и к парам «трансцендентное — имманентное», «горнее — дольнее» и сбивчивому выражению «священное и Бог». Он приравнивает понятие «Традиция» к понятию «сакральное», понятому со ссылкой на Отто и Элиаде тождественной «железному веку» Гесиода, а алхимическая триада серы, ртути и соли — эквивалентной триаде духа, души и тела. Родиной «примордиальной традиции» для него выступает мифическая Гиперборея [1]. Генон называет религию изобретением Запада и определяет ее как одну из форм традиции, соответствующую западному менталитету, склонному к сентиментализму, а потому нуждающемуся в теологии и вере, которую вопреки Евангелию понимает не как уверенность в невидимом, но как чувство симпатии, противоположное «интеллектуальному состоянию несомненности» [2]. Более совершенной формой традиции он считает метафизическую, характерную для Востока. «Под различными формами, — говорит Генон, — проявляется сущностное единство всех учений» [3]. Религий много, форм традиции много, но изначальная Истина и «Вечная мудрость» едина. Доктрины, облакающиеся в формы, тождественны. «Всякая истина, — продолжает он, — исключает ошибку, но не другую истину (или, лучше сказать, другие аспекты истины)» [3]. Согласие всех учений, которое не означает упразднения их различий, доступно, если окинуть их взором сверху. Это видение открывается тому, кто, избрав одну из форм, последовал ей до конца и очутился «на пересечении всех путей» [2]. То есть тому, кто преодолел частность формы и понял, что есть различные способы выражения единой Истины. «Мы, — говорит Генон, — видим глубокую согласованность под разнообразием форм и в то же время мы видим смысл существования этих множественных форм в различии условий, к которым они должны быть приспособлены» [3]. Ожидая упреки в синкретизме, Генон заявляет, что в отличие от характерной для этого феномена внешней связи различных элементов, его теория предлагает подлинный синтез на основе фундаментального принципа. Она исходит не из периферии знания, но из его центра. Но возникает вопрос: какова природа этого центра? Природой его оказывается абстракция как «ощущение Божественного наполнения мира и единства мира в Боге» (С. 41). Товбин и сам видит, что такое понимание сакрального ««подпорчено» антропометрикой» (С. 41), однако оно не просто «подпорчено», но представляет собой имманентизацию Бога, редукцию Его к ощущению единства мира. Ожидая упреки, автор тут же обращается к объективности — к вере традиционалистов в «наличие священных смыслопередач Исконного» (С. 41). Но что есть «Исконное», «Начало», «Сакральность»? О каком

Боге в связке с сакральным все еще упоминает Товбин? Тождественны ли эти категории трансцендентному? Категория «священное», посредством которой преодолевается культ, трансцендентный Бог и религия как нечто временное и по существу своему ограниченное, есть одно из проявлений описанной автором пострелигии. Для «священного» характерен и принцип плюрализма, и редукция трансцендентного к субъективности, и отведение религиозному ритуалу вторичного места. Автор сетует, что сегодня Бог является продуктом выбора человека. Не Бог избирает верующего, но человек Бога. Священное, однако, и есть то *a*-теистическое понятие, которое отражает указанную перемену.

Литература

1. *Генон Р.* Кризис современного мира // http://modernlib.ru/books/genon_rene/krizis_sovremennogo_mira/read/.
2. *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике // http://modernlib.ru/books/genon_rene/ocherki_o_tradicii_i_metafizike/read/. *Генон Р.* Восток и Запад // http://www.koob.ru/genon/vostok_i_zapad.

В.П. ОКЕАНСКИЙ, Ж.Л. ОКЕАНСКАЯ

Мир как софийное хозяйство и Слово как идеация вселенной: философия имени как идеациональный феномен в контексте социокультурной динамики Питирима Сорокина

Аннотация. Принципиально новой является интерпретация философии имени в качестве существенного атрибута идеациональной парадигмы в рамках теории социокультурной динамики Питирима Сорокина. Сопутствующее философии имени учение о глобальном мировоззренческом, социальном, политэкономическом и культурно-антропологическом кризисе концептуально согласуется с этой теорией. Футурологические аспекты социокультурной динамики в свою очередь актуализируют холистический потенциал философии имени.

Ключевые слова: имя, сущность, идеация, кризис, цикличность, социум, космичность, символ, целое.

Abstract: The scientific novelty of this paper is to interpret the philosophy of a name as an important attribute ideationally paradigm in the theo-

ry of socio — cultural dynamics of Pitirim Sorokin. The doctrine of global ideological, social, political, economic and cultural-anthropological crisis conceptually consistent with the philosophy of a name. Futurological aspects of socio-cultural dynamics in calling for a holistic potential philosophy of a name.

Keywords: name, essence, ideation, crisis, cycles, society, cosmic, symbol, whole.

«Присутствие — мое, но не так, как пальто мое, а так, как имя мое» [1, 30]. Таким — столь точным и неожиданным и почти случайным, обиходным, чувственным — образом была указана глубочайшая качественная связь личностно значимого существования и его смысла, содержащегося в именовании: ведь и лучшее пальто изнашивается — подлинное имя не ветшает.

По сути дела, здесь оказывается затронут главный содержательный нерв отечественной «философии имени», исходящей из констатации *синергического единства имен и именуемых сущностей*, в конечном итоге — слова и мироздания. Ведущими представителями этого направления русского религиозно-философского идеализма XX в. являются три автора: отец Павел Флоренский (1882 — 1937), отец Сергей Булгаков (1871 — 1944) и А.Ф. Лосев (1893 — 1988), личным секретарем которого в позднесоветские времена работал Бибихин; с цитирования его лекционного курса мы начали нашу статью — его слова вполне могли бы послужить к ней эпитафией. Речь идет не о конкретных колебаниях воздушных масс: Лосев особо отмечал, что «имя сущности ни в каком случае не есть имязвучие, но — умная и смысловая энергия сущности, и разнозвучие в языках указывает лишь на разное понимание и называние *одного и того же* имени» [2, 412].

Таким образом, имя трактуется как идеальная («эйдетическая» и «софийная» [3]) — а не чувственная категория. Интересно, что по своему к этой *идеациональной* проблематике приблизились исторические предтечи русских религиозных философов в гоголевские времена, уже в позапрошлом столетии: это — А.С. Хомяков и К.С. Аксаков с их учением об онтолого-метафизической природе слова как имени именуемой сущности. Если первый рассматривал языковую реальность как «переход от мира вещественного к миру мысли», особо подчеркивая, что космизированный язык «держит мысли под своею незаметною опекою» и даже является «тайной силой, управляющей отчасти самую мыслью» [4, 23—24], то его ученик и последователь отмечал метафизичность самой природы словесности: «Слово, само по себе взятое, есть целый мир, оторванный от случайности, прости-

рающийся над всем природным миром; поэтому слово само по себе уже изящно. И так язык сам по себе, простое выговаривание, *вещание*, есть уже изящное явление... Слово вообще есть уже акт поэтический, оторвание от случайности целого мира, явление его в новом образе» [5, 402].

Этот момент аксаковской филологии с особой значительностью был подчеркнут в наследии Лосева [6], однако доктринально он предвосхищен уже в языковедческой философии немецкого романтизма: «Каждый язык в полном своем объеме содержит все» [7, 84], — писал еще В. фон Гумбольдт. Интерес к этой идее можно ретроспективно обнаруживать в глубине исторических времен, наследующих ее от первобытной архаики: в наследии св. Дионисия Ареопагита [8], в диалогах Платона [9], во фрагментах Гераклита [10]... Можно, возвращаясь в XX в., указать и на известную работу современника Булгакова и Флоренского — В.Ф. Эрн — с характерным и показательным антикризисным названием «Борьба за Логос» [11].

Для нас особенно важно, что значительную историософскую часть философии имени составляет концептуально развернутый лейтмотив *макрокультурного кризиса* (намеченный уже в раннем булгаковом труде «Философия хозяйства», в реализованной первой части «Мир как хозяйство» — и далее развернутый в его «Свете Невечернем», в разделе «Эсхатология хозяйства»), что придает сегодня самой этой проблематике существенную весомость и несомненную актуальность на ближайшую обозримую перспективу [12]: согласно этому представлению, в ходе цивилизационной истории человечества идет процесс тотального расколдовывания реальности, который, подчиняясь диалектическому закону «отрицания отрицания», сам по себе приобретает, как это великолепно продемонстрировано в лосевской «Диалектике мифа», *неомифологические* черты, когда формируется «жутковатая» картина «остывшего и обездушенного» мира, радикально отчужденного от человеческого бытия. Интересно, что в этом, как и в целом ряде других содержательных пунктов, философия имени аксиологически смыкается с представлениями таких крупнейших западных мыслителей XX века, как М. Хайдеггер [13—15], Р. Генон [16] и М. Элиаде [17], указывавших на необратимую кризисность и даже катастрофичность самих современных представлений о реальности. В том же ряду — образ «бездушного лика» бытийной «пропасти», обнаженный метафизической поэзией Ф.И. Тютчева и Г.Р. Державина...

Пониманию истинного значения и глубинного смысла этих объективно-гипнотических, но не субъективно-фантазийных образов мировой реальности существенно способствует социокультурная ди-

намика П.А. Сорокина (1889 — 1968), который еще в середине XX столетия указал на одно важнейшее обстоятельство, которое мы и по сей день отнюдь не сможем сбросить со счетов нашей истории: «Без сомнения, наступил жесточайший кризис. Мы оказались в эпицентре громадного пожара, сжигающего все до основания. Всего за несколько недель он уносит миллионы человеческих жизней, за несколько часов он уничтожает города с их многовековой историей, за несколько дней стирает с лица земли целые королевства. Красная человеческая кровь широким бескрайним потоком течет по земле. Нищета, растущая день ото дня, простирает свою зловещую тень, охватывая все новые территории. И вот уже наступил конец удаче, исчезли счастье и благополучие миллионов. На земле исчезли мир, безопасность и уверенность. Во многих странах люди забыли, что такое процветание и благополучие, свобода превратилась просто в некий миф. Солнце западной культуры закатилось. Громадный вихрь накрыл собой все человечество» [18, 428].

Согласно Сорокину, «главный вопрос нашего времени — драматичнейший переход от одной (сенсорной) глобальной фазы истории к другой (идеациональной); он усугубляется еще и тем, что фиксирует завершение всего (трехчастного) цикла, состоящего из последовательно сменяющих одна другую эпох (идеациональной → идеалистической → чувственной): «Кризис чрезвычайен, — подчеркивает Сорокин, — он... отмечен необычайным взрывом войн, революций, анархии и кровопролитий; социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом; возрождением отвратительной жестокости, временным разрушением больших и малых ценностей человечества; нищетой и страданием миллионов — потрясениями значительно большими, чем хаос и разложение обычного кризиса» [18, 431 — 432].

Идеациональный тип культуры, по Сорокину, существенно близок тому возвышенному состоянию культуры, «средневековый» характер которого раскрыли в XX столетии отец Павел Флоренский и Н.А. Бердяев, Р. Генон и Р. Гвардини, относившие Средние века «к высочайшим эпохам человеческой истории» [19, 133] и отходящие тем самым от аксиоматического негативизма Нового времени в отношении средневековой культуры (так, очевидно, что даже активность инквизиции принадлежит уже финалу этого времени и началу Ренессанса); и даже когда их историософский предтеча В.С. Соловьев в свой охваченный «прогрессистским мифом» XIX в. писал о причинах «упадка средневекового миропонимания», то — что весьма характерно — главной из них отмечалась жизненная недоосуществленность

высокого *идеала*, который виделся ему в «органическом синтезе теологии, философии и опытной науки» [20, 266].

Сам же Сорокин, для которого важна как раз его существенная культурная *осуществленность*, указывает на принципиальную теоцентричность идеациональности («...главным принципом, или главной истиной (ценностью), был Бог» [18, 429]) и пишет далее об этом так: «Архитектура и скульптура средних веков были ”Библией в камне“. Литература также была насквозь пронизана религией и христианской верой. Живопись выражала те же библейские темы в линии и цвете. Музыка почти исключительно носила религиозный характер...» [18, 429].

Идеациональность по существу своему обращена к Непреходящему, Неветшающему, к тому, что мы могли бы, вослед Генону, назвать верховным Первопринципом, Логосом — чувственность же оказывается в этой модели основной характерологией нижней Зыби, базисной нестабильности, того «мещанского» состояния общественного сознания, когда, по словам Лосева, «былые тысячелетия великих мифологических культур предстали в виде неинтересных мусорных куч и бесконечного ряда выдумок и глупостей» [2, 482].

Однако же переход от одного типа к другому составляет целую продолжительную эпоху, отмеченную мировоззренческим хаосом и нарастающей нестабильностью жизни, о чем Сорокин пишет следующее: «Идеациональная культура средних веков продолжала приходить в упадок, в то время как культура, основанная на признании того, что объективная реальность и смысл ее сенсорны, продолжала наращивать темп в последующих столетиях. Начиная приблизительно с XVI века новый принцип стал доминирующим, а с ним и основанная на нем культура. Таким образом возникла современная форма нашей культуры — культуры сенсорной, эмпирической, светской и “соответствующей этому миру”» [18, 431].

Общая картина целостного большого цикла, состоящего из трех разнокачественных эпох, в сорокинской модели социокультурной динамики выглядит как внутрициклическая *инволюция духа*, а также как символическая реализация древнейшей сакральной модели (просматривающейся в разных источниках: у даосов и индусов, у пифагорейцев и Ф. Ницше) «вечного возвращения»: «Известно, — отмечено, например, в Корпусе Ареопагитик, — что божественно-разумные существа, соединяясь с безначальным и бесконечным сиянием Прекрасного-и-Благого, двигаются кругообразно» [8, 40]. Мы обнаруживаем ее и в «Новой науке» (1725) Дж. Вико, концептуально выделявшего последовательно сменяющего один другого «век богов», «век героев»

и «век людей» [21]; схожую модель можно увидеть и в историософских учениях Ф. Шеллинга и Г. Гегеля о мировых эпохах.

Интересно, что примерная продолжительность в историческом времени каждого из трех выделяемых Сорокиным периодов внутри большого цикла весьма близка точному значению продолжительности Великого Индиктиона в православной традиции, который представляет собою «освященный Церковью хронологический период, доказывающий цикличность христианского времени. Измеряется числом 532, рождаемым из перемножения двух величин: 19-летнего “круга луны” и 28-летнего “круга солнца”. Полученный период в 532 г. представляет собой такой цикл, по истечении которого даты пасхальных полнолуний 14 нисана падают на те же дни седмиц и числа месяцев. Если григорианский 19-летний Метоновский круг был известен у средневековых компутистов (вычислителей) Рима под названием “круга луны” (*circulus lunae*), то 28-летний круг получил наименование “круга солнца”. Эта связь 28-летнего круга с Солнцем (в отличие от связи 19-летнего круга с Луной) носит символический характер. Она покоится на весьма важном основании, свойственном только Юлианскому календарю: через каждые 28 лет дни седмицы (т. е. недели) падают в этом календаре на те же самые числа месяцев. Эта чрезвычайно важная особенность Юлианского календаря делает его календарем циклическим, действующим с ритмом раз и навсегда определенного механизма» [22, 59].

Социокультурная динамика П.А. Сорокина является по существу своему историчной, и в этом состоит ее огромное и непреходящее теоретико-методологическое и философское значение — однако для ее более глубокого восприятия мы должны прежде всего понять, что она в своей циклической реализации исходит из принципиального допущения периодического возвращения таких сугубо религиозных «дофилософских» эпох человеческой истории с их «первобытной онтологией» (М. Элиаде), когда осуществляются — реализовываются, становятся проживаемой реальностью! — внутрикультурные мистериальные прорывы за пределы времени — в метаисторические и метафизические области вечного бытия. Безусловно, это возможно только в живых культурах с крепкими религиозными основаниями и высокоразвитой структурой мифологического сознания. В принципе эта гиперреальность и никогда полностью не уходит из человеческой жизни, однако же деактуализируется и как бы теряется — в антиидеациональные, сенсорные эпохи культурно-цивилизационной истории, когда реализуется совсем иная и прямо обратная действительная возможность полного ничтожества и окончательной нихилизации суще-

ствования, связанной с торжеством всеобщей бренности... Разумеется, каждой исторической эпохе приходит свой конец, но исходные метафизические перспективы здесь оказываются принципиально различными: вечность или ничто.

У известного современного китаиста В.В. Малявина встречается любопытное рассуждение о «почти современниках» Платоне и Конфуции: согласно ему, ни могила Платона не известна, ни дом, где он жил, не вошло это все (хотя бы в виде беглого упоминания) и в его философское наследие — тогда как с Конфуцием дело обстоит прямо противоположным образом, когда все о нем известно и даже имеются сведения о двери, к которой подходил мыслитель и гладил ее, приговаривая «хорошая дверь»... В малявинском объяснении ментальных различий средиземноморского и китайского культурных миров не достаёт понимания стадиальной хронологии, никак не позволяющей интерпретировать Платона и Конфуция в качестве «почти современников» — напротив, их разделяет не эмпирические полтора века, а как минимум пять-шесть социокультурных столетий: Платон жил на уже осуществленном закате ранней Античности, на завершающемся переходе идеационально-мистериального типа культуры в интеллектуально-идеалистический, Конфуций же своим наследием зафиксировал начало перехода из идеалистического мира в чувственный, ранние «сумерки Дао» [23].

Интересно, что даже и сам А.Ф. Лосев — «философ имени, числа, мифа» [24, 3] — на пороге 1930-х гг. пояснял свою «Диалектику мифа» с принципиальной теоретической опорой отнюдь не на символическую метафизику традиционализма, а на экономически углубленную академическую социологию: «...я выступаю в этом труде с социологическим, точнее, с *социально-экономическим* анализом фактов культурной истории. Не считая эти анализ и метод своей специальностью, я раньше избегал им пользоваться в своих печатных работах, хотя в докладах и лекциях чем дальше, тем больше я углублял его в применении к истории философии и искусства»; «я трактую весь платонизм как порождение... *рабовладельческого общества*»; «возрожденческая мифология и наука построена на базе *первоначального накопления*»; «*Кант* трактуется как начало пребывания у власти буржуазии... а немецкий идеализм диалектически связывается с ростом машинного производства...»; «философия известного идеалиста Гуссерля трактована мною как идеология банкового капитала..., современный формализм и экспериментально-психологическая эстетика — как мелкобуржуазное порождение... Главнейшие исторические эпохи установлены вообще мною по социально-экономическому принципу.

Основная триада феодализма (или авторитарной экономики), капитализма (экономика изолированного субъекта, либерализм) и социализма проведена решительно по всей книге, причем эту триаду я нахожу и во всех других культурах...» [2, 498 — 499].

В структуре этой лосевской транскультурно-циклической «основной триады» хорошо просматриваются прямые структурно-содержательные соответствия с той моделью, которая реализуется в пределах сорокинской социокультурной динамики: авторитарности феодализма соответствует именно «идеациональный тип» культуры, либерализму — тип «переходный, идеалистический», социализму — тип «чувственный»... Хотя Сорокин, вероятно, не принял бы такого отождествления в силу следующей причины: «Переход от монархии к республике, от капитализма к коммунизму совершенно незначителен по сравнению с заменой одной фундаментальной формы культуры другой — идеациональной на чувственную, и наоборот» [18, 435].

Но любопытно, что и сам Сорокин, предвосхищая и великолепно описывая «грядущую идеацию» в ее исторической логике, как и критикуемый им за «пессимизм» и все же существенно близкий ему виталист О. Шпенглер — находятся еще до известной степени в рамках сенсорно-номиналистической (о чем, например, свидетельствует явная недооценка и недоосмысленность языкового фактора как в сорокинской социокультурной динамике, так отчасти и в шпенглеровской морфологии культуры) и позитивистско-натуралистической стадийной парадигмы. В сорокинском «Кризисе нашего времени» говорится об этом так: «Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. ...Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение — людей будущего» [18, 427].

Можно сказать и так, что все они (Шпенглер, Сорокин, Лосев) — подобно Хайдеггеру с его иллюзиями «преодоления метафизики» и пожизненным вопрошанием о ее сущности — способны восхищаться метафизикой, или идеациональностью, со стороны — тогда как отцы Павел Флоренский и Сергей Булгаков непосредственно пребывают уже внутри метафизической парадигмы [25, 15—20; 26, 35—40], подобно их французскому современнику, такому глубочайшему интеллектуалу XX столетия и яркому критику современного сенсорного мира, каким был Р. Генон, писавший: «...вся современная эпоха, во всем ансамбле, представляет для мира период кризиса; впрочем,

кажется, мы приближаемся к развязке, и это делает более заметным — сегодня как никогда — ненормальный характер состояния вещей, который длится уже несколько веков...» [16, 153].

Отнюдь не только умозрительным *приближением* к идеациональной парадигме представляется и направление «цивилизационного реализма», оказывающееся своеобразным «кентаврическим» феноменом [27, 3—13] современной интеллектуальной культуры, постепенно входящим в широкий образовательный процесс. Так, А.Г. Дугин в учебном пособии «Международные отношения: парадигмы, теория, социология» развертывает этот «цивилизационный» подход (методологически близкий идеям Шпенглера и Тойнби), при котором намечается «контргегемонистский» переход от сенсорности к идеациональности: на прежнем месте контролируемых ООН и Лигой наций «национальных государств», парадигмально укорененных в миропонимании Модерна, оказывается многополярная и сверхэмпирическая парадигма глубоко осмысленного Постмодерна, согласованная с творчески сбалансированным хантингтоновским «конфликтом цивилизаций» [28]. В другом учебном пособии под дугинской редакцией «Социология мировой политики», подготовленном, кстати, одним из самых заметных сегодняшних российских лидеров — В.В. Жириновским в соавторстве с Н.А. Васецким в качестве вузовского учебного пособия по специальности «Социология», прорисовываются «сценарии развития России» [29] в современном панлиберальном мировом сообществе, не исключаящие в одном из них и возможность приближения того, что договаривает до конца другой современный автор, а именно — «удара по России» [30]. Такие псевдоидеациональные разработки возможны, разумеется, лишь на излете чувственной эпохи как проявления ее полной исчерпанности.

Но характерно, что все эти «сценарные подходы» — вполне прагматические и *сузубо* цивилизационные (отнюдь не *культурно-цивилизационные!*), ибо осуществляются они еще в рамках стремительно исчезающей с лица земли *доидеациональной* (сенсорной, либеральной) парадигматики, чуждой духовно-вертикальному измерению грядущей идеациональности и предпочитающей благодатной щедрости неба и великому сотрудничеству цивилизационных миров продолжение зловещей игры в захват земли.

Хотя заметим, что и в столь близкой А.Дж. Тойнби идее грядущего тоталитета «мирового правительства» и его всепоглощающего «мудрого контроля» (религиозного — в его консервативном варианте; и светского — в либеральном варианте Ф. Фукуямы) также очевидны остатки грубого материализма как наследия чувственной эпохи —

согласно же футурологическим взглядам самого Сорокина, на так и не занятом (постнищешанскими сверхчеловеками) в излете Нового времени месте Пантократора снова окажется милосердный Господь «нового Средневековья»...

С наступлением идеациональной эпохи мир раскроется как софийное божественное хозяйство; произойдет радикальное изменение и в восприятии человеком природы, которое можно было бы осмыслить как процесс глубокой денатурализации, связанной с всеобъемлющей реставрацией символического миропонимания: природа — леса, моря, горы и даже звезды — что манит человека в свое натуральное лоно, будет существенно очищена от его навязчивого антропофорного присутствия. Экологические и заповедные зоны современного мира станут коридорами в этот будущий дивный и устрашающий человека природный мир, в который вернуться как многие формы исчезающей животно-растительной жизни, так и всевозможные внеантропоидные и, казалось бы, фантастические существа.

Человек будет подвергнут новой локализации и сожмется в своих джунглях искусственного происхождения: мегаполисах и его сателлитах, гипермаркетах и всевозможных бюро, вокзалах и производствах, местах семейного обитания и суженных придорожных пространствах. Природа повернется к человеку своей жуткой хаотической внеприватной и непикниковой стороной. Быстрые самолеты и огромные корабли, скоростные экспрессы и комфортабельные автомобили понесут людей за пределы того, что уже сейчас начинает восприниматься в качестве ускользающей из нашего непосредственного соприкосновения с миром экзотики, все еще манящей... И нас уже теперь охватывает щемящая тоска по этой уходящей дневной природе, которая практически исчезнет, обретая нижний статус ночи, в идеациональном мире...

Ныне мы можем предположить, что это будет очищением от избыточной животности, чувственных доминант, при обилии которых само страдание — всеобъемлюще и непереносимо. «Если бы мы не были такие эгоисты, — с шопенгауэровским размахом отмечал отец Сергей Булгаков, — если бы мы не были заняты постоянно своими делами, то покой и счастье стали бы навсегда невозможны для нас. Стоит только открыть глаза и уши, прислушаться к голосам этого мира, мы услышим от всех времен и народов, от прошлого и настоящего нестерпимый стон, проклятия, жалобы, плач детей, мы почувствуем, что земля под нами пропитана кровью и весь этот мир и вся история есть одна мучительная трагедия. Мы не можем вынести и вместить

этого сознания, мы слишком любим себя и свой покой, и только потому мы живем в относительном равновесии» [31, 116 — 117].

В неизбежной череде воцаряющихся с начала XX столетия глобальных катастроф потребуется на уровне переформирующегося миропонимания великая анестезия от мирового горя, с которым уже не справится им сломанный личностный эгоизм — и она придет в образе новой идеациональности... На известной картине Нестерова «Философы» изображены идущими на фоне дремучего леса еще профессорствующий Булгаков и священник Флоренский. Но это вовсе не неогностический «русский Фауст» (Флоренский) и подражательный «русский Вагнер» (Булгаков), как однажды привиделось Н. Бонецкой [32], это нечто существенно большее — разнокачественные миры, а именно здесь — беглое смыкание стареющей «пиджачной цивилизации» и погруженного в тяжкую думу чувственного типа с молодым еще идеациональным светонасыщенным феноменом на окончательном переходе к последнему. По П.А. Сорокину, обратный переход осуществляется медленнее и затягивается на «идеалистические» столетия — переход же в парадигму идеации дарует роскошь непосредственного прикосновения к этому непостижимому скачку в парадигмальном стыке.

Флоренский, отмечавший, что «близок час глубочайшего переворота в самых основах культурного строительства», что «Гете, Рескин, Толстой, Ницше, сейчас Шпенглер, да и многие другие, уже предостерегали о катастрофических илах», особенно подчеркивал: «Культура есть язык, объединяющий человечество; но разве не находимся мы в Вавилонском смешении языков, когда никто никого не понимает и каждая речь служит только, чтобы окончательно удостоверить и закрепить взаимное отчуждение?» [33, 346].

Отец Павел в особом исследовании, посвященном «мистическому переименованию», указывает на «этимон слова “имя”» как в арийских, так и в семитических языках: в первых оно выражает «*познавательную* функцию духа», «имя объекта есть познаваемая природа его» [34, 13—14] — во вторых указывает на «память, воспоминание, напоминание», а также «знак, признак, примету вещи или лица» [34, 28—29]; тогда как «в области культа имя является посредником и носителем Божественного присутствия» [34, 140], «в силу же мистической связи между именем и Его носителем название Божьего имени привлекает в место названия Его силу, Его мощь, является как бы творческим fiat, поистине кующим действительность» [34, 142].

Мысли Флоренского о «магичности слова» [33], «метафизике имен», «чертах конкретной метафизики» и «государственном устрой-

стве в будущем» [35] принадлежат существенно идеациональному типу мировосприятия. Флоренский, как и Сорокин, указывал на очевидный распад предшествующей парадигмы: «Начиная от тончайших построений физико-математических наук, кончая элементарными средствами существования — все стороны жизни заполнены ядовитыми продуктами жизнедеятельности и заняты разрушением самих себя. Наука учит не бодрой уверенности знания, а доказательству бессилия и необходимости скепсиса; автомобилизм — к задержке уличного движения; избыток пищевых средств — к голоданию; представительное правление — к господству случайных групп и всеобщей продажности; пресса — к лжи; судопроизводство — к инсценировке правосудия и т. д. и т. д. Вся жизнь цивилизованного общества стала внутренним противоречием, и это не потому, что кто-либо в частности особенно плох, а потому, что разложились и выдохлись те представления, те устои, на которых строилась эта жизнь. Очевидности этого общего положения вещей не могут уничтожить многочисленные и нередко блестящие успехи современной цивилизации» [35, 391—392]; однако же, «никакие парламенты, учредительные собрания, совещания и прочая многоголосица не смогут вывести человечество из тупиков и болот, потому что тут речь идет не о выяснении того, что уже есть, а о прозрении в то, чего еще нет. Требуется лицо, обладающее интуицией будущей культуры...» [35, 392].

«Философия имени» отца Сергия Булгакова, наряду с его «Трагедией философии» (где были показаны языковые тупики эгологического разума), является крупнейшим творческим проектом, который адекватно можно рассматривать только в рамках идеациональной парадигмы. В известном смысле эти труды стали восхитительным мостом к последней. Безусловно, они были связаны и с его многолетним профессорским замыслом незавершенной «Философии хозяйства», остающейся еще в пределах сенсорной эпохи, но и явились его софиологическим завершением — началом нового пути...

Булгаков указывает на трансцендентность самих оснований словесной реальности по отношению к возможностям ее как лингвистико-филологического, так и традиционно-философского обнаружения: «Вопрос о слове не вмещается в науку о словах как таковую. <...> Вся новейшая философия, кроме Лейбница, прошла мимо языка, можно сказать, не заметив проблемы слова. Ни Кант, ни Фихте, ни Гегель не заметили языка и потому неоднократно являлись жертвою этого неведения» [36, 13—14].

Настаивая на том, что «слова-идеи суть голоса мира, звучание вселенной, ее идеация» [36, 27], автор «Философии имени» обнажает

космологическое вестничество словесной культуры и энергоинформационную природу человеческого языка. Булгаков создает своеобразную конроверзу традиционному сложившемуся в сциентистском сознании семиотическому пониманию языковой реальности, указывая на онтологические корни языка, делающих место человека центральным в бытии и свидетельствующих о его высочайшем творческом призвании. Человек оказывается единственным из всех известных нам живых тварей существом *космически одаренным*: «Язык творится нами, он есть наше художественное произведение, но вместе с тем он нам дан, мы его имеем как некую изначальную одаренность» [36, 32]. «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично...» [36, 25 — 26]. Именно *попечение о человеке как венце творения* позволяет говорить о редкостном для XX столетия *теологически обосновываемом гуманизме* софиологического учения. С полным разрушением таких оснований были связаны антиантропологические тенденции мейнстрима западной герменевтики и деконструктивизма...

Булгаков указывает на метафизическую — соборно-софийную — природу языка, определяющую социум и его состояния не как основания, но уже как продукты культуры: «...слова, язык соединяют людей, которые, как умеют, пользуются этим своим единством в слове. Социальность здесь есть не производящая причина, как теперь охотно думают, но следствие, результат, осуществление. Язык не создается, но лишь осуществляется в обществе, он собою связывает, обосновывает общество» [36, 25].

В завершение мы хотим сказать, что идеациональная философия имени должна бы воцариться в мире как творческий конец чувственного вранья, сыпучести смыслов и бытийной зыби...

Литература

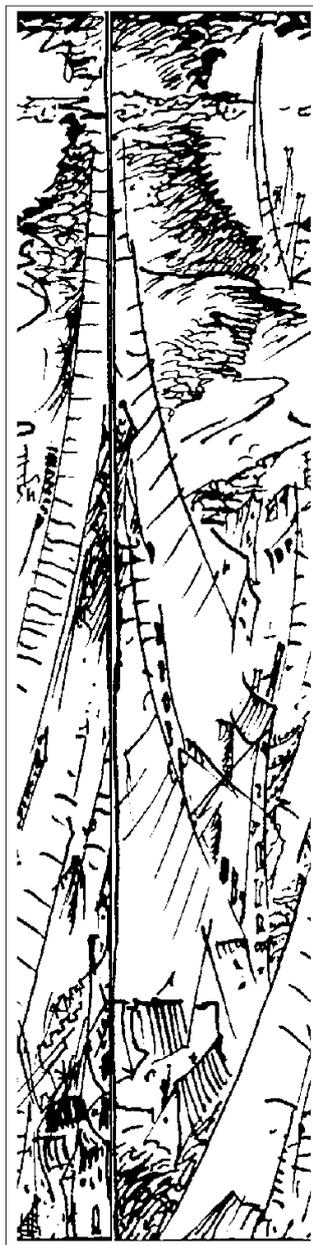
1. *Бибихин В.В.* Мир: Курс, прочитанный на философском факультете МГУ весной 1989 года. Томск, 1995.
2. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001.
3. *Лосев А.Ф.* Философия имени. М., 1990.
4. *Хомяков А.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1: Работы по историософии. М., 1994.

5. *Аксаков К.С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского университета К. Аксакова, написанное на степень магистра философского факультета. М., 1846.
6. *Лосев А.Ф.* Имя. СПб., 1997.
7. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
8. *Ареопагит, св. Дионисий.* Божественные имена // Мистическое богословие. Киев, 1991.
9. *Платон.* Кратил // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1990.
10. *Гераклит Эфесский:* все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / Подгот. С.Н. Муравьев. М., 2012.
11. *Эрн В.Ф.* Борьба за Логос. М., 1991.
12. *Слим В.* Глобальные катастрофы и тренды: Следующие 50 лет. М., 2012.
13. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе / Сост. П.С. Гуревича. М., 1986.
14. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
15. *Хайдеггер М.* Язык. СПб., 1991.
16. *Генон Р.* Кризис современного мира // Генон Р. Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. М., 2004.
17. *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.
18. *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
19. *Гвардини Р.* Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4.
20. *Соловьев В.С.* О трех типах философии // Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 3: наука, философия, религия / Под ред. Ю.С. Владимирова. М., 2010.
21. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.
22. *Серопян А.С.* Миротворный Круг // Отечественная интеллектуальная культура: материалы к энциклопедии (моделирующий глоссарий: ключевые имена и понятия) / Под ред. В.П. Океанского. Шуя, 2011.
23. *Малявин В.В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2003.

24. *Тахо-Годи А.А.* А.Ф. Лосев — философ имени, числа, мифа // А.Ф. Лосев и культура XX века: Лосевские чтения. М., 1991.
25. *Океанский В.П., Океанская Ж.Л.* Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры конца Нового времени // Вестник Московского университета культуры и искусств. 2009. № 6.
26. *Океанский В.П., Океанская Ж.Л.* Мир и язык в русской интеллектуальной культуре конца Нового времени // Социально-гуманитарные знания. Региональный выпуск. 2009.
27. *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования. 2011. № 12.
28. *Дугин А.Г.* Международные отношения: парадигмы, теория, социология. М., 2013.
29. *Жириновский В.В., Васецкий Н.А.* Социология мировой политики. М., 2012.
30. *Коровин В.М.* Удар по России: Геополитика и предчувствие войны. СПб., 2014.
31. *Булгаков С.Н.* Венец терновый // Булгаков С.Н. Моя родина. Избранное. Орел, 1996.
32. *Бонецкая Н.К.* Русский Фауст и русский Вагнер // С.Н. Булгаков: pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. СПб., 2003.
33. *Флоренский П.А.* Соч.: В 2 т. Т. 2 У водоразделов мысли. М., 1990.
34. *Флоренский П.А.* Священное переименование: Изменение имен как внешний знак перемен в религиозном сознании. М., 2006.
35. *Флоренский П.А., священник.* Автореферат; Троице — Сергиева Лавра и Россия; Иконостас; Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность; Предполагаемое государственное устройство в будущем. М., 2007.
36. *Булгаков С.Н.* Философия имени // Булгаков С.Н. Первообраз и образ: Соч.: В 2 т. Т. 2: Философия имени. Икона и иконопочитание. Приложения. М., 1999.

IV

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

А.Н. НЕЧУХРИН, С.В. СИНЯКОВ

Интеллигенция в плену исторических иллюзий

Аннотация. Рассматриваются проблемы взаимоотношений России — славянства — Запада в дискуссиях конца XIX — первой четверти XX в. Раскрывается подход западников и славянофилов к этому вопросу. Представляется отношение русской интеллигенции к украинскому и польскому национальным движениям, позиции последних в отношении единства славян в составе российской государственности. Проводится параллель между той эпохой и кризисными явлениями в развитии современной политической ситуации.

Ключевые слова: русская интеллигенция, православная цивилизация, имперское самосознание, славянский мир.

Abstract. The article considers the problem of conscience in XXI century. This problem is the part of theory of social collective intelligence. Russia and mankind is outlive Age of Giant Evolution Breaking. Mankind itep in first fazes of Global Ecological Catastrophic. Imperative of progressive evolution of Mankind is Imperative of dominating of social collective intelligence. Mankind itep in the Age of Giant Paradigmatic Revolution of conscience. This is Age of Birth of Real Mind.

Keywords: social, collective indigence, conscience, Global Ecological Catastrophic, Real Mind.

Идеи, а также иллюзии и утопии являются важными движущими силами исторического процесса. Социальные учения, политические идеи, в том числе утопии и иллюзии, создаются интеллигенцией и частично находят свое отражение в ее идеологии. Утопии являются существенным элементом в духовной жизни интеллигенции: в них содержится не только фантастический идеал, но и конструктивное начало — умение интеллектуалов смотреть вперед, предчувствовать, предугадывать становление будущего. Иллюзии, так же как и общественное мировоззрение в целом, выступают своеобразным зеркалом социальных проблем и общественных противоречий на определенном этапе развития общества. На протяжении столетий Россия была страной с разорванным общественным сознанием (западники, славянофилы), но вместе с тем оставалась стержневым государством православ-

ной цивилизации. Представляется, что сознание русской интеллигенции, ее мысли и надежды в конце XIX — начале XX в., нередко были оторваны от исторической реальности, сама же она отождествляла себя с народом и противопоставляла государству.

XIX столетие было для России эпохой выбора своего цивилизационного пути. Победа в составе союзной коалиции над наполеоновской Францией, заключение Союза трех императоров не сделали Россию своей в семье европейских народов. Несмотря на все усилия Александра как во внутренней, так и во внешней политике, его благоволение к польской аристократии, в Европе к России относились с подозрением. Политика Николая I еще более усугубила разрыв России с Европой. Мощный удар по авторитету государства нанесло поражение в Крымской войне. В этих условиях формировалось национальное самосознание русского общества как целого (а не отдельно дворянского сословия). Решающий вклад в его формирование вносили историки, философы, публицисты, писатели, все те, кого мы привыкли объединять достаточно расплывчатым термином «интеллигенция». Кстати, процесс формирования русской интеллигенции шел параллельно с процессом формирования русского имперского самосознания. Российская империя в силу своих размеров, потенциальных возможностей, военных побед конца XVIII — начала XIX в. не могла не претендовать на особое положение в Европе. Российская империя породила и имперское самосознание. Однако вставал вопрос реализации претензии в политической практике. Поскольку сблизиться с ведущими европейскими народами не удавалось, необходимо было искать союзников, пусть не столь влиятельных, но надежных и многочисленных. В этом отношении перед Россией во всей полноте открывается славянский мир, причем представленный в общественном сознании весьма иллюзорно и субъективно. Однозначно славянство как единственный естественный союзник русского народа (под которым понимался российский народ) было определено в концепции славянофилов. Н.Я. Данилевский утверждал: «Будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одною из европейских держав, — Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности. Вот выгоды, польза смысл Всеславянского союза по отношению к России. Для западного славянства значение союза еще важнее. Россия, не сделавшись представительницей славянского мира, конечно, ли-

шится через это исторической цели своего существования... но, если смотреть с более низменной точки зрения, она все-таки может еще долго — годы и веки — не только сохранять внешнюю государственную независимость, но быть даже великою политической силою, хотя и лишенную внутреннего смысла и содержания. Для прочих славянских племен вопрос поставлен гораздо резче. Здесь дело идет не об историческом смысле их жизни, не о величии исторической роли, а просто о существовании — так сказать о хлебе насущном для их народной жизни. Вопрос *быть* или *не быть* представляется в самой обыденной и потому именно в самой грозной, трагической форме» [1, 402].

Славянская православная Россия противопоставляется славянофилами католическому Западу и Польше, поэтому между Россией и Западом не может быть единства. Как писал Ю.Ф. Самарин, «...во-первых, между Россией, землей населенной Славянским племенем, землей православной, имевшей свою особенную историческую судьбу, и всеми Латино-Германскими и Католико-Протестантскими землями существует разница более существенная, более глубокая и резкая, чем та, которая усматривается при сравнении этих земель между собой или с Польшей; во-вторых, что во всем, что обуславливается в жизни началами религиозным, политическим и племенным, Россия должна развиваться самобытно...» [2, 129]. Свои выводы сторонники ориентации на славянский мир обосновывали и соответствующими негативными представлениями о России и русских, которые были распространены в Европе и к чему приложили немало сил некоторые польские авторы, поскольку Польша сама претендовала в прошлом на верховенство в славянском мире. Так, М.Н. Катков заостряет внимание своих читателей на интерпретации польским публицистом-историком Ф. Духинским происхождения русского народа и его места в Евразии: «Читатели, конечно, заметили то почетное место, которое отведено профессором Москалям. Что Москаля — Тураны, это не только вывод науки, но положительная необходимость для того, чтобы человечество обладало счастьем на земле... Москаля связаны полным единством с Неграми и Китайцами... Федеративные элементы Ариев, то есть народов латино-германско-славянских, останавливаются у русла Днепра... Таким образом, Европа, в том виде как ее очертили географы, делится на два обширных пространства, пересеченные течением Днепра. В каждую сторону от этой реки начинается особый мир. Европа оканчивается у Днепра; за ним начинается Азия, явственными признаками отмечающая единство племен монгольского, китайского, татарского и Москалей» [3, 199]. Все это, подчеркивает

М.Н. Катков, необходимо для Духинского, чтобы доказать Москалям, что они не славяне и отстранить их от панславизма, поскольку поляки опасаются видеть Россию во главе славянского мира [3, 199—200].

Проблема единства славянства получила достаточно прагматическую политическую интерпретацию. Единство достижимо только под эгидой России как наиболее мощной и авторитетной славянской страны. Соответственно все те государства, политические движения, которые не признают этого постулата, как и все движения и партии, чья деятельность идет в ущерб российской государственности, выступают против единения славян. Односторонняя ориентация славянофилов вызывала негативную реакцию западников, хотя это вовсе и не означает, что они хотели отвернуться от славянства. По словам М.В. Довнар-Запольского, «славянофильство обосновалось на гегельянском учении, но с сильной примесью дегтя и лампадного масла» [4, 179].

Распад Российской империи, с которой связывалась идея единства славянского мира, оказался непредусмотренным ни славянофильской, ни западной цивилизационными концепциями. Встал традиционный для российской интеллигенции вопрос: «кто виноват?». Если ранее вину на все провалы во внутренней и внешней политике с легкостью возлагали на государство и чиновничество — не прислушались! — то теперь интеллигенции пришлось пристально посмотреть на себя и свой вклад в «общее дело». Активный западник Р.Ю. Виппер, выступая против возврата к славянофильству, к допетровской Руси, поскольку в ней было много восточного, от Византии [5, 10], в то же время решает пересмотреть традиционные для западника взгляды на реформы Петра Великого. Историк вынужден констатировать, что, начиная с XVII в., с Петра I, происходит разобщение общества и государства, интеллигенции и народа [5, 12]. «Катастрофа нашего времени... — пишет он, — составляет отдаленное последствие упадка национальной культуры» [5, 12]. «События 1917 г. — апогей национального падения» [5, 13]. В XVI — XIX вв., по его мнению, русские, став государственной нацией, подобно римлянам, утратили национальные черты и сплоченность. [5, 15]. По убеждению Виппера, Россия погружается в глубину Средневековья, феодализма: «Новообразования последнего времени — все эти Эстонии, Латвии, Польши, Чехо-Словакии, Грузии, Азербейджаны — откидывают нас сразу на 3—4 века назад» [5, 30].

Среди виновных в распаде российской государственности в первую очередь называются представители интеллигенции «национальных окраин». Исследователь русского западничества В.Г. Шукин

справедливо отмечает, что западники не могли упустить реальную угрозу распада российского государства на независимые национальные «уделы»: «И это не выглядело бы как простое отделение национальных окраин. Ведь нерусские народы жили совсем близко от столиц, жили посреди русских...» [6, 262]. «Теперь, — пишет исследователь, — становятся ясны причины несправедливого, порою нетерпимого отношения западников к любым проявлениям национализма, сепаратизма, к любым национально-освободительным движениям» [6, 263].

Особую настороженность, порой даже неприязнь, сторонники единства России испытывали в отношении идеологов украинской национальной идеи. Уже В.Г. Белинский в письме к П.В. Анненкову осуждает «хохлацкий патриотизм» [7, 440]. В 1842 г. в рецензии на книгу Н. Маркевича «История Малороссии» кумир западников заявлял: «Малороссия никогда не была государством, следовательно, и истории, в строгом значении этого слова, не имела. ...История Малороссии — это побочная река, впадающая в большую реку русской истории. Малороссияне всегда были племенем и никогда не были народом, а тем менее — государством» [7, 60]. «Богдан Хмельницкий был герой и великий человек в полном смысле этого слова. Поэтому-то и понял он, — заявляет Белинский, — что Малороссия не могла существовать независимым и самостоятельным государством» [7, 63]. Отсюда проистекало настороженное отношение в российской историографии к украинским ученым, разрабатывающим идею особого пути украинского народа в отличие от русского. Так, В.П. Бузескул, тщательно избегающий каких-либо политических или идеологических оценок, характеризуя творчество М.П. Драгоманова, отмечает, что тот в 1875 г. удален с кафедры как «неблагонадежный», ревностный националист-украинец. [8, 201].

Г.В. Вернадский, осторожный в своих суждениях, в отношении Драгоманова указывает, что он «занимает особое место в истории русской общественной мысли и русской историографии. Образ его двухсторонний. Он чувствовал себя и русским, и украинцем» [9, 178]. Историограф напоминает, что Драгоманов был обвинен в украинофильстве и в Львове совместно с И. Франко пытался создать украинскую народно-социалистическую партию [9, 179]. В 1884 г. в своем «Опыте украинской политико-социальной программы», продолжает Вернадский, Драгоманов предлагал создать Всероссийскую Федерацию на началах демократии, политической свободы и равенства. Федерация должна была основываться на началах самоуправления, начиная от сельской и городской общины до Государственной думы

[9, 181—183]. Для проведения программы в жизнь Драгоманов считал нужным организовать общественное мнение умеренных кругов русского общества в противовес революционному терроризму. «Его идеи, — с уважением заключает ученый, — были одним из источников либерального движения в России, приведшего к революции 1905 года и учреждению Государственной думы» [9, 183]. Напротив, В.Б. Антоновича Вернадский прямо называет «украинским националистом», который «считал украинцев отдельным народом, идеализировал казачество» [9, 167]. Показательно, что Г.В. Вернадский в своем труде «Русская историография» вообще игнорирует имя М.С. Грушевского, чье творчество и чья политическая деятельность вызвали самые резкие оценки в среде русской интеллигенции. Украинский историк стал наиболее авторитетным вождем украинских националистов. Самая мягкая, положительная оценка как «специалисту по украинской истории» дана Грушевскому Н.И. Кареевым: «широкий украинец» [9, 214]. Иное дело уже оценка М.С. Грушевского со стороны известного российского историка и политика П.Н. Милюкова. В своих воспоминаниях Милюков пишет, что когда в 1914 г. он готовил речь для Госдумы в защиту украинского национального самоопределения, ему пришлось съездить в Киев и провести там обширные совещания с группой почтенных украинских «прогрессистов». Вожди «Товарищества Украинских Поступовцев» соглашались отодвинуть в будущее требования «федерации» и совершенно исключали «сепаратизм». «Только проф. Грушевский, — отмечает автор, — хитрил со мной, скрывая от меня свои истинные намерения» [10, 144].

После Февральской революции 1917 г., по словам Милюкова, выявилась подлинная позиция Грушевского: Съезд Советов с правом наций на самоопределение позволил «некоторым народностям — в первом ряду Финляндии и Украине — стремиться воспользоваться русской смутой для полного отделения от России. Финляндские юристы шли к этому осторожнее и тоньше. Фанатики украинского движения, во главе с проф. Грушевским, избрали путь практического захвата главных позиций... У них уже имелось свое представительство (“Рада”), свое министерство (“секретариат”), даже своя первая конституция (“универсал”). Им нужно было превратить фактическое обладание в право» [11, 336].

Буквально карикатурная характеристика М.С. Грушевского представлена в воспоминаниях представителя известного на Украине рода Полетика — Н.П. Полетика. Его предки сыграли видную роль в развитии украинского национального самосознания. Г.А. Полетика и В.Г. Полетика были авторами «Истории Руссов» (1846), которую по

цензурным соображениям приписали давно скончавшемуся архиепископу Могилевскому и Белорусскому Георгию Конисскому [12, 9—10]. Братья-близнецы Павел и Юрий Полетика закончили (в 1914 г.) первую Киевскую гимназию, переименованную в 1911 г. в день ее столетия в Императорскую Александровскую [11, 24]. В 1914 г. Н.П. Полетика поступил в Киевский университет на историческое отделение историко-филологического факультета [11, 54]. Н.П. Полетика вспоминает, что, когда в начале апреля 1917 г. в Киеве на Софийской площади состоялась 100-тысячная украинская манифестация, председатель Украинской Центральной Рады известный украинский историк М.С. Грушевский поздравил украинский народ с освобождением: «Спали вековые путы, настал час твоей свободы!» и под крики «Слава!» привел манифестантов к присяге Украине [11, 84]. Указывая, что Рада руководила «украинским национально-освободительным движением», точнее «украинским сепаратистским движением», Полетика называет главной руководящей фигурой и идеологом этого движения М.С. Грушевского — «со студенческих лет сепаратиста и проповедника “самостийной Украины». На студенческой скамье в Киевском университете его взгляды, отмечает Полетика, формировались под влиянием «известного историка польского шляхтича-националиста В.П. Антоновича, весьма не любившего русский царизм за подавление польских восстаний 1831 и 1863 — 1864 гг. Об этом мне рассказал родной брат М.С. Грушевского, также историк, Александр Сергеевич Грушевский...» [11, 84]. Мемуарист противопоставляет двух братьев: А.С. Грушевский, в отличие от своего более известного брата, был украинцем-федералистом, сторонником сохранения Украины в составе Российской Империи, с 1917 г. — в составе Российского государства: «Для А.С. Грушевского до 1917 г. Украина была “Юго-Западным краем”, или “Малороссией”, и он стоял лишь за разрешение свободного пользования украинским [до 1917 г. — “малороссийским”] языком в школе и на юбилейных собраниях [но не в суде и в администрации]. Разница между национально-политическими взглядами М.С. Грушевского и А.С. Грушевского была огромна...» [11, 84]. Поскольку, по мнению Полетики, М.С. Грушевский выделялся в украинском националистическом движении — он «был гораздо выше В.К. Винниченко и тем более С. Петлюры по своему воспитанию и образованию, по европейской культуре, умением руководить заседаниями Рады» — то он и стал главой и наставником украинских депутатов Рады, сторонников «самостийности» Украины. Депутаты-украинцы крайне почтительно величали М.С. Грушевского «профессором», «батькой», «дедом». Он и по воз-

расту годился в деда большинству депутатов, бывших зеленой молодежью 21—23 лет (например, премьер-министр Голубович был студентом 4 курса). «На своем председательском кресле в Раде М.С. Грушевский выглядел сказочным “дедом Черномором”, с большой бородой, юркий, в очках, с острым взглядом из-под седых бровей». [11, 86]. Н.П. Полетика подчеркивает антироссийскую направленность взглядов Грушевского. Так, с началом войны 1914 г. он усвоил германскую ориентацию и был в связи с «Союзом Вызволнения Украины», созданным в Вене и работавшем по заданиям Германии (в современной российской публицистике Грушевского открыто называют австрийским агентом). За это 8 октября 1914 г. М.С. Грушевский был выслан в Симбирск. В своих трудах он осуждал деятельность Богдана Хмельницкого по объединению Украины с «Московией» и восхвалял гетманов И. Виговского и И. Мазепу, сторонников самостоятельности Украины под протекторатом Польши или Швеции. Президентом УНР М.С. Грушевский был избран 29 апреля 1918 г., но было поздно, к власти пришел гетман Скоропадский. После того как историка оттеснили на задний план на украинской политической сцене, он эмигрировал в Австрию, где в Вене создал Украинский социологический институт с программой Самостоятельности Украины. По словам мемуариста, хотя М.С. Грушевский числился в партии украинских эсеров, по своим вкусам и привычкам он был чистейшим буржуа-богачом, владевшим в Киеве огромным шестиэтажным домом миллионной стоимости. Этот дом на Паньковской улице с его ценной библиотекой и этнографической коллекцией художника Кричевского сгорел в середине января 1918 г. при обстреле Киева «красными» под командованием Муравьева. «Киевляне — противники самостоятельности Украины — с нескрываемым злорадством говорили, что Бог покарал Грушевского за разрушение дела Богдана Хмельницкого, за отделение Украины от державы, созданной Владимиром Святым, и за присвоение знака Владимира Святого (трезубца) в качестве государственного герба Украинской Народной Республики, которую он, М.С. Грушевский, создал и президентом которой он желает быть. Все понимали, что профессор М.С. Грушевский разорен и ему от этого удара не оправиться». [11, 126—127]. Н.П. Василенко — бывший премьер-министр гетмана Скоропадского, — вспоминает Полетика, — «говорил о неуживчивом характере, безмерном тщеславии и честолюбии М.С. Грушевского» [11, 221]. Грушевский не отличался высокими моральными качествами. В 1923 г. он возвращается на советскую Украину. По словам Полетика, «он очень (в 1929 г. — *А.Н., С.С.*) потускнел и постарел, покрывлся, пылью истории за прошедшее десяти-

летие». В эмиграции — в Швейцарии, а затем в Вене — он с семьей сильно бедствовал, продавал украинцам за границей свои труды и брошюры, издаваемые им в Вене на украинском языке. Он злобствовал, считая, что Петлюра и Винниченко оттерли его в период Директории от руководства украинским национальным движением. Он все время хотел быть первым и в науке, и в политике. После того, как он «покаялся»: после нескольких обращений к правительству УССР, в которых осуждал свою «контрреволюционную» деятельность в годы Революции и Гражданской войны, он получил в 1924 г. разрешение от правительства УССР вернуться на Украину «для научной работы». Его избрали действительным членом Академии Наук УССР, а в 1929 г. — действительным членом Академии Наук СССР [11, 8 —86]. После избрания в академики М.С. Грушевский вернулся с триумфом в Киев. Но триумф его, отмечает мемуарист, был непродолжителен. Когда в 1931—1932 гг. развернулась в форсированном темпе коллективизация, на Украине создалось напряженное и обостренное положение. Сталин организовал кампанию репрессий против украинского национального движения. М.С. Грушевскому предложили покинуть Украину и переселиться на постоянное жительство в Москву, где ему дали квартиру в доме Академии Наук СССР. Жизнь его материально была обеспечена. Он умер в Москве в 1934 г. [11, 345]. Таков портрет лидера украинского националистического движения, крупного историка Украины и России М.С. Грушевского.

Другим врагом единства славянского мира в российском общественном сознании представлялось польское национальное движение. В отношении к последнему многие западники сходились со славянофилами. К.Д. Кавелин вспоминал о нелюбви В.Г. Белинского к полякам: «Белинский не любил поляков и с необыкновенным своим чутьем, далеко опережавшим время, прозревал в них узких провинциалов» [3, 252]. Официальный идеолог, М.Н. Катков, утверждал: «Польский вопрос всегда был вопросом России. Между этими двумя единоплеменными народностями история издавна поставила роковой вопрос жизни и смерти. Оба государства не просто соперники, а враги, которые не могли жить друг рядом с другом; враги до конца. Между ними решался вопрос не о том, кто должен предводительствовать или быть могущественнее, а о том, кто должен существовать. Независимая Польша не могла существовать рядом с самобытной Россией. Компромиссы были невозможны: той или другой стороне нужно было отречься от политической независимости... И не Россия, а Польша первая почувствовала силу этого рокового вопроса» [3, 266]. Отношение русской интеллигенции к «польскому вопросу» не было случай-

ным. Как справедливо отмечает В.Г. Щукин, «в “домашнем, старом споре” двух славянских народов западники, желая оставаться верными своим убеждениям, должны были высказаться в пользу великороссийского империализма, против национально-освободительных чаяний поляков» [6, 252]. Даже А.И. Герцен, высказавшийся в защиту восстания 1863 г., «в глубине души понимал, что повстанцы бьются не за свободную Россию, а против любой России» [6, 253]. Поскольку польское восстание 1863 г. не только охватило Польшу и Литву, но и распространилось на Белоруссию и Украину, это вызвало особенно острую реакцию со стороны российской интеллигенции. Тем более что поляки всех политических ориентаций рассматривали эти земли как часть Речи Посполитой, требовали восстановления Польши в границах 1772 г. и слышать не хотели ни о каком самоопределении народов. «Как только речь заходила об этих землях, — подчеркивает Щукин, — в устах представителей угнетенного польского народа и ярых противников империи Романовых сразу же появлялись имперские нотки» [6, 265]. М.Н. Катков с возмущением русского патриота по данному поводу писал: «Говорить ли еще о нашем западном крае, который под польским владычеством был русским краем, а под русским стал польским? Этот скорбный и кровавый факт, столь громадных размеров, теперь хорошо уже известен... Полонизация этого края, развитие в нем польского патриотизма, который в этих местах есть не что иное как государственная измена, сильная организация этой государственной измены, — все это совершалось, шаг за шагом, в продолжение нынешнего столетия не только вопреки законным властям, но при их содействии, без которого все эти успехи так называемого польского дела не могли бы быть достигнуты» [3, 209].

Были представители русской интеллигенции, выступающие в защиту поляков и против попыток их русификации. Среди них Н.И. Кареев, ряд лет преподававший в Варшавском императорском университете. С возмущением писал он в своих воспоминаниях о ряде русских профессоров, чьи взгляды отличались полонофобством и крайним национализмом (А.С. Будиловиче, М.О. Кояловиче и др.) [9, 158, 170]. О себе Кареев говорил: «Я всегда был врагом всякой национальной исключительности и розни, всякого квасного патриотизма, шовинизма и т. п., всегда мечтал в духе завета Мицкевича о времени, “когда народы распри, позабыв, в великую семью соединятся”, всегда в особенности думал о необходимости русско-польского “примирения» [12, 171]

Другим защитником поляков являлся бывший студент того же университета Н. Дубровский. Он прямо заявлял, что назначение Вар-

шавского университета видит в русификации поляков [13, 3 — 4]. В отношении «благонадежных» профессоров Варшавского университета (И.П. Филевича, П.А. Кулаковского, Н.Н. Любовича и др.) он писал: «И они, эти благонадежные, эти ученые патриоты, эти “проводники”, эти “просветители”, приходили, смешиваясь с толпою уже царивших “представителей науки в истинно русском духе”, и “служили”, и “проводили”, и “просвещали”, вызывая отвращение, презрение и негодование, величаво глотая свой позор часто без всякого стыда, бросая тень вообще на русскую науку, вообще на русских людей, вообще на Россию, которую они так “любили”, за “достоинство” которой так “оскорблялись”» [13, 6 — 7]. Даже Е.Ф. Карский, крупный ученый, белоруссист, по воспоминаниям Дубровского, будучи ректором, исключил студента, как только он был арестован, хотя жандармское управление этого и не требовало, как и Филевич он подписал телеграмму приветствия по случаю открытия в Вильно в 1897 г. памятника вешателю поляков Муравьеву [13, 115—116]. Дубровский, в свою очередь, был вынужден признать, что «и среди поляков находятся точно такие же патриоты... И среди поляков можно найти немало “истинных”, которые при одном только звуке русского языка, хотя бы и звуке протеста против гнета, приходят в гнев и бешенство» [13, 60].

Следует отметить, что и после катастрофы 1917 г. российская интеллигенция продолжала быть во многом верной себе. Покаявшись, она будущее России опять связала исключительно с собой. Так, Р.Ю. Виппер заявлял: «...в критические моменты общего разброда, когда во всех слоях общества это сознание (национальных целей. — *А.Н., С.С.*) ослабевает, интеллигенция остается единственным очагом веры в возрождение народа» [5, 121]. Сегодняшняя интеллигенция снова натывается на те же грабли, что и ее предшественники. Она снова борется с государством и властью и снова мнит себя защитником народа. Деструктивный исторический эксперимент начала XX в. повторился в начале 1990-х гг., и его следствием стал быстрый развал государства, создававшегося российской и советской властью в течение нескольких столетий. Чего же ожидать дальше?

В геополитике последних 200 лет многое изменилось, однако традиционные цели и мировоззренческие представления сохраняются. В наше время многовековое соперничество за территории, природные ресурсы и стратегические коммуникации активно продолжается. Новые геополитические и военно-стратегические изменения в мире конструируются уже не великими европейскими державами — империями, как это было в XIX — начале XX в., не Объединенной Европой, а

Соединенными Штатами Америки в рамках их евразийского проекта. В этом случае актуальным является вопрос: сохранится ли идея единства Европы и России, которая имеет геополитическую и культурологическую ценность, начиная с XVIII в. и до сих пор. Европейские державы, включая Россию, находились на пике своего величия в XVIII — XIX в., когда ставили во главу угла объединяющие их христианские ценности, носившие для них тогда универсальный характер. Сегодня же единству Европы и России мешают созданные Западом политические идеологии, порождающие концепцию существования неких единых «стандартов и норм жизни» — социальных утопий, разделяющих их. Немецкий философ И. Кант, будучи сам приверженцем демократического проекта и республиканского политического строя, заявлял, что «ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в вопрос правления и государственного устройства других государств». С. Хантингтон уже в конце XX в. справедливо отмечал, что современная модернизация государства не обязательно означает его вестернизацию. «Не-западные общества, — пишет он, — могут модернизироваться и уже сделали это, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт. При этом, какие бы преграды на пути модернизации не ставили не-западные общества, они бледнеют на фоне тех преград, которые возникают перед вестернизацией» [14, 110]. Почему Запад пошел на воспроизведение вечного конфликта с Россией? Это трудно объяснить только влиянием США, несмотря на то, что они действительно экономически и политически сегодня заинтересованы в том, чтобы Европа воспринимала Россию как угрозу своей безопасности. В этом случае роль США в Европе закономерно будет возрастать. Существуют также более общие причины и условия, связанные с противоречиями и конфликтами нынешней эпохи — эпохи Постмодерна. Перманентный кризис современной цивилизации воспроизводит серию столкновений в мировой политике, культуре, религии, а также в сфере экономики и финансов. «Глобальный постмодерн намертво сочтал мир с кризисом, а кризис — с миром», — пишет Ю.М. Осипов. «Это уже *мир миров*, то бишь не мир стран, культур, цивилизаций, континентов, — продолжает он, — а именно *мир миров* — и борьба внутри него есть *борьба миров* — не менее и не более. Да ладно бы борьба передового мира с остальным миром... борьба *анти-мира* с еще миром» [15, 167—168]

На фоне глобальных изменений в мире, порождающих кризис, не меньшее значение имеет слабое понимание Западом особенностей российской истории, менталитета населения и культурных традиций.

Россия, с этой точки зрения, не совсем обычная страна — страна с огромной территорией, слишком большой для масштабов Европы, страна с особой культурой и специфическим этнонациональным составом населения. Идея мультикультурализма, дискредитировавшая себя в последнее время в Европе, действительно реализуется в России на протяжении столетий ее духовной и политической истории. На социокультурном пространстве России вряд ли можно и стоит применять стандартные европейские критерии и мерки. Подлинная гармония и единство России и Европы, а также различных европейских регионов могут быть достигнуты только в случае признания равноправия ценностей культур, общей исторической судьбы, основанной на идеалах христианства.

В заключение следует подвести итоги всему сказанному, попробовать переосмыслить идеологическое значение и смысловое содержание дискуссии столетней давности в отечественной и восточнославянской мысли. С одной стороны, российская интеллигенция, на наш взгляд, внесла свой идейный вклад в интеграцию восточнославянских народов, а с другой — именно интеллигенция «национальных окраин» государства, в первую очередь из среды украинских и польских патриотов, способствовала тогда развалу единого Российского государства и обособлению отдельных наций. Интеллектуальная история повторилась в российском социуме, но уже не в виде фарса, как говорили классики, а в виде новой политической трагедии в конце XX в. История может повторяться снова и снова, если повторяются идейные заблуждения, воспроизводятся старые мировоззренческие «картинки» как в сознании интеллигенции, так и в представлениях политической элиты.

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
2. *Самарин Ю.Ф.* По поводу мнения «Русского вестника» о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации [1863] // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997.
3. *Катков М.Н.* Передовые статьи из газеты «Московские ведомости» [1863] // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1994.
4. *Довнар-Запольский М.* Исторический процесс русского народа в русской историографии // Русская мысль. 1902. № 3.
5. *Виппер Р.Ю.* Круговорот истории. М.; Берлин, 1923.

6. *Щукин В.Г.* Русское западничество. Генезис — сущность — историческая роль. Лодзь, 2001.
7. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 7. Статьи и рецензии 1843 г. Статьи о Пушкине 1843 — 1846 гг. М., 1956.
8. *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. [Материалы]. Ч. 2. Л., 1931.
9. *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998.
10. *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859 — 1870). Т. 2. М., 1990.
11. *Полетика Н.П.* Виденное и пережитое (Из воспоминаний) / Библиотека Алия. Printed in Israel, 1982.
12. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990.
13. *Дубровский Ник.* Официальная наука в Царстве Польском. (Варшавский Университет по личным воспоминаниям и впечатлениям). СПб., 1908.
14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2014.
15. *Осипов Ю.М.* Кризис мира и мир кризиса // Философия хозяйства. 2014. № 5.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Наследники Хана

Аннотация. Анализ влияния монголов на формирование Руси позволяет понять истоки проблем и достижений современной России.

Ключевые слова: концентрация, централизация, союз со Степью, народ и государство.

Abstract. Mongol influence analysis opens long-term trends sources of Russian problems and successes.

Keywords: concentration, centralization, union with Steppe, people and state.

Если на Земле есть ад, он в пустыне Гоби — летом жара до сорока градусов, зимой мороз минус сорок. Здесь выживают сильные духом, а добыть пропитание возможно лишь разведением самых неприхотливых животных и постоянной перекочевкой на новые земли.

Перемена мест способствует общению и развитию взаимовыручки. Суровая природа, войны с могущественным Китаем и друг с другом столетие за столетием формировали бесстрашных воинов, ра-

но или поздно они должны были обратить свои взгляды на Запад, где среди лесов и степей расцветала Киевская Русь.

В 1206 г. на берегу реки Онон собрался курултай. Толпа воинов подняла на войлоке Тэмуджина, получившего титул Чингиз-хан. На курултае было определено общее имя племен, составивших с этого момента единый народ — «монголы».

Поскольку армия состояла главным образом из покоренных кeraitов и найманов, на одного монгольского ветерана приходилось 10 бывших военнопленных, а ныне новобранцев, родоплеменной принцип организации был неприемлем и уступил место арифметике. Войско состояло из десятков, десятки воинов были объединены в сотни, сотни в тысячи, десять тысяч воинов составляли «тму», или тумен.

Армия монголов состояла из десяти туменов и десятитысячной гвардии, отвечавшей за порядок в войске и охрану ханской юрты, при этом гвардеец был по рангу выше тысячника. Наказаний у монголов было два: смерть и ссылка в Сибирь.

Чингиз-хан на практике осуществил единство народа и армии: военную службу должны были нести все мужчины в возрасте от 14 до 70 лет. Народ был организован в войско для победы над врагами и мог существовать только за счет войны. Максимальная концентрация усилий монголов привела к удивительному результату — малый народ создал Великую Армию, самую сильную в мире и практически не знавшую поражений.

Изначально Орда, ведомая Чингиз-ханом, не была враждебна русским. Распространенная версия о кровавом набеге монголов на Русь изобилует неточностями и мифами, осложняющими оценку влияния народов Орды на формирование русского государства.

Конфликту способствовал складывавшийся в то время союз русских и половцев. В междоусобицах князя часто прибегали к услугам половецких орд, часть половецких князей приняла крещение, а половецкий хан Котян был тестем правившего в Галиче князя Мстислава Удалого. Начавшаяся интеграция Руси с Великой степью не могла ни привести к столкновению с новым степным владыкой грозным Чингиз-ханом.

Когда по просьбе половцев русские дружины вышли в степь, к князьям были направлены монгольские послы. Их предложения не носили враждебного характера: «Мы вашей земли не трогали, ни городов ваших, ни сел ваших; не на вас пришли, но пришли по воле Божией на половцев. Вы возьмите с нами мир, мы слышали, что и вам они наделали много зла; мы их и за это бьем» [1, 73].

Монголы не преувеличивали. Половцы регулярно опустошали русские земли, часто по приглашению боровшихся за власть князей: с 1128 по 1161 г. Ольговичи приводили орды половцев 15 раз, а Владимир Мономах — 19 раз. Вместо ответа князя перебили послов. После этого война становилась неизбежной, по монгольскому обычаю посол имел статус гостя, и его убийство являлось тягчайшим преступлением. Согласно древнемонгольской религии, убийство доверившегося является оскорблением божества, такие люди не должны жить и производить потомков.

В 1224 г. русское ополчение двинулось вниз по Днепру. Монголы вновь послали предложения о мире: «Вы послушали половцев и перебили послов наших; теперь идете на нас, ну так идите, мы вас не трогаем, над всеми нами Бог» [1, 74]. На этот раз с послами обошлись более милостиво и отпустили живыми. Трудно сказать, насколько искренними были на этот раз предложения послов о мире, союзные русским половцы рассказали, как монголы предложили им дружбу, чтобы разрушить их союз с аланами (жителями Дагестана), а затем поодиночке разбили и тех, и других.

Следует признать, что конфликт с Ордой Русь начала первой. Переправившись через Днепр, 1000 воинов князя Мстислава Удалого разбили и обратили в бегство монгольский сторожевой отряд. 21 мая 1224 г. русские воины разбили новый монгольский отряд и захватили множество скота. Через восемь дней они дошли до реки Калки, где и потерпели сокрушительное поражение от монгольских полчищ.

Одержав победу в компаниях 1237—1238 и 1239—1240 гг., монголы стали повелителями Руси. Были разрушены Владимир и Киев, взяты штурмом Рязань, Суздаль, Торжок, Чернигов, полностью уничтожен героический Козельск, задержавший армию монголов на семь недель. Поражение было тем более обидным, что его главной причиной стала плохая организация, а если точнее — дезорганизация Русской земли во время нашествия: каждое княжество, а часто и отдельный город защищались самостоятельно. Исход такой борьбы с закаленной в боях и спаянной дисциплиной военной машиной монголов был предрешен.

Спустя века Наполеон скажет: «Один араб может одолеть пять французов, но десять тысяч французов разобьют 50 тысяч арабов». Ключевым фактором победы является организация, и она у монголов была. Героизм и военное искусство нашего народа не могли привести к победе из-за разобщенности сил: в XII в. Русь составляли 15 независимых государств-княжеств, в XIII в. — 50, а в XIV в. — 250 (см.: [2, 27; 3, 469])!

В математике есть проверенный способ решения задач, который называется декомпозицией: сложная проблема решается путем разбиения на множество мелких, более простых задач. Казалось бы, невыполнимую задачу покорения Руси, решили сами русские, развалив великую страну на множество квазигосударств. Монголы оказались лишь подходящим историческим инструментом, завершившим процесс...

Отождествив войну и судьбу народа, ханы игнорировали развитие мирного хозяйства. В современных категориях они вели войну без тыла. После себя монголы оставляли пустыню. Единственным способом увеличить могущество государства были новые войны, грабежи и захват новых земель.

Обеспечивая выживание народа и уничтожение врагов, принципы организации монгольского войска были эффективны в краткосрочной перспективе; в конце концов оставшиеся в живых монголы должны были либо исчезнуть, без следа растворившись среди покоренных племен, либо затеряться в бескрайних степях Центральной Азии, вернувшись к истокам своего исторического пути.

Довольно быстро между победителями и побежденными стали складываться отношения, характерные больше для союзников, чем для врагов. И для этого были свои причины: в 1240 г. монголы покорили Предкавказье, Крым, Русь, опустошили Венгрию и Польшу. Однако одержанная Батыем победа оказалась эфемерной: в 1241 г. умер верховный хан Удегей, власть перешла к ханше Туранкине, матери давнего недоброжелателя Батые Гуюка, дружину которого отозвали в Монголию, а самого Гуюка в 1246 г. провозгласили Великим Ханом.

В результате у Батые осталось 4000 монгольских всадников и пока еще покоренные пространства от Карпатских гор до реки Урал на Востоке. Верховный Хан — его враг, а собственный улус Золотая Орда начал таять на глазах: лежащие в руинах Венгрия и Польша отвергли требования покорности, отложились Силезия и Трансильвания. А что если бы и некогда грозная Русь заявила бы о своей непокорности?

Неорганизованное, но упорное сопротивление русских потрясло воображение, только в последней героической вылазке осажденного Козельска монголы потеряли 4000 воинов! Еще один такой новый Козельск — и от остатков Батыева воинства ничего бы не осталось. В этой ситуации Батый стал искать союзников среди побежденных. Самым главным из них стал новгородский князь Александр Невский, названный брат сына Батые Сартака, правившего в Золотой Орде до 1256 г.

Выбор, сделанный Александром в пользу Орды, был неслучайным. XIII в. оказался временем суровых испытаний для Руси, со всех сторон двинулись на нее сильнейшие для того времени враги. Богатая и заселенная восточная часть страны была разорена и обескровлена. Древняя столица — Киев — лежала в руинах. Последовать примеру Польши и Венгрии и отвергнуть власть монголов Северная Русь не могла: у последних на Западе были единоверцы-католики, которые могли в случае крайней необходимости оказать хоть какую-то помощь, у Руси на Западе были только враги.

Силы русских были разрознены, в отличие от Венгрии и Польши, где существовала централизованная власть: подчас князья относились друг к другу хуже, чем к посягавшим на русскую землю завоевателям. Раздробленность страны вела к дезорганизации управления войсками и делала невозможным формирование осмысленной внешнеполитической стратегии.

С одной стороны, русские позволили втянуть себя в конфликт между половцами и монголами, в результате Русь подверглась опустошительным нашествиям покоренных Чингиз-ханом татарских племен. С другой стороны, Руси угрожали немцы. Появление этой угрозы было связано с политической близорукостью нашей элиты.

В 1212 г. ливонский епископ Альберт заключил союз с полоцким князем против эстов, а затем женил своего брата на дочери псковского князя, после чего в 1228 г. в Пскове появилась пронемецкая боярская группировка [4, 77]. Полоцкий князь Владимир сам уступил Ливонии немецким рыцарям-крестоносцам, получившим удобный плацдарм для нападения на княжества Северной Руси. Имело место и прямое предательство — один из русских князей, Ярослав Владимирович, привел рыцарей к Пскову, и в 1240 г. немцы овладели городом.

Отбиться сразу от немцев и от монголов князья не могли (к тому же часто в борьбе за власть они охотнее шли на союз с врагами Руси, чем друг с другом). У Александра Невского был нелегкий выбор между капитуляцией перед враждебным Западом и союзом с пришедшими с Востока варварами. Решение во многом предопределило то, что монголы не слишком интересовались лесными просторами Руси, их среда обитания — степь, походы в северные русские земли они совершали неохотно и больше от их набегов пострадала Южная Русь.

А немцы были рядом, после падения Пскова шли войной на Новгород, где княжил Александр. Немаловажную роль сыграло обретение войны с немцами, а затем и шведами религиозного характера. Римский папа побуждал рыцарей к походу против «язычников» на

Востоке. В Ливонии рыцари насильно крестили в католическую веру принявших православие местных жителей и русских людей. Александр разбил шведов и немцев и освободил Псков. Выбор был сделан на союз со Степью, толерантной к православной вере.

Свирепые ко всему, что сопротивлялось им, монголы требовали одного — раболепного поклонения. Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старейшим, совершенная безгласность личности и крайняя выносливость — вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания... Чтобы ужиться теперь с непобедимыми завоевателями, оставалось усвоить их качества [1, 84].

Вызывает сожаление, что Русь не усвоила главного достижения монголов — низкого налогообложения: изъятию в пользу государства подлежала лишь десятая часть доходов. Полудикие кочевники, сами того не ведая, открыли главный секрет процветания государства, но исторические обстоятельства не способствовали усвоению его нашей страной. Вместо того чтобы стать центром мирового хозяйства (на что были и, возможно, пока есть необходимые предпосылки) Россия является экономической пустыней, занимая шестую часть суши и при этом производя лишь 3% валового мирового продукта.

От монголов русские усвоили необходимость централизованной власти, увидели поразительные результаты дисциплины в воинских подразделениях. Даже знаменитое русское «ура» первоначально было боевым кличем монгольской конницы. Следует отметить, что не только монголы влияли на русских, но и русские влияли на монголов. В столице Золотой Орды Сарае было пять православных храмов и свой епископ, торговали русские купцы, русские князья женились на татарских царевнах и оставались жить в столице Орды.

Тесное взаимодействие России и Орды в течение нескольких столетий оказало двойственное влияние на русский народ: на Руси возродилась традиция сильного централизованного государства. У монголов было позаимствованы многочисленные приемы военного искусства, впоследствии прославившие силу русского оружия. Трудно переоценить вклад выходцев из Орды в формирование национальной элиты России.

Переселяясь из Орды и принимая православное крещение, эти люди и их потомки вписали немало золотых страниц в отечественную историю: воеводы Дмитрия Донского — князь Юрий Мещерский и боярин Андрей Серкизов, погибшие на Куликовом поле, сподвижник Петра Первого генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, герои войны с Наполеоном генералы Кутузов, Ермолов и Дохтуров, ученые Менделеев, Мечников, Павлов, Тимирязев, историк Карамзин, писатели Достоев-

ский, Тургенев, Державин, Куприн, Булгаков, балерина Анна Павлова, композиторы Скрябин и Танеев, художник Шишкин и многие другие.

Воздействие ордынцев было столь велико, что в XVIII в. Адам Смит именуется Российской империю Татарией. Смит ошибался, на обломках древнерусских княжеств и Орды появилась новая геополитическая реальность — Российская империя, и новый народ — великороссы.

Огромный вклад кочевых народов Орды и их потомков в строительство России не стал общепризнанным фактом вследствие негативной стороны такого взаимодействия. Опустошительные набеги ордынских войск на Русь, а затем их наследников: крымских, казанских и сибирских ханов затормозили экономическое и культурное развитие страны. Разрыв связей с Европой и отставание в культурном и хозяйственном развитии стали настолько значительны, что создали предпосылки для пагубной идеи догоняющей модернизации: энергичному заимствованию на Западе не только достижений технологии и культуры, но и чуждой идеологии, в конечном счете, разрушившей страну.

К тому же русские позаимствовали у монголов и негативные черты, характерные для времен разложения Золотой Орды. Принявший ислам хан Узбек сделал ставку на торговый капитал и стал опираться на городское население поволжских городов, которых стали называть татарами, а ставших в оппозицию центральному правительству степняков — казахами и ногайцами. Алчущий денег хан старался как можно дороже продать ярлыки на княжение русским князьям, в Орде чиновники требовали с русских взятки, резко увеличились поборы с населения Руси.

Привычка к непомерным налогам с населения и взяточничество прочно вошли в государственную традицию возрождавшейся Руси и по сей день демонстрируют удивительную живучесть, ослабляя национальный организм и радуя врагов России.

Современники Петровской эпохи отмечали, что из 100 р., собранных с обывательских дворов, не более 30 р. шло действительно в казну, остальное незаконно собиралось и доставлялось чиновникам. Эти черты нравов размножились до чрезвычайности побегов и разбои. В городских гарнизонах недоставало офицеров для преследования преступников [1, 682]. Во времена царствования Николая I из 54 российских губернаторов взятки не брали только трое [5, 272]!

В более поздний период российской истории традиция взяточничества была продолжена и особенно распространилась во время становления рыночной экономики. Как показывают исследования,

коррупция является неотъемлемым элементом при господстве в обществе денежных отношений, а сами коррупционные деньги являются стержневым элементом «эффективности» современного государственного механизма в России (см.: [6]).

Был позаимствован у монголов взгляд на подданных, как на рабов. Следует отметить, что в этом ученики во многом превзошли своих учителей. Рабами царя считалась и национальная элита страны. Уже с XVI в. бояре называли себя «холопами государевыми». Император Павел I заявил: «В России вельможи только те, с которыми я разговариваю, и только пока я с ними разговариваю» (см.: [5, 124]).

Положение начнет меняться после позорного поражения России в Крымской войне. Тогда стала очевидной пагубность затягивания отмены крепостного права. Вслед за отменой в 1867 г. крепостного рабства начнется постепенная либерализация общественной жизни.

Лев Толстой в письме Николаю II напишет: «Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, но не требованиям русского народа, который все более просвещается общим всему миру просвещением». Дерзость неслыханная, написать такое раб не может, значит, рабство на самом деле подходит к концу? Человек рабом не рождается, и быть рабом не желает. Чтобы превратить его в жалкое трусливое существо, беспрекословно выполняющее волю хозяина, нужен страх, жестокость. С жестокостью в России недостатка не случилось.

Создавший опричнину Иван Грозный вооружил русских людей одних против других, указал им путь искать милостей или спасения в гибели своих ближних, казнями за явно вымышленные преступления приучил к ложным доносам и, совершая для одной потехи бесчеловечные злодеяния, воспитал в окружающей его среде бессердечие и жестокость. Исчезло уважение к правде и нравственности. Царь устраивал травлю невинных людей медведями или всенародные истязания обнаженных девушек [1, 274].

Следует отметить, что царь проявлял крайнюю жестокость и в семейном кругу: застав свою беременную невестку отдыхающей в исподнем (что по тем временам было верхом неприличия), Грозный пришел в ярость и избил женщину своим жезлом, на следующий день несчастная потеряла ребенка. Когда его сын заступился за жену, царь ударил его своим жезлом по голове, и через четыре дня царевич умер.

Террор правящей элиты против собственного народа преподавал России важный исторический урок: когда войска польского короля Стефана Батория вторглись в пределы Московского царства, армия

Грозного не смогла (за редкими исключениями) оказать сколь-либо серьезного сопротивления врагу, более того, имел место массовый переход воинов на сторону польского короля...

Запуганный и деморализованный народ был не в состоянии защищать собственную страну. Безжалостно подавляя даже малейшие намеки на сопротивление власти, царь уничтожил способность вообще к какому-то бы ни было сопротивлению, в том числе и иноземным захватчикам.

Необузданная злоба царя к собственному народу и близким трудно объяснима, очевидно, что имела место сильная психическая деформация личности Грозного, вопрос только в том, как соотносились друг с другом объективные и субъективные причины такой деформации. Утверждать, что Грозный являлся одиозным и нетипичным примером, означает лишь игнорирование типичной для того времени жестокости к простым людям.

Да и можно ли утверждать, что в домонгольский период князья, приглашавшие в набег на русские земли половцев, были более милосердны? А всенародно известный и признанный святым Александр Невский, для получения верховенства в Русской земле пригласивший из Орды рать Неврюя, разрушительные последствия которой превзошли последствия Батыева нашествия?

А Юрий, князь Московский, который вел монголов на Тверь? Данный исторический эпизод является важным, но в значительной степени игнорируемым в отечественной истории.

В 1305 г. ярлык на великое княжение в Руси получил тверской князь Михаил. Тверь в то время была процветающим торговым городом и довольно быстро превращалась в центр хозяйственной и политической жизни страны. Враждовавший с Михаилом московский князь Юрий женился на сестре хана Кончака и привел на Русь войска татарского князя Кавгадыя.

В 1317 г. в 40 верстах от Твери Михаил Тверской наголову разбил татарское войско и отряды московского князя. В плен попали брат Юрия, жена московского князя Кончака (в крещении Агафья) и Кавгадый. Тверской князь обошелся с пленными милостиво, но при таинственных обстоятельствах была отравлена княжна Агафья, что роковым образом повлияло на судьбу тверского князя.

Михаил был вызван в Орду для объяснений. Бояре отговаривали его от этой поездки, но Михаил заявил, что готов пожертвовать своей жизнью, но не допустить нового похода татар на Тверь. В Орде русские князья и Кавгадый оговорили Михаила, но хан Узбек не верил, что убийство сестры — дело рук тверского князя. Суд признал

обвинения и, воспользовавшись этим обстоятельством, тверского князя убили приближенные Юрия Московского. И хотя последний получил ярлык на великое княжение, воспользоваться им сколь-либо продолжительное время не смог.

Вызванный в Орду для разбирательств по поводу дани, он был убит сыном Михаила Тверского Дмитрием, пожертвовавшим и своей жизнью и возможностью стать великим князем ради отмщения отца. Уважение ордынцев к семье Михаила Тверского было столь велико, что ярлык на великое княжение перешел к младшему брату Дмитрия Тверского — Александру.

Возвышение Твери и ее возможности противостоять войскам Орды вызывали у завоевателей тревогу и настороженность. Для контроля за князем в Тверь приехал ханский чиновник Чолкан с вооруженным отрядом. Следует отметить, что в то время татары стали относиться к русским как к рабам, и прибытие отряда в город сопровождалось многочисленными бесчинствами. Более того, Чолкан выгнал из дома Александра и расположился в нем как хозяин.

Татары мстили за свое позорное поражение и пытались показать, кто является действительным хозяином Русской земли. Остановка в городе накалялась от часа к часу. У дьякона Дюдка татары захотели отнять кобылу, тот стал звать на помощь народ. Возмущенная толпа убила Чолкана и почти всех его воинов. Лишь немногие ускользнули от расправы и сбежали в Орду.

Война стала неизбежной, и этим обстоятельством воспользовался московский князь Иван Данилович (вошедший в историю под прозвищем Калита — кошелек). Он поехал в Орду, где получил ярлык на великое княжение и войско для наказания непокорных. Силы были неравные — Тверь в одиночку противостояла не только ордынцам, но и присоединившимся к Ивану русским князьям.

Рать зимою вошла в Тверскую землю, жгла города, села, убивала жителей и старых, и малых; иных брала в неволю; другие, лишенные приюта, замерзали. Тверская область была до того опустошена и обезлюдела, что целых столетия носила на себе следы этого погрома [1, 102].

Инспирированное московскими князьями разрушение Твери развернуло вектор политического развития страны: центр власти переместился в Москву, а освобождение от монгольского ига отодвинулось на десятилетия. Россия не стала компактным европейским государством с границей по Оке и, соединив энергию русских и кочевников, со временем превратилась в самую большую страну мира.

Традиции жестокого обращения с народом пустили в Русской земле столь глубокие корни, что даже во времена европеизации страны Петром Первым проявляли себя поразительной силой.

В Устюге комиссар Акишев, собирая с крестьян пошлыны, сажал их на дыбу, бил свинцовыми плетьюми «жег огнем, ломал руки и ноги, девиц и женщин раздевал донага и водил всенародно» [1, 685]. К чести Петра Первого в конце концов злодея все-таки отправили в застенки по доносу фискала.

Повторяемость на Руси жестокого обращения с подданными в различные исторические эпохи имеет под собой и объективное основание. Жестокость обычно обуславливается попыткой скрыть свою слабость, подавить страх неудачи. Можно предположить, что властные институты в России были традиционно слабы и нуждались в демонстрации своей мнимой силы посредством акций устрашения.

Это предположение вызовет негодование у подавляющего большинства населения нашей страны, в трудную минуту апеллирующего к власти государства в поисках защиты и помощи. Как показал экономический кризис 2008—2009 гг., в покровительстве и поддержке государства у нас нуждаются и дворники, и олигархи.

«А как же наши победы? Наша героическая история?» — возразят патриоты. Насчет побед не следует беспокоиться. Их никто отменить не может, хотя наши заклятые партнеры в «цивилизованном мире» время от времени пытаются их украсть. Другое дело — за счет чего и кого достигались эти победы? И тут становится понятно, что героические страницы нашей истории писались, прежде всего, нашим народом, а власть обретала силу, когда народ эту власть поддерживал. Стоило народу отвернуться от власти, она рушилась как карточный домик: крушение Российской империи в 1917 г. и Советского Союза в 1992-м — наглядные тому подтверждения.

Главной причиной слабости государства являлись ограниченные возможности его совершенствования в служении народу: как правило, государство полагало, что все обстоит с точностью да наоборот: это народ должен самосовершенствоваться в обслуживании власти. Справедливости ради следует отметить, что наиболее значимые исторические фигуры ясно осознавали, где причина и следствие.

Во время Полтавской битвы Петр Первый скажет солдатам: «Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ея!..» (цит. по: [1, 660]).

Вторая причина жестокости власти — особенности самого русского народа. Бердяев отмечает присущую русским анархичность:

«Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. ...Русская душа хочет священной общественности, богоизбранной власти» [7, 31].

Причина безгосударственного начала в нашем народе не только обусловлена традиционным богоискательством и поиском идеальной общественной модели — скорее это характерно для наиболее пассионарной части населения страны. Основная часть народа была анархична, а точнее, абсолютно равнодушна к государственным институтам по причине их почти полной бесполезности в обычной мирной жизни. Равнодушие власти к нуждам простого человека порождало равнодушие населения к власти как таковой, к рассмотрению властных структур как ненужной, обременяющей жизнь помехи.

Можно утверждать, что государство в России создавалось любой ценой, любой жестокостью, а для организации обширных русских земель в единое политическое пространство требовались неимоверные усилия на грани возможного.

Даже просвещенный XX в. не смог изменить эту печальную тенденцию: 9 января 1905 г. рабочие во главе со священником Гапоном несут петицию царю. Они верят: царь-батюшка услышит и поможет. Их предводитель Гапон — агент охраны. Царь знает о шестивии заранее и встречает рабочих... войсками.

Перед Зимним рабочим расстреливают у края площади и в сквере Адмиралтейства. Стреляют даже по мальчишкам, залезшим на деревья. По официальным данным, убитых 130, раненых 300. Группа репортеров предъявит список из четырех с половиной тысяч убитых и раненых [8, 430]. Этот день войдет в историю России как Кровавое воскресенье, а последний российский император получит прозвище Николая Кровавого.

Однако зверства царя померкнут в сравнении с репрессиями приверженцев коммунистической идеи: в январе 1920 г. на борту парохода «Румыния» следователь Немич приговаривала к смерти офицеров и «буржуазию». Ею одной было расстреляно более 700 человек. Женщина — палач Одесской ЧК Дора Евлинская (моложе 20 лет) казнила собственноручно 400 офицеров. В Полтаве и Кременчуге всех священников сажали на кол. В Полтаве, где царил «Тришка-проститутка» в один день насадили на кол 18 монахов [9, 73—74]. Как видно, в XX в. нравы революционеров-палачей были куда более суровыми, чем у свирепых степняков.

Жестокости кочевников вполне вписывались в жестокость того времени. А отрицание монгольского наследия скорее зиждется в идеях западничества, пустившего в общественном сознании глубокие

корни, явно и неявно утверждающие, что все лучшее приходит в мир из Европы. Наметившийся закат последней рано или поздно расставит все по местам, и вклад кочевых народов в становление России будет оценен по достоинству.

Орда, не желая того, заставила Русь почувствовать себя именно Русью, мало того — Святой Русью [10, 327], Особой Землей, за которую сейчас проливают кровь герои Донбасса, монолитом ставшего на пути набирающей силу антихристианской цивилизации.

Литература

1. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2008.
2. *Филлюшкин А.* Защитный пояс Третьего Рима // Родина. 1998. № 4.
3. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
5. Русская военная история в занимательных и поучительных примерах. М., 1996.
6. *Гузев М.М.* Коррупционные деньги как стержневой элемент «эффективности» современного государственного механизма в России // Философия хозяйства. 2008. № 1.
7. *Бердяев Н.* Русская идея. М.; СПб., 2005.
8. Российская империя: занимательная история / Под ред. М. Савина. М., 2009.
9. Истоки зла. Тайна коммунизма. М., 2000.
10. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии. М., 2014.

С.В. БИРЮКОВ

Греческий кризис: есть ли альтернатива катастрофическому сценарию?

Аннотация. В статье рассказывается о политической и социально-экономической ситуации, сложившейся вокруг Греции в контексте июльского референдума об отказе от стабилизационного плана Европейского союза, принятия властями страны более жесткой европей-

ской программы и отставки премьер-министра страны Алексиса Ципраса. Оцениваются причины современного греческого кризиса и возможные пути выхода из него.

Ключевые слова: Греция, ЕС, референдум, стабилизационный план, суверенная экономическая политика

Abstract: The article considers the political and socio-economic situation around Greece in the context of the July referendum on the refusal of the stabilization plan of the European Union, the adoption of more stringent the European financial program and the resignation of Prime Minister Alexis Tsipras. Author analyses causes of the current Greek crisis and possible ways out of it.

Keywords: Greece, EU, referendum, stabilization plan, a sovereign economic policy

В течение нескольких недель внимание всей Европы было заслуженно приковано к греческому референдуму 5 июля, призванному дать ответ на предложение кредиторов ЕС относительно нового финансового плана, призванного «спасти» греческие финансы и место страны в рамках «зоны евро». «Объединенная Европа» была не на шутку встревожена. Из-за бюджетной катастрофы, которую терпит сегодня Греция, возникла угроза позициям общеевропейской валюты. Об этом свидетельствуют биржевые показатели, показывающие ощутимое падение евро по отношению к доллару в течение нескольких дней февраля. Собрание министров финансов европейских стран пообещало Греции всяческую поддержку, потребовав от Афин принять жесткие меры по сокращению бюджетного дефицита. В чем было полностью поддержано руководством европейского Центробанка, в свою очередь потребовавшим дополнительного ужесточения финансовых требований в отношении Афин, что грозило уже социальным взрывом.

Греция — своеобразный полигон для экономической политики Европейского союза. Ситуация же в самой Греции выглядит поистине угрожающей. На сегодняшний день дефицит государственного бюджета составляет 12,7% от ВВП, а внешний долг страны уже достиг 300 млрд евро, или около 130% национального ВВП. Таких долговых рекордов в Европе не было с конца 1940-х: в среднем на каждого жителя Греции приходится свыше 24 тыс. «долговых» евро.

В конце июня, когда греческое правительство не смогло выплатить очередной взнос по долгам МВФ, возникла патовая ситуация. И руководство Греции решило вынести на общенациональный рефе-

рендум вопрос, стоит ли принимать условия оказания финансовой помощи по линии Евросоюза. 5 июля в Греции прошел судьбоносный референдум, на котором 61,31% от общего числа пришедших на избирательные участки граждан отвергли план «финансовой стабилизации», предложенный ЕС. Большинство населения после оглашения итогов голосования испытывало эйфорию и гордость за страну. Итоги референдума в массовом сознании ассоциировались с национальным праздником «ОХИ» («НЕТ»). Среди сказавших на референдуме «ДА» было много представителей наиболее обеспеченных в материальном отношении групп населения (адвокаты, частные врачи, топ-менеджеры). Этим людям есть, что терять в случае, если страну захлестнет волна социальной и экономической нестабильности. Напротив, представители рабочего класса, фермеры, молодежь (в массе своей безработная) голосовали за «НЕТ».

Однако, не имея возможности получить масштабную помощь по линии БРИКС и Евразийского союза, что обсуждалось 8—9 апреля во время визита в Москву премьер-министра Алексиса Ципраса, представляющего выигравшую последние выборы левую партию «Сириза», греки не смогли полностью отвергнуть предложения ЕС.

В итоге Греция уступила нажиму кредиторов и согласилась даже на более жесткие условия финансовой экономии, чем те, что граждане страны отвергли на референдуме 5 июля. Недовольные уступками премьера Ципраса греческие министры были уволены из состава кабинета. От греков, в частности, потребовали повысить налоги, активизировать приватизацию, отменить ряд налоговых льгот, повысить возраст выхода на пенсию и сократить расходы на оборону.

Достигнутое соглашение означает, что европейские страны продолжают оказывать поддержку Греции, которой взамен предстоит выполнить жесткие условия. Страна останется в зоне евро и получит более 80 млрд евро помощи. Алексис Ципрас полагает, что греки в сложившейся ситуации «добились лучшего из возможного».

В конечном итоге, принятый на экстренно собранном саммите ЕС план ничего принципиально не решит, ибо без запуска суверенной экономической политики, нацеленной на качественный рост экономики, Греции не удастся остановить свое падение. В рамках нынешних европейских схем финансовой стабилизации подобная «политика роста» исключена, в то время как предложенные «реформы» имеют целью усиление внешнего финансового управления.

В чем же заключается для нас, россиян, греческий опыт, и почему для нас столь значима эта страна? Исторические связи Греции с Россией также очевидны. Россия сыграла значимую роль в восстанов-

лении греческой государственности после многовекового нахождения греческих земель под властью Османской империи. Свою независимость от Османской империи Греция получила в 1830 г., после национально-освободительной войны 1821—1829 гг. Первым правителем независимой Греции стал бывший российский политический деятель и дипломат Иоанн Каподистрия. Однако вскоре в Греции была установлена монархия и был приглашен на престол датский принц Вильгельм, который стал первым греческим королем Георгом I. В итоге Греция естественным образом включилась в пространство европейской политики, сохранив при этом связи и чувство исторической благодарности в отношении России.

В период Второй мировой войны Греция была оккупирована, а на ее территории действовало мощное партизанское движение (на базе которого возникла так называемая «Демократическая армия Греции»), ведущую роль в котором играла подпольная Коммунистическая партия Греции. Последняя имела реальные шансы завоевать в этой ситуации политическую власть, однако включение Греции на основе договоренности между Черчиллем и Сталиным в зону западного влияния привело к подавлению просоветских и прокоммунистических сил при помощи США и Великобритании.

В итоге в Гражданской войне 1946—1949 гг. Коммунистическая партия Греции потерпела поражение, а многие коммунисты либо бежали из страны, либо оказались в заключении. Внешнеполитический вектор страны был определен на десятилетия вперед.

В 1947 г. в США была сформулирована знаменитая доктрина Трумэна, в рамках которой Вашингтон начал оказывать активную поддержку авторитарным режимам в Греции, Турции и Иране с тем, чтобы не допустить распространения советского влияния на эти государства. ЦРУ и греческие военные начали особенно тесное сотрудничество после того, как Греция вступила в Североатлантический альянс в 1952 г. Греция была жизненно важным элементом широкой евроатлантической «полосы сдерживания», протянувшейся от восточного Ирана до северной оконечности Норвегии, к тому же она рассматривалась как один из наиболее тревожных участков этой «полосы».

В 1949 г. в Греции была восстановлена монархия, которая была окончательно упразднена 21 апреля 1967 г., после военного переворота «черных полковников», создавших консервативно-охранительный режим антикоммунистического толка, позиционировавший себя как форпост в деле сдерживания «советской экспансии».

События 1967 г. в Греции вызвали резко негативную реакцию Советского Союза, публично поддерживавшего противников и жертв

диктатуры, что привело к политическому отчуждению от официальных Афин.

Таким образом, Греция долгое время была отделена от России вследствие послевоенного разделения на блоки в условиях «холодной войны». Сохранялись, пусть и ограниченно, связи между церквями двух стран, воссоединялись семьи (советские греки уезжали на свою историческую Родину), развивались культурные обмены. Посредничество Советского Союза при урегулировании политического кризиса в греческой части Кипра в 1974—1975 гг., инициированного местными сторонниками «черных полковников», способствовало некоторому улучшению отношений двух стран, но до полноценного возобновления отношений было еще далеко.

После падения «железного занавеса» началось естественное сближение двух стран. Греция стала одним из самых привлекательных мест для российских туристов и религиозных паломников, а продукция греческого сельского хозяйства и частично легкой промышленности нашла свою прочную нишу на российском рынке. И главное — Греция одна из немногих стран Европы, где в посткоммунистические времена не сложилось массовой неприязни к России и русским, что также весьма немаловажно.

В чем же истоки нынешнего греческого кризиса? Они в целом известны: несовершенная пенсионная система; огромные и не всегда оправданные социальные расходы, ставшие непомерным бременем для бюджета; раздутый чиновничий аппарат, имеющий широкие привилегии; немислимые административные траты и сопутствующая всему этому коррупция. Формально, проблемы Греции породили большие заимствования правительства, из которых власти финансировали социальную сферу [1].

В то же время следует отметить, что именно ЕС своей политикой квот и ограничений в течение нескольких десятилетий не давал Греции полноценно развиваться. ЕС, приняв Грецию в свои ряды, действительно создал в стране современную инфраструктуру и коммуникации, внедрил высокие социальные стандарты. В то же время, введя жесткие квоты на многие традиционные производства, ЕС оставил Греции только одну работающую отрасль — судостроение, объем производства которой был предварительно снижен на 30%. В итоге страна лишилась возможности экономически обеспечивать саму себя, но успешно брала кредиты и участвовала в различных программах. Значительная часть греков были лишены мотивов экономической активности, но в то же время приобретали производившиеся в индустриальных странах ЕС потребительские товары, покупали землю и

недвижимость, получали за счет государства образование и поправляли свое здоровье. В итоге греческое государство последовательно шло к своему банкротству, которое было подстегнуто начавшимся в 2008 г. мировым экономическим кризисом.

«Бросить» Грецию в сложившейся ситуации для еврофункционанеров невозможно, ибо это нарушит ранее достигнутые соглашения и подорвет «зону евро». Европейские государства могут объединиться, чтобы поддерживать греческие кредиты на плаву некоторое время. Однако эта мера уже ничего не решает. Она лишь увеличивает долг Греции, продлевая агонию.

Греция могла бы попытаться выйти из кризиса за счет «внутренних резервов»: восстановить свою валюту, девальвировать ее, принять закон о переключении внутреннего долга в евро на драхмы, и «реструктурировать» иностранные контракты. Подобные действия могут позволить Греции выйти из порочного круга. Однако это категорически не устроит функционеров ЕС, диктующих сегодня правила игры.

Хотят ли сами греки выхода из состава ЕС? Как утверждают эксперты, пока большинство населения страны против. Это вызвано страхом перед неизвестностью, многие просто психологически не готовы к столь радикальному изменению в своей жизни. В то же время стоит отметить, что число сторонников выхода из ЕС постоянно увеличивается.

Отставка Ципраса и перспективы Греции

После знакового, но не принесшего ожидаемых политических последствий греческого референдума от 5 июля и фактической аннигиляции его результатов действующим премьером Алексисом Ципрасом, Эллада сотворила еще один масштабный политический шок. Не успели министры финансов государств еврозоны одобрить выделение Афинам первого транша кредита в рамках третьей программы финансовой помощи (23 из первоначально запланированных 89 млрд евро) и осуществить перечисление этих средств, как премьер-министр Греции Алексис Ципрас подал в отставку, снова смешав все карты заинтересованным сторонам. Новые парламентские выборы были назначены на 20 сентября, обещая превратиться в своеобразную «точку бифуркации» для Греции.

Кризис победивших на последних парламентских выборах греческих «радикальных левых» очевиден. Многие греческие избиратели, да и участники объединения СИРИЗА испытывают чувство глубочайшей фрустрации, ощущая себя жертвами манипулятивной игры,

ведшейся Ципрасом. Последний, успешно воплотив в жизнь интересы европейских бюрократов и связанных с ними финансовых структур, стремится сегодня избежать политической ответственности с помощью инспирированной им досрочной отставки. Выбор, сделанный избирателями Греции 5 июля, был фактически нивелирован, а само греческое общество рискует быть ввергнутым в атомизированное состояние, которое позволит внутренним и внешним манипуляторам переформатировать ситуацию в свою пользу. Тот факт, что около трети «левых» депутатов СИРИЗА были намерены голосовать против решений собственного партийного руководства и правительства, грозил Ципрасу настоящим политическим провалом. Последний, «сыграв на опережение», оставил для себя достаточно широкое пространство для маневра. Причем произошло это в ситуации, когда основные политические и идеологические силы и течения страны пережили фактическое банкротство, и политическая система фактически находится в состоянии полураспада.

Теперь «товарищ Ципрас», сделав паузу, может вернуться на политическую сцену в качестве лидера нового объединения и коалиции, формально левой, но проводящей финансово-экономическую политику, диктуемую извне. В крайнем случае, сможет избежать политической ответственности за обман избирателей и фактическую сдачу национального суверенитета — когда, по признанию бывшего министра финансов Яниса Варуфакиса, «мы (правительство) предали большую часть греческого народа» [2].

Судя по всему, Ципрас и К^о — «троянские кони», своего рода «гамельнские крысоловы», которые возглавили, дезориентировали и пога-сили поднимавшуюся было волну массовых протестных настроений [3]. На фоне подъема и продолжающихся успехов массовых протестных движений по всей Европе — от Исландии до Испании и Болгарии — разворот ситуации в Греции, ставший возможным благодаря «маневру» Ципраса, выглядит удивительно и парадоксально.

Ципрас пошел по пути Даниэля Кон-Бендита, технологично слив социальный протест против политики евробюрократии и финансовых олигархов. Кон-Бендит, бывший дезертир от военной службы в Бундесвере и одновременно идейный лидер «красного мая» 1968 года в Париже, считающийся «ниспровергателем де Голля», получил от европейской элиты за свои услуги пост мэра Франкфурта-на-Майне, лидера фракции «зеленых» в Европарламенте. Прежняя «революционность» им полностью забыта, а известность поддерживается за счет педофильских скандалов и инициатив о превращении Европы в единое федеративное государство.

По тому же пути пошли несколько лет назад и французские социалисты, ранее защищавшие свое собственное социальное государство, но сегодня успешно сдавшие его в угоду интересам евробюрократии и финансовой олигархии, не обнаружив в своей среде ни новых ярких лидеров, ни новых идей.

Между тем возможность политических манипуляций со стороны «группы Ципраса» облегчается расколом внутри греческого общества. Расколом между сторонниками традиционных и секулярных ценностей, между приверженцами «ценностей глобализации» и собственной культурно-цивилизационной идентичности, и в том числе между группами, связанными с морскими перевозками, и большинством остальных греков, пытающихся выжить в постоянно ухудшающейся ситуации за счет деятельности в сфере услуг и пока еще сохраняющемся национальном сельском хозяйстве. О причинах попадания Греции в подобную ситуацию написано достаточно много. Среди них — деятельность династии Папандреу, беспрецедентное расширение госсектора в экономике, формирование клиентарных связей между политическими партиями и их электоратом, и прежде всего — системная коррупция.

В то же время, прав и видный российский экономист, Михаил Делягин, полагающий, что именно ЕС своей политикой квот и ограничений в течение нескольких десятилетий не давал Греции полноценно развиваться.

Нынешний внешний долг Греции — своего рода фантом, продукт соглашения национальных политических элит с крупным транснациональным капиталом. Кредиты делились между ними и частично шли на потребление, не способствуя развитию национальной экономики.

Как полагает Делягин, поэтапный и постепенный выход Греции из состава ЕС неизбежен — иначе страну ожидает «экономическая пустыня» [4]. Современные программы помощи по линии ЕС предполагают финансовую стабилизацию любой ценой, но ни в коей мере не содействуют ни экономическому развитию, ни восстановлению в перспективе благосостояния граждан. Об экономическом суверенитете и политической субъектности Греции в этом случае говорить уже не приходится. А посему Греция будет поэтапно выходить из-под власти бюрократов ЕС, пройдя сквозь еще не один кризис, который будет сопровождаться сменой политических элит и глубокой трансформацией политических институтов. На наш взгляд, решением греческой проблемы является долгосрочный союз не скомпрометировавших «левых» и «правых» политиков на платформе восстановления нацио-

нального суверенитета с отказом от идеологических крайностей и догматики. А объявленная отставка Ципраса выступает в этом случае как начальный момент движения к глубокому изменению политического порядка и международного статуса страны.

Результаты досрочных парламентских выборов фактически подтвердили неизбежность подобных изменений. На внеочередных парламентских выборах в Греции по итогам подсчета 50% избирательных бюллетеней лидирует левая партия СИРИЗА, которая в союзе с «Независимыми греками» была правящей с января по август. Согласно предварительным данным, СИРИЗА получает 35,54%, что позволит ей занять 145 мест в 300-местном парламенте, а ее основной соперник, консервативная «Новая демократия», 28,07%, что соответствует 75 местам. Явка составила 55,4%. Согласно греческому законодательству, политическая сила, занявшая первое место на выборах, автоматически получает дополнительно 50 мест в парламенте. По итогам январских выборов СИРИЗА получила на четыре места больше — 149. Ей тогда не хватило двух мандатов для того, чтобы сформировать правительство самостоятельно. Итак, на наш, происходит не возвращение политической ситуации в Греции на круги своя, а достижение своеобразной «точки бифуркации», означающей начало нового политического цикла с непредсказуемыми до конца результатами — с учетом в том числе и дальнейшее ослабление ЕС в связи с недавним «миграционным кризисом».

Литература

1. *Иноземцев В.* Грекнется ли у нас? // Аргументы и факты. 2015. 15 июля.
2. <http://tempsreel.nouvelobs.com/la-crise-grecque/20150820.OBS4482/yanis-varoufakis-nous-avons-trahi-la-grande-majorite-du-peuple-grec.html>.
3. *Шукин О.* Ципрас как «троянский конь» для Греции // http://rusnext.ru/recent_opinions/1440158791.
4. <http://www.youtube.com/watch?v=BtjHJ7d6Om0>.

V

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Ю.М. ОСИПОВ

Мучкапские искристые бдения

(к итогам II Всероссийского научно-практического симпозиума «Средняя Россия: земля и люди»)

Аннотация. Размышления по прошествии II Всероссийского научно-практического симпозиума «Средняя Россия: земля и люди», состоявшегося в пос. Мучкапском. Впечатления от встреч на Тамбовской земле.

Ключевые слова: Средняя Россия, земля, сельское хозяйство, Тамбовщина, русский мир.

Abstract. The article is devoted to the reflections after the II All-Russian scientific and practical symposium «Central Russia: the Earth and the People» that took place in Muchkapskiy settlement. The author presents the impressions of meetings on the Tambov land.

Keywords: Central Russia, earth, rural economy, Tambov region, Russian world.

В 2014 г. на Тамбовщине был проведен на базе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина первый симпозиум под обобщающим названием «Средняя Россия: земля и люди». Продуктивная дискуссионная встреча ученых и практиков, имевшая место тогда не только в Тамбове, но и в Мучкапском районе Тамбовской области, завершилась инициативой проведения аналогичного симпозиума и в 2015 г. — с той лишь разницей, что симпозиум должен был состояться уже непосредственно в пос. Мучкапском, прямо на мучкапской земле. Так оно и произошло: 1 и 2 июля 2015 г.

Тамбов и его университет

Ученая делегация, в которую вошли помимо сотрудников МГУ, представители вузов Москвы, Волгограда, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Тулы, собралась 30 июня в Тамбове, где и была гостеприимно встречена ответственными за прием работниками ТГУ. Показ города, деловые визиты сначала в администрацию области, затем в университет, где состоялась встреча с ректором ТГУ профессором В.М. Юрьевым. Обед. Нестандартный, обильный, вкусный. В доброту, красиво и

уютно отделанной университетской столовой. Затем отъезд на университетском автобусе в Мучкап.

Приехавших ученых поразили чистота Тамбова, его общая ухоженность, любовно выполненная набережная искусственного канала (место прогулок горожан). Приветливость местных жителей, ну и человеческий ритм и стиль городского бытия. Это вам не горделивая и горячечная Москва, а величавый в своей негромкой простоте коренной русский город, вполне, кстати, и славный: Тамбов это — Тамбов!

Мучкап

О Мучкапе (так обычно в обиходе именуется пос. Мучкапский) нам уже доводилось писать [1]. Поселение, как принято сейчас говорить, отличается, как и Тамбов, чистотой, ухоженностью, житейской целесообразностью. В Мучкапе все хорошо: центральная, умощенная плиткой, площадь с доминирующей над ней недавно споро построенным храмом св. благ. князя Александра Невского; обновленная железнодорожная станция; разного рода (хорошо замысленные и отлично выполненные) памятники, скульптурные произведения и иные элементы городского декора; городская (именно городская!), опять же новая или обновленная инфраструктура; мемориальный комплекс (в Мучкапском районе всегда хватало героев) во главе с упорным и как бы летящим танком Т-34, гордо несущим на башне торжественную надпись: «Тамбовский колхозник».

В общем, живой, полный красоты и достоинства, вперед смотрящий городок (все прибывшие гости его настойчиво называли городом!).

Когда-то Мучкап был весьма ординарным, стихийно застроенным, достаточно пыльным и «лужеобильным» селом, хотя и большим, и ярморочным, и райцентровым. Автор этих строк его хорошо помнит — прежнего, середины прошлого века, ибо жила тогда от него неподалеку, часто бывал в нем, пользуясь прежде всего ж/д станцией, но и по другим нуждам, в частности, изучая там экстерном французский язык и сдав по нему аттестационный экзамен в местной школе.

А теперь... а теперь автор этих строк не только не узнает Мучкап, но даже и не может без подсказки в нем сориентироваться — настолько все в поселке переменялось, причем, что самое поразительное, за каких-нибудь пять-семь последних лет. Чудо! Разумеется — рукотворное, при большой бескорыстной помощи выходцев из Мучкапа, ставших в новое для России время людьми успешными, высокопоставленными, с возможностями, а главное — пожелавшими не без заинтересованной инициативности нынешнего местного руководства

преобразить свою малую родину, — и ведь малая родина их и впрямь сегодня преобразена!

Выходит, жив русский мир, жизнеспособен Мучкап со своими окрестностями (о которых чуть позже), жива и Тамбовщина со своим бессменным сердцем — Тамбовом!

Поселили ученую делегацию в районном ФОК'е — физкультурно-оздоровительном центре: женщин во вполне гостиничных комнатах, мужчин — заслуженных профессоров и многообещающую ученую молодежь — в... большом спортзале, где и в футбол с удовольствием поигрывают, а не только в гандбол, баскетбол, волейбол, как и в прочие, более «мелкие», виды коллективного спорта.

Кровати в ряд вдоль зальной стены, но зато рядом душ и все прочее необходимое. И как же в итоге? Совершенно, знаете ли, нормально, еще и кое у кого с ностальгическими воспоминаниями о студенческой и спортивной молодости. Русских ученых ничем из бытового русского не смутить, даже из бывших замминистров сельского хозяйства. Хорошо, да и только! Ничего не поделает, гостиницей Мучкап еще не обзавелся, да ведь она и постояльцев постоянно требует, окупаемости. Так что пришлось ученой братии про студенческую «картошку» вспомнить, про ССО (студенческие строительные отряды), про службу в армии, про молодежный спорт, да мало ли еще про что, уже прошедшее, но... дорогое!

Ночевать ученым мужам пришлось в спортзале, но зато окунулись они потом вместе с женской половиной делегации в необыкновенное тамбовско-мучкапское гостеприимство: внимание, изобилие, такт!

Но обо всем по порядку.

Симпозиум

Тамбовский зачин

Симпозиум начался уже в Тамбове, в здании администрации области, в планово-аналитическом департаменте, где состоялась встреча делегации с начальником управления экономической политики, к.э.н. С.П. Юхачевым, успевшим зарекомендовать себя знающим и незаурядно мыслящим специалистом еще на первом, 2014 г., симпозиуме.

И на этот раз прибывшие из столицы и других российских весей ученые получили четкую, хорошо скомпонованную, системную информацию о хозяйственной жизни Тамбовщины.

Земля обрабатывается; зерновое хозяйство неплохое, хотя агротехнически и технологически весьма зависимое от зарубежья; с птицей

все в порядке, свиноводство набирает силу, а вот крупное мясное и молочное скотоводство в упадке; фермерские и даже личные подсобные хозяйства могли бы товарно вполне процветать, но... мироедские перекупщики, низкие закупочные цены, отсутствие достаточно свободных и емких рынков; как и жесткая неодолимая конкуренция со стороны торговых сетей, охотно завозящих и бойко реализующих сельскому (!) населению импортную продукцию.

Рождаемость в области превышает смертность, но в целом население области сокращается; молодежь убывает из родных мест из-за отсутствия занятости. Распространена внешняя отходная занятость, в основном среди взрослого мужского днюда. Отцы семейств трудятся в той же Москве, время от времени наезжая домой. Промышленность чувствует себя по-разному, но в целом — стагнация. Кое-какие предприятия по переработке сельхозсырья либо под нужды сельского хозяйства в области строятся, но всего этого для полноценного развития недостаточно. Оборонка немного за последние годы задышала, но теперь испытывает проблему с квалифицированными кадрами. Ситуация, в общем, как и везде по России. Голода нет, холода нет, есть даже кое-какое житейское благополучие. Однако полноценного, комплексного, разностороннего хозяйства нет, как и нет пока полнокровной, уверенной, перспективной жизни.

Приятным моментом беседы стало обсуждение факта того, что Тамбовская область вошла, согласно одного экономико-социального исследования, в число лучших из 20-ти с лишним субъектов РФ по инвестиционной привлекательности.

С.П. Юхачев не говорил о пореформенном кризисе, все еще бытующем в стране, но отметил: ясно, что кризис есть, как и ясно, что нужно выбираться на постреформенную дорогу. А для этого нужна смена в стране экономического курса, на который властные верхи никак не решаются (или не могут решиться), а сама по себе страна выбраться из пореформенного тупика не может.

На встрече с Юхачевым вдруг выявилась одна любопытная подробность. Отвечая на вопросы о присутствии в области беженцев с Украины, Юхачев заметил, что российского гражданства беженцы не принимают, работать не собираются, живут за счет российского государства — в санатории, питаются бесплатно в общественной столовой, убирать помещения санатория не желают. Вот тебе и «братские донбассцы»! В Ростовской области картина, к слову сказать, аналогичная: «беженцы» рассчитывают перебиться в России за счет России, дождаться не только мира на Украине, но и восстановления Донбасса за счет России, а потом и с обывательским триумфом вернуться к родным-де очагам. Ситуация, прямо скажем, неутешительная, если не

удручающая: перевернутый мир, опрокинутые иллюзии, самая, пожалуй, колкая из всех возможных. правда.

Руководитель делегации профессор Ю.М. Осипов²² встретился с ректором ТГУ профессором В.М. Юрьевым. Вручил В.М. Юрьеву и присутствовавшей при встрече проректору ТГУ профессору В.В. Смагиной дипломы действительных членов Академии философии хозяйства. Поблагодарил за плодотворное сотрудничество, за поддержку и участие в общей деятельности, за организацию симпозиума, за теплый прием.

После обмена книгами, а со стороны ТГУ циклопического объема монографией по проблемам современной политэкономии, разговорились о состоянии науки и образования. Посетовали на никому не понятный официальный пресс на то и другое, на растущую необходимость тратить уйму времени и труда на всякие ненужности, на преодоление искусственных препятствий в работе.

Хочешь, не хочешь, а там и там... кризис, причем кризис, увы, сознательно сотворенный — под видом реорганизации и повышения эффективности. Полное банкротство менеджериальной эпохи!

Поговорили и о фундаментальной части экономической науки, в частности, о политэкономии. В.М. Юрьев стоит за возрождение последней, разумеется, обновленной, осовремененной. Пригласил московских гостей принять участие в сентябрьской по поводу политэкономии научной конференции в ТГУ. Ю.М. Осипов принял приглашение, учтя тягу многих в стране ученых и преподавателей к политэкономии, хотя сам и настроен весьма по этому поводу скептически, — недаром же ушел, написав взамен политэкономии объемную «Теорию хозяйства» (не говоря уже о более ранней книге «Основы теории хозяйственного механизма»), в философию хозяйства.

В.М. Юрьев ценит философию хозяйства как весьма нужное знание, выделяя и его исключительность, но для общего применения в образовании предпочитает политэкономии. Ю.М. Осипов не оспаривал данного мнения, как и положено на приеме у ректора, но никакой протестной мысли не выказал: политэкономия так политэкономия, — время покажет!

Мучкапские откровения

Основное заседание симпозиума состоялось в Мучкапе, в районной администрации, возможно, впервые случившись в истории сельского райцентра.

²² Здесь и далее автор излагает события, говоря о себе в третьем лице. (Прим. ред.)

Председателем заседания был профессор Ю.М. Осипов, сопредседателями — А.А. Хоружий, глава администрации Мучкапского района, и профессор В.В. Смагина, проректор ТГУ. Дискуссия шла целый день. Выступили 18 человек.

Открыв заседание, Осипов, поблагодарив организаторов симпозиума, его «проведенческих» хозяев — тамбовцев и мучкапцев, а также напомнив о первом симпозиуме, успешно и со смыслом проведенном в июне 2014 г., остановился в своем вступительном слове на замысле очередного симпозиума, на актуальных проблемах текущего хозяйства и бытия на российской земле, на кризисной ситуации в стране и в мире, не оставляющей равнодушной ни одну из неформально проходящих интеллектуальных встреч, не говоря уже о размыслительном контакте ученых-гуманитариев и практических хозяйственников.

Народное творчество

В Мучкапе открыт с сентября 2014 г. прекрасный Дом творчества. Делегация посетила сей необыкновенный дом, увидев там разнообразные занятия, кружки, деяния и поделки. В составе делегации была Галина Ивановна Гузева, сама волшебница детского воспитания — директор Детского центра «Русинка», что в г. Волжском, который рядом с Волгоградом (г. Волжский — трехсоттысячный город строителей Волгоградской ГЭС, ныне просто город электриков, промышленных и иных тружеников). Галина Ивановна пришла в неописуемое восхищение от мучкапского Дома творчества, а ведь пос. Мучкапский едва насчитывает 7 тыс. жителей, да и население в нем не так городское, как аграрное, вполне, в общем-то, и сельское.

Побывала делегация ученых и на концерте местной самодеятельности, данном добровольными энтузиастами в честь гостей. И что же? Опять восхищение: музыкой, песнями, танцами, чтением стихов, а главное — искренностью, простотой, сердечностью, вкусом, ну и незаурядным мастерством тоже.

Любезная заковычка

Тогда что это за явление такое — Мучкап, в котором не один ФОК и не только Дом творчества, но и великолепный, подстать императорскому Монплезиру, Дворец бракосочетаний, ведомый удивительной хозяйкой: красивой, энергичной, излучающей добро, любовь, согласие. Входишь в такой дворец и... выходить из него не хочется: восхищает, бодрит, греет! А храм св. благ. князя Александра Невского: величественный, покойный, одухотворенный! Надежный! А средняя школа, которую тоже посетили участники симпозиума, как раз номинально та самая, в которой когда-то в далеком 1958 г. юный председатель нынешнего симпозиума сдавал экзамен по французскому языку на аттестат зрелости. И в школе, и в Доме творчества прекрасные, жи-

вые, деятельные педагоги — учителя, руководители творческих коллективов. В общем — люди земли русской, — нет, не собственно земледельцы, не прямые аграрники, но зато какие им — земледельцам и аграрникам — доброносные спорители!

Сельские зарницы

Это было на следующий день, 2 июля. Ученая делегация отправилась, как и в прошлом году на место колхозного подвижничества отца Ю.М. Осипова Михаила Яковлевича Осипова, бывшего там в 1955—1973 гг. председателем колхоза — тридцатитысячником (прибывшим на село по призыву КПСС из Москвы), а также первой юности самого Ю.М. Осипова (с 1955 по 1959 гг.).

Сначала делегация прибыла в Березовку, где как раз и начиналась сельская страда М.Я. и где прошли три юношеских года Ю.М. В сельском ДК, построенном еще при М.Я., собрались березовцы, помнившие М.Я. и возжелавшие послушать Ю.М. с гостями.

Заняв место за столом «президиума» (не на сцене, а прямо в зале, перед рядами пары десятков слушателей), Ю.М. Осипов заговорил о своем отце, его отъезде из Москвы с женой и сыном Юрием, прибытии в Березовку, начале и продолжении председательского служения, характерных эпизодах личной и колхозной жизни. Обо все подобном Ю.М. уже писал раньше, а потому нет смысла здесь что-либо пересказывать. Главное, на что обратил внимание Ю.М. — на состоявшийся тогда, в 1955—1956 гг., под влиянием М.Я. перелом в настроениях и даже сознании сельчан, давно уже разуверившихся в успешности колхозного дела. Колхозники вообще были уверены, что новый, приехавший из самой Москвы, председатель надолго в деревне не удержится, ничего путного не сделает и вскоре покинет село. Однако этого не произошло: председатель не только остался, но и добился своего, привлекая к большой работе как способных управленцев со специалистами, так и рядовых колхозников. Ю.М. поведал, что отец его, будучи сам правоверным коммунистом и уже опытным организатором, смог оживить партийную организацию колхоза, опереться на нее, повести вместе с нею колхозное дело. Так или иначе, но через каких-нибудь уже три-четыре года колхоз было не узнать: живое, по тем временам и эффективное, хозяйство; достаток в технике, машинах, механизмах; проведенные электричество, водопровод, радио; растущие заработки; новое строительство; прощание с соломой на крышах домов и глиняными полами; появление породистых коней-рысаков, на которых председатель и разъезжал, не без риска, по деревне и полям.

Не колхоз (сначала «Путь к коммунизму», а потом в связи с новым районированием — «Заря»), а «конфетка»! Вместе с поднявшимся колхозом изменилась вся жизнь 300-домовой Березовки. Не процветание, быть может, но полнота, смысловость, напряженность. Но не прошло и пяти-шести лет, как по инициативе сверху произошло объединение березовского колхоза «Заря» с кулябовским «40 лет Октября», в котором дела шли не очень важно, — и в итоге возник под руководством М.Я. уже очень большой колхоз, названный М.Я. по случайной семейной инициативе Ю.М. «Страна Советов» — величаво и ответственно! А в Березовке вместо своего колхоза оказалась всего лишь бригада (отделение) колхоза «Страна Советов», что, увы, не очень сильно способствовало процветанию села, скорее даже — наоборот.

Остальная колхозная жизнь М.Я. уже была более всего связана с Кулябовкой, хотя председатель никогда не забывал о месте своей первой сельхозстрады.

Завершив воспоминания о прошлом Березовки, работе и жизни в ней М.Я., Ю.М. рассказал сельчанам о причине своего и его коллег появления в Мучкапе и в Березовке — о научном симпозиуме. Любопытно, что слушали сельчане внимательно, им было интересно узнать и о самих ученых, о чем они думают, и о положении в стране, как его понимают эти самые ученые.

Ю.М., ничего не скрывая от деревенских слушателей, говорил о своем понимании ситуации в стране, вполне еще и кризисной, о необходимости изменения хозяйственного курса, серьезных в стране преобразований. Подчеркнул, что одних пожеланий тут мало, что дело здесь политическое, что потребные перемены связаны и с переменами во властных верхах. Не суля никаких скорых «золотых гор», заключил, что потребность в переменах нарастает, чему способствует и ведущаяся против России «гибридная» война. Высказал предположение, что перемены не за горами, но что их надо провести грамотно, не вызывая ненужных и опасных для страны потрясений.

Никаких простодушных и наивных слушателей в зале не было, сельчане и сами неплохо разбирались в нынешней российской реальности, но услышать мнение «своего» профессора им было важно — хотя бы для «сверки часов».

Со вниманием присутствовавшие выслушали и коллег Ю.М., убеждаясь, что ученые не «пургу несут», а дело говорят. Воспользовались березовцы и присутствием на собрании главы района. Ему досталось «выкручиваться» за водопровод, который пришел в ветхость и не ремонтируется. А.А. Хоружему не пришлось юлить, он все четко выложил сельчанам, ничего волшебного не обещая, но высказав твердую

уверенность, что общими усилиями проблема будет решена (водопровод, кстати, тот самый, еще при М.Я. построенный).

Время, как всегда, поджимало. Пора было заканчивать теплую, заинтересованную встречу. Ю.М. поблагодарил сельчан за то, что пришли, послушали, повспоминали. Теперь ведь нет колхозных собраний, почти нет работоспособных мужиков — почти все на отходе, на заработках, в Москве, в Тамбове, в деревне в основном женщины, старики, дети. Школы уже нет. В общем — житие-бытие! Вполне и русское. Голода, слава богу, нет, но деревня сократилась вдвое. А ведь когда-то было крепкое, многолюдное село, процветавший колхоз, была занятость, была полнокровная жизнь. Вот она — Средняя Русь, земля людей, вот так теперь чувствуют себя на этой земле ее люди — люди земли русской. Хлебы вроде бы есть, а жизни зато будто бы и нет!

Расстались с березовцами сердечно. «Приезжайте к нам, не забывайте нас!» — Ю.М. со товарищи, провожаемые сельчанами, обещали вернуться, даст бог, в следующем году, — и побыть в деревне подольше, пообщаться с людьми, посмотреть, погутарить.

Расселись пришельцы по машинам и двинулись в Кулябовку, когда-то бывшую главным опорным местом бывшего славного колхоза «Страна Советов».

Между Березовкой и Кулябовкой три километра свободного пространства — верхнего, на горе, над поймой р. Вороны. Там между-сельская дорога, по которой юный Ю.М. вышагивал в кулябовскую школу и обратно, когда один (зимой), когда вместе с ребятами-одноклассниками (ранней весной, поздней осенью), либо катил наряды с друзьями на велосипеде.

Остановились на косогоре: поглядеть на мучкапские, как и березовско-кулябовские, просторы. Большая пойма с заливными лугами, вдалеке лес, местами и дремучий, болотный, на противоположной вершине поймы большое село Чащино. Мучкапа не видно, но он там, справа от Чащино, за лесом. Красота! Чуть было на загнулась из-за возможного строительства АЭС и использования поймы в качестве водного резервуара. Слава богу, пронесло, кажется, под Воронеж!

Полубовавшись пейзажем, двинулись в Кулябовку. Вдоль дороги остатки бывших осиповских предприятий: кирпичного завода; лесопилки со столярным цехом; овощного хранилища; кроличьей фермы; крупорушки... да мало ли еще чего, что теперь никому не нужно и прямо в мерзости запустения. Грустно, досадно, недоуменно, но... факт! Следствие «великой либеральной реформы» гнетущих

1990-х гг. Из всех предприятий осталась одна механическая мельница, даже где-то в 1980-е гг. реконструированная.

Въехали в село, на первой же улице остановка: перед постаревшим и практически заброшенным зданием правления колхоза, построенном, естественно, при М.Я. Осипове. Остановились, чтобы подойти по заросшей от плакучих кустов дорожке к памятной доске, посвященной М.Я. Осипову и установленной в 2003 г., когда в Кулябовке и Березовке еще был колхоз, как раз носивший тогда имя М.Я. Осипова. Постояли молча у скромной доски, сиротливо покоящейся на обшарпанной стене когда-то живого здания. «Надо бы уже перенести доску», — тихо сказал Юрию Михайловичу руководитель местного сельского совета. «Да-а... может, новую поставить... в Доме культуры, например». «Пожалуй!» Ах, ты — Русь-земля, ты и обильная, ты и убогая! Отчего так, никто не знает, но зато реформы, революции, преобразования!

Погрузились в авто и вскоре прибыли в Дом культуры, тоже построенный в 1960-е гг. при М.Я. Осипове. Там уже ждали сельчане, среди которых выделялись учителя местной школы (уже восьмилетки, а не десятилетки, как это было при школьнике Ю.М., да еще и с тремя тогда выпускными классами) и успешный фермер, агроном, тимиразевец, давнишний знакомый Ю.М. — предприниматель и философ, интересный собеседник, большой знаток аграрного дела и неравнодушный возделыватель земли русской.

Заняв вместе с главой района и председателем сельсовета «президиум» (накрытый скатертью столик, стоявший, как и в Березовке, прямо перед рядами участников немногочисленного, но вполне заинтересованного, собрания), Ю.М. заговорил, как это было и в Березовке, об отце, о М.Я., о его славном деянии. Ю.М. старался не повторяться, а потому говорил не столько о начале его сельской страды, сколько о ее драматическом завершении. Не сказать о внезапном вынужденном уходе отца из колхозной жизни Ю.М. не мог, но не столько ради воспоминания об этом печальном происшествии, сколько для раздумия об исковерканных судьбах многих великих на Руси деятелей: что устроителей земли русской, каким был М.Я.; что военачальников, каким был тот же Г.К. Жуков; что литераторов, какими были, к примеру, М. Булгаков или Б. Пастернак; что мыслителей, вроде тех же изгнанных из страны С. Булгакова или Н. Бердяева, не говоря уже об уничтоженных П. Флоренском, Н. Кондратьеве, Н. Вавилове. Рассуждая об этом, Ю.М. встретил озабоченное понимание со стороны аудитории, что местной, что гостевой. Не нравятся почему-то великие творцы властям на Руси предрежающим, не нравятся: и теснят их, и преследуют,

и гонят, и... умерщвляют! Сегодня вроде бы демократия, свобода слова и творческих деяний, полный, так сказать, либеральный гуманизм, а разве тем же бескорыстным творцам легко: ученым, писателям, конструкторам, директорам, тем же предпринимателям, фермерам, хозяйственникам, местным руководителям?

Не одно только великое деяние М.Я. Осипова заслуживает памяти и уважения, не только совершенный им подвиг, но и сам факт его сначала добровольного прихода в деревенскую страду, а затем и вовсе не добровольного, вполне обидного и в то же время скандального, а со стороны властей попросту и преступного, исхода (практически — бегства!) из этой самой деревенской страды, уже вовсе тогда не такой уж и страдательной. Гнусно, подло, отвратительно!

Четверть века после ухода отца из деревни, в которой М.Я. уже ни разу до своей ускоренной переживаниями смерти не побывал, Ю.М. тоже не был в Березовке и Кулябовке, но вот сейчас, начиная с 1998 г., он бывает на месте трудового и гражданского подвига М.Я. и в месте своей в основном школьной юности, выражая признательность сельчанам и местным властям, прежде всего главе района, за сохранение памяти о М.Я. и выражение ему достойного за его подвижничество уважения от потомков.

Ю.М. говорил на импровизированном собрании и о цели своего со своими коллегами нового приезда на Тамбовщину, в Мучкапский район, в Кулябовку, о проведенном в Мучкапе неординарном научном мероприятии. Говорил о необходимости и значимости публичного обсуждения ученых и практиков, о совместном обсуждении положения дел в аграрной сфере и общей ситуации в стране и в мире, о пользе знакомства ученых с текущей на селе реальностью, как и ознакомления местных аграриев со знаниями и представлениями российских ученых.

Русский мир жив, — и он живет не одними обыденными проблемами и текущими практическим делами, но и отвлеченной мировоззренческой мыслью, душевными переживаниями и умственными оценками, искренней озабоченностью по поводу бытия и судьбы России, русского народа, самого русского мира.

Тут важно заметить, что поднятые Ю.М. и выступившими за ним учеными острые проблемы вызвали не просто большой интерес среди собравшихся, но и оживленную, почти как на телевизионном ток-шоу, дискуссию, описать которую можно лишь в шолоховском писательском ключе. Мучкапский симпозиум вдруг получил незапланированное никем кулябовское продолжение.

Поскольку всего высказанного на «гибридном» собрании передать невозможно, то попытаемся просто отметить обобщенно самое главное.

Во-первых, озабоченность всех участников собрания социально-хозяйственным положением в стране, которое никак пока нельзя признать ни удовлетворительным, ни перспективным. Нет достаточной возможности ни для производительного труда, ни для эффективного бизнеса, ни для полноценного бытия, ни для уверенного будущего.

Во-вторых, почему верхи бездействуют в аспекте необходимых перемен, наоборот, фактически поддерживают стагнацию, возникающие хозяйственные перекосы, дикое социальное неравенство?

В-третьих, когда же начнутся столь необходимые перемены?

Ю.М. со товарищи, понимая сельчан и с ними исходно солидаризируясь, пытались объяснить внутривластную ситуацию, ее нынешнее состояние и возможные в будущем перемены. Не отвергая начисто размышлений ученых, кулябовцы, будто припомнив в душе бурные тамбовские страсти «антоновских» времен, не нашли возможным ни признать давление на кремлевскую власть всяких вынужденных обстоятельств, ни терпеливо ждать вызревания самой возможности глубоких в стране перемен, ни учесть наличие в обществе разных интересов, как и попросту борьбы разнонаправленных сил.

Сам по себе факт такого «нетерпения» по-своему знаменателен: потребность в перестроении созданной в итоге «рыночных реформ» аномальной социально-хозяйственной системы не просто ощущается в народе, среди трудящихся и тех же предпринимателей, явно уже созрела, — чего не то чувствуют, не то не чувствуют наверху, во властных кругах, — и хотя нет вроде бы в стране «революционной ситуации», но есть зато она — настоятельная потребность разрешения кое-каких фундаментальных проблем, что говорит пока о неудовлетворении действиями властей (точнее, их бездействием), но может вскоре перерасти в недовольство, открывающее путь... нет, не к потрясениям конечно, а к всего лишь переменам, но уже иного — системного — порядка. В зале находились вовсе не какие-то там маргиналы, а вполне успешные, зрелые, деятельные люди, — и их сильно задевало либо опрометчивое бездействие властей, либо желание уже ничего «крутого» не делать, либо рискованное непонимание того, что действительно надо сегодня глубиной, коренной России, чего уже никак нельзя игнорировать. А менять есть что: и избавление от засилья посреднического капитала; и преодоление нехватки капитала у производителей; и опасность чрезмерного увлечения в сельском хозяйстве городскими инвесторами; и недоступность для аграрников сбыто-торговой сферы; и отсутствие занятости для молодежи; и... и... т. д.

На доверительное обращение (уже после заседания) Ю.М. к знакомому ему высококлассному фермеру: «Как дела в хозяйстве?», тот вдруг довольно резко (разумеется, вежливо) ответил: «У меня-то все в порядке, я о стране пекусь!». Вот так: о стране! О стране думают успешные тамбовские сельчане, о стране, а вовсе не только о себе, о своем частном деле, причем без назойливой идейной пропаганды, без назидательных партсобраний, даже уже и без товарищеского колхоза. Русский мир никому из русских не безразличен, и русские люди тоже умеют, переживая непростое настоящее, думать о будущем — достойном, полнокровном, перспективном.

Пришел конец и кулябовскому учено-практическому бдению. Бурная дискуссия, могшая продолжаться часами, была вынужденно свернута. Однако недовольных разговором не оказалось, хоть и не была снята, да и не могла быть снята, обозначенная в дискуссии озабоченность и состоянием, и будущим России.

Расставались тепло, с пожеланиями новых встреч. «А почему это мы ничего не знаем об итогах работы симпозиума, почему мы в нем не участвуем, да и почему он не проводится прямо в Кулябовке?» — такие вот вопросы вдруг возникли в головах кулябовцев — в головах знающих, интересующихся, толковых! И последовал от Ю.М. ответ: «Учтем! Следующий симпозиум, даст бог, проведем и в Кулябовке». «Точно!» — заметил глава района, — так и сделаем!»

Досуг-река

Досуг есть досуг. Отдых. Но и кое-какая работа. Разговоры. За трапезным столом, в баньке, стоя на песке, на травке. «Симпозиантам» повезло: хозяева земли мучкапской принимали их на берегу реки Вороны. Три выхода к реке, в трех разных местах: сначала, прямо в день приезда в Мучкап, с живительным омовением в Вороне после дороги; потом, на следующий уже день, настоящий прием на берегу реки, с банькой, со среднерусским «плотноедием» и умеренным питием местных оживляющих напитков; а в последующий день, уже в с. Кулябовка, как бы повторение гостеприимного события, но... все равно чуть-чуть иначе, уже не по-мучкапски, а по-кулябовски, хотя разницу уловить здесь было трудно, но она, тем не менее, чувствовалась, может, просто настроенчески: ведь после речного благоденствия всех гостей ожидал отъезд в Тамбов, в Москву, в иные веси. Нет, сильно грустно никому не было, ибо все вершилось без напряжения, дружелюбно, тактично, но ощущение завершения чего-то необыкновенного все-таки давало о себе знать.

Река Ворона, обрамляющая мучкапские земли, впадающая в Хопёр, в свою очередь вливающийся в великий Дон.

Река приняла гостей по-доброму, щедро одарив их не одной водной стихией и легкой летней прохладой, но и очень уместным для горожан природным целительством; энергией, бодростью, воодушевлением!

Знали мучкапцы и кулябовцы как и где принимать городских гостей в момент почти уже праздничного их досуга, призвали на помощь себе речку Ворону, она и отвечала своим собственным, речным, вполне и загадочным, гостеприимством, не просто омыв прошедших пришельцев, но и напоив их жизненной силой.

Горячий эпилог

II Всероссийский научно-практический симпозиум по теме «Средняя Россия: земля и люди» состоялся. Он начался в Тамбове, прошел в Мучкапе, а завершился незапланированно в Кулябовке. Многого что произошло около симпозиума, вокруг него, в связи с ним: посещения, впечатления, встречи, разговоры, контакты, откровения.

Симпозиум-то симпозиум, а земля ведь вокруг богатейшая, люди земли необыкновенные, деяния их на родной земле — как обычные, ежедневные, так и необычные, из ряда вон выходящие, насыщенная, хоть и небеспроблемная, жизнь людей земли русской, делающая и саму землю землей людей — простых, сложных, достойных, даже и героических.

Как прожить русскую жизнь на русской земле и не стать героем, героиней, героями?

Грешить, разумеется, оступаться, переживать, исправляться, но при этом и много трудиться, добротнo строить, влюбляться, создавать семьи, иметь детей, влюбляться, ревновать, не любить, ссориться, даже и враждовать, но... жить — жить по-русски, не по-китайски и не по-французски, обихоживать русскую, а не китайскую и не французскую, землю, делать русскую, а не китайскую и не французскую, историю.

Святая земля — святые люди — святые деяния!

Явное преображение Мучкапа, не слишком явное и не слишком пока преображение Кулябовки, застывшее непреображение Березовки — все тут есть, в этом юго-восточном уголке Тамбовщины, вовсе не забытом ни насельниками его, ни земляками-выходцами, ни даже самим Господом Богом.

Да — проблемы, да — неурядицы, да — тупики, но... вовсе не мерзость запустения, не разочарование и уныние, не погост, — здесь жизнь, здесь движение, здесь надежда!

Симпозиум стал событием — вовсе не таким уж и научным, скорее — метанаучным, метафизическим, может, даже — и сакральным! Это почему же? Всего лишь по причине вспыхнувших откровений, ухваченных смыслов, выплеснувшихся воодушевлений. Может,

случилось это не со всеми участниками события, да разве в том дело? — у некоторых-то ведь точно случилось, а это как раз и главное!

Событие можно сравнить с... огнивом, имеющим, как известно, две половины-части, при соударении которых выскакивают искры, поджигающие что-нибудь из горючего материала. Горючим оказались в данном случае не материалы, а души, пусть лишь некоторые, искрами — чувства, напряжения и мысли, ну а половинками огнива — не что иное, как два ударившихся друг и друга мира — ученого и практического, — и возник никем не ожидавшийся сакральный эффект — возбуждение надежды и веры... прямо в Россию, в русский мир, в русских!

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Симпозиум (рассказ-очерк) // *Философия хозяйства.* 2014. № 6.

С.С. НИПА, Т.С. СУХИНА

Хроника мучкапских откровений

Аннотация. Обзор II Всероссийского симпозиума «Средняя Россия: земля и люди», участники которого обсуждали проблемы хозяйствования на российской земле, возрождения жизни на селе и в малых городах России, предлагали пути их решения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Средняя Россия, кризис, землепользование.

Abstract. The article presents the review of the II All-Russian symposium «Central Russia: the Earth and the People» which participants discussed problems of the Russian land's economy, revival of life in the village and in small cities of Russia, offered ways of decision.

Keywords: rural economy, Central Russia, crisis, land tenure.

1 июля 2015 г. в поселке Мучкапский Тамбовской области состоялся II Всероссийский симпозиум «Средняя Россия: земля и люди», организованный ЦОН и АФХ совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района Тамбовской области.

Открыл заседание профессор **Ю.М. Осипов**, директор Центра общественных наук при МГУ, президент Академии философии хозяйства. В своем приветственном слове он выразил благодарность руководству Мучкапского района за инициативу и предоставленную возможность проведения симпозиума в пос. Мучкапский. Симпозиум «Средняя Россия: земля и люди» проводится на Тамбовской земле второй раз, это становится уже традицией. В прошлом году он состоялся на базе Тамбовского государственного университета.

Ситуация в мире за год изменилась, заметил Ю.М. Осипов. Год назад шел разговор о нашествии войны, а сегодня мы говорим о том, что мы уже в войне. Мир в целом, планетарный мир — это мир-война. Нынешняя Россия — Россия пореформенная. Реформы 1990-х гг., направленные против кризиса, образовавшегося в стране в конце 1980-х гг., с целью выправить страну, обеспечили новый кризис, уже пореформенный. Пореформенная Россия, конечно, существует в рамках глобальной системы, но мы живем в России и другого выхода у нас нет, как устраивать здесь свою жизнь. Власти что-то делают, но пока не разворачиваются в сторону самой России, чтобы обеспечивать полноценность страны, в которой можно жить, будучи уверенным в завтрашнем дне. России нужно из этого выбирать. Особенно трудно молодому поколению, которому нужно обустроить свою жизнь. Да, и в Мучкапе есть свои проблемы. Кризис, который переживает страна, отражается на земле, на людях, на производстве. Но люди как-то пытаются на своем уровне изменить жизнь. Само настроение людей другое — есть присутствие некоего ощущения ценности. В Мучкапе люди хотят «оседлать» будущее. Мучкап — это очаг антикризиса. С одной стороны, есть земля людей, а с другой — есть люди земли — мучкапцы. И здесь мы видим очаг новой России.

Страна находится в сложном положении. Мы ищем ростки новой жизни. Вот наша задача — обменяться соображениями на эту тему, призвал Ю.М. Осипов.

Далее выступил д.э.н., профессор, директор Волжского гуманитарного института **М.М. Гузев**. Тамбовская область входит в состав Средней России, и уже этим определяется ее роль в сохранении и развитии РФ. В XX в. в ходе распада СССР Россия потеряла уже ряд своих исконных территорий, которые отошли Казахстану, Украине, были поставлены под сомнения территории на Северном Кавказе. Но из-за этого Россия не перестала существовать. Другое дело — Средняя Россия, Тамбов, Липецк, Рязань, Воронеж, Тула — это сердце России. Без сохранения и развития этих территорий не может быть сильной России. Особенно остро здесь сейчас стоит вопрос демографический.

Смертность превышает рождаемость, молодежь уезжает из этих регионов, уходит квалифицированная рабочая сила. Все это обрекает их на деградацию. Поэтому нет более важной задачи, чем создание в этих регионах новых высокотехнологичных рабочих мест. Это задача и федеральной власти, и региональной и местной, муниципальной. А вместе с рабочими местами должна создаваться и соответствующая инфраструктура. В этом плане благоустройство р.п. Мучкап в последние годы показывает, что все можно сделать, все в наших руках, людей неравнодушных к своей малой и большой родине, заключил М.М. Гузев.

Д.э.н., профессор, заведующий кафедрой агроэкономики экономического факультета МГУ **С.В. Киселев** отметил в своем выступлении, что наконец в сельском хозяйстве восстановлен уровень начала 1990-х гг., тот уровень, с которого началось падение производства. И восстановлен в основном за счет растениеводства. Физический объем продукции животноводства составляет около 80 % от уровня 1990—1991 гг. В современных условиях аграрный сектор входит в полосу стагнации со среднегодовыми темпами роста около 1%. Несмотря на возможности импортозамещения, вряд ли можно рассчитывать на какие-либо прорывы. Это относится и к использованию земельных ресурсов. С начала 1990-х гг. из оборота ушло 40 млн га пашни. Не все эти земли могут и должны быть введены в оборот. Исходя из современной структуры посевных площадей и перераспределения земельного фонда, целесообразно возратить в активное использование до 5-10 млн га. Однако необходимо иметь в виду, что при существующей производительности труда, нагрузке на технику потребуются дополнительные денежные вложения. При этом самым дефицитным ресурсом являются эффективно хозяйствующие работники. Именно отсутствие эффективных трудовых ресурсов в современных условиях, несмотря на недостаток техники и скрытую безработицу, являются главным сдерживающим фактором. Поддержка государства, в том числе финансовая, может быть только дополняющим моментом роста в сельском хозяйстве. Сохраняется масса препятствий институционального характера. Снятие этих барьеров позволит без всяких финансовых вливаний улучшить инвестиционный климат, и тем самым увеличить возможности для роста, для проявления инициативы людей, живущих на селе. Вся модель развития в сельской и аграрной экономике должна быть направлена на изменение мотивации в сторону рационального хозяйствования, повышение культуры производства. На этой основе

возможно ускорить и расширить применение современных технологий, в том числе почвосберегающих и ресурсосберегающих.

Д.и.н., профессор исторического факультета МГУ **Г.Р. Наумова** затронула проблему пореформенных изменений, произошедших в России в 1990-х гг. Проведенные реформы не столько способствовали развитию народнохозяйственного организма, и в первую очередь многообразных коммунальных институтов, исторически сформированных в нашей стране, сколько вызвали серьезные структурные изменения, которые коснулись всего народнохозяйственного комплекса. Не остались в стороне земля и люди на земле в Центральной России. В системе организации хозяйственной жизни и управления стал бурно развиваться институт, получивший название «эффективный менеджмент». Конечно, и до этого в нашей стране были и хозяйственники, и управленцы, и устроители земли русской, накоплен значительный управленческий опыт, за которым стояли знания, умения, производственные навыки, социально значимые установки, среди которых на первом месте находилась глубокая социальная составляющая. Новый «эффективный менеджмент» имеет совершенно иные ориентиры, предполагающие измененное сознание, инвестиционный климат, финансовую эффективность, не связанные, как правило, с содержанием хозяйственного творческого процесса. Если земля еще втянута в оборот «эффективными менеджерами», скупившими у вчерашних колхозников их паи и реализовавшими земельные угодья со значительным экономическим эффектом, то люди сегодня оказались «не при делах». Эффективно, с точки зрения «эффективного менеджера», может быть использована лишь небольшая часть живущего на земле населения. «Неэффективное» же население выглядит пока ненужным обременением. Пробуждение творческой хозяйственной инициативы при утрате многих коммунальных институтов, которые исконно поддерживали человека на земле, кажется трудно достижимой мечтой, заключила Г.Р. Наумова.

В выступлении профессора **В.В. Кашицына** (Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск) также прозвучала проблема несовершенства системы управления. Сегодня, когда технологии жесткого перехвата власти, восстаний, революций и развязывания войн массово используются «темными» антиразвитийными силами, необходимо искать и воспроизводить такие управляющие и регулятивные технологии, которые, нивелируя сложившуюся в обществе дифференциацию, разрешают противоречия между интересами хозяйствующих субъектов и властной конструкцией управления. Движение должно быть встречным. И власть должна

профессионально улавливать мотивацию хозяйствующих субъектов, трансформируя соответственно систему управления, и хозяйствующие субъекты должны более активно разворачивать свою институциональную мотивационную матрицу в сторону развития, тем самым генерируя и воспроизводя системные аспекты экономической среды, экономической политики и самих контуров властвующей управляющей архитектуры. Например, можно и нужно активно развернуть в сторону кристаллизации интересов хозяйствующих субъектов действующие институты: партии, фронт, ТПП, ассоциации товаропроизводителей, потребителей, малых городов и т. д. Должны генерироваться и новые институты, решающие данные задачи.

Г.В. Шапкин, руководитель сельскохозяйственного предприятия в Мучкапском районе, в своем выступлении рассказал о проблемах, с которыми приходится сталкиваться производителям в сельском хозяйстве. Одна из важнейших проблем — наличие прослойки между производителем, переработкой и магазинами. Эта прослойка съедает всю прибыль. Государство знает об этом, но не спешит бороться. Если удастся убрать эту прослойку, получится нормально жить. Другая проблема — животноводство. Строятся мощные комплексы, в которые вливаются огромные деньги. Но это не способ решения проблемы. По мнению Шапкина, основная политика государства должна ориентироваться на производителя. Нужны нормальные достойные закупочные цены на молоко, мясо, чтобы производитель не работал в убыток. Также ощущается нехватка финансирования, нет нормального кредитования под проект — только под залог основных средств. В современных условиях невозможно взять кредит даже для VIP-клиентов. Но, в целом, заключил Г.В. Шапкин, хозяйства справляются.

Т.Н. Григолец, учительница Мучкапской средней школы, коснулась основополагающих проблем, волнующих сегодня всех россиян. Россия выживет своей духовной нравственностью — эта основа была всегда, во все времена. Самое главное, когда есть стержень, есть, ради чего жить: ради детей, внуков, потомков. Я рада приветствовать на нашей мучкапской земле, сказала учительница. У нас всегда был особый менталитет. Например, во время Гражданской войны у нас были не только красные и белые, но и зеленые. Во время выборов голосование у нас тоже всегда отличается. Мы далеко от Воронежа, Тамбова и тем более Москвы. Поэтому у нас так привлекательно.

И.Р. Бугаян, д.э.н., профессор, Северо-Кавказской академии государственной службы (г. Ростов-на-Дону) также уделил много внимания управленческим проблемам, подчеркнув, что слепое следо-

вание концепции так называемого *эффективного менеджмента* может разорить любую страну. Если нет или чрезвычайно мало талантливых предпринимателей, то никакой менеджмент спасти не сможет. «Эффективный менеджмент» сводится к достижению чисто поверхностных показателей финансового благополучия — «деньги не пахнут». Где же взять, особенно в сельских местностях, такое количество предпринимателей, чтобы хотя бы сохранить и обеспечить функционирование всей созданной в передовых хозяйствах доперестроечного периода агропромышленно-инфраструктурных дополнений к основному делу на селе — сельскому хозяйству? Для решения этой проблемы целесообразно использовать два направления — просветительскую, организационную и моральную поддержку на местах и одновременно помощь в подготовке бизнес-проектов, проведении переговоров с банками о необходимых кредитах, предоставлении гарантий со стороны предпринимателей и администрации из районных центров, заключил профессор И.Р. Бугаян.

М.А. Коростелев, глава Мучкапского поссовета, приветствовал гостей симпозиума и рассказал о тенденциях, наметившихся в поселке за последние годы: «За последние 5 лет трудно говорить о повышении жизненного уровня в поселке из года в год, но изменения есть, например, стало значительно больше машин, хотя состояние дорог и оставляет желать лучшего. Свою работу выстраиваем так, чтобы каждый день приносил хотя бы маленький результат. Но не всегда все получается. Я думаю, что в большинстве мы все реалисты, и все будет хорошо».

О.В. Доброчеев, к.т.н., главный специалист российского научного центра «Курчатовский институт», отметил важность роли каждого человека в деле развития страны. Для русского человека важна духовная компонента. Россией движет пассионарность.

К.и.н., **И.П. Смирнов** (МГУ) в своем выступлении сказал, что, находясь в Мучкапе, на Тамбовщине, и наблюдая здешнюю жизнь, мы испытываем чувства, сложно формулируемые, но определенно внушающие гордость и оптимизм. Пожалуй, живущих здесь людей можно более всего охарактеризовать таким свойством, как *адекватность*. Для жителя российского мегаполиса свойство весьма редкостное. Не говоря уже о человеке современного западного мира, во многом искусственного и антиприродного, манипулируемого и бессмысленного, здравомыслие и адекватность безнадежно утратившего. Освещение западными СМИ событий на Украине исчерпывающе этот тезис иллюстрирует. Когда госсекретарь США Джон Керри с пафосом утверждает, что в XXI в. неприемлемо применение силы в решении междуна-

родных проблем, невольно задаешься вопросом об адекватности этой позиции в изложении представителя страны, имеющей сотни военных баз во всех уголках планеты и развязавшей за последние годы немало кровавых войн с уничтожением мирного населения. Столь же неадекватной представляется характерная для западного мира гипертрофия политкорректности, диктатура которой вступила, похоже, в стадию глубокого кризиса. Этот идеологический жупел двулично используется одновременно для утверждения провалившегося мультикультурного общества в Европе и для разрушения недавно еще мультикультурного общества на Украине. Видимо, мы имеем дело с опасной патологией, названной психологами «псевдо-лжец»: когда человек не сознает себя лжецом, поскольку искренне верит в ложь, которую произносит. Достойным ответом на обозначенные патологические тенденции может быть только сохранение адекватности. Нашу веру в то, что Россия не позволит втянуть себя в нарастающее безумие современного мира, питают пребывание здесь, на Тамбовской земле, в сердце Средней России, контакты с людьми этой земли, заключил И.П. Смирнов.

Е.С. Королев — правнук председателя колхоза, который ушел на фронт из Мучкапского района и не вернулся, сейчас работающий в юридической клинике, в своем выступлении рассказал о проблемах, с которыми сталкиваются граждане в области использования земли, земельных ресурсов. Например, есть проблема дачников: около 30% земли не используется. В этом году подписан пакет документов о земельном надзоре. Специалисты госреестра должны выезжать на местность и проверять эффективность использования земель. Но до сих пор в Тамбовской области нет ни одного прецедента изъятия земли у нерадивого собственника. Другой аспект — проблема наложения участков. В связи с перемериванием участков с использованием спутниковых координат стали обычными «захваты» земли (что подлежит штрафу). Часто встречаются и случаи наличия двух собственников одного и того же участка. Возникает вопрос об эффективности менеджмента в области земельных ресурсов. Только Тамбовский район собрал 650 тыс. р. штрафов за использование своих же земель. Государственный контроль, таким образом, сводится к получению денег.

Земли есть, и потенциал есть, есть что развивать и куда расти, стремиться. Но даже в рамках законодательства, в рамках нашего субъекта, существуют определенные сложности, барьеры. Человек хочет что-то развивать, а его затормозят или так зарегламентируют, что руки опускаются. Но земли обрабатываются. Сельско-

хозяйственной продукцией Тамбовский регион может обеспечить всю Россию, отметил в заключение Е.С. Королев.

Л.И. Ростовцева, д.социол.н., профессор Тульского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова обратила внимание на доклад Ю.М. Осипова, который употребил два интересных с научной и житейской точек зрения словосочетания: *земля людей* и *люди земли*. Глобальный человек, или человек мира, — основа понятия «люди земли». Их объединяет то общее, что свойственно человеческой природе и что принесла с собой глобальная культура на современном этапе развития человечества. Разрушение культурного кода наций, виртуализация жизни, изменения в ценностной системе программируют поведение миллионов. Что можно взять от жизни, какова выгода — вот вопросы, определяющие систему ориентации человека на земле. Это означает, что человек беден. Главное — иметь, а не быть, материальное довлеет над духовным. Растет угроза существованию человека, перерождения его в *пост-человека* (киборга, чиповея).

Земля людей означает сохранение человеческого в человеке и мире. Главное — не иметь, а быть, приоритет духовного над материальным. Отправляется жизнь в поисках смысла, где человек задается, прежде всего, вопросом: что я могу дать, какой след оставить в жизни? Он хочет дарить, жертвовать собой. Это значит, что человек богат. Хозяйство на земле он ведет на духовно-нравственных основаниях. Это человек любящий, сострадающий, милосердный, праведный, верящий в Истину, Добро и Красоту. Если люди земли много говорят о правах, то земля людей воплощается в долге. То, что мы увидели в Мучкапе, — островок на земле людей. А.А. Хоружий подтвердил, что руководители района своей главной задачей считают укрепление духовного стержня, благодаря которому можно поднять благосостояние людей. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание приобретают важное значение.

Л.И. Ростовцева напомнила о проекте, инициатором которого она является: «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», и о книге воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...», посвященной 70-летию Великой Победы, в котором мучкапцы приняли активное участие. А также пригласила мучкапских школьников и тамбовских студентов университета принять участие в новом проекте «Без прошлого нет будущего».

Н.Ш. Кагамадзе, аспирант исторического факультета МГУ, рассказала, что тема симпозиума созвучна теме ее диссертации, в которой она значительную роль уделяет изучению исторического опыта хозяйствования, в том числе на примере жизни и деятельности

М.Я. Осипова, отца Ю.М. Осипова, на посту председателя колхоза в Мучкапском районе.

С.В. Коростелева, депутат областной думы от Мучкапского района поприветствовала участников симпозиума на Мучкапской земле, отметила незаменимую роль главы Мучкапского района А.А. Хоружего. Пожелала гостям проникнуться атмосферой земли, подпитаться добрым приемом, речкой Вороной. В завершение представила участникам симпозиума новую историческую книгу об «антоновщине».

Посещение пос. Мучкапский вызывает искренний исследовательский интерес, отметил **С.С. Мерзляков**, научный сотрудник МГУ, поскольку сложно найти сельское поселение, которое настолько же отдалено от регионального центра, но при этом столь же соответствует представлению об эталонном российском провинциальном поселении. Почему Мучкапский выделяется на фоне других схожих с ним по изначальным экономическим характеристикам (таким как количество населения, отдаленность от центра, потенциал для экономического развития) поселений или даже уступает им? Какой механизм сработал для того, чтобы появился тот эффект, который мы наблюдаем сейчас? Сложно представить, что речь идет исключительно об экономических, т. е. финансовых механизмах, таких как инвестиционная привлекательность, субсидирование и т. п., потому что Мучкапский не отличается принципиально от граничащих с ним районов Тамбовской области.

Позиция институциональной экономики предлагает нам при возникновении подобных затруднений обратиться к концепции разделения экономических механизмов на те, которые функционируют на основе формальных правил поведения, и те, которые основываются на неформальных правилах. И если мы не можем найти причины того или иного действия при анализе формальных институтов, то необходимо обратить внимание на неформальные модели поведения. Поэтому возникает вопрос: в случае с Мучкапским срабатывают формальные правила игры, которые и привели к известному результату или имели место неформальные отношения? Если верно первое, то опыт Мучкапского может быть перенесен на другие поселения, потому что грамотное использование формальных институтов возможно на любой территории. Если верно второе, то механизм, сработавший в Мучкапском, может не сработать при применении его в другой ситуации. В заключение докладчик поставил вопрос: так, может ли Мучкапский быть примером для других малых поселений, или он является счастливым

исключением и следствием счастливого стечения различных обстоятельств?

В завершении подводя итоги симпозиума, выступила **В.В. Смагина**, проректор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина: «Тема была одна: “Новая Россия, модель”». Очень интересно то, что мы рассматриваем проблемы Средней России на примере Мучкапа. В чем особенность, в чем секрет именно этого района? Эффективный менеджмент, эффективное управление? Конечно. Но также существует некоторый опыт, который живет именно на этой земле — опыт Осипова Михаила Яковлевича, который трудно переопределить. Сегодня мы только в начале осмысления этого, все еще впереди!».

В заключение **А.А. Хоружий**, глава Мучкапского района, ответил на основные вопросы, прозвучавшие в предыдущих выступлениях: какова модель и как к этому пришли? Наши встречи, наши разговоры, общение укрепляют в мысли, что мы можем многое сделать. Но пока мы не знаем — как? Но знаем, что сделаем. Благодаря мучкапскому характеру, прямому, упрямому, и мучкапскому духу, настроенному на добрые дела. Мне бы хотелось думать, что эти встречи на мучкапской земле станут традиционными. Они очень помогают нам увидеть то, что происходит, другими глазами, по-особенному.

Таким образом, в процессе работы симпозиума были затронуты различные вопросы развития сельскохозяйственных регионов. Несмотря на то, что в аграрной политике в последнее время произошли положительные изменения, проблемы есть: это и недостаточная поддержка со стороны государства, особенно в отношении малых сельскохозяйственных предприятий, недостаток инвестиций, неразвитость инфраструктуры, отсюда и социальные трудности. Сельское хозяйство — это не только земля, это и люди. Создание благоприятных условий для жизни и работы позволит людям оставаться на своей земле, а значит, и ситуация в Средней России будет налаживаться.

Е.С. ЗОТОВА

Философия хозяйства о текущем социохозяйственном моменте

Аннотация. Предоставлен обзор состоявшейся на круглом столе в Волжском гуманитарном университете дискуссии на тему «Что говорит философия хозяйства о текущем социохозяйственном моменте».

Ключевые слова: философия хозяйства, экономика, хозяйство, политэкономия, Модерн, Постмодерн, кризис мира.

Abstract. The article is devoted to the review of a discussion «What does the Philosophy of Economy Speak about the Present Social and Economic Situation» which took place on a round table in Volzhskiy humanitarian university.

Keywords: philosophy of economy, economics, economy, political economy, Modernist style, Postmodern, crisis of the world.

В рамках состоявшейся в сентябре 2015 г. в Волжском гуманитарном институте международной научно-практической конференции «Народный поиск модели хозяйственного развития России» (к 250-летию Вольного экономического общества России), организованной совместно с Центром общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, под руководством Ю.М. Осипова прошел круглый стол на тему: «Что говорит философия хозяйства о текущем социохозяйственном моменте».

Сейчас уже можно сказать, отметил профессор, д.э.н. **Ю.М. Осипов**, что уже существует *иное* мировоззрение, чем принято в общепринятой науке и философии. Оно разработано в Центре общественных наук. И это не синтез науки, философии и религии, как это обычно представляется многим. Такого рода синтез невозможен — тут совершенно разные посылы, аксиоматики, парадигмы, и смешать их невозможно. Наше учение вполне целостное, и целостность эта задается до обращения к науке, философии и религии — до уже готовых и на себя обращенных концепций. Наше мировоззрение совсем другое — это не единение готовых высказываний, которые нельзя соединить, — это уже *иное* высказывание.

В связи с поднятой на конференции темой, я хотел бы, используя наш воззренческий подход и наши мировоззренческие трактовки, кое-что сказать о том, как мы понимаем современность.

Философия хозяйства трактует свой предмет как жизнеотправление человека. Поясню сразу: хозяйство Бога — можно сказать, экономика Бога — нельзя! Вот вам и все различие между хозяйством и экономикой: никакой экономики Бога быть не может, политэкономии Бога — тоже. Посмотрите просто на реальную жизнь. Чем занимаются финансовые службы? Подсчетом денег, финансов. Мать воспитывает ребенка — какая тут экономика? Здесь производство человека как основного блага, но это вообще не учитывается в политэкономии (ребене-

нок же не платит матери, зато репетитору платит — здесь уже оценка, деньги, здесь экономика).

Я не могу никак объяснить нашим политэкономам, что пора разделить понятийно экономику и хозяйство — и тогда все станет на свои места, подчеркнул Ю.М. Осипов. До сих пор политэкономия не может определить своего предмета, хотя в ее распоряжении сотни определений. Политэкономы так и не понимают, что такое «экономика», тем более «политическая». Монкрентьен придумал это определение — политія — для удобства собирать налоги... А какое отношение имеет политическая экономия ко всему остальному, что было вложено в это понятие? Если это государственная экономика — тогда да, но имеется же в виду не только государственная — всякая... И эта путаница существует до сих пор, с эпохи так называемого Просвещения. Было *просвещение*, стало *протемнение*. Политэкономия просто затемняет мозги и разворачивает их неизвестно куда — политэкономы даже не могут обнаружить направления своего движения. Пришло время понять — имеет место крах политической экономии, за что заплачено обильной кровью: Революция, Гражданская война, раскулачивание (на Тамбовщине до сих пор помнят подавление Антоновского мятежа)... Политэкономия — это идеология, а не отражение реальности. Эта идеология направлена на изменение реальности — сначала в пользу капитала, потом как бы в пользу труда. Там революция, и здесь революция. И все это обосновывала политэкономия — и я тут с ней согласен. Но это не отражение реальности, не антология, это насилие над реальностью. Назовите мне хоть одно теоретическое положение политэкономии, соответствующее реальности. Политэкономия — миф, который был насильно продлен в нашей стране, поскольку был нужен большевистско-сталинской власти, преобразован в политэкономиию социализма. Когда этот миф рухнул в 1990-е, я надеялся, что это даст простор российскому ученому сознанию. Сам я стал прозревать раньше: в 1990 г. уже вышла моя «Философия хозяйства» (политэкономия вовсе не разрешала тех проблем, которые меня волновали). Но что же мы видим? И сейчас, в 2015-м, собираются политэкономы и хотят возродить политэкономиию, но вот какую? « $C + v + m$ »? — но это же выдумка К. Маркса, если всерьез с этим разобраться. Где же знаменитая «трудовая стоимость», которую даже пытались считать, где эта «полезность», которая не поддается исчислению? Можно ли объяснить цену на нефть с помощью трудовой теории стоимости или теории предельной полезности?..

Философия хозяйства, которой я служу, «гуляет» за пределами науки, за пределами политической экономии. Гуманитарная наука по-

чти вся — миф. Он может вызывать революции, но не отражать реальность.

Необходимо разъяснить: XVIII в. — век победы науки над философией, — и тогда пришла пора поговорить о человеке языком науки. Это была попытка научным образом объяснить ненаучный предмет. Объявили, что человек материален, сознание, разум — функция материи, общественные отношения — материальны...

Что во всем этом материального? Что материального в цене, в труде? Дайте мне материю труда. Ничего этого нет и в помине. Произошло отрицание идеального — нематериального, духовного. Просвещение все объясняет материалистически и механистически. Физики, конечно, многое по-своему объяснили, у них есть для этого хотя бы постоянные опорные величины, которых как раз нет в обществе, в экономике, в сознании — здесь уже духовный мир, который совсем другой. Когда наука стала побеждать, она постаралась изгнать из университетов не только богословие, но и философию метафизическую, оставив только «научную»-де философию. Все занялись наукой — научной картиной мира.

Хорошо — раз мы экономисты, давайте поговорим о стоимости. Что в ней материального? Ради научного объяснения, надо искать внешний материал для измерения стоимости — рабочее время, полезность, спрос и предложение и т. д. Но стоимость сидит в головах людских и исходит из головы, из сознания. Не стоимость исчисляют, а стоимость оценивает саму себя. Выходит, что здесь *идеальный* мир, где работают идеи, мысли, продукты сознания.

Господь наделил человека, продолжил профессор Осипов, — способностью выделить себя из окружающего мира, мир этот обозначить и миром этим оперировать. Сознание — великая ноша, которую не все и выдерживают... Сознание — это знание мира и того, чего нет в мире. Откуда оно? Природа дала? Но природа не могла родить своего отрицателя. Если бы это делала природа, то она обеспечила бы человеку бытие такое же, как и животному, — в определенном экологическом равновесии с природой. А человек — единственное существо, нарушившее это равновесие, причем глобально (и сейчас занят поисками, как восстановить это равновесие). Искусственный мир, созданный человеком, победил мир человеку данный. Но когда человек вообразил себя богом и творцом, появилась и сознательная Европа, запустившая Модерн — глобальную перестройку мира. До этого был Ренессанс, Премодерн — человек жил в Природе, и если что-то при этом нарушал, баланс всегда восстанавливался.

Европейский человек взял на себя миссию *пересотворения мира*. Теперь люди уже не природные существа. Жизнеотправление человека — неприродное, даже антиприродное... Политэкономия над этим никогда не задумывалась. Ее задача была обеспечить победу капитала, а потом — победу уже и антикапитала.

В Премодерне были созданы язык, религия, философия, культура, которыми мы до сих пор питаемся. Модерн начал во многом менять, даже уничтожать это все. И чего добился, развиваясь по экспоненте, за полтысячелетия? Выйдя на высшую точку, оторванную от Природы, от Господ Бога, человек остался наедине с самим собой, а созданный человеком искусственный мир развернулся против самого человека — человек как человек ему не нужен. Человек скоро станет не нужен этому миру даже как потребитель.

И вот тут-то человек и «обезумел», не зная, что дальше делать: угроза эпидемий, войны, экологические катастрофы и т. д. Тут важен момент отрицания созданным миром своего создателя. Как человек отрекся от Бога — своего создателя, так сотворенный человеком мир отрекается от человека — своего создателя. Большая коллизия: что делать дальше? Например «шелковый путь» — нужен ли он человеку? Расчет здесь чисто экономический, а экономика руководствуется не потребностями человека, а потребностями стоимости, которая давно господствует над человеком. А что такое стоимость? Субстанция, которая сидит в человеческих головах. Это некий мир цифр, отражающих определенную реальность, но реальность стоимостную. Деньги и цена — это «кварк» стоимости. Их нельзя оторвать друг от друга, это собственное выражение стоимости. Теперь деньги создаются (американцами) — это раньше золото служило кое-каким «естественным» ограничителем. Цены могут быть теперь любыми, хотя и не какими угодно. Потому что есть другие цены, другие стоимостные потоки. Один произвол сдерживается другим произволом. В итоге — некий порядок. Какой же? — вполне произвольный. Нет в современной экономике заранее обусловленных порядков, которые надо экономике соблюдать, это некий поток, который сам себя образует и, условно говоря, «упорядочивает». Экономика, выражаясь по-латыни, — *causa sui* — сама себе причина. Нет никакой другой причины в экономике, кроме ее самой. Но у экономики есть субъекты — владельцы стоимости, которые влияют на цены, на капитал, на движение денег, на инвестиции, кредиты и т. д. Влияют, но полнообъемно не организуют, жизнеотправление человека определяется господствующей надо всем субстанцией — стоимостью, однако, сидящей в голове человека и человеком же немало управляемой.

Почему философия хозяйства берется обо всем этом рассуждать?

Рассмотрим: *бытие — хозяйство — история.*

Бытие невозможно без хозяйства, хозяйство — это жизнеотправление человека, как видим, перед историей.

Философия хозяйства, которая есть попытка вытащить из хозяйства его смысловую начинку, оказывается в центре гносеологических событий и может многое трактовать: культура — хозяйство, образование — хозяйство, семья — хозяйство, сам человек — хозяйство.

Обратите внимание, что наши русские экономисты так и не перешли на такие понятия, как семейная экономика, крестьянская экономика, что не случайно. В угоду западной мысли слово «экономика» у них присутствовало, но гораздо в меньшей степени, чем на Западе. Поэтому различение этих понятий — хозяйства и экономики — надо было сделать, и это уже произошло.

Кто-то останется в искусственном мире, а кто-то — нет. Уже идет ликвидация «лишних» людей (не имеющих признанных западных рейтингов), в том числе обладающих таким знанием, как философия хозяйства, — они не нужны этому искусственному миру, она сама думает за них, он сам решает за человека.

Имеет место кризис мира. Не кризис в мире, а кризис самого мира и человека в нем. Не в человеке кризис, который можно преодолеть, а кризис человека как феномена. Не просто война сейчас в мире, а весь мир как война. Идет война за будущее — кто останется в мире и в каком виде. Есть проекты полного глобального господства с уничтожением большей части человечества — у них (проектантов) уже нет другого выхода. Остальной мир сопротивляется, как может. Совсем недавно мы думали, что чем больше техники — тем лучше, чем больше удобрений — тем лучше, чем больше магазинов — тем лучше, — и вдруг оказывается, что это все против человека. И все это надо осмыслить.

Какой мир теперь будет? Кто знает! Ситуация в мире апокалиптическая. Апокалипсис — (не в Иоанновом понимании, а в нашем) — это такой кризис, у которого нет программируемого выхода и который не преодолевается автоматически, — это тупиковый кризис. Человек Модерна (культурный, грамотный, образованный) уже не нужен — теоретические, философские кафедры закрывают. Остаются технологии. Но как их осмыслить, если не будет соответствующей мировоззренческой подготовки. Искусственному миру нужны «винтики» — такие «полуфабрикаты», которые можно приспособить к новейшим

технологиям, под водительством «эффективных менеджеров» (людей, принимающих решения, не знающих предмета, которым управляют).

Россия первой попала в этот апокалиптический кризис, и в силу тех бед, которые она перенесла за всю свою историю, возможно, совершит тот разворот в другую от западного мира сторону. Мы на это надеемся. Это может произойти лишь как чудо по воле Господа Бога или каких-то еще метафизических сил, которые мы не вольны знать. Россия «разворачивается» непонятно каким способом против западного мира. Она — слабая вроде экономически — оказалась сегодня в центре мировых событий. *Дух* тут заработал. Недаром говорят, что когда Хайдеггера спросили, почему Россия победила во Второй мировой войне, он ответил: с Россией была София. И сейчас появляется ощущение, что София к нам возвращается. Мы, философы хозяйства, вышли на такое понятие, как *софиасофия* — т. е. высшее понимание мира, человека, реальности, — понимание, что помимо мира, реальности, человека существует что-то высшее, метафизическое, но на что нужно непременно ориентироваться.

Все в когнитивной сфере догматизировано — наука, философия, религия, каждое по-своему, и надо пройти между этими догматами, что я называю метадогматическим приемом — и выйти на софиасофию (некую «корону», которую я надеваю на то, что сказал ранее).

Основной вопрос философии хозяйства — что делает, что творит человек на планете, да и кто он? Какова его миссия — мегамиссия, выходящая далеко за пределы простого выживания?

Об этом никакая политэкономия ничего не скажет. Вообще философия потребна там, где не ясно, а не там, где ясно. И если наука работает — превращая ясность в неясность посредством запутанной терминологии, то философия всего лишь открывает неоткрываемое.

И вот сейчас задача России — *вырваться*. Россия — не страна, не нация, не государство, Россия — это мир. У нее особые характеристики, ей не подходят общепринятые типологии — она не европейская, не азиатская, она — *другая*. Не зря было сказано: «Умом Россию не понять», в нее действительно «можно только верить». И главная вера русских — не православие вовсе, а *Россия!* Когда припирает — спасает только вера в Россию. И сейчас идет переосмысление, которое покажет, насколько наш истеблишмент осознает необходимость удержания России в качестве *другой* и способен ли он сохранить пространство *собственного* бытия, перейдет ли он к мобилизации России или нет.

Россия думает сейчас о себе, о своих национальных интересах не ради лишь материального благополучия, не ради получения максимального потребительского эффекта. Она в поиске самой себя!

Намечается некий тренд на подъем — новая элита, новые интересы, новая армия и т. д. И подъем этот не может произойти вне самостоятельности России. Ей необходимо не изолироваться, а взаимодействовать и иметь собственный центр принятия самостоятельных решений — на союзников надеяться никак не приходится.

Есть «исход человека», его трудно понять (это загадка), есть «ход вещей» — некие объективные процессы, их еще труднее понимать, а есть «ход неизвестности» — трансцендентного начала, когда творится то, что не связано ни с деяниями людей, ни с ходом вещей.

Нужно новое мировоззрение, чтобы все это осмыслить. Оно восходит к философии хозяйства и порождается софиасофией, заключил Ю.М. Осипов.

Выступление профессора, д.э.н. **М.М. Гузева** (Волжский гуманитарный институт) было посвящено Вольному экономическому обществу (ВЭО) России: от века XVIII к веку XXI. История создания ВЭО России, — сказал М.М. Гузев, — связана с потребностями развития страны в XVIII в., необходимостью внедрения передового опыта и повышения производительности труда в сельском хозяйстве в условиях, когда крепостное право все больше становилось тормозом развития. Идея создания общества по изучению и распространению опыта ведения хозяйства связана с именем М.В. Ломоносова, а ее реализация — с именем императрицы Екатерины II и рядом высших чиновников и фаворитов царицы. Позже, в XIX в., членами ВЭО состояли известные российские ученые, не только экономисты. Все они являют нам пример бескорыстного служения отечеству, отметил профессор Гузев

И сейчас, в XXI в., когда насильственно внедренная в России модель хозяйственного развития все больше вступает в противоречие с потребностями развития и обеспечения безопасности страны, необходима консолидация людей сильных, мыслящих, в том числе ученых, понимающих бесперспективность и тупиковость существующей ситуации, подчеркнул М.М. Гузев.

В начале XX в. в обществе насчитывалось 500 членов, было опубликовано 400 томов «Трудов ВЭО», были созданы Комитет помощи голодающим, Комитет грамотности. Сейчас в ВЭО России состоит 11 тыс. организаций и 300 000 ученых и специалистов. Но это все формальная сторона. А где же реальные дела? Конкурсы, издательская деятельность, круглые столы — все это хорошо и необходимо. Но

пока нет консолидации людей думающих и ответственных. Конечно, ВЭО — это не политическая партия. Но все же, то, что произошло с СССР и происходит в современной России — распад государства, разрушение экономики, демографический гуманитарный и научно-образовательный крах, — все это должно нас чему-то научить, запустить инстинкт самосохранения? Именно ученые, общественные деятели, выступив консолидированно, должны подсказать власти корень многих нынешних проблем. Философско-хозяйственное осмысление этой проблемы, в частности, в рамках уникального для современного научного мира Центра общественных наук при МГУ, позволяет думать совершенно однозначно: потрясение современной России обусловлено несостоятельностью в XXI в. рыночно-капиталистической экономической модели развития, которая культивируется в стране.

В таких условиях экономика развиваться не может, она может только деградировать, что и происходит. А где же 300 тыс. ученых Вольного экономического общества? Нынешний курс российского правительства на оптимизацию, а фактически сворачивание образования, науки, здравоохранения и культуры — это еще один вызов всем нам. Ведь нынешняя политика уже подорвала и дальше подрывает интеллектуальный потенциал нашей страны. Если ничего не делать, России в этом мире не выжить. Не может страна сохраниться, обладая 30% мировых природных ресурсов и производя 1% мирового валового продукта. Так что, работы у членов ВЭО в обозримой перспективе хватит, закончил свое выступление М.М. Гузев.

Выступивший далее на круглом столе заведующий кафедрой истории, зарубежного регионоведения и межкультурной коммуникации профессор **Д.В. Гарбузов** (Волжский гуманитарный институт) отметил что, капитализм представляет собой нечто большее, чем просто систему экономических отношений. Это, прежде всего, особый способ культурной организации общества. В применении к социуму эта система сложилась в европейской культуре в эпоху Нового времени. В частности, это произошло как результат гласного и негласного, целенаправленного и неосознанного договора, консенсуса, конвенции, смысл которой заключается в признании наличия в бытии человека *универсального эквивалента*, т. е. такого *онтологического артефакта*, на который можно обменять все, что входит в сферу жизненного мира человека. Воплощением, материализацией такого универсального эквивалента в рыночном капитализме становятся *деньги*. При этом нужно понимать, что сами по себе деньги вторичны, производны. Они всего лишь фиксируют наличие и признание идеального по своей природе *принципа универсальной эквивалентности*.

Чтобы осознать революционность принципа универсальной эквивалентности, нужно понимать, что до эпохи рыночного капитализма господствовали неэквивалентные системы символического обмена, основанные на *принципе насилия*. Насилие, что существенно, выступало не как эквивалентная сущность, а как граница, предел, на котором всякий обмен завершался, подчеркнул Д.В. Гарбузов. При этом формировалась жесткая асимметричная система социальных отношений и социального действия иерархического типа. Промежуточную форму составляет иудейский социум. В нем основополагающей системой символического обмена является закон, т. е. *нормированное насилие*. Это насилие с априорно заданными параметрами, ограничивающими его применение в каждом конкретном случае. Новый тип социума и символического обмена создало христианство. Принципам *насилия* и *закона* оно противопоставило *любовь* и *благодать*. Бог есть любовь, поэтому она тождественна только самой себе, самоценна и не обменивается ни на что остальное в сфере жизненного мира человека. Соответственно, любовь, как и насилие, выступала не в качестве эквивалентной сущности, а как граница, предел, на котором всякий обмен завершается.

В XX в. была реализована попытка заменить модель рыночного капитализма моделью коммунизма. Это также атавистическая система неэквивалентного символического обмена. Она основана не на открытии насилия и не на законе, а на *идеологии*, т. е. на априорной, телеологической системе ценностей. Это ценностно-рациональное, *аксиоматизированное насилие*. Насилие ради универсальных ценностей. Насилие ради *блага*. И капитализм и коммунизм — это редуccionистские системы. Если капитализм редуccionирует ценности, то коммунизм редуccionирует природу. Это постоянно генерирует катастрофический сценарий истории. Поэтому сегодня разрабатываются проекты симбиоза капитализма и коммунизма, т. е. эквивалентной и неэквивалентной моделей символического обмена. Одна версия реализуется в Китае, вторая — в Европе. Китайская *модель социализма* насколько возможно расширяет сферу универсальной эквивалентности, европейская *модель либерализма*, наоборот, создает зоны, экранированные от власти принципа универсальной эквивалентности. Обе эти модели не выглядят устойчивыми, но, скорее, представляются переходными формами. В частности, китайской модели, как и советской, угрожает радикальная трансформация в сторону эквивалентной системы рыночного капитализма, а для европейской модели, наоборот, открывается перспектива трансформации в сторону неэквивалентной системы символического

обмена, основанной на *принципе насилия*. Фетишизация некоторых идеологических и этических принципов, которую можно наблюдать в модели современного евро-атлантического либерализма, выводит их из системы эквивалентного обмена, и новый status-quo не может быть зафиксирован иначе, чем при помощи принципа насилия. Чем глубже эта модель будет проникать в систему социального обмена, тем шире будет распространяться сфера действия принципа насилия, сделал вывод профессор Гарбузов.

Профессор, д.э.н. **И.Р. Бугаян** (Северо-Кавказская академия государственной службы, г. Ростов-на-Дону) назвал свое выступление: «Философия хозяйства как фундаментальная основа для разрешения проблемы поиска модели хозяйственного развития России»

Хозяйство представляет собою диалектической единство своих оденеживаемой и неоденеживаемой частей, из которых первая и есть экономика, а вторая — его общественный сектор, отметил И.Р. Бугаян.

Соотношение между этими двумя частями в России имеет неизбежное отличие. Велика «русская даль — даль софийная!», на которую воздействие рыночного механизма не является решающим. Образно говоря, она не желает оденеживаться, поскольку обусловлена пространственной трансцендентией, вызывающей саму «русскость», писал об этом Юр. Михайлов в «Бликах и срезях». Объемное и качественное превосходство по сравнению с другими странами общественного сектора над оденеженным — с постоянно меняющимися, в частности, под воздействием НТР и НТП параметрами оптимума между ними — объективная данность и необходимость современной России. Установление этого оптимума — суть ее эффективного хозяйственного механизма.

Говоря о трансцендентности общественного в РФ, следует помнить и о нарастании метафизичности оденеживаемого сектора, внешне проявляющегося во все более явственном исчезновении материального носителя денег, а, тем самым, в необходимости иметь в каждой группе стран ныне неоднородного мирового хозяйства свою денежную субстанцию. Речь идет не только о БРИКС. В ЕС евро уже давно реальность.

Таким образом, обе стороны целого — хозяйства РФ: изначально трансцендентно — общественная и оденеженно — метафизическая, чтобы сохранить между собой единство, вынужденно по форме проявления сближаются, сохраняя при этом по сути и свою противоположность, и противоречивость. Тем самым, необходимость философско-хозяйственного подхода в поиске адекватного для РФ хозяйственного механизма нарастает, закончил И.Р. Бугаян.

Профессор, д.ф.н. **С.В. Сияков** (Национальный транспортный университет, г. Киев, Украина) остановился на выяснении места и роли государства как экономического субъекта в системе хозяйственных отношений. Государство, по его мнению, является одним из основных носителей экономического сознания. Поэтому важную роль имеет прояснение государственных идеальных экономических форм в экономических отношениях. Идеальные экономические формы — это, прежде всего, государственные программы и планы, показатели и нормы. Они — результат опредмечивания управленческого труда экономической элиты и чиновников. Государство есть главная движущая сила экономики. Единственный способ что-то изменить в нашей жизни к лучшему — это государственное проектирование, закончил профессор С.В. Сияков.

В своем выступлении д.и.н., профессор **С.П. Рамазанов** (Волжский гуманитарный институт) говорил о природе антироссийских политических и экономических санкций и идейно-политической и экономической деятельности в условиях таких санкций. По его мнению — если игнорировать словоблудие о целях таких санкций — то они ориентированы на дестабилизацию положения в России и поощрение войны на территории Украины, между Украиной и Россией или даже в Европе вообще. Вместе с тем, просматривается и тенденция в той или иной мере нивелировать санкции.

В этих условиях налицо противоречивость экономической политики политических элит России. С одной стороны, несомненны успехи в развитии оборонной сферы, подъем продовольственного сектора, успехи в фармацевтическом производстве, с другой — до сих пор практически ничего не делается для развития высоких технологий, предпринимаются однозначные акции по умерщвлению образования и науки.

Наблюдается и раскол политической элиты по отношению к санкциям. Так называемая «либеральная» часть элиты, одобряя санкции, стремится доказать, что без покорности Западу ситуация в России обречена на неудачу. Задачи национально-ориентированной части элиты — активизировать свою деятельность по обоснованию плодотворности экономического суверенитета и акцентированию на позитивных тенденциях в экономическом и идейно-политическом развитии России.

Такой акцент будет содействовать росту в сознании народа уверенности и оптимизма в успешном развитии страны. Вне такой уве-

ренности невозможно и ее поступательное развитие, подытожил С.П. Рамазанов.

Тему своего выступления д.э.н., профессор **К.В. Ким** (Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, г. Владивосток) обозначил так: «Россия будет прирастать Востоком». Очередной, саммит стран АТЭС (сентябрь 2015 г.) во Владивостоке собрал политическую и бизнесэлиту Тихоокеанского бассейна. Это еще раз подтверждает тот факт, что научно-практические прогнозы начала XX в. оправдались и стали реальностью для мирового сообщества. Современный центр международной экономики и торговли переместился в АТР. В этом регионе Россия занимает ведущее место. Она соединила Запад и Восток в единый торговый, транспортный, железнодорожный, морской узел для совместного участия в строительстве и эксплуатации евроазиатской транспортно-логистической инфраструктуры.

В октябре 2014 г. в Москве состоялся Шестой инвестиционный форум «Россия зовет!». Выступая там, президент РФ В. Путин дал ясно понять миру, что Россия определила свои экономические ориентиры и заверил, что Москва не заинтересована в сворачивании экономических связей с Европой, однако наиболее перспективным считает сотрудничество со странами Азии, в частности с Республикой Корея.

Большой вклад в реализацию «новой восточной политики» России внес саммит АТС во Владивостоке (сентябрь 2012 г.). Отношения между двумя странами развиваются. Они связаны с первыми официальными переговорами президентаов Пак Кын Хе и Владимира Путина в сентябре 2013 г. в рамках саммита G20 в Санкт-Петербурге. Вслед за этим президент Пак Кын Хе провела переговоры с президентом РФ в ноябре 2013 г. во время его официального визита в Республику Корея. По их итогам этих переговоров было принято совместное заявление, в котором стороны договорились об условиях сотрудничества в области «Евразийской инициативы» и в вопросах упрочения мира на Корейском полуострове».

Таким образом, сотрудничество этих стран было закреплено в совместных документах, которые позволят им начать воплощать совместные инициативы в рамках «Новой восточной политики» России и «Евразийской инициативы» Республики Кореи, подытожил К.В. Ким.

Доцент, к.э.н., **Ю.Н. Чернявская** (Волжский гуманитарный институт) посвятила свое выступление истории и современности формирования гражданского общества в России. Гражданское общество выступает общечеловеческой ценностью, оно обладает и общими для всего человечества характерными признаками и, в то же время, огром-

ное разнообразие конкретных условий становления, развития, функционирования гражданского общества и взаимоотношений с политической властью определяет его специфику как в зависимости от отдельных этапов истории каждой отдельно взятой страны, так и в зависимости от стадии ее общественного развития.

Вектор развития гражданского общества в России имеет свои особенности, подчеркнула Ю.Н. Чернявская, определяющиеся параметральными свойствами русской (российской) цивилизации. Одной из системообразующих и институциональных основ русской цивилизации, ее духовным фундаментом является соборность, характеризующаяся как стремление к общественному во всех сферах жизнедеятельности общества. Еще одной особенностью русской цивилизации является стратификация общества, размытость социальных и классовых границ, что создавало предпосылки для соборного согласования социальных интересов, что также определяет особенности становления гражданского общества в России.

Отмена крепостного права и другие реформы 1860—1870 гг., направленные на модернизацию, с учетом европейского опыта, экономической и политической сфер, были проведены на основе традиций русской жизни и потребностей индустриального развития. С этого момента можно говорить о формировании гражданского общества в России, которое соседствует с царизмом и традиционными формами самоуправления. Российское гражданское общество, имея более чем вековую биографию, пережило успехи и крушение, но сохранило свою самобытность и накопило богатейший опыт позитивного сотрудничества.

Современный период политико-экономического развития российского общества приблизился к тому этапу, который вызывает к необходимости ускоренного развития гражданского общества с учетом исторического опыта и современных реалий — во всех многообразных формах его проявления и возможностью реализации особенных, присущих только ему, экономических, социальных и политических функций, способствующих преодолению кризисных явлений во всех сферах жизнедеятельности российского социума, заключила Ю.Н. Чернявская.

Подытоживая работу круглого стола, профессор **Ю.М. Осипов** заметил, что в истории обычно происходит самое невероятное, и происходит всегда внезапно. Кто мог предсказать происходящую сейчас трансгрессию Европы? Настоящее демонстрирует, что Россия по-прежнему великая держава, поскольку без нее не могут решаться основные мировые проблемы, заключил Ю.М. Осипов.

Анонсы — 2016

Ломоносовские чтения — 2016

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

КРУГЛЫЙ СТОЛ

***М.В. Ломоносов и современная Россия:
возвращение утерянного***

Сегодня, в начале 2016 г., России остро необходим ломоносовский подход к себе самой и своему развитию: заинтересованный, энергический, конструктивный, пожалуй что, и мобилизационный. Производство, наука, образование, народонаселение, инфраструктура. На что ни кинь взгляд, везде мерещится либо сам Ломоносов с его неумной созидательной страстью — призрак гиганта-творца, ибо острая в Ломоносове нужда — призрак надежды, либо неприкрытая потребность в созидании, конструировании, обновлении, развитии — призрак деяния. Россия вновь сходится с подзабытым весьма Ломоносовым — и не ради чествования исторического героя-титана, а ради возвращения благополучно за четверть века утерянного — созидательного динамизма, как и нового удовлетворения ломоносовских относительно отчизны чаяний. Да будет Ломоносов и восстанут ломоносовские свершения!

Январь 2016 г.

*** * ***

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:**

***От теории к теории: какая экономическая теория
нам нужна***

Политическая экономия в тех образах, в которых когда-то сложилась и действовала, вспомнила свою историческую задачу, просвещая, зовя, ведя, не слишком при этом заботясь о своей онтологической достоверности, ибо идеологическая, обработочная и стимуляционная составляющая в ней всегда преобладала. Попав уже в середине XIX в. в кризис, политэкономия как политэкономия из него так и не вышла, превращаясь в нечто другое, уже не так политэкономическое, как чисто научное («искусство для искусства»), а именно, в экономикс, эконометрику, неоклассику (точнее, в неклассику), выходящая из себя идеологию, философию, сущност-

ность, в общем — всякую даже и идеологическую, функциональную, служебную метафизику. Теория обрела образ чистой — вполне уже и физической теории, оторвавшись от реальности еще более, чем политэкономическая теория. Теперь это уже была по преимуществу онаученная «игра в бисер», довольствующаяся собственной для себя ученой «заумью».

Однако теория экономики нужна — как обобщающий образ экономики, как целостное концептуальное видение экономической реальности, как ее смысловая quintessence, как понятийно-категориальная и методологическая культура, как фундаментальное образовательное основание-начало.

Какой же она должна стать — теоретическая экономия, причем прежде всего в качественном отношении, а не в количественном; с отображением и объяснением реальности, а не сонмом чисто умственных упражнений, не имеющих к реальности никакого отношения; с такой внешней презентацией, которая не довольствуется лишь с ней ознакомлением, а требует тщательного глубокомысленного изучения?

16 февраля 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Новый человек — кто и что он?

Есть человек и человек!

Неандерталец и кроманьонец — разные типы людей. Белые европейцы, черные африканцы и желтые китайцы — не одно и то же. Античные европеоид и современный европеец — разные по сознанию (метафизике) люди. Сегодняшнее время — особенно (стремительно) переменчивое (хаотическое) время. Возник новый, он же и чрезвычайно переменчивый, хаотический мир — мир уже совершенно искусственный. Человек, его создавший, теперь бытует исключительно в этом новом мире. И мир этот требует для себя и под себя уже другого человека, с другим сознанием, а то и телом.

Идет ли соответствующая мутация человека — как под влиянием нового мира и быстроходных перемен в нем, так и, быть может, по трансцендентному (не особенно и сознаваемому) стремлению самого человека? Что в итоге? Феномен нового человека! Если так, то что он такое, этот новый человека, да и кто он на самом деле?

15 марта 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Неоэкономика как высшая форма экономики

Неоэкономика — не часть, не особая черта и не частная особенность экономики, это новое бытие экономики, ее новая целостная форма, новый обобщающий образ, новое фундаментальное качество экономики.

Здесь не так обретение новых характеристик, как целостная качественная мутация, вполне адекватная переходу от эпохи Модерна к эпохе Постмодерна. «Нео» — новизна, но вот какая, причем не внешняя, не чёртовая, не формальная, а глубинная, объемная, сущностная?

Неоэкономика — другая экономика, но вот какая же, чем она отличается от экономики того же XX, не говоря о XIX, веков? Не является ли она уже некой сверхэкономикой с чертами постэкономики?

Секции:

1. Теоретическое осмысление неоэкономики
2. Прикладные аспекты неоэкономики

Апрель 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение»

Хозяйство творится человеком, а человек, будучи по преимуществу субъектом этнонациональным (региональным, «локальным»), имеет разное по генезису и типу сознание, а соответственно — и разное хозяйственное поведение. От понимания специфики разных сознаний зависит во многом и понимание ведущихся человеком хозяйств. Экономика и технологика, как и наука. Будучи значительно независимыми от «местных» характеристик, обобществляют человеческое сознание, ослабляют и нивелируют различия, но всегда не до конца, не до полной унификации сознаний и человеческого поведения, даже и сами они подвергаются немалой «спецификации». Так или иначе, сколько на земле сознаний, культур и цивилизаций, столько и хозяйственных воплощений.

Россия — большая этнонациональная локалия. Еще и разнообразная. Отсюда специфика хозяйственной России. Борьба с российской спецификой или ее использовать, нивелировать различия или их

учитывать. Однообразить страну или сохранять «цветущую сложность», сокращаться по поводу разнообразия или им довольствоваться?

Типологическая характеристика российского хозяйственного поведения. Гнаться или не гнаться за внешними образцами, опираться на свое нажитое или гнать его взапой? Особенности этнонационального управления хозяйственной жизнью. История, современность, перспективы.

Секции:

1. Этнонациональное сознание и специфика реализации хозяйства.
2. Особенности хозяйствования в России: история, современность, перспективы.

Июнь 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

III ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

«Средняя Россия: земля и люди»

на тему

**«Перемены, которые есть, которые нужны
и которых нет»**

В аграрной сфере России наблюдаются некоторые позитивные перемены: рост производства, увеличение экспорта сельхозпродукции, нарастание импортозамещения, изменение производственной структуры. Что реально происходит в Средней России, на Тамбовщине, на мучкапской земле? Проблем, конечно, хватает, но... может... есть и движение вперед, нарастает надежда. Брезжат перспективы? Чего не хватает сейчас в стране, в политике государства, чтобы достичь целей полноценного развития аграрной сферы?

Июль 2016 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
Место проведения: Мучкапский район Тамбовской области

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Российское системное перестроение
как стратегическая неизбежность:
неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»**

Предлагаемое мероприятие отвечает как текущему бытию российского общества, прежде всего состоянию и движению национальной экономики, переживающей заметный конъюнктурный и уже хронический структурный кризис, так и потребностям научно-мировоззренческого осмысления протекающей проблемы и турбулентно российской (вкуче с мировой) действительности. Отсюда несомненная актуальность мероприятия, преследующего цель не только всестороннего анализа возникших ситуаций, но и выработки концептуальной картины необходимых (по-своему уже и неизбежных) перестроенческих перемен в России, ее национальном хозяйстве (с учетом новейших мирообусловленных положительных и отрицательных для страны процессов).

Концепт мероприятия носит фундаментальный характер, предполагая наряду с прикладным освещением текущей реальности ее глубокое концептуальное осмысление с учетом новейших онтологических перемен и тенденций, что также предопределяет востребованную временем гносеологическую преобразовательную и функциональную новизну.

Итогом мероприятия станет выдвижение, обоснование и утверждение концепции российского системного перестроения (не перестройки, а именно перестроения), столь потребного России в настоящий исторический момент, полный не одних кризисных явлений, структурных проблем и инерционных препятствий развитию, но и вполне обозначившихся угроз самому бытию России, ее целостности и будущности.

2—4 декабря 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2016 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, до 13 ноября 2016 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

* * *

17—18 сентября 2015 г. в г. Тамбове директор ЦОН Ю.М. Осипов принял участие во Всероссийской научной конференции «Развитие политико-экономической мысли в современной России», состоявшейся в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина, и выступил с пленарным докладом «Особенности политической экономии в современных условиях: философия хозяйства».

* * *

А.И. Колганову — 60

Трудно поверить в шестидесятилетие **Андрея Ивановича Колганова** — всегда молодого, энергичного, мобильного! Однако это так! Крупный ученый, превосходный аналитик, известный публицист. Андрей Иванович в отличной творческой форме, а выпавший на его долю юбилей лишь повод к взятию новых интеллектуальных вершин. Да будет!

* * *

11 октября в рамках X фестиваля науки МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась публичная дискуссия на тему «Нужна ли экономистам философия?», на которой выступил д.э.н., профессор Ю.М. Осипов.

* * *

14 октября 2015 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся научно-методологический семинар на тему: «Неравенство как экономическая проблема». Модератор — д.э.н., профессор А.А. Аузан. На семинаре выступили доктора наук Ю.М. Осипов, А.И. Колганов, В.Л. Тамбовцев, кандидат наук О.В. Буклемишев.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

ГОРЮНОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

преподаватель, кафедра менеджмента и маркетинга, Московский финансово-юридический университет (*lim05.59@mail.ru*).

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по качеству образования, Смольный институт РАО (г. Санкт-Петербург); Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова (*subal1937@yandex.ru*).

СОЛОМИН ИГОРЬ ЛЕОНИДОВИЧ,

к. псих. н., доцент, кафедра прикладной психологии, факультет экономика и менеджмента, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. (*igorsolomin60@gmail.com*).

ЮРЬЕВ ВЛАДИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ,

почетный член АФХ, д.э.н., профессор, ректор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, заслуженный деятель науки РФ (*rector@tsu.tmb.ru*).

БАБАЯН ВИЛЕН ГУРГЕНОВИЧ,

к.х.н., старший научный сотрудник, институт фундаментальных исследований, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (*kaf-mej@yandex.ru*).

КРОПИН ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра денежно-кредитных отношений и монетарной политики, Финансовый университет при Правительстве РФ (*kropin.yury@yandex.ru*).

КАШИЦЫН ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск) (*kash_vic@mail.ru*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (*koptelova2210@rambler.ru*).

КУЗНЕЦОВ АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ,

аспирант, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*tony.kuznetsov@gmail.com*).

БАРАШКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

аспирант, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*olga_barashkova@mail.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

д.ф.н., профессор, кафедра истории, методологии и философии науки, Нижегородский государственный университета имени Н.И. Лобачевского (*kut.va@mail.ru*).

НИЛОГОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета (г. Абакан) (*NILOGOV1981@yandex.ru*).

ГЕВОРКЯН АРТУР РУДОЛЬФОВИЧ,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра онтологии и теории познания, философский факультет МГУ (*argevorkyan@yandex.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*nnrostova@yandex.ru*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель, Центр кризисологических исследований, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (*ocean_65@mail.ru*).

ОКЕАНСКАЯ ЖАННА ЛЕОНИДОВНА,

д.культурол.н., к.филол.н., профессор, кафедра гуманитарных дисциплин, Ивановская пожарно — спасательная академия ГПС МЧС России; кафедра истории и культурологи, Ивановский государственный химико-технологический университет; кафедра культурологии и литературы, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (*ocean_65@mail.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина) (*olga_zemtsova@ukr.net*).

НЕЧУХРИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.и.н., профессор, кафедра всеобщей и славянской истории, декан, факультет истории, коммуникации и туризма, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Белоруссия) (*anech@grsu.by*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Институт бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*manageral@mail.ru*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.полит.н., профессор, кафедра политических наук, Кемеровский государственный университет; Центр изучения евразийского пространства (г. Новосибирск) (*supergri@rambler.ru*).

НИПА СВЕТЛАНА СТАНИСЛАВОВНА,

член-корреспондент АФХ, к.с.-х.н., научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*nipa-ss@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*tsmsu@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (*eszotova@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2015 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и прилегающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов). К статье должны прилагаться: сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Представленные к опубликованию материалы должны соответствовать профилю журнала и формальным требованиям, пройти процедуру рецензирования и получить рекомендацию к публикации от редколлегии журнала.
2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).
3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.
4. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.
5. Окончательное решение относительно публикации материалов принимается главным редактором.
6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. При поступлении запроса в Министерство образования и науки Российской Федерации могут быть предоставлены копии рецензий.
7. Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации статьи автору направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования.
8. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии по статье без указания имен рецензентов.
9. Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в сети Интернет.
10. Журнал является открытым — любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.